

Антология Сатиры и Юмора России XX века

«КРОКОДИЛ»

ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

КРОКОДИЛ

№ 25 • сентябрь • 1986

он постов,
науку.

№ 145 7 МАЯ 1987

КРОКОДИЛ

№ 1 (13).

КРЕСЕНЬЕ
ЮТА 1922 ГОДА

Объявление о журнале "Крокодил" принимается по цене 1 рубль. 1 страница — 50,000 р., 1/2 стр. — 27,500 р., 1/4 стр. — 15,000 р. в газетной печати. Адрес: Огневский бульвар, Путилково, г. Москва.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

(РАБОЧНИК) Ежедневное издание

№ 6

— Неожиданное приключение

— Стихийная катастрофа

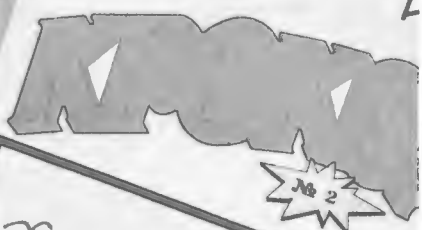
КРОКОДИЛ

№ 11

АПРЕЛЬ 1989

ЯНВАРЬ • 1992

КРОКОДИ

№ 25 • сентябрь • 1986

он постов,
маусу.

КРОКОДИЛ

№ 1 (13).

КРЕС
уста 192

РАБОЧАЯ Г

(РАБОЧНИК). Еженедельное издание.

КРО

№ 6

Неожиданное прилож

От автора,

Антология Сатиры и Юмора России XX века

И

И

И

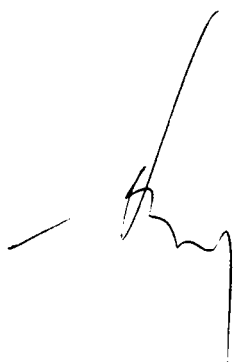

ВО ГЛАВЕ С «КРОКОДИЛОМ»
ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

«КРОКОДИЛ»

ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

МОСКВА «ЭКСМО» 2007

УДК 82
ББК 84(2Рос-Рус)
К 83

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

«Крокодил» всех времен и народов

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Дизайн обложки Ахмед Мусин

Издательство «Эксмо» благодарит редакцию журнала «Крокодил»
за предоставленный из архива иллюстративный материал

Составители тома Ю. Н. Кушак и А. С. Пьянов

К 83 «Крокодил» всех времен и народов. Антология Сатиры
и Юмора России XX века. Том 49. — М.: Эксмо, 2007. —
544 с.: ил.

УДК 82
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-699-19856-6 (т. 49)
ISBN 978-5-04-003950-6

© А. С. Пьянов, составление, 2007
© Ю. Н. Кушак, составление, 2007
© ООО «Издательство «Эксмо»,
оформление, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Пьянов

СМЕХ И СЛЕЗЫ «КРОКОДИЛА» 22

ВИЛЫ В БОК! (1922–1940)

Владимир Маяковский

НАТЕ – БАСНЯ О «КРОКОДИЛЕ» И О ПОДПИСНОЙ ПЛАТЕ 33

Демьян Бедный

КРАСНЫЙ КРОКОДИЛ – СМЕЛЫЙ ИЗ СМЕЛЫХ! –
ПРОТИВ КРОКОДИЛОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ 35

Александр Архангельский

ЕЩЕ ОДНА ГОЛОВА 36

Валентин Катаев

КИНОМИТЬКА 37

Александр Твардовский

СИДЯТ И СМОТРЯТ 40

Василий Лебедев-Кумач

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА 42

Юрий Олеша (Зубило)

ГУЛЛИВЕР 44

Эдуард Багрицкий	
ПЕСНЯ О СОЛДАТЕ	47
Вера Инбер	
У НАС ВО ДВОРЕ	49
Илья Ильф	
Евгений Петров	
ИХ БИН С ГОЛОВЫ ДО НОГ	51
Вячеслав Шишков	
ОПЕЧАЛЕННАЯ РАДОСТЬ	56
Рина Зеленая	
КУЛЬТПОХОД	61
Михаил Кольцов	
ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ	63
Михаил Светлов	
ПЕРЕКЛИЧКА	68
Арго	
ТОВАРИЩ БЕРАНЖЕ	71
Д'Актиль	
КОЛЕСА И ПОЛОЗЬЯ	73
Михаил Пустынин	
ГОТОВЬТЕ КАБИНЕТ!	76
Виктор Шкловский	
ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ, ВЕРНУВШЕЙСЯ НА РОДИНУ	77
Навел Васильев	
ТЕРНОВСКАЯ ОКРУГА	79

Борис Горбатов
ВОПРОС ДОКЛАДЧИКУ 82

Илья Эренбург
В ДЖУНГЛЯХ ЕВРОПЫ 86

Барвара Карбовская
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ 91

Максим Горький
РАЗГОВОР ПТИЦ 95

Лев Кассиль
В ЧАДУ ЧАДОЛЮБИЯ 99

Константин Симонов
БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ 103

Нарочно не придумаешь 105

...К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО (1941—1960)

Владимир Дыховичный
ТЫ МОРЯК, МИШКА 121

Николай Асеев
ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА В ЧАСТУШКАХ 123

Михаил Зощенко
РОГУЛЬКА 125
НЕКРОЛОГ 127

Сергей Васильев
НИХТ ГУТ, ГОСПОДА ОККУПАНТЫ! 130

Григорий Рыклин

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ 132

Семен Кирсанов

СОН ЗЛОВЕЩИЙ, ЗЕЛО ВЕЩИЙ 134

Алексей Толстой

КАРТИНА 136

Вл. Масс

Мих. Червинский

НА ВАШЕМ МЕСТЕ 137

Михаил Пришвин

ШОФЕРСКАЯ ЧЕСТЬ 140

Сергей Наровчатов

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ 142

Расул Гамзатов

ЗАПОЗДАВШИЙ ГОСТЬ 144

Эмиль Кроткий

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО 146

Иван Рябов

НАСЛЕДНИЧКИ 148

Иван Бунин

ИСТОРИЯ С ЧЕМОДАНОМ 152

Николай Доризо

БАЛЛАДА О «ТАК НЕ БЫВАЕТ» 158

Владимир Дыховичный,

Морис Слободской

БАЛЛАДА О ГОРОДЕ КАМПАНЕЙСКЕ 159

Тригорий Рыклин

НАКАЗАННЫЙ ОБМАНЩИК 162

Сергей Смирнов

КОРОТКИЕ БАСНИ 166

Виктор Ардов

ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ... 169

Нарочно не придумаешь 174

САТИРИЧЕСКИЙ КОКТЕЙЛЬ (1981—2000)

Владлен Бахнов

СОБАЧИЙ ВАЛЬС 185

Юрий Белявский

МУЗА И БУЛЫЖНИКОВ 187

Валентин Берестов

ВЕСЕЛЫЕ НАУКИ 191

Самоил Бирман

КАРМАН И РОМАН 198

ПАЛЬТО И ШАПИТО 198

В. А. — ДРУГУ 199

МОЙ ЗНАК 199

Юрий Благов

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК 200

САЛОННЫЙ РАЗГОВОР 200

БЕССТРАШНИЦА 200

ЕЩЕ О КЛИМАТЕ 201

Чикита Богословский

ПОСЛЕ ПОЛУЧКИ 202

Виктор Боков

КОСТЕР 205

В МЕТРО 205

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ 206

КОЛЕСО 206

ОСКОЛКИ 207

ИЗЯЩНЫЙ ПОСТУПОК 207

НЕ ТРОНЫ 207

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ 207

Борис Брайнин

ЭПИГРАММЫ 208

Константин Ваншенкин

«ХОТЕЛ БЫ Я ПРОНИКНУТЬ В ЭТОТ МОЗГ!...» 214

ПОРТРЕТ 214

ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТИКИ 215

«В РАННИЙ ЧАС В БЕРЕЗОВЫХ ХОРОМАХ...» 215

К ПОРТРЕТУ 215

Евгений Вербин

МОНОЛОГ-ТОСТ В СОПРОВОЖДЕНИИ ВНУТРЕННЕГО ГОЛОСА 217

Марк Виленский

АНЕКДОТ С СОБАКОЙ 218

Семен ВИШНЕВСКИЙ

ПО СРЕДНЕМУ ИСЧИСЛЕНИЮ, ИЛИ РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ 221

ПРОБЛЕМА 222

Александр Вихрев	
ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ	223
ЛУЧ НАДЕЖДЫ	225
Владимир Вишневский	
ЛИРИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ	227
Михаил Владимов	
МУРАВЕЙНИК ПОД МЫШКОЙ	233
ШИРОКАЯ НАТУРА	234
В КОПЕЕЧКУ	234
Андрей Внуков	
ПАМЯТКА ХУЛИГАНУ	236
Андрей Вознесенский	
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	237
НОСТАЛЬГИЯ БЛАТНЫХ ДВОРОВ	238
Николай Глазков	
КРАТКОСТИШИЯ	239
ВОРОН	242
Петр Градов	
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	243
ДЕСЯТЬ ЛЕТ	243
«ОБОКРАЛИ ДРУГА...»	243
СОВЕТ	244
ПОБЕДА!	244
ГРИБНОЙ ГОД	244
Марк Григорьев	
ГАРМОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ	245

Евгений Гуров	
ЦАРЬ-КОЛОКОЛ	248
Андрей Дементьев	
ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ	251
В САДУ	251
ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	252
Валентин Дёмин	
НАУКА И СЕКС	253
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА	253
Олег Дмитриев	
Я ЗДЕСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ!	254
ПУТЬ НА СВИДАНИЕ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ МОСКОВСКОГО ГОЛОЛЕДА	256
СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ	256
Сергей Довлатов	
ПОБЕДИТЕЛИ	258
Виктор Драгунский	
МУХИ	260
Герман Дробиз	
ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА	263
Евгений Дубровин	
ЗЕЛЕНый КОСТЯ И СТАЛЬНОЙ СТАС	267
Михаил Дудин	
ЭПИГРАММЫ	271
Евгений Евтушенко	
КОМПРОМИСС КОМПРОМИССОВИЧ	275

Николай Елин	
Владимир Кошаев	
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...	277
Александр Жуков	
О БЕСЧИНСТВЕ	281
«ЧТО ЯЗЫК НИ НАПЛЕЛ БЫ, А ПАМЯТЬ ЛГУНА...»	281
«ТО ВЕЗЕТ, ТО НЕ ВЕЗЕТ...»	281
Леонид Жуховицкий	
ГОРАЗДО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ	283
КЛАДБИЩЕ В ЕЛАБУГЕ	285
Михаил Задорнов	
ДЕЛА НА ГОД	290
Валерий Золотухин	
МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ГЕОРГИЙ-ПОБЕДОНОСЕЦ ВОЛЫНСКИЙ	293
Леонид Зорин	
ИЗ ЗЕЛЕННЫХ ТЕТРАДЕЙ	296
Александр Иванов	
ПАРОДИИ	298
Дм. Иванов	
Вл. Трифонов	
ПО РАСЧЕТУ	303
Лион Измайлов	
СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ	307
БЕЗ ОГЛЯДКИ	309
ЧУШЬ КУРЯЧЬЯ	310

Римма Казакова

САПОЖНИК 312

КИНОГЕРОЙ 313

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННОЙ ДЕВЧОНКИ 314

Михаил Казовский

СКВАЖИНА 316

НА ВОДАХ 319

ТАЙНА ОНУФРИЯ 320

Инна Кашежева

СТИХИ ОТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ 323

«ПРИВЕТ...» 324

ЕЩЕ РАЗ О БРАТСТВЕ 324

МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК 325

«ИЗМУЧЕН НЕУДАЧАМИ, КО МНЕ...» 325

РЕДАКТОРУ ПЕРВЫХ САТИР П. Ф. ХМАРЕ 326

ВСТРЕЧА 326

ОЛЕГУ ДМИТРИЕВУ,
КОТОРЫЙ, ПРОВОДЯ ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ
НА БРЕВНАХ ВОЗЛЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ»,
ОДНАЖДЫ... 327

АВТОГРАФ 327

ВОТ Я! 328

СЕРЕНАДА СТАРОМУ «ЗАПОРОЖЦУ» 328

ПОДРАЖАНИЯ 329

Руслан Киреев

РАССКАЗИКИ 330

Тригорий Крошин

ЗДРАСТЬЕ—ПРИВЕТ... 335

КОСТИ ДЛЯ ШЕФА 336

ПАНИКА 337

Борис Крутиер

КРУТЫЕ МЫСЛИ 339

Андрей Кучаев

МОЗГОВАЯ КОСТОЧКА 340

АКТ 342

Наум Лабковский

САТИРИЧЕСКИЕ СТРОФЫ 345

Борис Ласкин

ОДНО СПАСЕНИЕ 349

Иммануил Левин

МОЦИОН С ПОВЯЗКОЙ 353

ЗОЛУШКА-ЗООЛУШКА 354

Леонид Ленч

«СМЕШНОЙ ЧЕЛОВЕК» И МЫ, ПИЖОНЫ 356

Леонид Лиходеев

ЗАКОН И ОБЫЧАЙ 359

КОРЬ 363

КИРПИЧИ 365

Николай Монахов

ВСТРЕЧА БЫЛА ДЛЯ ОБОИХ НЕЖДАННОЙ... 367

Осип Мандельштам

АННЕ АХМАТОВОЙ 370

К. МОЧУЛЬСКОМУ 372

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ 372

АНТОЛОГИЯ ЖИТЕЙСКОЙ ГЛУПОСТИ 372

Алексей Марков

КВАРТЫ 374

Сергей Михалков

ПРОБЛЕМА ИШАКА 376

Сергей Мнацаканян

«ЗОЛОТАЯ ЛИРИКА КАНЦЕЛЯРИЙ» 377

Александр Моралевич

КОЧЕГАР ВОЛОШИН 381

Семен Нариньяни

СВАТОВСТВО НА АРБАТЕ 388

Леонид Наумов

ИНТЕРВЬЮ 394

ИНСТРУКЦИЯ 396

Евгений Обухов

ИНСТРУКЦИИ ОТЕЧЕСТВА ЛЮБЯ... 398

Сергей Островой

РАЗГОВОР С КРИТИКОМ 399

СТАРЫЙ БЕС 400

ПРОСТАК 400

ЗАПОВЕДЬ 401

Лев Ошанин	
«КАК ПОЭТ...»	402
В НЕСКОЛЬКО СТРОК	402
ГОРОД ПРОЛЕТАЙСК	404
«КЕМАРИЛИ ЛЮДИ, ХРАПЕЛИ БАСОМ...»	405
«ОН ГОД В МОИХ ДРУЖКАХ ХОДИЛ...»	405
Зиновий Паперный	
ЗАЛЕЗАЯ В ДУШУ...	406
Людмила Петрушевская	
ДВЕ СКАЗКИ	409
Владислав Победоносцев	
ТО ДА СЁ	412
Ян Полищук	
ВОСХОЖДЕНИЕ	415
Вадим Полуян	
ЗАСУХА	418
САМОСПАСЕНИЕ	419
ДЕТИ ПОЛНОЧИ	419
ЭЛЕКТРОПОЕЗД	420
Борис Поюровский	
ШЕФСКИЙ КОНЦЕРТ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ	422
Эдуард Полянский	
УКУС, ЕЩЕ УКУС...	425
Алексей Пьянов	
ПАРОДИИ	427

Михаил Раскатов

МОНОЛОГ ОТЕЛЛО 431

Борис Рацер

Владимир Константинов

«НАМ ТАКОЙ ХОККЕЙ НЕ НУЖЕН!» 433

НОВАЯ ПОРА 434

ЭПИГРАММЫ 434

Илья Резник

ЭПИГРАММЫ 437

Владимир Рецептер

ПРИВЕТ ЗНАКОМОМУ ЧИНОВНИКУ 439

«ТЫ ЗАМЕТИЛ, КАК ЧАЙКА СВАРЛИВА...» 440

Роберт Рождественский

ДЕЯТЕЛЬ 441

БИБЛЕЙСКОЕ 441

Николай Рындич

КТО ПОСЛЕДНИЙ? 442

Эльдар Рязанов

«СТИХ – СОСТОЯНИЕ ДУШИ...» 444

«КАКИЕ ЗВОНКИЕ РЕБЯТА...» 444

АВТОПОРТРЕТ 445

«ЕСТЬ ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ...» 445

Инна Савельева

ЭКЗОТИКА 447

Байрам Салимов

ЧУТЬ ПОСПЕШИЛ 449

СВЕТ ЗНАНИЙ 449

СТИХИ ГРУСТНОГО СОРТА 450

О ДРУГОМ СЛЕЗЫ 450

Сергей Сатин

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ 452

ОЧЕВИДНОЕ 453

Владимир Свиридов

СЕКРЕТ МАСТЕРА ОСЕТРОВА 454

Мануил Семенов

ПРИРУЧЕНИЕ БЮРОКРАТИЗМА 457

Александр Сивицкий

Юрий Тимьянский

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ 462

Борис Слуцкий

ТАКИЕ ВРЕМЕНА 464

Сергей Смирнов

САТИРИЧИНКИ 470

Святослав Спасский

В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ 474

Вячеслав Сысоев

СУХАЯ ЛОЖКА РОТ ДЕРЕТ 477

Александр Суконцев

НОТАЦИЯ 480

Анатолий Трушкин

ТОСТ 481

ГОЛОС СОВЕСТИ 482

Дмитрий Филимонов

ЮНОЙ ХУДОЖНИЦЕ 484

СТЕРИАЛИЗМ 484

Елена Флорентьева

Леонид Флорентьев

АМБА 486

Навел Хмара

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ 490

Алексей Ходанов

СТАРЫЙ НОВЫЙ ДРУГ 494

Александр Хорт

ДОЛОЙ МАФИЮ! 498

Елена Цугулиева

МОНА ЛИЗА ИВАНОВНА 500

Матьяна Шабашова

ЗАПИСКИ ВЕРНИСАЖЕНЦА 505

Евгений Шатько

ТАЙНА ТВОРЧЕСТВА 508

СЫН РИСУЕТ КОШКУ 511

Илья Шатуновский

КОЗЕРОГ 514

Михаил Шевченко

ВОРОБЕЙ И ПОГОДА 519

НА ПАХОТЕ 519

Виктор Шендерович

ЦВЕТЫ ДЛЯ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА 521

Виктор Широков

МЕРА 526

СЛОНОВОСТИ 527

В ОЧЕРЕДИ 528

Николай Энтелис

КЛИМ И КЛИМАТ 529

Борис Юдин

КЛАССИКИ О СОВРЕМЕННОКАХ 532

Нарочно не придумаешь 535

Алексей Пьянов

СМЕХ И СЛЕЗЫ «КРОКОДИЛА»

Нам жить без юмора нельзя,
Здоровый смех — источник силы.
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть без «Крокодила»!

А. Сивицкий, Ю. Тимьянский

«Крокодил» — журнал легендарный.

Былями, небылицами, легендами и завиральщинами густо оброс он почти за девяносто лет своего существования. Поводов для этого было более чем достаточно.

Начать хотя бы с того, что в отличие от всех своих братьев — серьезных и веселых — у «Крокодила» два дня рождения, которые он и его читатели отмечают с одинаковой веселой торжественностью.

Для былей и небылиц есть и еще один повод — странное, неожиданное имя издания, появившееся на свет по решению ЦК партии большевиков, которое (ЦК) шутить, как мы знаем, не любило.

Так почему именно «Крокодил», а не, скажем, более уместное для той поры название — «Пролетарская метла»?

Этот вопрос до сих пор задают крокодильцам многочисленные читатели журнала — на встречах с ними, в своих письмах.

Известно несколько историй, связанных с этим не совсем привычным для России земноводным, удостоившимся такой высокой чести — дать свое имя советскому изданию, да еще в то время, когда нам (стране, народу) было вроде не до смеха.

Одну из этих историй (былей, небылиц) охотно рассказывал якобы знавший ее чуть ли не из первых уст и

нам в редакции, и читателям знаменитый сатирик Леонид Ленч, ставший преданным крокодилем чуть ли не с первых номеров журнала. Так вот по Ленчу выходило, что название новому изданию придумал сам... Ленин! А придумав, позвал Луначарского и вроде бы сказал ему:

— Как вам, Анатолий Васильевич? Подойдет такое имя новорожденному? Это ведь будет журнал не просто политической сатиры, а сатиры пролетарской. Смелый, по-крокодильи зубастый, беспощадный к врагам трудового народа. Согласны? Ну тогда, пожалуйста, передайте наш разговор товарищам, которые занимаются этим архиважным делом, но поделикатнее, не как указание партии.

Луначарский передал. Товарищи согласились.

Вторая история — более будничная, без громких имен. За окном занялось утро нового дня, а в кабинете главного редактора нового журнала продолжались горячие споры о его названии. Вдруг без стука отворилась дверь и в комнату с ведром и шваброй вошла уборщица. Поставив орудия труда на пол, она замахала руками и сердито крикнула:

— Ну и надымили вы тут, крокодилы! Дышать нечем!

В кабинете на мгновение воцарилась тишина, которую оборвал радостный крик главного:

— «Крокодил»! Конечно, «Крокодил»! А, товарищи?!

Обалдевшие от табака и дискуссий товарищи дружно подняли руки.

Эту легендарную историю доводилось слышать из уст старейшины сатирического цеха народного художника СССР, Героя Социалистического Труда, академика, шестилетнего Бориса Ефимова, чей рисунок украшал первый номер новорожденного журнала.

Но хватит легенд и преданий. Как говорил герой любимых авторов «Крокодила» — Ильфа и Петрова, — оставим небо птицам и вернемся на землю.

На земле же достоверно известно, что журнал «Крокодил» родился летом 1922 года в бывшем трактире купца Воробьева, что в Охотном ряду, где собралась горстка молодых, веселых, талантливых людей во главе с бывшим балтийским матросом, профессиональным революционером, проводившим почти двадцать лет в царских тюрьмах,

ссылке и эмиграции, одним из организаторов штурма Зимнего, журналистом партийной печати, блестящим организатором и мудрым редактором, заядлым курильщиком, не выпускавшим трубки изо рта даже во сне, как шутили его друзья, Константином Степановичем Еремеевым, которого коллеги называли «дядей Костей».

Однако в трактире состоялось уже второе рождение журнала.

Первое произошло несколькими месяцами раньше. И не в трактире, а в ЦК партии, куда Еремеев пришел с запиской о необходимости создания массовой рабочей газеты. Бумагу, принесенную дядей Костей, быстро рассмотрели (у него был весьма высокий авторитет в высоких сферах), и, как пишет один из биографов Константина Степановича — Илья Кремлев, состоялся короткий деловой разговор.

— Вот тебе три тысячи рублей золотом, — сказали ему, — делай с ними, что найдешь нужным. И учти, больше денег от нас не получишь.

Вскоре золотые червонцы превратились в газету «Рабочий». А некоторое время спустя неугомонный курильщик придумал иллюстрированное приложение к ней, что, в сущности, явилось зачатием нового сатирического журнала. Успех веселого и острого иллюстрированного издания был так велик, картинка, исполненная талантливыми карикатуристами, так смешна и доходчива до «широких масс трудящихся», что однажды дядя Костя, собрав редакцию, сказал:

— Нужен журнал! И не будем тянуть канитель, товарищи.

И опять Еремеев пошел в ЦК. И опять ему сказали:

— Давай!

Тут для точности повествования обратимся к мемуарам. Вот что много лет спустя написал по поводу рождения «Крокодила» один из его «постояльцев» И. Абрамский.

«Помню, как первый директор издательства «Рабочей газеты» А.И. Ратнер пришел к дяде Косте и драматически застал:

— Поймите, Константин Степанович, так больше продолжаться не может! В четверг мы должны начать печатать журнал, а названия нет...

Немедленно была дана команда: «Свистать всех наверх!» Через пять минут в кабинете редактора началось последнее авральное совещание по вопросу о названии журнала.

Это ответственное совещание началось в два часа, но и в девять часов вечера, когда комната успела до отказа заполниться густыми облаками табачного дыма, названия еще не было. «Заноза», «Репейник», «Крапива», «Жало», «Перец», «Оса», «Ёж», «Шмель», «Ёрш», «Ястреб», «Волкодав», «Скорпион» были похоронены одно за другим...

— А почему не назвать наш журнал «Крокодил»? — неожиданно предложил Сергей Гессен, член редколлегии «Рабочей газеты».

И тут дядя Костя стукнул кулаком по столу, вынул изо рта неизменную трубку, что он делал только в особо ответственные минуты, и безапелляционно возвестил:

— Журнал будет называться «Крокодил»!

Встал и, перекрывая своим сильным голосом шум в комнате, спросил:

— Кто редактор будущего журнала?

— Вы, дядя Костя!

— Так вот, объявляю во всеуслышание: журнал будет называться «Крокодил». Постановление окончательное и обжалованию не подлежит! А как сделать крокодила симпатичным и даже обаятельным — это уже зависит от вас, художников и литераторов».

27 августа 1922 года, в воскресенье, вышел тринадцатый номер приложения к «Рабочей газете», но теперь уже с названием «Крокодил» и №1, своим собственным. Однако из уважения к родителю в скобках вслед за ним значилась цифра 13. А ниже, под знаменитым рисунком Ивана Малютина, на котором впервые появился крокодил, значилось: «Неожиданное приложение»... На самом же деле это было не совсем точно: такое приложение давно ждали читатели.

Популярность нового сатирического издания была поистине фантастической. Мало того! У «Крокодила», совсем юного и, казалось бы, к детородству по возрасту неспособного, появилось многочисленное потомство. Вот лишь краткий перечень членов веселого семейства, обособовавшегося во многих городах страны: «Сын крокоди-

ла», «Газета крокодила», «Военный крокодил», «Крокодил луганский», «Рижский крокодил», «Крокодиленок», «Безбожный крокодил», «Крокодил на Западной Украине», «Крокодил» («Нианги», Тбилиси)...

Трудно поверить, но, как свидетельствуют авторитетные источники, после создания «Крокодила» в стране появилось 240 (!) сатирических и юмористических изданий!

Ну а что сам фундатор?

Под мудрым и деятельным руководством дяди Кости он наращивал сатирические мускулы и тираж, множил ряды карикатуристов и писателей, в первой шеренге которых стояли такие известные еще по «Сатирикону» мастера, как Д. Моор, И. Малютин, М. Пустынин. Поистине феноменальный успех журнала определили многие обстоятельства, но прежде всего то, что это было издание нового типа, принципиально отличающееся по многим своим параметрам от прежних собратьев по цеху. Не отвергая лучшие традиции, а модернизируя и углубляя их, «Крокодил» следовал ленинской формуле, определяющей советскую печать не только как коллективного пропагандиста и агитатора, но и как коллективного организатора.

Еремеев, смелый и легкий в общении человек, с первых номеров сделал ставку на мастеров, людей талантливых и изобретательных, преданных жанру, в котором для него «высшей планкой» сатиры был Салтыков-Щедрин. Так, отделы журнала возглавляли Александр Архангельский, Демьян Бедный, Александр Серафимович. Авторами «Крокодила» стали писатели и художники, коих мы уже давно почитаем как классиков: Маяковский, Горький, Катаев, Твардовский, Олеша, Багрицкий, Шишков, Пришвин, Барто, Уткин, Бухов, Д'Актиль, Колосов, Заславский, Ландау, Зозуля, Светлов, Ильф и Петров, Арго, Инбер, Кольцов, Эренбург, Ленч, Шкловский, Маршак, Кирсанов, Антокольский, Асеев, А. Толстой, Горбатов, Зощенко, Кукрыниксы, Дени, Ротов, Бродаты, Семенов, Ганф, Ефимов, Пророков, Елисеев...

Их усилиями «Крокодил» с первых своих номеров стал журналом не для агитпропа ЦК, а для читателей, журналом поистине народным, острым, смелым, талантливым.

Сейчас кажется невероятным, но тогда было привыч-

ным делом встретить на его страницах карикатуры и шаржи на Ленина и других вождей партии и страны, фельетоны под грозной рубрикой «Вилы в бок!», дожившей да наших дней, героями которых были чиновники самого высокого ранга. Это потом, в тридцатые годы, партия определила для своей прессы, в том числе и для «Крокодила», который со временем стал изданием газеты «Правда», высоту сатирической планки: судить не выше сапога. Думаю, не надо объяснять, чей сапог имеется в виду.

А тогда...

Тогда одна за другой рождались знаменитые рубрики «Крокодила»: «Нарочно не придумаешь», «Ба! Знакомые всё лица!», «Типы, уходящие в прошлое», «Дорогой «Крокодил»!», «Сообщаем адреса», «Мои клиенты». Тогда еще не были, к счастью, сформулированы принципы «положительной сатиры». И для крокодильских вил можно было выбирать любую мишень, которая того заслуживала. Под его сатирическим прицелом была и наша родная нечисть, и международный империализм. Он боролся с бюрократизмом и неграмотностью, равнодушием чиновников и кознями закордонных «друзей старой доброй России». Но при этом был не только оружием партии, но и массовым журналом, любимым рядовым читателем, которому старался помочь в «развороченном бурей быте».

Крокодильские авторы и сотрудники журнала внесли своими перьями, кистями, карандашами свежее, молодое, боевое звучание в нашу сатирическую литературу и журналистику, в изобразительное искусство.

Авторитет «Крокодила» во многом зижделся на организаторской, точнее сказать — шефской работе, что делало его непосредственным участником строительства новой жизни. И читатели ценили это.

В одном из кабинетов редакции стоит могучий железный крокодил с вилами в лапах. Точнее, не железный, а чугунный: он отлит из первого металла Магнитки и передан в дар коллективу журнала с благодарностью за шефство над ударной стройкой, которое помогло построить комбинат в рекордно короткие сроки. В разные годы

«Крокодил» опекал стройки в разных концах страны. В этом перечне значатся Днепрогэс, Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, Барнаульский комбинат искусственного волокна, Кузнецкстрой, БАМ... Крокодилы проводили рейды по школам и Домам культуры, кинотеатрам и стадионам, участвовали в знаменитых воздушных перелетах, освоении Арктики...

Реальным дыханием жизни веяло со страниц журнала. Благодаря этому он быстро вырос из тесной одежды, скроенной по партийно-идеологическим лекалам. Фундамент — профессиональный, творческий, нравственный, заложенный создателем «Крокодила», — оказался весьма прочным, что позволило крокодильскому дому наращивать этажи на тех принципах, которые принес в него дядя Костя.

«Крокодилу» вообще повезло на главных редакторов, среди которых были такие высококлассные мастеровые сатирического цеха, как Михаил Кольцов, Мануил Семенов, Евгений Дубровин. Впрочем, следовало бы назвать всех, кто возглавлял журнал, они заслужили право на добрую память и нашу благодарность, но, увы, тесные рамки предисловия не позволяют рассказать обо всем и обо всех, кто делал и продолжает делать главный и самый авторитетный сатирический журнал страны, который был и строителем в годы пятилеток, и солдатом в годы Великой Отечественной, когда перья его создателей стали оружием, когда сбрасывали его в партизанские леса вместе с боеприпасами и хлебом.

Был он и в посылках, которые отправляли с земли на наши космические корабли, где, как известно, каждый грамм груза стоил дороже золота.

Детище балтийского матроса оказалось по-крокодильски живучим.

Его смех, ирония, сарказм, веселая шутка, остроумный, блистательно выполненный рисунок, карикатура, шарж стали неким витамином, который помогал нашему нравственному здоровью «в сплошной лихорадке буден», помогал жить и не терять оптимизма, веры в будущее. А для тех, кто мешал этому, поганил жизнь человека, «Крокодил» порой был страшнее суда. Попасть на его страницы — опозориться на всю державу. А присказка,

сохранившаяся в обиходе, «Ну это прямо для «Крокодила», стала привычной в русском языке чуть ли не так же, как знаменитые тургеневские слова о русской речи.

Этому способствовало и то, что он призывал под свои знамена всегда самых талантливых, острых, смелых писателей, журналистов, художников. Теперь уже нельзя представить «Крокодил» без тех имен, что названы выше, и тех, что появились на его страницах как смена старых мастеров, их продолжатели: Швецова, Лациса, Вихрева, Лабковского, Левина, Шатуновского, Полякова, Полещука, Суконцева, Юрьева, Бахнова, Лиходеева, Моралевича, Виленского, Абрамова, Сойфертиса, Ведерникова, Горяева, Гурова, Каждана, Каневского, Караваевых, Лисогорского, Мочалова, Шукаева, Самойлова, Огородникова, Чижикова, Черепанова, Игина, Добронравова, Теслера, Лососинова, Луговкина, Дубова, Шабельника, Алешичева, Спасского, Умярова...

Думаю, читатель простит мне это длинный перечень, потому что это прежде всего имена его любимых авторов. Их фельетоны и рисунки он прежде всего искал в журнале.

Но, разумеется, не только названных выше. Ведь «Крокодил» считался не по званию, не по решению инстанций, а по сути своей главным сатирическим изданием СССР. Поэтому на его страницах были не гостями, а полноправными авторами коллеги из братских республик страны. И было бы грешно не вспомнить в этом томе таких мастеров, как Гамзатов и Олейник, Данелия и Остап Вишня, Каххар и Кутультинов, Бровка и Межелайтис, Корюн и Жилинские...

В биографии журнала есть и темные страницы. Вместе со всей советской прессой он внес свою лепту в борьбу с «врагами народа».

Но мрачная тень сталинских репрессий упала не только на его полосы.

Жертвами произвола стали многие сотрудники и авторы «Крокодила». Достаточно назвать имена Михаила Кольцова и одного из самых талантливых художников-сатириков Константина Ротова.

Из песни слова не выкинешь. Были в журнале и «ежо-

вы рукавицы», были стихи и проза, клеймившие «троцкистско-бухаринский заговор».

Однако к чести «Крокодила» надо сказать, что он не был среди первых учеников «большевистской школы», а стремился оставаться изданием народным, сохранить и преумножить традиции, заложенные Константином Еремеевым и его преемниками.

Так повелось с первого номера журнала.

Алексей Пьянов,
главный редактор журнала «Крокодил»
(1985—2000 гг.)

Вилы в бок! **(1922 — 1940)**

Владимир Маяковский

НАТЕ — БАСНЯ О «КРОКОДИЛЕ» И О ПОДПИСНОЙ ПЛАТЕ

Вокруг «Крокодила»
Компания ходила.
Захотелось нэпам,
Так или иначе,
Получить на обед филей «Крокодилячий»
Чтоб обед рассервизить тонко.
Решили:
«Сначала измерим «Крокодиленка»!»
От хвоста до ноздри,
С ноздрею даже,
Оказалось —
Без вершка 50 сажень.
Перемерили «Крокодилину»,
И вдруг
В ней
От хвоста до ноздри 90 саженьей.
Перемерили опять
До ноздри
С хвоста,
Саженьей оказалось больше ста.
«Крокодилище» перемерили,
Ну и делища!
500 саженьей!
750!
1000!
Бегают,

Меряют.
Не то что съесть,
Времени нет отдохнуть сесть.
До 200 000 саженей дошли,
Тут
Сбились с ног,
Легли,
И капут.
Подняли другие шум и галдеж...
«На что ж арифметика?
Алгебра на что ж!»
А дело простое.
Даже из Готтентотии житель
Поймет.
Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином к ноздре бежите,
У «Крокодила»
С хвоста
Вырастает тираж.
Мораль простая —
Проще и нету! —
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «КРОКОДИЛА»
И НА «РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ»!

Демьян Бедный

КРАСНЫЙ КРОКОДИЛ — СМЕЛЫЙ ИЗ СМЕЛЫХ! — ПРОТИВ КРОКОДИЛОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ

Писатели не для «господ», а для «простонародья»
В пору нэповского половодья,
Когда НЭП, накапливая жирный ил,
Стал походить на мутный Нил
И когда можно видеть поминутно,
Как там, где наиболее мутно,
Орудует крокодилье племя,
Решили мы, что пришло время
Для очистки нэповского Нила
Выпустить КРАСНОГО КРОКОДИЛА.

КРАСНОМУ КРОКОДИЛУ честь и хвала!
Ему предстоят большие дела:
ДОБИРАТЬСЯ ДО ВСЯКОЙ ГНИЛОСТИ
И ВОРОШИТЬ ГНИЛЬ БЕЗО ВСЯКОЙ МИЛОСТИ,
ЧТОБ НЭПОВСКАЯ МУТЬ НЕ ЦВЕЛА
И НЕ ГНИЛА,
ВОТ КАКОВА ЗАДАЧА КРАСНОГО КРОКОДИЛА!

Мы же,
Подписавшиеся ниже,
Кто пером, кто помелом,
Воздавая «коемуждо по делом»,
Приложим все наши старания,
Чтоб достойно описать все его великие деяния.
На том бьем вам, товарищи, челом!

Александр Архангельский

ЕЩЕ ОДНА ГОЛОВА

Главметалл, Главбум, Главкожа,
Главодежда, Главрогожа,
Главпортянки, Главчулки...
А о главном, чудачки,
Позабыли, чтоб им пусто,
А Искусство? Это что ж?
Хуже ваших Главрогож?
И искусству дайте вы
Хоть кусочек головы!
Деток спрячем в Главсоцвосе
(Есть папаши в Наркомпросе!).
Да и Рабис тоже бодр,
От греха спасет Охобр.
Символисты ж, футуристы,
Реалисты и фуисты,
Прочие имажинисты,
Залезайте в Главискусство!
Ничего, что очень густо.
Всем найдется место, честь.
Лишь смогли бы только влезть!

Валентин Катаев

КИНОМИТЬКА

Митька — папиросник.

Однако это не мешает Митьке вести шумную великосветскую жизнь, полную захватывающих интриг, запутанных авантур и жгучего шика.

Уж такой человек Митька.

Ничего не поделаешь!

Вечером Митьку можно видеть на третьих местах дешевого кинематографа.

Митька возбужден. Глаза у него горят. Он топает ногами и кричит:

— Пора! Даешь Мабузу! Даешь Чарли Чаплина!

Кино — это академия, где Митька учится красивой жизни.

Днем Митька торгует папиросами у почтамта.

Лицо у него напряженное и крайне озабоченное. У него масса дел: во-первых, не выпускать из виду милиционера, во-вторых, не пропустить покупателя, в-третьих, ухитриться свистнуть у зазевавшейся бабы булку и, в-четвертых, квалифицировать прохожих.

Это самое главное.

В глазах Митьки прохожие делятся на Мабуз, Чарли Чаплинов, Билли, Мэри Пикфорд, Конрадов Вейтов, Коллигари, Мозжухиных, сыщиков, миллионеров, преступников и авантюристов.

Вот из вагона трамвая выскочил изящный молодой человек в широком пальто, кепи, полосатом шарфе, с тростью.

Несомненно, этот человек принадлежит к разряду сыщиков — Гарри Пиллей.

Митька не сомневается в этом. Для Митьки ясно, как ириска, что молодой человек преследует важного государственного преступника. У него нет времени купить у Митьки спичек.

Сыщик перебегает улицу. Ага! Он догоняет человека, который садится в экипаж. Попался, голубчик! Митька бросается к месту происшествия, рискуя попасть под автомобиль, и останавливается около сыщика и преступника.

— Послушайте, Саркизов, — взволнованно говорит Гарри Пилль, — два вагона муравьиных яиц франко Петроград... Накладная в кармане, я только что звонил в трест... Сорок процентов, и ни копейки меньше.

Но у Митьки нет времени дослушать до конца. Его внимание отвлечено другим.

Мимо почтамта быстро-быстро бежит золотоволосая девушка, прижимая к груди вагон толстых книг.

Конечно, это Мэри Пикфорд, только что выгнанная из дома своего злого дяди. Бедняжка! Ее так жаль!

Митька не сомневается, что она сейчас сядет на тротуар и заплачет. Митька уже готов подбежать к ней и подарить самую лучшую папиросу, но в этот миг возле Мэри Пикфорд вырастает великолепный экземпляр Конрада Вейта.

Митька останавливается, затаив дыхание.

Конрад Вейт берет под руку Мэри Пикфорд.

— Здравствуйте, Соня, ну как дела?

— Здравствуйте, товарищ Кошкин. Какая совершенно случайная встреча!

Мэри Пикфорд ужасно краснеет.

— Товарищ Кошкин, у вас нет ли учебника политграмоты? У меня позавчера Левка свистнул.

Но Митька уже занят другим: с извозчика слезает чудесный, толстый, преступный доктор Мабузо.

Митька знает, что доктор Мабузо курит исключительно «Посольские» и платит, не торгуясь. Он кидается к нему и попадает головой в живот милиционера. Митька панически взмахивает руками, круто поворачивается, топчется на месте и стрелой летит к Чистым прудам.

— Стой, постреленок! — кричит сердитый милиционер.

Но Митька ничего не слышит.

Ветер свищет в ушах, сердце колотится, захватывает дух, и Митьке кажется, что он Чарли Чаплин и что за ним гонится по меньшей мере рота полисменов на мотоциклетах...

Александр Твардовский

СИДЯТ И СМОТРЯТ

С праотцовскими вещами,
Сидя вместе,
Чинно слушают мещане
Наши песни.

Сохраняя мир домашний,
В окна смотрят,
Как идут колонны наши
В общем смотре.

Голоса ли, шум ли, крик ли —
Будь что будет:
Ко всему они привыкли,
Эти люди.

На знамена посмотреть им
Так ли трудно?
Интересно, как и детям, —
Многолюдно.

Приходилось им когда-то,
Скуки ради,
Посмотреть, как шли солдаты
На параде.

Демонстрация проходит —
Разве страшно?
Смотрят, споря о погоде
О вчерашней.

Голоса ли, шум ли, крик ли —
Будь что будет:
Ко всему они привыкли,
Эти люди.

Смотрят папы,
Смотрят мамы,
Смотрят смело.
Ведь не треснут
Стекла в рамах, —
Будут целы!

Василий Лебедев-Кумач

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Рационализация также нуждается в предварительном с кем-то согласовании.

Заведующий! Помни, что учреждение не только для тебя, но и для остальных сотрудников.

Каждый трудящийся, помимо прочих присвоенных ему прав, имеет право прийти на общее собрание своего коллектива.

И рационализация имеет свои пределы!

Для борьбы с бюрократизмом надлежало бы составить точные правила и в случае несоблюдения оных результаты борьбы считать недействительными.

Если бы не существовало инструкций и циркуляров, то как мог бы работать некультурный заведующий культотделом?

Трубый соваппаратчик отказывает просителю, вежливый — отклоняет его ходатайство.

Борясь с карьеризмом и подхалимством, стремись не только к тому, чтобы начальство видело твоё рвение и было довольным.

Правильная линия работы не всегда совпадает с линией работы по правилам.

И еще раз скажу: установить, что линия работы правильна, иногда можно и в тех случаях, когда работа велась не по установившимся правилам.

Беспартийный Савелий Октябрьев

Юрий Олеша (Зубило)

ГУЛЛИВЕР

На портрете видим мы мужчину
В парике, похожем на овчину,
Подбородок у него пудовый.
Кто это? Какой-нибудь Людовик?
Нос плюс губы — как трефовый туз.
Это Миних?
Или это Брюс?
Но известно, что обманчив вид
И на самом деле это Свифт.

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Чтоб не лопнул у читавших зоб,
Он писал на языке Эзопа.
Он выдумывал как будто сказку. Просто
Приключения. Какой-то остров.

Потерпел крушение корабль,
И, надежды исчерпав запасы,
Выползает на берег, как краб,
Гулливер —
Единственный, кто спасся.

Все, как в сказке. Много разных тайн.
Остров, кажется, необитаем.
Гулливер, похожий на кузнечика,
Спать ложится. Видит, делать нечего.
Спал и видел дом родной под вязом,
Родину зеленую, овечек,

Не подозревая, что его привязывают
В это время маленькие человечки
(Ясно — сказка, раз такие вещи,
Как микроскопические человечки!).

В детстве так и думали: — О да!
Эта книга для детей подарок...
Столько всяких там чудес напутано
Про гигантов
И про лилипутов!

Гулливер обедать вышел в сад.
Вдруг громадная летит оса
И, как коршун, плавает над тортом —
Гулливер ее сражает кортиком!

Много в этой книге удивительного...
Он потом попал в страну, где люди
Держат голову
В наклонном виде
(Голова лежит при этом, как на блюде!).
Сказочка!
Читать зимой у печки, —
Осы... Великаны... Человечки...
В результате оказалось: где там!
Тут не приключения для деток, —
В каждой строчке издевательство и злоба!
Оказалось, что язык Эзопа...

Вот как приходилось изворачиваться...
Гулливер какой-то, корабельный врач,
Лилипуты... множество историй, —
А на самом деле виги, тори,
Двор, ханжи, ученые, король,
Тупоумий суеверных рой.
В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Мы — в стране гигантов!
Но порой
У подножия гигантской стройки

Возникает лилипутов рой...
Вот он, паразит, вредитель, плут,
Вот он, тупоумец-лилипут!

Мы в стране гигантов, но порой
Люди ходят в ней с наклонной головой —
Влево, вправо — как при Гулливере:
Этот сомневается, а тот не верит...
Великаны мощные растут,
По стране расставленные Планом,
Но порой
Ничтожный лилипут
Вдруг себя
Воображает великаном!

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

У врагов глаза вылазят рачьи...
Пятятся враги, как ящеры...
Нам теперь не надо изворачиваться, —
Мы — сатира,
Не просачивающаяся,
А разящая!

Эдуард Багрицкий

ПЕСНЯ О СОЛДАТЕ

С Карпат на Украину
Пришел солдат небритый,
Его шинель в лохмотьях
И сапоги разбиты.

Он встал перед простором
На брошенном погосте,
Четыре ветра кличут
К себе солдата в гости.

Взывает первый ветер:
— В моем краю хоромы,
Еда в стеклянных бочках.
В больших машинах громы.

Горит вино в стаканах,
Клубится пар над блюдом,
Иди — ты будешь главным
Над подневольным людом.

Второй взывает ветер:
— В моем краю широком
Взлетели кверху сабли,
Рванулась кровь потоком,

Там рубят и гуляют,
Ночуют под курганом,
Иди ко мне — ты будешь
Свободным атаманом.

Взывает третий ветер:
— Мой тихий край спокоен,
Пропавший мглой ночлегов
И горечью махорки,
С георгьевской медалью
На рваной гимнастерке.

Моя пшеница зреет,
Мой тучный скот удоем.

Когда закроешь веки,
Жена пойдет за гробом.
Иди ко мне — ты будешь
Достойным хлеборобом.

Кричит четвертый ветер:
— В моем краю пустынном
Одни лишь пули свищут
Над брошенным овином,

Копытом хлеб потоптан,
Нет крова и нет пищи.
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих.

Солдат берет винтовку
И разминает плечи...
Вперед, за ветром братьев —
Победа недалече!

У НАС ВО ДВОРЕ

Красавицей и модницей
В жакетке шерстяной —
Домашнею работницей
Пленился я одной.

Пойду в распределитель,
Скажу, что я влюблен.
Мне счастья отпустите
На розовый талон.

Товарищи, скажу я,
Чтоб без очередей
Десяток поцелуев
Мне был, как у людей.

Скажу я так сурово
Об этом потому,
Что сорта никакого
Второго не возьму.

Что, как угодно, драться,
Товарищи, готов
За в корне ликвидацию
Пониженных сортов...

Сиреневою веткой
Махая на меня,
Сидит в цветной жакетке
Красавица моя.

Но все же кто же именно —
Об этом ни гугу.
Назвать ее по имени,
Простите, не могу.

А может, и не надо
(Я тем и знаменит).
Вечерняя прохлада
Мне струны серебрит.

А дальше, разумеется,
Мечтай кому не лень.
У каждой ведь имеется
Жакетка и сирень.

И каждой пусть представится
В домашней тишине:
«Ведь это я красавица,
Ведь это обо мне».

Илья Ильф Евгений Петров

ИХ БИН С ГОЛОВЫ ДО НОГ

Была совершена глупость,

граничащая с головотяпством и еще чем-то.

Для цирковой программы выписали немецкий аттракцион — неустрашимого капитана Мазуччио с его говорящей собакой Брунгильдой (заметьте, цирковые капитаны всегда бывают неустрашимы).

Собаку выписал коммерческий директор, грубая, нечуткая натура, чуждая веяниям современности. А цирковая общественность проспала этот вопиющий факт.

Опомнилась только тогда, когда капитан Мазуччио высадился на Белорусско-Балтийском вокзале.

Носильщик повез в тележке клетку с черным пуделем, стриженным под Людовика XIV, и чемодан, в котором хранились капитанская пелерина на белой подкладке из сатина-либерти и сияющий цилиндр.

В тот же день художественный совет смотрел собаку на репетиции.

Неустрашимый капитан часто снимал цилиндр и кланялся. Он задавал Брунгильде вопросы.

— Вифиль? — спрашивал он.

— Таузенд, — неустрашимо отвечала собака.

Капитан гладил пуделя по черной каракулевой шерсти и одобрительно вздыхал: «О моя добрая собака!»

Потом собака с большими перерывами произнесла слова: абер, унзер и брудер. Затем она повалилась боком на песок, долго думала и наконец сказала:

— Их штербе.

Необходимо заметить, что в этом месте обычно раздавались аплодисменты. Собака к ним привыкла и вместе с хозяином отвешивала поклоны. Но художественный совет сурово молчал.

И капитан Мазуччио, беспокожно оглянувшись, приступил к последнему, самому ответственному номеру программы. Он взял в руки скрипку. Брунгильда присела на задние лапы и, выдержав несколько титров, трусливо, громко и невнятно запела:

— Их бин фон копф бис фусс ауф либе айгенштельт...

— Что, что их бин? — спросил председатель худсовета.

— Их бин фон копф бис фусс, — пробормотал коммерческий директор.

— Переведите.

— С головы до ног я создана для любви.

— Для любви? — переспросил председатель, бледнея. — Такой собаке надо дать по рукам. Этот номер не может быть допущен.

Тут пришла очередь бледнеть коммерческому директору.

— Почему? За что же по рукам? Знаменитая говорящая собака в своем репертуаре. Европейский успех. Что тут плохого?

— Плохо то, что именно в своем репертуаре, в архибуржуазном, мещанском, лишенном воспитательного значения.

— Да, но мы уже затратили средства. И потом эта собака со своим... как его... Боккаччио живет в «Метрополе» и жрет кавьяр. Капитан говорит, что без икры он не может играть. Это государству тоже стоит денег.

— Одним словом, — раздельно сказал председатель, — в таком виде номер пройти не может. Собаке нужно дать наш, созвучный, куда-то зовущий репертуар, а не этот... демобилизующий. Вы только вдумайтесь! «Их штербе». «Их либе». Да ведь это же проблема любви и смерти! Искусство для искусства! Отсюда один шаг до некритического освоения наследия классиков. Нет, нет, номер нужно коренным образом переработать.

— Я как коммерческий директор, — грустно молвил коммерческий директор, — идеологии не касаюсь. Но

скажу вам как старый идейный работник на фронте циркового искусства: не режьте курицу, которая несет золотые яйца.

Но предложение о написании для собаки нового репертуара уже голосовалось. Единогласно решили заказать таковой репертуар шестой сквозной бригаде малых форм в составе Усышкина-Вертера и трех его братьев: Усышкина-Вагракина, Усышкина-Овича, Усышкина-Деда Мурзилки.

Ничего не понявшего капитана Мазуччио увели в «Метрополь» и предложили покуда отдохнуть.

Шестая сквозная нисколько не удивилась предложению сделать репертуар для собаки. Братья в такт закивали головами и даже не переглянулись. При этом вид у них был такой, будто они всю жизнь писали для собак, кошек или дрессированных прусаков. Вообще они закалились в литературных боях и умели писать с цирковой идеологией — самой строгой, самой пуританской.

Трудолюбивый род Усышкиных немедля уселся за работу.

— Может быть, используем то, что мы писали для женщины-паука? — предложил Дед Мурзилка. — Помните, был такой саратовский аттракцион, который нужно было оформить в плане политизации цирка? Помните? Женщина-паук олицетворяла финансовый капитал, проникающий в колонии и доминионы. Хороший был номер.

— Нет, вы же слышали. Они не хотят голого смехачества.

— Собаку нужно разрешать в плане героики сегодняшнего дня! — возразил Ович. — Во-первых, нужно писать в стихах.

— А она может стихами?

— Какое нам дело! Пусть перестроится. У нее для этого есть целая неделя.

— Обязательно в стихах. Куплеты, значит, героические — про блюминги или эти... как они называются... банкаброши. А рефрен можно полегче, специально для собаки, с юмористическим уклоном. Например... сейчас... сейчас... та-ра, та-ра, та-ра... Ага... Вот:

«Побольше штреков, шахт и лав.

Гав-гав.

Гав-гав.

Гав-гав».

— Ты дурак, Бука! — закричал Вертер. — Так тебе худсовет и позволит, чтоб собака говорила — «гав-гав!». Они против этого. За собакой нельзя забывать живого человека.

— Надо переделать... Ту-ру, ту-ру, ту-ру .. Так. Готово:

Побольше штреков, шахт и лав.

Ура! Да здравствует Моснав!

— А это не мелко для собаки?

— Глупое замечание! Моснав — это общество спасения на водах. Там, где мелко, они не спасают.

— Давайте вообще бросим стихи. Стихи всегда толкают на ошибки, на вульгаризаторство. Стесняют размер, метрика. Только хочешь высказать правильную критическую мысль, мешает цензура, или рифмы нет.

— Может, дать собаке разговорный жанр? Монолог? Фельетон?

— Не стоит. В этом тоже таятся опасности. Того не отразишь, этого необразишь. Надо все иначе.

Репертуар для говорящей собаки Брунгильды был доставлен в условленный срок.

Под сумеречным куполом цирка собрались все — и худсовет в полном составе, и несколько опухший Мазучио, что надо приписать неумеренному употреблению кавьяра, и размагнитившаяся от безделья Брунгильда.

Читку вел Вертер.

Он же и давал объяснения.

Шпрехшталмейстер объявляет выход говорящей собаки.

Выносят маленький стол, накрытый сукном. На столе графин и колокольчик. Появляется Брунгильда. Конечно, все эти буржуазные штуки — бубенчики, бантики и локоны — долой. Скромная толстовка и брезентовый портфель. Костюм рядового общественника. И Брунгильда читает небольшой, двенадцать страниц на машинке, творческий документ...

И Вертер уже открыл розовую пасть, чтобы огласить речь Брунгильды, как вдруг капитан Мазуччио сделал шаг вперед.

— Вифиль? — спросил он. — Сколько страниц?

— На машинке двенадцать, — ответил Дед Мурзилка.

— Абер, — сказал капитан, — их штербе — я умираю. Ведь это все-таки собака, так сказать, хунд. Она не может двенадцать страниц на машинке.

— Это что же? — спросил председатель. — Нет, теперь я ясно вижу, что этой собаке нужно дать по рукам. И крепко дать.

— Брудер, — умоляюще сказал Мазуччио. — Это еще юная хунд. Она еще не все знает. Нужно время — цайт. Не надо так быстро шпринген — прыгать. Она хочет. Но она еще не может.

— Некогда, некогда, — молвил председатель, — обойдемся без собаки, будет одним номером меньше.

Здесь побледнел даже неустрашимый капитан. Он позвал Брунгильду и вышел из цирка, размахивая руками и бормоча: — «Это все-таки хунд. Она не может все сразу».

Следы говорящей собаки потерялись.

Одни утверждают, что собака опустилась, разучилась говорить свои «унзер», «брудер», «абер», что она превратилась в обыкновенную дворнягу и что теперь ее зовут Полкан.

Но это нытики-одиночки, комнатные скептики.

Другие говорят иное. Они заявляют, что сведения у них самые свежие, что Брунгильда здорова, выступает и имеет успех. Говорят даже, что, кроме старых слов, она освоила несколько новых. Конечно, это не двенадцать страниц на машинке, но все-таки кое-что.

ОПЕЧАЛЕННАЯ РАДОСТЬ

В вестибюль больницы

вошел крестьянин. В руках кнут, валенки в снегу, борода мокрая. Он спросил швейцара:

— А где бы мне тут, милый человек, покойника отыскать, родственника моего? Я за ним с гробом из деревни приехал.

— Иди в бюро справок, — важно ответил швейцар и с неуважением посмотрел на посетителя. — Вон в окошечке бюро. Шагай... Да снег-то отряхни с ножищ!

Крестьянин околотил кнутом снег с обуви и робко подошел к окошечку:

— Гражданочка, будьте столь милостивы, мне бы покойничка получить... Брат мой двоюродный у вас помер.

Сестра милосердия поджала сухие губы и лениво подняла на крестьянина блеклые глаза:

— Как фамилия?

— Это кому? Мне-то?

— Не тебе, а покойнику... Ну, скорей, скорей!

— Покойнику фамиль, конечно, Захаров, а звать Василий. Значит, Василий Захаров он будет. Вот, вот...

Сестра, снова поджав губы, стала перелистывать книгу с записью умерших.

— Василий Захаров в книге не значится, — сказала она. — погоди, погоди, я еще раз посмотрю. А ты откуда знаешь, что он помер?

— А нам на деревню телеграмма была отстукана из вашей больницы. Правда, что Ваську-то, как захворал он,

привезли в скорой карете в другую больницу, земляк был в то время при нем, сказывал нам. А там определили, что заразный Васька-то, ну, его сюда к вам, то ли живого, то ли мертвого, я не могу знать, только что в телеграмме отстукано — помер.

Сестра поднялась, подогнула отсиженную ногу и, опершись о стол, сморщилась от неприятного ощущения в ноге.

— Погоди, я справлюсь, — сказала она. — Может быть, еще не успели записать, а может, и похоронили...

— Похоронили?! То есть как это похоронили без родственников?

— А ежели б родственники за ним год не приехали? Глупости какие говоришь. Погоди. — И сестра скрылась во внутреннее помещение больницы.

У крестьянина от неприятности забилося сердце, он все ахал про себя, все покряхтывал, уныло крутил головой. Пробираясь чрез толпу посетителей, он подошел к окну, заглянул во двор. Мухрастая лошаденка теребит сено, на санях красный гроб — вечное жилище его двоюродного брата.

— Иди сюда! — услышал он окрик.

Крестьянин торопливо подошел к сестре и неизвестно почему заулыбался, обнажая белые зубы.

— Василий Захаров не умер, а жив. Он поправляется. Дней через пять-шесть мы выпишем его...

Улыбка на лице крестьянина враз исчезла, лицо вытянулось, глаза стали злыми.

— Как это жив? Как это поправляется? — заговорил он, задыхаясь. — У меня телеграмма... Это что же вы, товарищи хорошие, путаете, не можете покойника отыскать. Видно, вас еще в стенгазете не продергивали?! Слышишь, гражданка? Я из района бумагу имею при себе... Без покойника я не уеду. Вот погляди, полюбуйся, гроб во дворе стоит...

Сестра трижды менялась в лице, трижды хотела остановить собеседника, но он палил словами, как из пулемета. Из внутренних покоев вышла краснощекая сиделка в белом халате и встала возле сестры, ожидая, что будет дальше. Сестра резко сказала:

— Я тебе в последний раз говорю, что твой родственник... Василий Захаров жив и поправляется.

— То есть как это жив?! — зашумел крестьянин. — Подай мне покойника! Это у тебя, может, другой Василий Захаров поправляется, а мой Васька помер, я это лучше тебя знаю, телеграмма у меня... Веди меня к главному доктору!

— Да что ты, дядя, с ума сошел?! — не своим голосом закричала сестра.

— Я тебе не дядя, ты мне не племянница...

— Гражданин! — загалдели столпившиеся возле них. — Орать здесь нельзя. А ты требуй, чтоб показали тебе родственника, вот... И вопрос разрешится конкретно. Очень даже странно ваше поведение. Вас утешают в смысле жизни вашего кузена, а вы делаете жесты кнутом и шапкой... Довольно глупо!

— Вот что, гражданин, — заговорила деловым голосом румяная сиделка. — Надевайте халат, идемте со мной. Василий Захаров в моей палате. Можете с ним свидание иметь. Надо, гражданин, быть сознательным...

Крестьянин сразу затих.

— Ах, мать честная, неужто Васька жив? — закрутил он головой.

Раздались сдержанные хохотки, колкие словечки:

— Видно, пьяный, не проспался еще.

— Нет, должно, матка из люльки уронила его, головой ударился?

Меж тем дядю обрядили в белый халат, повели по коридору. Он шел, нетвердо ступая по скользкому паркету. Сердце его сжималось недобрым предчувствием и страхом. Вошли в палату 25, сиделка остановила его возле койки и сказала:

— Ну вот, признавайте друг друга. — И ушла.

Вытянувшись, лежал на койке молодой парень, глубоко запавшие глаза его приветливо взглянули на вошедшего.

— Вася, ты? — уныло спросил крестьянин.

— Я, брат... Нешто не узнал?

— Не узнал и есть... Шибко исхудал ты. И башка обрита. Значит, не умер, жив?

— Как видишь. А ты что? Ты не рад, что ли?

Кровь бросилась крестьянину в голову, заскучал живот, и ноги ослабли. Он шлепнулся на край койки и, даваясь словами, забормотал:

— Как не рад. Известное дело — рад. Ведь ты не чужой мне, — смущенно замигал крестьянин. — Только видишь ли, Вася, какое дело вышло нехорошее... По моему адресу была телеграмма из больницы на деревню отстукана, что ты совсем померши. Я, значит, взгрустнул, поплакал тихомолком и побежал скорей доложить об этом в сельсовет. А как считаешься ты у нас первым комсомольцем, общественником, там подняли великую бучу, выдали мне аванс средств и велели как можно скорей ехать за тобой, и купить красный гроб, и везти тебя.

Крестьянин передохнул и кивком головы откинул свисавшие на лоб волосы. Выздоравливающий, глядя на своего родственника, менялся в лице.

— Что за чертовщина такая, не могу понять! — сказал он слабым голосом. — Ну-ка покажи, что за телеграмма. Я сам просил, чтоб больница послала. Я без гроша, один. Ну-ка, покажи.

— Сейчас, сейчас. Она в кошеле, а кошель на вешалке. Тьфу ты, как прошиблись мы: за мертвым ехал, а ты живой.

Главное дело в том, музыкантов из города вытребовали, человек двадцать трубачей да барабанщиков приехали к нам еще при мне. Избы украшают елками, траурные флаги, а плакаты парни стряпают, комсомольцы. Словом, похороны что надо. Эх, Вася, Вася, брат!.. А с музыкой все трудящиеся хотели выйти за пять верст вперед, в деревню Машкину, туда я должен привезти к завтрашнему утру твое тело, Вася...

Комсомольцу было смешно, больно и обидно. Но светлое сознание, что вот его, незаметного работника, оказывается, очень ценила молодежь, товарищи, — это сознание стало теперь в мыслях Василия Захарова во всей своей силе и сразу сняло было охвативший его гнев.

— Ерунда! — весело воскликнул он и приподнялся. — Ерунда! Сходи за телеграммой... И не печалься, что я жив...

— Эх, Вася! Не в том дело. А дело вот в чем. Главный

член из города обещал прибыть и еще председатель комсомола.

Через две минуты комсомолец читал вслух телеграмму: «Опасно больной Василий Захаров больнице Память Октября палате 25 помер. Переведите деньги. Администрация».

— Двадцать пятого помер ты, а сегодня двадцать седьмое. А уж завтра похороны твои.

— Ну, так и есть. Переврали, дьяволы! Не помер, а номер двадцать пять, палата. Понимаешь? Ну, теперь поезжай, брат Федор, разъясни там... Тьфу!

Через два дня Василий Захаров получил с родины телеграмму. Собравшиеся на его похороны выражали восторженное чувство по поводу его мнимой смерти и горячо желали ему скорейшего выздоровления.

КУЛЬТПОХОД

...А когда мы утром пришли,

учительница сказала, что арифметики не будет, а будет культпоход в крематорий. А Борька сказал, что хорошо, что арифметики не будет, потому что он все равно ее не знает.

А когда мы сели в трамвай, Настя и Вова остались на остановке. А когда мы на другой остановке хотели сойти, кондукторша сказала, что на другой остановке нет остановки.

А когда уж мы вернулись на ту остановку обратно, их уж там не было, а учительница сказала, что мы на трамвае не успеем, и мы все выстроились по парам и побежали.

А Борька сказал, что он уже в крематории был с папой, и все равно неинтересно, когда тебя жгут, потому что как тебя крышкой заколотят, так ничего не видно. А когда мы прибежали в крематорий, там уже был перерыв на обед, а учительница сказала, что тогда мы пойдем в кино, у нас билеты на завтра, но, может быть, нас сегодня пустят.

А в кино самый главный сказал, что картина сегодня для нас неподходящая, она для старшей группы, а что он нас устроит в ихний клуб на расширенный пленум с секретом.

А Борька сказал, что он с папой на расширенном пленуме был, и все равно неинтересно. А там долго не начи-

налось, а потом один вышел и сказал, что сегодня ничего не будет, потому что отменяется.

А когда мы на улицу вышли, уже темно было и дождь шел, мальчики еще пли, а девочки в лужи падали.

А тогда учительница сказала, что все могут идти домой, потому что все равно сегодня культпохода не будет.

ДОХОД ПИЩА

ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ

Будто бы в городе Казани,

на Проломной улице, жили по соседству четверо портных.

Заказчиков мало было, конкуренция злая. И чтобы возвыситься над соперниками, портной Махоткин написал на вывеске: «Исполнитель мужских и дамских фасонов, первый в городе Казани».

А тогда другой взял да изобразил: «Мастер Эдуард Вайнштейн, всероссийский закройщик по самым дешевым ценам».

Пришлось третьему взять еще тоном выше. Заказал огромное художественное полотно из жести с роскошными фигурами кавалеров и дам: «Всемирно известный профессор Ибрагимов по последнему крику Европы и Африки».

Что же четвертому осталось? Четвертый перехитрил всех. На его вывеске было обозначено кратко: «Аркадий Корнейчук, лучшей портной на етай улицы».

И публика, как утверждает эта старая-престарая история, публика повалила к четвертому портному.

И, исходя из здравого смысла, была права...

Бывает, идет по улице крепкий, храбрый боевой полк. Впереди полка — командир. Впереди командира — оркестр. Впереди оркестра — барабанщик. А впереди барабанщика, со страстным визгом, — босоногий мальчишка; и из штанишек сзади торчит у него белый клоч рубашки.

Мальчишка — впереди всех. Попробуйте оспорить.

С огромным разбегом и напором, собрав крепкие мускулы, сжав зубы, сосредоточив физические и моральные силы, наша страна, такая отсталая раньше, рванулась вперед во всех областях — в производстве, потреблении, в благосостоянии и здоровье людей, в культуре, в науке, в искусстве, в спорте.

Курс взят наверняка. Дано направление без неизвестных. Социалистический строй, отсутствие эксплуатации, огромный народный доход через плановое хозяйство и прежде всего сам обладатель этого дохода, полный мощи и энергии советский народ, его партия, его молодежь, его передовики-стахановцы, его армия, его вера в себя и в свое будущее — что может устоять перед всем этим?

Но хотя исход соревнования предрешен, само оно, соревнование, не шуточное. Борьба трудна, усилий нужно много, снисхождения, поблажек нам не окажут никаких — да и к чертям поблажки. Пусть спор решат факты, как они решали до сих пор.

Оттого досадно, оттого зло берет, когда к боевому маршу примешивается мальчишеский визг, когда в огневую атаку путается трескотня пугачей.

Куда ни глянь, куда ни повернись, кого ни послушай, кто бы что бы ни делал — все делают только лучшее в мире.

Лучшие в мире архитекторы строят лучшие в мире дома. Лучшие в мире сапожники шьют лучшие в мире сапоги. Лучшие в мире поэты пишут лучшие в мире стихи. Лучшие актеры играют в лучших пьесах, а лучшие часовщики выпускают первые в мире часы.

Уже самое выражение «лучшие в мире» стало неотъемлемым в словесном ассортименте каждого болтуна на любую тему, о любой отрасли работы, каждого партийного аллилуйщика, каждого профсоюзного Балалайкина. Без «лучшего в мире» они слова не скажут, хотя бы речь шла о сборе пустых бутылок или налоге на собак.

Недавно мы посетили библиотеку в одном из районов Москвы. Там было сравнительно чисто прибрано, хорошо проветрено. Мы похвалили также вежливое обращение с посетителями. Отзыв не произвел особого впечатления на заведующую. Она с достоинством ответила:

Кукрыниксы. Редакция журнала «Крокодил».

Слева направо: Кукрыниксы (М. Куприянов, Н. Соколов, П. Крылов), Б. Ефимов, К. Ротов, В. Итинский, А. Радаков, И. Малютин, В. Дени

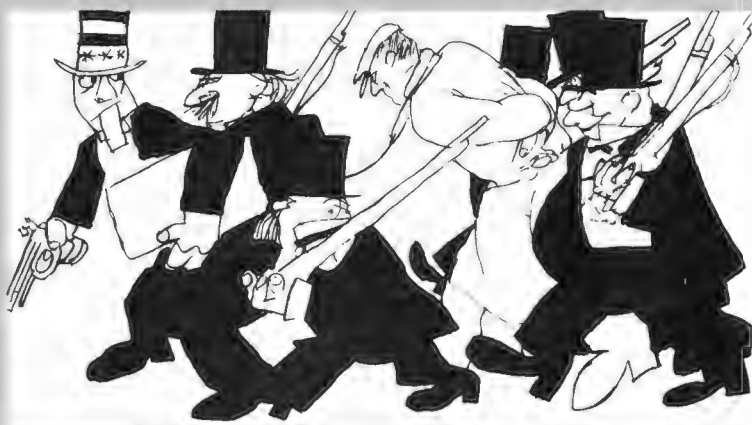
Константин
Степанович Еремеев.
1922 г.
Основатель и первый
главный редактор
«Крокодила»

Худ. Бор. Ефимов. Константин Еремеев

Худ. Д. Моор. 1922 г. В. Ленин: «Довольно отступать».

Худ. М. Черемных. 1922 г.
Вот на какое разоружение они согласны

Худ. Бор.Ефимов.
Пролетарское око

Худ. Бор. Ефимов.
Михаил Кольцов

Кукрыниксы. Владимир Маяковский

Худ. А. Каневский.
Илья Ильф

Худ. Н. Радлов.
Корней Чуковский и Михаил Добужинский

Кукрыниксы.
Валентин Катаев

К. Ротов. Автошарж. 1930-е годы

Кукрыниксы.
Самуил Маршак

— Да, конечно... Это ведь лучшая в мире по постановке работы. У нас тут иностранки были, сами заявляли.

Этой струе самохвальства и зазнайства мало кто противодействует.

А многие даже поощряют. Особенно печать. Описывают вещи и явления или черной, или золотой краской. Или магазин плох — значит, он совсем никуда не годится, заведующий пьяница, продавцы воры, товар дрянь, или магазин хорош — тогда он лучший в мире, и нигде, ни в Европе, ни в Америке, нет и не будет подобного ему.

Еще предприятие не пущено в ход, еще гостиница не открыта, и дом не построен, и фильм не показан, а бойкие воробы уже чирикают на газетных ветках:

— Новые бани будут оборудованы по новому, усовершенствованному принципу инженера Ватрушкина, а именно: будут обладать как холодной, так и горячей водой. Впервые вводится обслуживание каждого посетителя индивидуальной простыней. Впервые в мире будут радиофицированы и телефонизированы парильные отделения, благодаря чему моющийся сможет тут же на полке прослушать курс гигиены, навести по телефону любую справку или подписаться на любой журнал.

— В смысле постановки дела гостиница равняется на лучшие образцы американских отелей, хотя во многом будет их превосходить. Каждая комната в гостинице снабжается индивидуальным ключом, которым можно как запереть, так и отпереть дверь. Каждый жилец сможет вызвать по телефону такси. Пользуясь почтовым ящиком, специально установленным на здании гостиницы, проживающие смогут отправлять письма в любой пункт как СССР, так и за границу.

— По производству ходиков советские часовые фабрики прочно удерживают первое место в мире.

— После окраски фасадов и установки дуговых фонарей Петровка может стать в первом ряду красивейших улиц мира, оставив за собой Унтер-ден-Линден, Бродвей, Елисейские Поля и Нанкин-род.

И, принимая у себя репортера, киномастер в шикарных бриджах цвета птичьего гуано рокошет уверенным басом:

— Наша первая в мире кинематография в лице своих

лучших ведущих представителей готовится дать новые великие фильмы. В частности, лично я напряженно думаю над сценарием для своей ближайшей эпопеи. Сюжет еще не найден. Но ясно одно: по своей новизне этот сюжет не будет иметь прецедентов. Не определились также места съемок и состав актеров, но уже имеется договоренность: район съемок будет самым живописным в мире, а актерская игра оставит за собой все, что мы имели до сих пор в данном столетии...

Если какой-нибудь директор небольшого гиганта по утюжке штанов отстал от жизни и недогадлив, тот же репортер, как дрессировщик в цирке, умело равняет его на искомую терминологию.

— Реконструкция брючных складок производится у вас по методу «экспресс»?

— Безусловно. А то как же. Как есть чистый экспресс.

— Любопытно... Чикаго на Плющихе... Растем, нагоняем. А это что? Там, на табуретке?

— Это? Да как будто газеты, «Вечерочка».

— Н-да, маленькая читальня для удобства ожидающих... Ловко!

И цветочек рядом в горшке. Небольшая, уютно озелененная читальня дает назидательный урок американским магнатам утюга, как надо обслуживать выросшие потребности трудящегося и его конечностей... Ведь так?

— Безусловно. А то как же.

Эта глупая трескотня из пугачей особенно обидна потому, что тут же рядом идет подлинная борьба за мировое первенство, и оно подлинно достигается на подлинных цифрах и фактах...

Мы вышли на второе место в мире по чугуну, по золоту, по рыбе.

Сосредоточив все мысли своей молодой головы, Ботвинник добился первого места на международном шахматном турнире. Но место пришлось поделить с чехословаком. А все-таки Ботвинник собирает силы, готовит новые битвы за международное, за мировое первенство.

Наши рабочие парни-футболисты пошли в бой с лучшей буржуазной командой Франции. Пока проиграли — факт. Но проиграли более чем прилично. Мы верим, что скоро отыграются. Но и это будет признано только на ос-

нове неумолимого факта же: цифры на доске футбольного поля должны будут показать это, и никто другой.

Парашютисты Советского Союза держат мировое первенство своей ни с чем не сравнимой храбростью. Три молодых героя побили рекорд подъема на стратостате, но заплатили за это своими жизнями, — разве не оскорблением их памяти звучат зазнайство и похвальба людей, зря, без проверки присваивающих своей работе наименование «лучшей в мире».

А проверку мирового качества надо начинать со своей же собственной улицы.

Московское метро, по признанию всех авторитетов, несравнимо лучше всех метро на земном шаре. Но оно и само по себе хорошо здесь, в Москве, для жителей своих же московских улиц. Москвич усомнился бы в мировых качествах своего метрополитена, если ему, москвичу, езда в метро доставляла бы мучение.

Вот представим себе такую картину.

Часовой магазин. Входит покупатель, по виду иностранец, солидный, важный, строгий. Требуется карманные часы. Только получше.

— Вам марки «Омега» прикажете? Прекрасные часы, старая швейцарская фирма.

— Знаю. Нет. Что-нибудь получше.

— Тогда «Лонжин»?

— Лучше.

— Что же тогда? Может быть, Мозера последние модели?

— Нет. Лучше. У вас ваших московских, «Точмех», нет?

— Есть, конечно. Но ведь очень дороги.

— Пусть дороги, зато уж на всю жизнь. Все эти швейцарские луковицы я и у себя могу достать. А вот из Москвы хочу вывезти настоящий «Точмех».

Мы ждем, что эта волшебная картина скоро станет четким фактом.

А пока не стала, будем, среди прочего, крепко держать первое место в мире по скромности.

ПЕРЕКЛИЧКА

Мы знамена несли
Высоко в Октябре, —
Оттремели оркестры,
Отзвучали парады,
Наступили рабочие будни...
Встав на заре,
Говорила Москва
Ленинграду:
— Я давно уже скинула
Старую барскую спесь.
Я бы все барахло,
Я б сложила богатства свои
В огромный мешок
И пустилась бы в путь.
Как бы ни был путь мой далек,
Я пришла бы к тебе и сказала бы:
— Здорово, браток!

Но мешает нагрузка.
Понимаешь ли, некогда мне.
Я с работой срослась,
Я приказы даю по стране,
Значит, в первую очередь
Я выполняю приказ,
Значит, все мои будни
Стоят перед страной напоказ:
Как же дышишь ты, друг,
Петербург-Петроград-Ленинград?

Ты менял имена,
Ни разу не глядя назад.
Я ж Москвою осталась.
Я в одном неразрывном ряду
С Ленинградом и Харьковом,
С Ростовом и Минском иду.

— Это факт несомненный! —
Вмешался Ростов в разговор. —
Мы, как брат и сестра,
Неразрывно живем до сих пор...
— Это факт абсолютный! —
Заговорили Баку. —
Привет Ленинграду!
Горячий привет старику!
Пролетарский привет Москве,
Столице горячий привет!..

Голоса городов
Пронеслись над страной чуть свет
И горячим дождем
Пролились под пургой снеговой
Над столицей страны —
Над пролетарской Москвой...
Ленинград приподнялся
Под блеском осенней зари,
Дав Исаакию строгий приказ:
— Поднимись, посмотри,
Встань на цыпочки, старый колдун.
И взгляни:
Откуда привет,
Голоса и огни? —
Исаакий-старик
Из-под купола хмуро взглянул,
Он узрел города,
Услыхал нарастающий гул,
Лицеизреп Сталинград,
Увидал за Магнитной горой,
Как огромными домами
Дыбится Магнитострой.

Исаакий сощурил
Подслеповатые окна,
Приподнялся еще
И увидел, едва не упав,
Аджаристанского хлопка
Густые волокна,
Урожая разгул
И зелень бушующих трав.
Он слезу уронил
На подол износившейся рясы.
— Перед Тракторостроем,
Перед верстами штреков Донбасса... —
И тогда Ленинград,
Отстранив с дороги ханжу,
Закричал в рупора:
— Эй! Послушайте! Я вам скажу!
Я вношу предложение:
Давайте-ка вместе споем
О Советском Союзе,
В котором мы дружно живем.
Он запел эту песню.
Слова на лету подхватив,
Каждый город запел
На один большевистский мотив.
После работы,
После горячих трудов
Этой песне высокой
Мы учимся у городов.

ТОВАРИЩ БЕРАНЖЕ

I

Ваш юбилей в литературном цехе
 Прошел под знаком нынешнего дня.
 Вы думаете: «Говорят о смехе, —
 Так позабыть не могут и меня!»
 И правильно: забытого поэта
 На вольный воздух волокут уже,
 И смех цветет, с улыбки сняли вето, —
 Вам нравится ли это,
 Товарищ Беранже?

II

И вот проделан творческий анализ
 И выявлено ваше мастерство!
 А прежде как о вас же отзывались!
 «Малоформист — и больше ничего!»
 Писал себе какие-то куплеты
 О бодрости, любви и мятеже!
 Ему в большом искусстве места нету». —
 Вам нравилось ли это,
 Товарищ Беранже?

III

Поэты наши намудрили вдосталь,
 А ваша простота — сегодня клад!

Идти за вами — это значит просто
Идти вперед, а вовсе не назад!
Нет, ваша песенка еще не спета,
Она претит педанту и ханже,
В ней много ласки, и тепла, и света.
И нравится нам это,
Товарищ Беранже!

IV

Вы как поэт честны и бескорыстны.
Вот он, Париж Киappa и Тардые,
Они для вас должны быть ненавистны
При вашем на мошенников чутье.
Идите к нам, одна шестая света
Вас перечтет в повторном тираже.
Вот предложение от Страны Советов, —
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

V

Поверьте мне, что, с нами поработав,
Вы молодость узнали бы опять,
Вы указали б на «Искарриотов»
И «червяков» смогли бы отыскать.
Вы притянули б пошляка к ответу,
Нашли бы всех примазавшихся «лжек».
Работа есть, — на правду нет запрета!
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

КОЛЕСА И ПОЛОЗЬЯ

«Зима. Крестьянин, торжествуя...»

1

Живя мечтою: жать, не сея,
Без задних мыслей на уме,
Бывало, старая Расея,
Кряхтя, готовилась к зиме.
Да и какая подготовка?
Уж так от дедов и отцов:
Была бы темная кладовка
Полна соленых огурцов;
Да чтобы шуба в нафталине,
Да чтобы с лета на малине,
Ароматичный и густой
Хмелел испытанный настой;
Да чтобы сменою телеге
Стояли легкие в разбеге
Утехой морозных дней
Все разновидности саней.

2

Вопрос восходит к печенегам,
К далеким дням,
К замшелым пням.
Пришел апрель — разгул телегам!
Пришел ноябрь — простор саням!

Не раз говорено и пето
Про то и в шутку и всерьез:
Вопрос зимы и лета — это
Вопрос полозьев и колес.
Морозный ветер, злясь и дую,
Слепит глаза и студит грудь,
И вот «крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь».
Но мы отцам своим не ровни:
Делам и планам нет числа.
Проблема транспортная — дровни —
Для нас давно переросла.
Уж нам колеса на полозья
Менять не стоит и труда:
Эпоха наша — паровозья!
Телеги наши — поезда!
Мы в сокрушительном разбеге
Летим навстречу бытию:
Не нам победы на краю
Скользить на льду и вязнуть в снеге.
Менять нам надо не телеги
А психологию свою!

3

«Зима. Крестьянин, торжествуя...»
Нет! Вас, читатель, не зову я
(Мне на традиции плевать)
Заранее торжествовать.
Пообождем. Еще не время.
Сначала надо скинуть бремя
Подготовительных трудов,
Чтобы движенью поездов
Преград не ставили метели;
Чтоб над землей они свистели,
Не обрывая проводов;
Чтобы глубокие сугробы
Не прерывали нам учебы;
Чтоб и в столице и в селе

Страна зимой, как летом, пела
И чтобы в жилах кровь кипела
На реомюровском нуле!

4

В судьбе страны своей не волен,
Крестьянин был уж тем доволен,
Что мелкой рысью — как-нибудь —
Он обновлял на дровнях путь.
Но должен круто повернуть я
И углубить проблему. Глядь:
Нам все пути и перепутья
Сегодня надо обновлять.
Мы на полозья смотрим косо...
Еще бы! Вперекор всему —
Мы жизнь саму!
Мы жизнь саму
Умело ставим на колеса.

ГОТОВЬТЕ КАБИНЕТ!

*(Письмо литератора Мальбрука,
собравшегося в культпоход)*

Меня мобилизнуть хотите вы? Чудесно!

Ну, что же, я готов вполне.

Мне закалиться интересно

На производственном огне!

Заводы, фабрики, цеха и мастерские

Меня, конечно, вдохновят...

Но... виноват!

Условия нужны мне знаете какие?

Работать КОЕ-КАК я не согласен! Нет!

Вы дайте мне уютный кабинет.

Чтоб лился в окна свет не слишком резкий,

Мне тюлевые дайте занавески.

Моя организация тонка!

Я не могу писать на уголке станка!

Чтоб написать две-три частушки,

Потребны мне диванные подушки.

Чтоб я работать мог, тая в душе покой,

Мне нужен кабинет, хотя бы вот такой.

Чтоб я спокойно мог писать свои стихи там,

Отделайте камин и стены малахитом!

Тогда я напишу вам два иль три раяка.

Готовьте кабинет! Я буду ждать!! Пока!!!

Виктор Шкловский

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ, ВЕРНУВШЕЙСЯ НА РОДИНУ

(Служит эта история
для обозначения границ СССР)

Мой друг инженер так моложав,

что не выглядит даже бритым.

Проектировщик, и хороший.

В комнате, где он живет, кроме него и жены, находится еще четверть кариатиды, которая когда-то поддерживала потолок зала.

Жена у него очеркистка, хорошая журналистка. Оба они могут засвидетельствовать истину рассказа. У жены за границей много лет жила мама. Эти мамы, живущие за границей, как-то романтичны.

Мама в Лондоне жила еще до революции и там осталась. Вышла замуж, овдовела.

Сперва посылала посылки, потом письма только:

Потом она стала жаловаться.

Дочка посоветовалась с мужем и написала:

«Мама, приезжайте».

Лондон недалеко: мама скоро приехала.

Она узнала кариатиду, потому что жили в ее квартире.

Но не плакала и говорила:

— Вот и хорошо. Я всегда говорила покойному мужу, что у нас слишком большая квартира, только покажите, где моя комната?

Она привезла подарки: войлочный маленький валик на пружинке под носик кофейника, чтобы кофе не капал на скатерть, прибор, состоящий из рамки с туго натянутыми струнками, служащий для разрезания вареных яиц, лавандовую соль для ванны и еще какую-то мелочь.

Когда все сели и стол был накрыт, старуха сама разлила кофе и сказала:

— Наконец-то я дома, дети, наконец-то я в своей стране!

Посмотрела в окно.

— А где теперь та улица, которая здесь была?

Подумала, засмеялась, глотнула кофе.

— Нет, я все понимаю, вы строитесь. И какой у тебя муж, Маня, он совсем европеец! И вы не думайте, милые, что я буду жить на ваш счет!

— Ах, что вы, — сказал инженер, — что вы, мама, мы ведь вас так любим!

— Нет, — сказала мама, — я сама либералка и все у вас понимаю. Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой. У вас все должны работать, я читала книжку Ильина о пятилетке. Пейте кофе, чтобы он не простыл. Я сейчас принесу свой диплом.

Принесла сверток.

Диплом лежал в футляре.

— Я специально окончила курсы. Вы понимаете по-английски?

Инженер понимал, прочел.

Это было удостоверение об окончании школы медиумов.

Кроме обычных подписей, на документе была подпись Конан-Дойля, подпись собственноручная — загробная.

ТЕРНОВСКАЯ ОКРУГА

Черные земли — небу в упор,
Травы и травы
И снова травы.
На этой округе с давних пор
Тенью плыло
Крепостное право.
Орел двуглавый
Тяжким крылом
Край прикрывал,
В землю осевшие,
Уцелели.
Здесь процветал
Подъяремный труд —
Войны, болезни людей пололи;
В этой округе
Еще поют
Песни о горести и неволе.
Пороховой, кровавый туман
Плыл здесь когда-то.
Мужичье тело
Помнит разгул
Антоновских банд,
Шаткие виселицы и расстрелы.
Стоят в округе который год
Глухие,
Сдавшиеся не сразу,
Еще пригодные для работ
Кулацкие мельницы

И лабазы.
Но ты узнала свой передел,
Терновская пасмурная округа,
Услышав имя:
Политотдел —
Железное имя
Вождя и друга.
Грудь к груди
С землею люди сошлись,
Не снизиться сиясь.
Между Тамбовом и Орлом
Черные земли расположились.
В этой округе,
Где огоньки
Изб слепых
Глядят сквозь метели,
До сих пор
Барские особняки,
С черной землей,
Перемытой кровью!
Пшеница работает на социализм,
На молодость нашу
Не прекословя,
На месте хат
Дома прорастут;
Все меньше песен
О горькой доле.
В округе этой песни поют
О красном знамени
И комсомоле.
Здесь сытно живут!
И пусть!
И пусть
Пошире от щей разносится запах;
Кулацкое брюхо
Колхозный гусь
Несет к реке
На сафьяновых лапах.
И гусь колхозный

Жирен недаром,
Недаром мычат
Стада коров...
Мы и запахом щей
С густым наваром
Глушим сегодня
Наших врагов!

ВОПРОС ДОКЛАДЧИКУ

Я закончил доклад.

Подобного я не делал никогда в жизни. То была сборная солянка из повестей и впечатлений. Зимовщики хотели услышать все о Большой земле, я изо всех сил старался все рассказать. Но мы долго не понимали друг друга. Для них Большая земля была далекой, чудесно-сказочной страной, для меня, только что прилетевшего оттуда, — будничной, обыкновенной, с давкой в трамваях и дождем в январе. Я рассказывал им о важнейших событиях международной и внутренней жизни, но они без меня все это знали: слышали по радио.

Наконец я понял, чего от меня хотят. Они ждали, что я принесу с собой аромат Большой земли: чудесный запах столицы, шумной, асфальтной, морозной; шелест автомобильных шин на гудроне, дрожание огней на мокром асфальте; неоновые солнца в ночном небе большого города; шум толпы; теплый запах московского дождя; смех карнавалов в парках культуры и отдыха; скрип коньков по льду катка; блеск витрин — все то, чего не услышишь, чего не увидишь по радио.

Я понял. Я повел их за собой в метро, которого они еще не видели. Я описывал эти мраморные дворцы словами старинных персидских сказок. Честное слово, я становился поэтом: они так чудесно слушали. Я распахнул настежь московские улицы, поднял мосты, воздвигнул здания. (— Вы не узнаете Охотного ряда. — Да, Охотный ряд! — тихо воскликнул кто-то.) Я вводил их в московские

магазины, в запахи апельсинов, аппетитных колбас, ароматного хлеба и розовой рыбы; мы вваливались в шумные московские кафе; мы погружались в изобилие богатейшей столицы. Они чудесно слушали, я становился фламандцем. (— Я забыл, как покупают, — засмеялся радист. — Я отвык от денег.)

Я рассказывал им, как живет Москва, как выглядят люди на улице, о чем поют, что говорят, я рассказал, как проходили сквозь Красную площадь физкультурники в июле, как праздновала Москва Великий Октябрь.

— А в кино? Что в кино?

Я сказал о картинах, которых они еще не знали. (— У нас в следующем году будет своя передвижка, — похвастался механик.)

— А в МХАТе? Что Качалов?

— Он здоров и хорош по-прежнему.

— Как он прекрасен в «Воскресении», — вздохнул гидролог.

— А «У врат царства»! — подхватил повар, не успевший снять колпак.

— Простите, — смущаясь, обратился ко мне молодой радиотехник. — Может быть, я не о том. Но все же спрошу: кто сейчас держит футбольное первенство Союза: москвичи или ленинградцы?

Оправдываясь, он объяснил:

— Видите ли, я ленинградский болельщик.

Я сказал и о футболе. Тут уж было недалеко до парашютисток, они в ту осень были «гвоздем сезона». Мы поговорили и о парашютистках.

Не знаю как, но разговор зашел о танцах. Я, смеясь, сказал, что сейчас вся Москва танцует. В новогоднюю ночь плясали в магазинах, на стоянках такси, на улицах.

Красивый юноша в форменном кителе нахмурился.

— Мы приедем отсюда дикарями, — пробурчал он с досадой, — мы не сможем никуда выйти. Придется месяц дома учиться танцевать.

Потом наступила пауза. Совсем такая, как в беседе давно не видавшихся друзей. Казалось, не переговоришь всего, и вдруг замолчали оба. И есть еще о чем спросить, и есть еще что рассказать, а друзья все сидят молча, задумчиво хлопают друг друга по коленкам и изредка меч-

тательно произносят: «Так, так-то вот! Да, так!» Эта пауза красноречивее слов.

Я прихлебывал кофе из стакана.

— Да... Москва... Так-то... — задумчиво произносили мои собеседники...

Мне показалось, что женщины еще хотят о чем-то спросить меня. Они смущенно перешептывались между собой и хихикали.

— Ну, спрашивайте, спрашивайте.

Они совсем смутились: Нет, нет, это мы так.

Но одна, осмелев, все-таки спросила, глядя мне прямо в лицо:

— Скажите, товарищ, что носят сейчас женщины на Большой земле?

Что носят? Я растерялся. Я не ждал такого вопроса.

Товарищи, я не был подготовлен к нему. Это, ну... не по моей специальности. Если б я знал, я захватил бы с собой журнал мод.

Я честно признался: не знаю. Мои слушательницы были явно разочарованы. Они отвернулись. А задавшая вопрос (радистка, как я узнал потом) в отчаянии спросила вновь:

— Ну, вспомните. Ну, какие моды сейчас в Москве? Ну?

Мне бы очень хотелось ответить ей. Я подумал немного и сказал:

— Знаете что? Я закрою глаза и представлю себе знакомых московских девушек. И как они одеты. И я отвечу вам.

Я закрыл глаза. Я вспомнил знакомых девушек. Мне вспомнились парашютистки в синих комбинезонах и кокетливых черных беретах. Нет, не то. Я вспомнил тогда девчат в метро. Они были действительно царицами московских улиц. Как гордо они шагали по тротуару, заложив руки в карманы своих ватных штанов! В брезентовых шляпах, в теплых фуфайках, в резиновых сапогах, забрызганных грязью, бетоном, глиной. Они были настоящей московской модой 1935 года. Но это не то. Я вспомнил тогда самую красивую девушку столицы, ее пронесли через Красную площадь на огромном шаре, она была в алой майке и трусах. Но и это, кажется, не то, чего ждет от меня модница с 73-й северной параллели. Я вспомнил

политотдельских девчат в бараньих кожаных, подпоясанных ремнями, трактористок в огромных кожаных щегольских рукавицах, знатных колхозниц, приезжавших в Москву, шелковые платки на них хрустели, как резина; я вспоминал девушек, которых видел в театрах, в кафе, на улицах. Они одевались красиво, изящно, женственно. Но — странное дело — каждая по-своему. Каждая подчеркивала то красивое, что было в ней. Но мода, черт подери, какая мода царила у нас в Москве?!

Я открыл глаза. Я увидел зимовщиц в ватных штанах и грубых, но теплых фуфайках. Мне захотелось рассмеяться и сказать им:

— Милые модницы в ватных брюках! Я не знаю, какая в Москве мода. Я не знаю, какой длины допускаются юбки и какой конструкции шляпки. Но, честное слово, не стоит горевать: вы не отстанете от советской моды и на 73-м градусе северной широты. И если даже вы появитесь в самом шикарном кафе столицы вот такими, какие вы сейчас: в меховых сапогах, расшитых бисером, в ватных штанах и оленьих малахаях, — лучшие женщины Москвы с восхищением и завистью будут глядеть на вас и на ваш наряд: «Это полярницы, — будут шептать они. — Как бы мы хотели быть на их месте!»

В ДЖУНГЛЯХ ЕВРОПЫ

Для обывателей различных стран

у фашистов имеется один неотразимый довод: итальянские поезда.

— Вот видите, до фашизма все поезда в Италии опаздывали, а теперь они приходят минута в минуту...

Даже в фильме, который сделан для пропаганды итальянского фашизма, мировые проблемы сводятся главным образом к вопросу о поездах.

Я немало ездил по дофашистской Италии, и я могу подтвердить, что поезда тогда изрядно опаздывали. Жизнь была в то время ленивой и беспечной. На станции люди толпились, плевались, кутили. Потом начальник станции отчаянно кричал:

— Пронто!

Это означало: готово! Но поезд все же не двигался.

Теперь никто на станциях не толпится, не плюется, не шутит. Фашистские милиционеры недоверчиво оглядывают пассажиров. Начальник станции стоит, вытянувшись в струнку, как прусский фельдфебель. А поезд?..

О, я отнюдь не придаю такого значения железнодорожному расписанию, как фашистские агитаторы! При этом я был в Италии всего два дня. Однако я должен отметить, что дважды в течение этих двух дней особо скорые, курьерские, «молнии» — словом, поезда, требующие особой доплаты, — не «рапидо», но «рапидиссимо» — опаздывали точь-в-точь как жалкие демократические поездчики дофашистской эпохи.

Когда я приехал в Венецию, вокзальный перрон был устлан ковриком в честь высокого гостя: судьба захотела, чтобы я столкнулся с одной из «жемчужин Европы», а именно с г. Дольфусом. Покойный канцлер Австрии, разгромив пушками рабочие дома, отправлялся в Италию, чтобы представить рапорт своему начальству. Начальство милостиво выслушало великого канцлера и даже устроило в его честь парадный обед.

Увидев развалины древнего Рима, австрийский карлик почувствовал в своей груди античные добродетели. Он приветствовал своего нового хозяина благородным жестом legionера, который только что покорил мятежную провинцию. Карлику было необходимо отдохнуть душой от государственных забот: он решил съездить в Помпею.

Кто знает, почему ему вздумалось отдыхать душой именно в Помпее? Может быть, этот христианин и образцовый семьянин пожелал посмотреть на фривольные фрески, а может быть, зрелище разгромленного его гаубицами Флоридсдорфа пробудило в нем вкус к мертвым городам? Так или иначе он соединил приятное с полезным. Он любовался помпейской живописью, и он подписывал договоры. Заботливость итальянцев не знала предела, и, чтобы ножки карлика не коснулись вульгарного асфальта, они не пожалели даже протертого коврика.

Помимо г. Дольфуса, в Венеции я застал несметное количество немцев абсолютно арийского происхождения. Молодожены из Потсдама сначала снялись с классическими голубями, потом, увидев черную рубашку, благоговейно замерли, причем самец поднял руку вверх, а самка даже прослезилась. Последователи бога Вотана кутили в роскошных ресторанах, покрикивали на итальянскую прислугу и, развалившись в гондолах, читали «Фелькшер беобахтер».

Поучительно проследить результаты фашистского строя или, как говорит Бабель, выяснить, «зачем бабы трудятся». Правда, я не увидел ни осушенных болот, ни стеклянных цилиндров академика Маринетти. Зато мне привелось ознакомиться с одним из крупнейших достижений фашизма: увидел мост для автомобилей, соединяющий Венецию с континентом. До начала фашистской эры имелся всего один мост — железнодорожный. Авто-

мобили тогда оставались в гараже на континенте. Теперь автомобили гордо доезжают до вокзала. Там для них выстроен большой гараж. Мост построен. Остается гадать — стоило ли его строить: в автомобиле по Венеции все равно нельзя передвигаться. Впрочем, я не хочу моей низменной критикой осквернять некоторые бесспорные святыни.

На площади Святого Марка ходит человек с ящиком. Стоит какому-нибудь арийцу из Нюрнберга бросить на землю окурок, как человек подбегает и аккуратно засовывает окурок в ящик. Что касается рабочих окраин, то там все те же грязь и нищета. Каналы обдают приезжего зловонием, напоминая, что есть на свете красота, тесно связанная с разложением. Прелесть венецианских каналов, тысячи новелл и тысячи открыток, копии Лонге и вздохи влюбленных — все это вряд ли мыслимо без той откровенной вони, которая приближает самый прекрасный город мира к вульгарным сточным канавам.

В воскресенье утром я присутствовал при изъятии народных восторгов. Происходило это так: по всему городу были расклеены афиши. Жителям Венеции горячо рекомендовалось явиться на площадь Святого Марка для заслушивания речи дуче. В назначенный час пришли три отряда фашистской молодежи. Юные чернорубашечники выстроились по-военному и начали слушать. Слушали они тоже по-военному: их лица при этом были настолько бессмысленны, что немецкие туристы должны были преисполниться умиления.

Кроме юных фашистов в форме пришли также любопытные в пиджаках. Они шепотом разговаривали о своих делах, о ценах на прованское масло, о приезде американских туристов и о том, что какой-то синьор Джузеппе застрелился, не выплатив долгов. На площади сидели различные иностранцы, среди которых, наверное, было немало нахальных франкмасонов. Иностранцы преспокойно пили кофе.

Мне стало обидно за оратора: я по опыту знаю, как неприятно читать восторженные стихи среди всеобщего равнодушия. Даже тучные голуби никак не реагировали на рык громкоговорителя. Они решили, что речь быстро кончится и что улетать под крыши не стоит: скоро иностранцы будут снова выдавать зерно. Задыхаясь от жира,

голуби переваливались, как утки, между ногами юных фашистов. По словам верующих итальянцев, эти голуби символизируют святого духа.

Недавно в Италии были устроены празднества по поводу чрезвычайно актуального события: фашисты вспомнили, что Юлий Цезарь перешел речушку, именовавшуюся когда-то Рубиконом. Мы, грешные, думали, что это скучный урок латыни, а это оказалось интимным воспоминанием живого народа. Остальное понятно: после Юлия Цезаря появляется юный футболист в черной рубашке, который ничего в жизни не читал, кроме отчетов о матчах и одиннадцати заповедей фашистского милиционера. На старой стене, которая еще помнит и пышность дождей, и шутки Гольдони, этот неистовый Митрофанушка спешит написать мелом свою фашистскую сентенцию.

В витринах магазинов выставлены черные рубашки. Для фашистов побогаче, у которых изысканный вкус и чувствительная кожа, эти рубашки сделаны из тончайшего шелка. Даже в выборе материала на форменные рубашки мудрые фашисты соблюдают иерархию.

В глазах итальянцев 1934 года чувствуется благородная пресыщенность древних патрициев: всем все надоело. Гордый жест легионеров превратился в мелкую взятку. Я заметил, что поднимают руку люди, собирающиеся совершить какой-нибудь не вполне законный поступок, например, войти в почту, когда почта уже закрыта, или прошмыгнуть на перрон без перронного билета.

Владелец крупной книготорговли в Милане рассказал мне, что итальянцы постепенно перестают читать. Имеются, впрочем, некоторые фанатики, которые продолжают проявлять подозрительный интерес к печатному слову, но эти несчастные покупают исключительно переводы иностранных авторов. Свою фашистскую литературу итальянцы читают на стенах.

Когда я приехал в Милан, весь город был залеплен огромными афишами — этак метра в два. Каждая афиша представляла отзыв о дуче, взятый из какой-нибудь иностранной газеты. Например: «Дуче — воплощение античной добродетели и римской храбрости, упорства и благородства».

Помимо афиш с цитатами из иностранной прессы на

стенах Милана имеются и другие афиши. Знаменитый Пассаж покрыт большими афишами, на которых значится всего одно слово: «Дуче!» Четыре буквы и восклицательный знак. Шесть раз одно и то же на каждой афише. Десять афиш одна под другой: «Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче!» Ну и так далее. Особенного разнообразия в этом нет, зато, как говорят, хорошо запоминается.

Сам дуче вполне своевременно сообщил одному парижскому журналисту, что итальянский народ лишен чувства иронии. Я сомневаюсь, чтобы дуче был прав по отношению к своему народу. Можно напомнить ему имена Боккаччо и Аретино, Гоцци и Гольдони. Можно также привести в пример далеко не безобидные шутки рыбаков Неаполя или Венеции. Но слов нет, имеются среди итальянцев люди, явно лишенные чувства иронии.

Зато в пафосе нет недостатка. Солидная газета «Коррьере делла серра» изъясняется чрезвычайно восторженно: «Толпа рычала, выражая свой беспредельный энтузиазм перед новыми высотами того, что мы вправе называть фашистской цивилизацией».

Остается добавить, что это описание того воскресного утра, когда венецианские голуби астматически сопели на площади Святого Марка.

Варвара Карбовская

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— *Си* лохо твое дело, Бобка, —

сказал Сережа, укладываясь спать накануне дня своего рождения. — Рождения у тебя нет, пирог тебе печь не будут, и гости к тебе не придут.

Белый шпич ласково ткнул голую Сережину ногу мокрым блестящим носом. Сережа похлопал его по лохматой шкурке.

— Ничего, Бобик, не огорчайся. Пирогом-то уж я тебя завтра угощу. — И, зажмурив глаза, он повернулся к стене, чтобы скорее уснуть.

Громко хлопнула кухонная дверь, и мамин голос раздраженно произнес:

— Не могу я разорваться! И по магазинам... и здесь ничего не делается...

Сережа проснулся и сразу вспомнил, что сегодня ему исполнилось десять лет. Он тихонько засмеялся от радости и залез с головой под одеяло, в тепло и темноту.

— Сереженька, детка, проснись, голубчик! — наклонилась над ним мать. — Нынче день твоего рождения, поздравляю тебя, дорогой!

И когда Сережа высунул на свет разлохмаченную голову, она деловито сказала:

— Уж ты извини меня, что рано бужу, но сам знаешь, гости будут. Я с раннего утра в кухне верчусь, а уже в магазины за тем, за другим — прямо некогда. Встань, сбегай, голубчик! — И, видя поскучевшее Сережино лицо, добавила: — Все ведь это, милый, для тебя делается.

Когда Сережа принес молоко и яйца, его послали за яблоками, потом — за сахаром.

— Мне уроки повторить надо, — уныло сказал он, предвидя, что яблоками и сахаром дело не кончится.

— Ах, боже мой! Как будто я все это для себя делаю, — вскипела мать, у которой что-то булькало и пригорало в большой синей кастрюле. — Люди придут, скажут: единственного сына рождение и то справить не могли как следует! А ему все равно. Бесчувственный какой-то! — И тут же отправила Сережу за колбасой.

Уходя в школу, Сережа предупредил:

— Я вернусь поздно: после школы у меня сегодня музыка.

— И слава богу! — сказала домашняя работница Груша. — По крайности под ногами вертеться не будешь.

Вернувшись, Сережа долго звонил на темном крыльце. За дверью слышны были смех и музыка.

«Гости, — подумал Сережа, — патефон».

Наконец ему открыла Груша.

— Только и делов, — проворчала она, — отворяй да затворяй за тобой. Там сейчас радио закрутят, а тут...

За столом сидело много народу, все папины и мамины знакомые. Они стучали посудой, пили, ели и с полным ртом говорили все враз.

— А-а! Именинник! — закричал, заметив Сережу, Семен Иванович, папин сослуживец, про которого папа недавно говорил, что Семен Иванович — кляузник и подхалим.

Его соседка удивленно подняла подбритую в ниточку бровь:

— Как? Разве это маленький именинник? А я думала — сам хозяин!

Сереже стало неловко. Во-первых, никакой он не именинник, а вовсе его рождение, а потом даже доктор сказал, что он «большой не по годам». Маленький!

Он тихонько пробрался к матери на конец стола и, примостившись на ее стуле, шепнул ей на ухо:

— Мам, я есть хочу.

— Сейчас, Сереженька, — понимающе кивнула она головой. — Вот килечку скушай и винегрета.

— Я пирога хочу.

Мать окинула взглядом стол.

— Погоди, Сереженька, пирога мало осталось, а некоторые еще не брали.

Сережа вздохнул и стал ковырять вилкой в винегрете.

— Ведь он у вас, кажется, музыкант, — снисходительно обратилась к матери незнакомая Сереже полная дама, похожая на белого медведя.

— Своего как-то неловко хвалить, — расцвела мать.

— Чего там неловко, — перебил с другого конца стола отец. — Не то что музыкант, а прямо юное дарование. Так и учитель сказал: вундеркинд. Будущий, конечно. Шуберта играет и этого... как его...

— Просим, просим! — закричали гости.

Сережа вяло сел за рояль и, подумав, заиграл.

Все на минуту смолкли.

— Люблю музыку, — сказала, громко жуя яблоко, дама, похожая на белого медведя. — Она дает такое настроение!

— А по мне, — махнул рукой Семен Иванович, — такой музыки хоть бы и не было. Панихида! — Гости засмеялись. — Вот я понимаю музыка: мимо бара какого-нибудь идешь — та-та-та-ти-та-ти... Ноги сами танцуют. Зажигательно! А это что ж?

— Сереженька, а ну-ка фокстротец! — весело подмигнул папа.

— Нас этому не учили, — сказал Сережа и виновато добавил: — Разве по нотам?

Ноты достали, и Сережа стал играть.

— Вот это я понимаю! — зааплодировал Семен Иванович, и, схватив за спину свою соседку, уткнулся ей в плечо и засеменил ногами.

Все оживились. Танцевали долго. Потом заставили Сережу играть вальс. Потом опять пили, встретив овацией появившиеся откуда-то полные бутылки. Наконец кто-то взглянул на часы. Все захохали и, суетливо толкаясь, смеясь и крича, пошли в прихожую.

Оставшись один, Сережа оглядел развалины ужина: на скатерти валялись объедки пирога, окурки торчали из консервных коробок, лежали мокрые во всех тарелках. На уцелевшем куске торта красовалась, широко раскрыв рот, голова селедки.

Под столом кто-то завозился. Сережа заглянул туда: Бобик, зажмурив от удовольствия глаза, объедал большой кусок пирога, кем-то уроненный с тарелки.

— Небось не поделишься, — сказал Сережа. — Я с тобой вчера и то обещал поделиться.

Шпиц покосился на Сережу и продолжал есть, прижав кусок лапой.

— Ишь, жадный! — укоризненно произнес Сережа и, полусонный, залез на диван. — Счастливый ты, Бобка: рождения у тебя нет, пирог ешь... гости к тебе не ходят... — и, обиженно вздохнув, опустил на подушку сонную голову.

В прихожей захлопнулась дверь за последними крикливыми гостями.

— Ну слава богу! — сказала мать, входя в комнату. — Рождение справили не хуже, чем у людей. Кажется, все довольны.

Максим Горький

РАЗГОВОР ПТИЦ

В саду за окном моей комнаты

по голым ветвям акаций прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых пташек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, и я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

— Чик-чирик, — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам. — Вот и снова мы дождались весны. Не правда ли? Чик-чирик.

— Фа-акт, фа-акт, — грациозно потягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она еще и пуганая, как большинство ворон. Она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь благотворительное для старых голубей. Я знаю воробья: хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, но, в сущности, эта птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантные истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку: «Я умру, умру от разочарования, если ты не разделишь со мною любовь мою».

— А знаете, сударыня, чижики прилетели, — сообщает воробей.

— Фа-акт.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут... Ужасно беспокойные птицы. И синицы явились за ними... как всегда, хе-хе-хе. Вчера, знаете, я спросил в шутку одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию, общественному положению собеседника. Я надворный воробей.

Но тут из-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал: «Внимательно прислушиваясь по долгу службы к разговорам всех, населяющих воздух, воду и недра земли, тварей и неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики громко щебечут о всем и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы».

— Чик-чирик, — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя.

А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказал воробей. — А насчет обновления всей природы — это... конечно, приятно, если происходит с разрешения тех сил, коим надлежит сим ведать.

— Фа-акт, — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, из которых они утоляют жажду, якобы мутны, некоторые из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так, — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно. Я тоже был молод и тоже мечтал о... ней. Разумеется, скромно мечтал... Но потом это прошло. Явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе... и, знаете, более приятная, более необходимая воробью... хе-хе...

— Э-гм, — раздалось внушительное кряхтенье. На

ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заспорил:

— Э-гм, замечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э?

— Весенний воздух, ваше-ство, сказал воробей.

А ворона только склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы.

— Н-да... вчера за винтом тоже говорил один потомственный почетный филин... чем-то, говорит, пахнет... А я отвечаю: заметим, понюхаем, разберем. Резонно, э?

— Так точно, ваше-ство...

— Вполне резонно, — согласился почтительно старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждет.

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— Заря своей улыбкой нежно гасит в небе звезды... ночь бледнеет, ночь трепещет, и, как лед на солнце, тает тьмы ночной покров тяжелый... Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды встречи света и свободы...

— Это что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство, — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство, — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и прохрипел:

— М-м... какой серый... прохвост. Он что-то там насчет солнца, свободы прошелся, кажется?

— Так точно, ваше-ство, — подтвердил ворон, — занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, ваше-ство.

— Предосудительно и... глупо.

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей, — глупо-с. Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами к ней... взывали?

— Фа-акт, — вдруг крикнула ворона.

Воробей смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то есть как?

— Тихо сказал: «Да здравствует свобода» — и тотчас же громко добавил: «В пределах законности».

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи надворным воробьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значитесь в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить...

— Фа-акт, — снова каркнула ворона. Ей все равно, что подтверждать.

А по улице текли ручьи и пели тихую песню о реке, куда они вольются в конце пути, и о своем будущем:

— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкою бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы, сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.

Здесь кончается текст, запрещенный царской цензурой, и начинается песня о Буревестнике. «Над седой равниной моря» и т. д.

В ЧАДУ ЧАДОЛЮБИЯ

Н езадолго до школьных каникул

в редакции одной из московских газет собрались артисты, ученые, педагоги, детские писатели, представители клубов. Мы обсуждали, как бы устроить детворе каникулы поинтереснее, повеселее. Совещание подходило к концу. Председатель заглянул в список желающих поговорить и сказал:

— Дадим слово... э-э... товарищу Востролябьеву!

У стола возник свежий мужчина, с ласковыми черными глазами, небольшой аккуратной плешью и с такими полными лоснящимися губами, словно он только что плотно поел масляных блинов. На нем была не то морская, не то военная, не то дирижабельная, а может быть, брандмейстерская форменка. Объемистое брюшко перехватывал широкий брезентовый пояс с огромным металлическим крюком-карабином. Бряцая и улыбаясь, он снисходительно склонился к стенографистке:

— Востролябьев. Ве-Ве — инициалы... Клуб «Красные факелы».

Он выпрямился и бодро оглядел собравшихся.

— Да простят мне уважаемые товарищи, — сказал Востролябьев, — но у меня такое получается ощущение, что дело, как говорим мы, пожарники, полундра... Я позволю себе начать с того, что меня удивляет, я бы сказал, даже несколько поражает то, если можно так сказать, недопонимание специфики детской психики, которое я мог вынести из высказываний, раздавшихся здесь... Вы, то-

варищи, я вижу, вы еще не перешагнули через тот, как мы говорим, брандмауер, который еще частично кое-где подчас разделяет взрослую психику от детского сознания.

Нет, товарищи, недосовсем вы изучили внутренний мир ребенка. Нет, — вздохнул Востролябьев, — недоразбираются у нас еще в этом подчас.

Мы расходились слегка подавленные. Мы чувствовали, что чего-то мы недоучитываем и Востролябьев затюкал нас...

На пятый день каникул Востролябьев позвонил мне:

— Честь имею, дорогой! Вадим Витальевич говорит. Дядя Вадя! Не узнаете? Ай-ай-ай, забыли уже. Все равно не отвертитесь. Нам никто не отказывает на нашем пожарном фронте. На линии огня, хе-хе!.. Ну, словом, Востролябьев говорит. Ждем. Вас ждем. На елочку ждем. Дети покоя не дают. Давай и давай им! Слышать не хотят. Давай им дядю-писателя. Нет, нет! Именно вас. Читаем и почитаем... Слышать не хотят никого другого. Чувствуют свою специфику... Так, значит, я завтра за вами пришло. Не беспокойтесь, ровно в четыре часа. Минута в минуту. Без задержки. Как на пожар. Да, забыл!.. Если отличия имеются, орден там, то прошу прихватить на себе... Для отчетности потребуется, да и детям нагляднее.

Пришлось поехать. Правда, машина из клуба «Красные факелы», спешившая, как на пожар, опоздала на два часа, и я уже медленно догорал, когда наконец явились посланцы Востролябьева — двое довольно развязных юношей из детской дружины песни и пляски.

— Дядя! Вы заслуженный деятель или народный артист? — спросила меня маленькая школьница, как только я вошел в клуб.

— Ну, как? Довезли вас в целости мои пеногоны? — приветствовал меня Востролябьев. — Ребята! — закричал он, вводя меня в зал, где стояла елка. — Ребята, давайте поприветствуем!.. К нам приехал ваш любимый, вам всем известный орденоносец... поэт... Что? Виноват!.. Да, да, именно писатель... Э... э... Лев, э... э... Квитко... Что? Виноват...

Кое-как мы разобрались, кто я.

— Ну, конечно, Квитко же у нас по графику завтра, — нимало не смущаясь, объяснил Востролябьев, — мы в та-

ком масштабе елочную кампанию развернули, что всех не упомнишь, кто перебывал, а кто еще недоперебывал... Двоих Героев Советского Союза уже привозил, одного народного артиста СССР, трех народных РСФСР, четырех заслуженных... Вчера академика одного, заслуженного деятеля науки, вывез для младших классов! Уломал кое-как... Пошел навстречу, стариченция... Но, знаете, не на высоте задачи оказался. Дети, между нами, очень разочарованы. Как-то не учел он нашей специфики... Мы его просили немножко про эти самые, ну, что ли, атомы, научно потрепаться под елкой. Рассердился, представьте себе! Отряхнул конфетти и уехал. Да, достается мне из-за моей любви к детям... Зато сам товарищ Птоломак в приказе отметил. Да еще бы! Вот у текстильщиков рядом клуб «Красная основа», — так там на елках только один стахановец был да два заслуженных артиста, а Героя ни одного! Сильно недовыполнили до нас.

Ребята смотрели на меня снисходительно. Вокруг елки бродил умаявшийся Дед Мороз в медной ахиллесовой каске, надетой ради пожарной специфики. Дед был похож на пожилого будочника времен Достоевского. Дети, взявшись за руки, ходили вокруг елки и старательно пели под баян: «Он готов потушить все пожары, но не хочет тушить только мой». Я пробормотал было, что песенка, мол, не совсем как будто по возрасту.

— Хо! — воскликнул Востролябьев. — Это уклон в специфику, вы не знаете моих пеногонов! Огонь, вода и медные каски! А кто им все это создал, спросите их! Все он же, я! Дядя Вадя!

Потом мы снимались вместе с дружиной песни и пляски. Востролябьев собрал ребят и зычно возвестил:

— А ну, пеногоны! Слушай дядю Вадю!.. Кто хочет сняться с живым писателем?

И хотя от суетливой болтовни, от наседания и хвастовства Востролябьева я чувствовал себя уже полуживым, однако снимались мы долго и обстоятельно. Востролябьев, вспотевший от зудящего усердия, сам рассаживал нас, придавал нужные позы, заказывал выражение лица, улыбки, настраивал, вытаскивал на передний план ребят понаряднее, девочек посмазливее.

— Снимаемся, снимаемся! — кричал он. — Годовой

фотоотчет. Только без инсценировки. Пусть как в жизни. Смотрите на товарища, как будто он вам читает свои произведения! Больше благодарности, больше внимания в глазах. Горите душой!

Как только нас общелкали со всех сторон, Востролябьев сразу заметно остыл ко мне. Я почувствовал, что моя миссия закончена.

— Торопитесь, наверное? — спросил он меня. — Только, извините, машины нет. Ушла как раз... За Жаровым поехали. И, представьте себе, недозапомнил: не то за поэтом, не то за артистом. Помню только, что за орденоносцем... Ну, да разберемся, как приедет. Будьте здоровы! Спасибо, что побывали. А ну, пеногоны, давайте похлопаем на прощанье...

Пеногоны безучастно захлопали мне вслед, провожая меня вялыми глазами, которые уже видели огонь, воду, медные каски, двух Героев, трех народных, четырех заслуженных...

— Устали, ребятки? — посочувствовал я.

— Ничего, потерпим, — сказал один из пеногонов. — Скоро каникулы кончаются. Тогда уж передохнем...

Константин Симонов

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мы врагов своих согнули
В эту ночь в бараний рог.
Чтоб они не улизнули,
Стерegli их все, кто мог.
У заставы, окруженной,
Стали в караул ночной
Даже повар батальонный,
Парикмахер и портной.
И сказал один: «Отлично.
Я меню переменю,
Поварам всегда привычно
Быть поблизости к огню.
На земле богатой нашей
Я голодных не люблю.
Так и быть, свинцовой кашей
Всех пришельцев накормлю!»
И сказал другой: «Ну что же,
Что тут даром говорить:
Парикмахер — он ведь тоже
И врагов умеет брить.
Только б встретить поскорей.
Пусть хоть ночью, пусть хоть днем,
Я не хуже батареи
Сбрею их своим огнем!»
Третий сжал винтовку ту же:
«Все покрыто серой мглой.
Но винтовкою не хуже
Я владею, чем иглой.

Раз уж им необходимо, —
Без примерки тут, в бою,
Саван из огня и дыма
Неприятелю сошью!»

.....
Мы врагам и в самом деле
На обед свинца нашли,
В саван их стальной одели,
Сбрили их с лица земли!

Их сбрили с лица земли,
Сбрили с лица земли

Их сбрили с лица земли,
Сбрили с лица земли

Их сбрили с лица земли,
Сбрили с лица земли

Нарочно не придумаешь

Списать 5 кубометров лесоматериалов на приготовление шашлыков. *(Из акта на списание в строительной организации.)*

На вокзале передали по радио:

— Гражданка Болдырева, подойдите к справочному бюро.

Через пять минут снова:

— Гражданка Болдырева, подойдите к справочному бюро.

Через 10 минут динамик огласил на весь вокзал:

— Гражданка Болдырева, отойдите от справочного бюро. Не мешайте работать.

Условный рефлекс создается в головном мозгу, правда, этого никто не видел. *(Из медицинской лекции.)*

Яблоки свежие, загнившие. *(Из ценника.)*

Прошу вашего разрешения выдать мне дубликат дородового и послеродового отпуска моей жены, так как я работаю в колхозе фельдшером и при обработке телят я повесил свой оксиген (костюм) на загон, где находились телята, а в костюме были моей жены документы, а также дородовой и послеродовой отпуска. После обработки телят я хватился костюма, а его телята половину съели и съели также документы вместе с дородовым отпуском и послеродовым. *(Из заявления.)*

Нюре яблоки из кабачков. *(Из ценника.)*

Орвенние египтяне стали больше знать, чем вмещалось в их голову. *(Из школьного сочинения.)*

Максист высадил меня далеко от дома так, что я оставил в машине очки. В связи с тем, что у меня высокая степень близорукости, я потерял ориентацию и попал в вытрезвитель. *(Из объяснительной.)*

Я, Бобров Гавриил Семенович, выловил 6 осетров, 11 сазанов, 37 лещей потому, что мне требуется диетическое питание. Лов производил крючковой снастью и частиковой сетью. Считаю, что вреда экологической системе Каспия не нанес. *(Из объяснительной браконьера.)*

Кумыс говяжий. *(Из ценника.)*

...и нанес ему несколько сильных ударов по голове и лицу тупым предметом — папкой с протоколами заседаний профкома. *(Из акта расследования.)*

Я отношусь к своему трактору, как к жене. *(Из радиопередачи.)*

Сразу после травмы, при попытке встать, тут же был уложен на месте бригадой «Скорой помощи». *(Из студенческой учебной работы «История болезни».)*

У нас домоуправление большое. Скоро нас разделят, будет два домоуправления, и жалоб будет в два раза меньше. *(Из выступления.)*

Наименование:

Клуб на 300 голов. *(Из счета-фактуры.)*

Ностовому на посту запрещается:

— Спать, читать, писать.

— Производить бесцельную стрельбу. *(Из инструкции на стенде.)*

Котлета свино-гуляшная.
Котлеты с гарнитуром.
Цыпленок Табаков.
Рыба жареная живая.
Эскулап свиной.
Котлеты из говядины с мясом.
Баранина жареная свиная.
Котлеты из свинговядины.
Минтай из говядины.
(Из меню разных столовых.)

Блохин попал в штангу. Но это было после свистка. К тому же это был и не Блохин. *(Из футбольного репортажа.)*

В прошлое воскресенье мы ездили на озеро. Но вода в озере мне не понравилась: какое-то неприятное ощущение, что купаешься в масле. Папа вылез весь жирный. *(Из письма школьника.)*

Оскорблять ее я не оскорбляла. Не кричала, не шумела, я ей только тихонько сказала: «Чего ты на меня глаза вытаращила, как глуповодная рыба?» Согласна, надо было сказать «глубоководная рыба», но я так волновалась, что один слог от волнения проглотила. В этом я виновата. *(Из объяснительной.)*

Бросок Чупрова от души, но не точный, да и мимо. *(Из хоккейного репортажа.)*

23 октября я, работая без обеда, сильно проголодался, пришел домой, выпил стакан и стал жадно кушать и нечаянно откусил палец. *(Из объяснительной.)*

Расписка

Дана на проходную мясокомбината в том, что 27.XII было взято с проходной 3 полена колбасы и что грузчики, которые работали сего числа, съели по распоряжению администрации.

Направляется Качаев Т. Г. на лечение. Диагноз: острая боль в нерабочее время. *(Из направления.)*

А, Петров Т. Г., 20.03.87 г. не вышел на работу, так как был на свадьбе своей супруги. *(Из объяснительной.)*

Базаров любил народ, который помогал ему ловить лягушек. *(Из школьного сочинения.)*

Охрана производится с 17.00 до 8.00 в виде свободного окарауливания без поводка и намордника. *(Из инструкции.)*

Так как Печорин — человек лишний, то и писать о нем много — лишняя трата времени. *(Из школьного сочинения.)*

Рукомыльник. *(Из ценника.)*

А не была на работе с 11 по 13 мая ввиду того, что вышла замуж. Впредь того не повторится. *(Из объяснительной.)*

Пришла пора заборным песням литься,
Улыбкам радости без удержу сверкать!
Мы приглашаем вас повеселиться,
Мы приглашаем вас и петь, и танцевать.
(Из пригласительного билета.)

Будучи в отпуске, удосужился выйти на прогулку. Шел, упал. В результате перелом 2-й фаланги правой кисти. Впредь обязуюсь, находясь в отпуске, на прогулку не ходить, чтобы не упасть и не сломать фалангу какой-либо руки. *(Из объяснительной.)*

Ребята, подстригитесь, чтобы от кожи было 2 сантиметра. *(Распоряжение классного руководителя.)*

А родился в дер. Шестаково, учился в школе, работал в сельском хозяйстве, служил в армии, а по возвращении перешел в первобытное состояние. *(Из автобиографии.)*

Ирически создаются с помощью рук и других предметов повседневного пользования. (Из телепередачи.)

Товарищи! Печать ставится только на первого руководителя. (Объявление в отделе кадров.)

Больных в 7 часов утра закапывать всех. (Объявление в глазном отделении больницы.)

Прибыл автобус маршрутом Махачкала — Кизляр. Мест нет. Счастливого пути! (Объявление диспетчера автостанции.)

Тов. жильцы дома № 3/4, просим в срок до 25 июля дать заявки дежурному слесарю Дерябину Б. С. на установку негодных батарей.

В третьем забеге участвует только первая дорожка, вторая дорожка бежать отказалась. (Объявление на соревнованиях по пожарно-прикладным видам спорта.)

Мамонтовской лодочной станции требуется директор. По всем вопросам обращаться к сторожу.

В камере хранения есть свободные места для женщин. (Объявление на вокзале.)

Магазину требуются продавцы в рассрочку.

Кафе «Айсберг» и дискотека «Титаник» приглашают молодежь на танцевальные вечера. (Объявление в газете.)

Уважаемые пассажиры! Электropоезд Новомихайловка — Глубокая опаздывает приблизительно на неопределенное время.

Люди! Выбирайте так: сигареты или рак! (Плакат в поликлинике.)

В среду 9 июля низ у мужчин не работает. (Коллективная помойка.) (Объявление в бане.)

С волосами в буфет не заходить! (Объявление в школьном буфете.)

Областной театр драмы 23 октября — «Мой медный Мара-
рат». (Объявление в газете.)

Мов. жильцы! Сегодня и завтра горячей воды не будет.
У кочегара родился сын.

Пенсию, алименты и увечья получают в кассе ЖКК. Рас-
четный отдел.

Уважаемые туристы!

У кого остались талоны от обеда, вы можете их съесть
на ужин.

Моварищи клиенты!

Наш пункт приема работает на полудоверии. (Объяв-
ление в приемном пункте прачечной.)

Кто ждет руки, ноги, головы и ребра, можете не стоять.
Будем выдавать только желудки. (Объявление медсестры
рентгенкабинета.)

Срочно требуется душер. (Объявление в бане.)

Рога — отличный подарок с курорта. (Реклама в сувенир-
ном магазине.)

Но случаю отъезда срочно продается пуховая коза с ма-
леньким малышом и козел-производственник.

Внимание! Перед киносеансом состоится лекция стои-
мостью 20 копеек.

Срочно сдать списки на дожитие агентам. (Объявление в Госстрахе.)

Лива нет. Идите в баню. (Объявление на павильоне «Пиво-воды».)

Срочно требуется для продажи овощей овощиха.

Берусь нянчить ребенка вместе с мужем.

Сегодня в клубе мостоотряда состоится встреча с киноактрисой «Ленфильма» (фамилию забыли).

Товарищи отдыхающие!

Кто хочет заниматься гимнастикой, а также сердечно-сосудистыми и костными заболеваниями, просьба пройти в соларий.

Сберегательной кассе требуется контролер-кассир, временно грамотный пенсионер для начисления процентов.

Ушла на пятиминутку. Буду через час. (Объявление на двери кабинета врача.)

Средней школе срочно требуется уборщица на звонки.

Но поводу невыхода в ночное дежурство 15-го.

Я опустил в свой погреб, где натолкнулся на флагу, покушал. Что-то наподобие хмельного, принял несколько кружек, я потерял сознание, после, когда пришел в себя, я обратно повторил, и меня как кто рукой сшиб. Я и повторял, пока содержимое кончилось в флаге. И я сидел в сыром темном подвале и только 18-го после обеда собрал в себе все силы и выбрался на поверхность, а 18-го в ночь вышел на дежурство.

Прошу учесть мое положение, это не по моей причине. (Из объяснительной.)

За плохой контроль и несоблюдение правил содержания лошадей в бригаде, повлекшей гибель трех лошадей, частично взыскать гибель одной лошади с бригадира комплексной бригады Казаковой В. С. и конюха Ступникова А. С. *(Из решения правления колхоза.)*

Видите, зрителей на стадионе очень много, несмотря на выходной день, многие отдыхают. *(Из футбольного репортажа.)*

Проверяющими привязано так называемое нормативное вымя всем забитым телятам и бычкам. *(Из акта.)*

В процессе документальной ревизии все недостатки устранены: переданы другим материально ответственным лицам. *(Из акта.)*

Я знал Гринько, когда он был трезвый, но трезвый он был редко. Не успели мы его разобрать, а он уже уволился. *(Из выступления.)*

А тех работников предприятия, которые злоупотребляют спиртными напитками, будем направлять к врачу-некрологу. *(Из протокола собрания.)*

Лошадь мерин приплода не давал из-за длительной работы и старости. *(Из акта.)*

Товарищ Федорова М. А. в быту ведет себя правильно, не замужем. *(Из характеристики.)*

Я 5 марта был выпимши на работе, потому что мне вернули долг — бутылку водки. *(Из объяснительной.)*

Никто еще не потерял надежд покинуть когорту сильнейших. *(Из хоккейного репортажа.)*

Если не хотите, чтобы я писала и жаловалась куда надо, то заткните мне рот хорошей зарплатой. (Из выступления на собрании.)

Я был крайне возмущен, что выпущенный заводом и проданный мне телевизор со знаком качества и гарантией в два года вышел из строя дважды в течение двух месяцев незначительной работы. На этой почве у меня произошло нервное расстройство. Вечером я пошел в соседний магазин, купил две бутылки вина «Осенний сад» и выпил за ужином и после ужина. Качество вина, видимо, оказалось такое же, как и телевизора. 27 и 28 я не смог выйти на работу, так как сильно болел. (Из объяснительной.)

Учетная карточка специалиста

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Пол (до поступления в вуз).

(Из бланка учетной карточки.)

Во время пребывания в больнице больной объяснялся с медперсоналом только жалобами. (Из докладной.)

Гектар «Папаня». (Из ценника.)

Этот молодой человек уложен для детского сада. (Пояснение на демонстрации мужских, женских и детских причесок.)

Работать было трудно, пиво опять теплое, торговали по кассе 1201 рубль. Утром приеду, готовь бабки, на финские обои, поеду завтра за обоими. Жалоб в книгу не допущено. Маруся.

Народу было очень мало. Банкетов не было. Пиво, как всегда, теплое. Торговали навынос очень мало. Почему не оставила бабки за обои, взяла без спроса да еще бабки не оставила, я ведь должна расплатиться с базой, а у меня их нету, ведь без бабок больше не дадут. Торговали по кассе 960 руб. Жалоб в книгу не допущено. Маруся.

Бар открыли вовремя, народу очень мало, была небольшая жалоба — недолив пива полтора литра, хотя им сказала, что это допускается.

Бегали за мной — дайте жалобную книгу! Будьте очень осторожны, их двое, требовали еще и холодное пиво, возраст около 30 лет, в сером костюме, обои в импортных очках, у одного есть корочки трамвайного контролера, тряс ими перед носом. Ушли очень злые, грозились прийти с БХСС. Был банкет на 6 персон. Опять артисты театра и кино. Прошел на ура, только Катька в мойке опять напилась, отправила ее домой. Торговали по кассе 1227 руб. Жалоб в книгу не допущено. Маруся. *(Из «Книги сдачи-приема дежурств» в пивном баре.)*

Таврилов был в красивой комбинации. *(Из футбольного репортажа.)*

Салат с диатезом. *(Из ценника.)*

Организовать на прииске склад для хранения подотчетных лиц. *(Из приказа.)*

Я изготовил 3 литра самогона и повез бутылку на работу угостить ребят. В трамвае был задержан за безбилетный проезд. При задержании у меня изъяли самогон и дело передали в следственные органы. Я осознал свою вину и впредь всегда буду брать билеты. *(Из объяснительной.)*

Зарядинский Госцирк возвращает исполнительный лист на Макеева Ю. П. в пользу Макеевой Нины Ивановны в связи с тем, что Макеев Ю. П. уехал с программой «Человек-невидимка» в Хольковский цирк. *(Из уведомления.)*

На картине изображены дети с раскрытыми до глубины души глазами. *(Из радиопередачи.)*

Сельдь с рыбой. 1000 г-1 — 20 р. *(Ценник.)*

25 января с. г. я пошел лечить зубы. Врач дала мне справку, а не больничный. Я обиделся, порвал ее, а потом пошел гулять и сделал общий прогул 10 рабочих дней. *(Из объяснительной.)*

При контрольной закупке я обсчитала двух шахтеров на 9 копеек. Впредь постараюсь с ними не встречаться. (Из объяснительной записки продавца.)

Лифтер может допускаться к работе только по назначению и в пределах его номинальной грузоподъемности. (Из инструкции.)

Ваш сын прожевал весь урок английского языка. Прошу явиться в школу! (Запись в дневнике школьника.)

Товарищи, у нас за отчетный период текучести кадров не было, так как 106 человек прибыло, 108 человек уволилось. (Из выступления.)

Свинина в шкуре без ног. (Из ценника.)

При рытье каналов у людей возникла геометрия. (Из школьного сочинения.)

С положительной стороны Шорин В. П. характеризуется отрицательно. (Из характеристики.)

Здесь говорили о пьянке в рабочее время. А я скажу, что не надо принохиваться. Вы же знаете, что Маня и Катя пьяные работают лучше, чем трезвые. (Из выступления.)

У нас в питомнике много собак, но в основном мы питаемся за счет клубного собаководства. (Из радиопередачи.)

За халатное отношение к пьянке слесарю Носачеву Д. Л. объявить строгий выговор. (Из приказа.)

Начислено за доставку хлеба на хребте с пекарни в столовую совхоза 49 руб. 46 коп. (Из наряда.)

В настоящее время заведена книга, в которой дежурный механик принимает под охрану сторожа, а сторож — механика под роспись. (Из служебного письма.)

Вот тут говорят, что я неделю проработал на производстве и уже попал в вытрезвитель. Отвечу: там, между прочим, не спрашивают, сколько проработал, а забирают, и все. (Из объяснения в товарищеском суде.)

Она будоражит нас своей неуспокоенностью, вечным поиском справедливости и удивительной безвредностью. (Из стенгазеты.)

Результаты от выгуливания собак в неустановленных местах налагаются на виновников в установленном порядке. (Из инструкции.)

Русаков А. И. 1 июля 1981 г. поехал на работу. В сквере у завода ему что-то попало в глаз. Он обратился в здравпункт. В здравпункте у Русакова А. И. ничего не обнаружили. 2 июля Русаков А. И. обратился в поликлинику, где обнаружили иностранное тело и выдали больничный. (Из акта.)

Свекла из чернослива. (Из ценника.)

29.XII я находился на работе в нетрезвом состоянии, так как я работаю заведующим гаражом. (Из объяснительной.)

Пропал баран, по распоряжению милиции списан на 22 руб., так как он ушел и не вернулся. 1 руб. — на продукты его питания. (Из отчета в НИИ.)

За счет повышения производительности труда, качества и культуры обслуживания увеличить стоимость одного клиента на 2 копейки. (Из обязательства в парикмахерской.)

Уха жареная. (Из ценника.)

И как только язык у него поворачивается — такое писать! (Из выступления.)

Прошу вашего разрешения выйти замуж на три дня. Прошу не отказать. (Из заявления об отпуске на три дня в связи с бракосочетанием.)

Человек с лицом, изборозженным глубокими и усталыми глазами, рассказывал о своей судьбе. (Из письма в редакцию газеты.)

За неправильный перевод курей в петухи заведующему птицефермой Никитину Н. К. объявить выговор. (Из приказа.)

Брюкодер. (Из ценника вешалки для брюк.)

Я действительно разбавляла водку водою потому, что желала как лучше, чтобы клиенты меньше пьянели и не дрались. А если бы я знала, что будет проверка, то я б этого ни в жисть не делала, и пусть напиваются и хоть поубиваются. (Из объяснительной записки буфетчицы.)

Лидирует спортсменка под номером шесть емкостью 125 кубических сантиметров. (Из репортажа о мотогонках.)

26.V.81 г. я брал за свой счет, так как после аванса требуется прийти в себя. И вообще начальство должно знать, что после аванса и получки мне нужны дни отдыха. (Из объяснительной.)

Уважаемый тов. Толкачев! Пожалуйста, придите 28 — 29.III.82 г. перефотографироваться на художественное фото. Вы получились нерезким, шевельнулись глазами. (Из письма фотоателее.)

Справка

Выдана в том, что для УМ проданы пять домовых по цене 0.30 (тридцать) копеек наличной деньгами. Выдана для оплаты в кассу УМ. Начальник стола ОВД (подпись). (УМ — управление милиции.)

Обращаюсь к вам потому, что уж больно муторно на душе. А причиной плохого настроения является попытка сдать винно-водочную посуду. (Из письма в редакцию газеты.)

Отправить тов. Бурцева Н. К. в город Куйбышев по трубе диаметром 32 мм. *(Из протокола совещания.)*

Прошу приобрести 12 будильников для наших сторожей. *(Из докладной.)*

Приятно видеть в другом городе женщину с сумкой нашей фабрики, как будто живого человека встречаешь. *(Из радиопередачи.)*

Роль санитарного актива в пропаганде донорства и вредных привычек. *(Из плана работы лектория.)*

Я, Харламов Б. Н., не вышел на работу 16 марта ввиду того, что моя физиономия не совпадала с физиономией на пропуске, поэтому я решил не пойти на работу, потому что охрана бюро пропусков могла меня не опознать. *(Из объяснительной.)*

Из-за нерадивости некоторых учеников я не могу начать новую тему по рисованию и уже второй месяц держу весь класс на цветочных горшках. *(Из выступления учителя рисования.)*

Голова прессованная. *(Из ценника.)*

Я, перед тем как заступить в ночь на работу, 23.2.82 г., напился, пришел на работу с опозданием, увалился спать, после чего получил замечание коллектива смены, впредь обязую руководство и весь личный состав смены не пить в рабочее время и вообще. *(Из объяснительной.)*

Владимир Георгиевич! Приглашаем Вас 14.02.82 г. в 12 час. на сбор щенков и собеседование. Ваша явка обязательна. *(Открытка клуба собаководов.)*

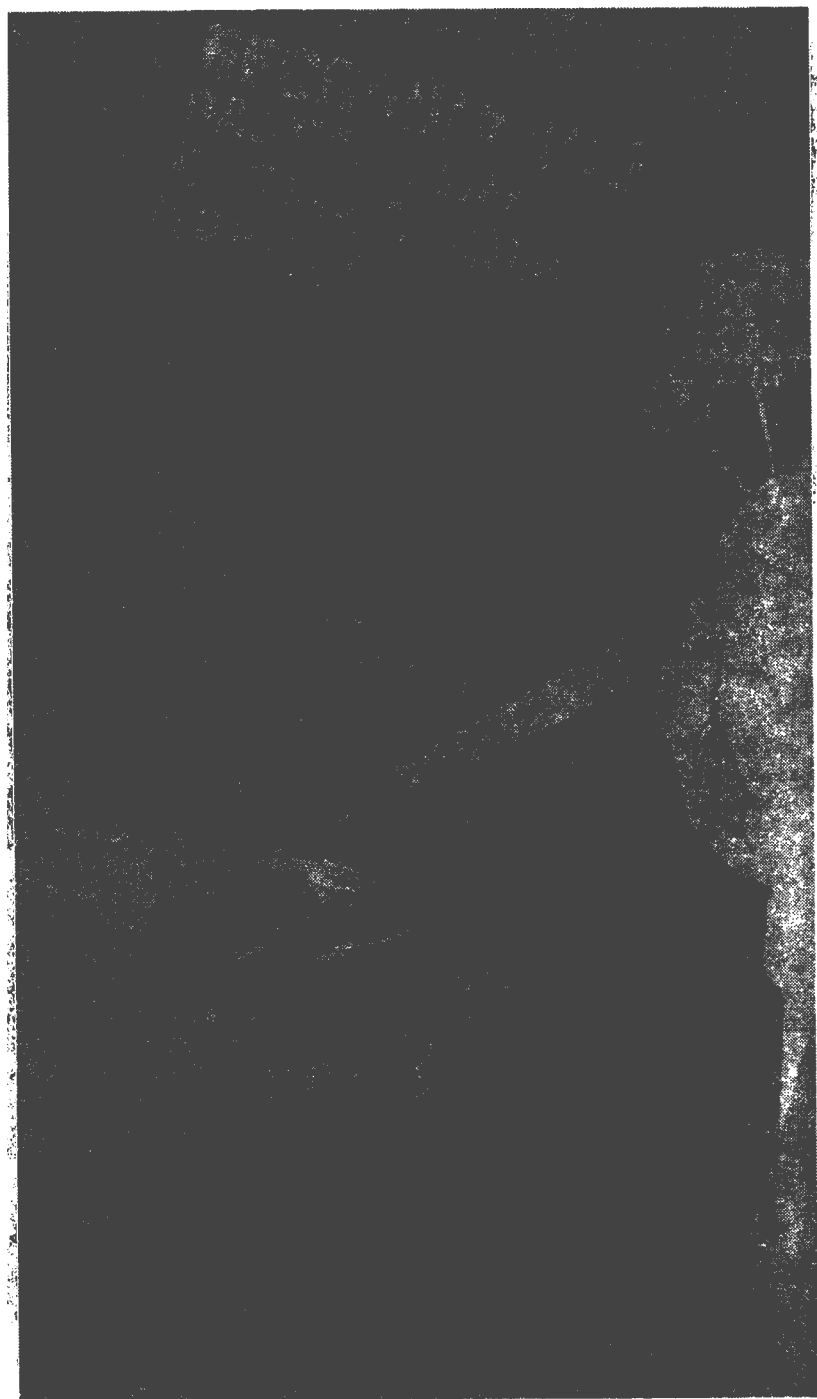
Она трудолюбива, исполнительна. Являлась членом санитарно-бытовой комиссии цехкома. За успехи в работе поощрялась Доской почета. *(Из письма в редакцию газеты.)*

...К штыку приравняли перо (1941—1960)

**БЕСПОЩАДНО
РАЗГРОМИМ
И УНИЧТОЖИМ
ВРАГА!**

И. ГОРЬКИН

Владимир Дыховичный

ТЫ МОРЯК, МИШКА

1

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом...
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался заправским моряком.

И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, — скажет ему мать:

— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

2

Изрытые лиманы, горящие каштаны,
Красавица Одесса под навесным огнем,
С горячим пулеметом на вахте неустанно
Молоденький парнишка в бушлатике морском.

И эта ночь, как день вчерашний,
Несется в свисте и пальбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно, скажет сам себе:

— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

3

Померкшие лиманы, опавшие каштаны
И тихий, скорбный шепот приспущенных
знамен.

В печальной тишине, без труб, без барабана
Одессу оставляет последний батальон.

Хотелось лечь. Прикрыть бы телом
Родные камни мостовой!

Впервые плакать захотел он,
Но комиссар обнял его рукой:

— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

4

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Победоносный рокот развернутых знамен.
С морскою песней входит походкою чеканной
В красавицу Одессу усталый батальон.

И, уронив на камни розы —
Знак возвращения своего,
Сдержать не может Мишка слезы,
Но тут никто не скажет ничего.

Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть моряк Мишка, — моряк не плачет,
На этот раз поплакать, право, не беда.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА В ЧАСТУШКАХ

Гитлер спорит с Риббентропом
Каждый день, часов с шести:
Как порядок по Европам
Легче новый навести.

Гитлер хочет все дубы
Порубить и — на гробы;
Предлагает Риббентроп
Заказать всеобщий гроб:

«Это будет очень грубо —
Сделать все гробы из дуба.
Предлагаю: общий тип
С окантовкой из лип!»

«Для подобной мебелицы
Не подходит это:
Пригласи-ка Геббельса,
Спроси-ка совета!»

Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекошил.
У красавца слезы градом:
Подавился Сталинградом.

Есть запрос от Роммеля:
«Нету войска кроме ли?
Наши шансы в Ливии
Ваших не счастливее:

У пехоты нет охоты
Под огонь такой идти,
Нас повсюду самолеты
Настигают на пути!»

Гитлер Геббельса спросил:
«Вновь ты рот перекошил?»
Геббельс Гитлеру в ответ:
«Хочешь — любишь, хочешь — нет!»

Так сидят они вдвоем,
Собираясь с мыслями,
Мы их нынче застаем
С рожами прокислыми!

Михаил Зощенко

РОГУЛЬКА

Утром над нашим катером

стали кружиться самолеты противника.

Первые шесть бомб упали в воду. Седьмая бомба задела корму, и наш катер загорелся.

И тогда все пассажиры стали кидаться в воду.

Не помню, на что я рассчитывал, когда бросался за борт, не умея плавать. Но я тоже бросился в воду и сразу погрузился на дно.

Я не знаю, какие там у вас бывают физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу.

Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды.

Держусь за эту рогульку и уже не выпускаю ее из рук.

Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее.

Вдруг вижу: кто-то еще подплывает ко мне.

Вижу, какой-то штатский вроде меня — в песочном пиджаке и в длинных брюках.

Я показал ему на рогульку, и он тоже ухватился за нее.

И вот мы держимся за эту рогульку. И молчим. Потому что говорить не о чем.

Впрочем, я его спросил, где он служит, но он ничего не ответил. Но только выплюнул воду изо рта и пожал плечами. И тогда я понял всю нетактичность моего вопроса.

И вот держимся мы за эту рогульку и молчим. Час молчим. Три часа ничего не говорим. Наконец мой собеседник произносит:

— Кажется, идет спасательный катер.

Действительно: видим, идет катер и подбирает людей, которые держатся на воде.

Стали мы с моим собеседником кричать, махать руками, чтоб с катера нас заметили. Но нас почему-то не замечают, не подплывают к нам.

Тогда я скинул пиджак и рубашку и стал махать этой рубашкой: дескать, вот мы тут, сюда подъезжайте.

Но катер не подъезжает.

Из последних сил я машу рукой: дескать, погибаем, войдите в положение, спасите наши души.

Наконец с катера кто-то высовывается и кричит в рупор:

— Эй, вы, трам-тарарам, вы что, обалдели, держитесь за мину!

Мой собеседник как услышал эти слова, так сразу шарахнулся в сторону. И, гляжу, поплыл к катеру.

Инстинктивно я тоже выпустил из рук рогульку, но как только выпустил, так сразу с головой погрузился в воду.

Тогда я снова ухватился за рогульку и уже не выпускаю ее из рук.

С катера в рупор кричат:

— Эй, ты, трам-тарарам, не трогай, трам-тарарам, мину!

— Братцы, — кричу, — без мины я как без рук. Потону же сразу! Войдите в положение! Плывите сюда, будьте столь любезны!

В рупор кричат:

— Не можем подплыть, дура-голова: подорвемся на мине! Плыви, трам-тарарам, сюда! Или мы уйдем сию мину!

Думаю: хорошенькое дело — плыть при полном неумении плавать.

Кричу:

— Братцы! Моряки! Придумайте что-нибудь для спасения человеческой жизни!

И сам держусь за рогульку так, что даже при желании меня не оторвать.

Тут кто-то из команды кидает мне канат. При этом в рупор и без рупора кричат:

— Не вертись, чтоб ты сдох: взорвется мина!

Думаю: сами нервируют криками; лучше бы я не знал, что это мина, я бы вел себя ровней. А тут, конечно, дергаюсь: боюсь. И мины боюсь и без мины еще того больше боюсь.

Ухватился я за канат. Осторожно обвязал себя за пояс.

Кричу:

— Тяните, ну вас к черту!

Вытянули меня на поверхность. Ругают сил нет. Уже без рупора кричат:

— Чтоб ты сдох! Хватаешься за мину во время войны!

Конечно, молчу. Ничего не отвечаю. Поскольку, что можно ответить людям, которые меня спасли. Тем более сам чувствую свою недоразвитость в вопросах войны, непонимание техники.

Втащили они меня на борт. Лежу. Обступили.

Вижу, и собеседник мой тут. И тоже меня ругает, стыдит: зачем, дескать, я указал ему схватиться за мину.

Собеседнику я тоже ничего не ответил, поскольку у меня испортилось настроение, когда я вдруг обнаружил, что нет со мной рубашки, которой я махал. Пиджак тут, при мне. А рубашки нету.

Хотел попросить капитана сделать круг на ихнем катере, чтоб осмотреться, где моя рубашка, нет ли ее на воде. Но, увидев суровое лицо капитана, не решился его об этом спросить.

Должно быть, эту рубашку я оставил на mine. Если это так, то, конечно, пропала рубашка.

После спасения я дал себе торжественное обещание — изучить военное дело.

НЕКРОЛОГ

ПРЕСТУПНЫЙ мир понес невознаградимую утрату.

Мировую шпану постигло тяжкое горе. От нас ушел величайший жулик двадцатого века, негодяй, душегуб и предатель, основоположник итальянского фашизма, верный ученик и последователь Иуды Искаротского, друг и

соратник Адольфа Гитлера, мастер провокаций и прогрессивный паралитик Бенито Муссолини.

За 21 год своего владычества в Италии Беня покрыл себя неувядаемой славой. Вся многовековая история мировых неудачников бледнеет перед камуфлетами и крахами, постигшими Беню на сравнительно небольшом отрезке времени. Задумав возродить великую Римскую империю, Беня стал энергично прививать себе манеры древнего римлянина: подымал для приветствия руку, брился мечом, время от времени произносил речи с балкона венецианского дворца в Риме.

Однако, не обладая особым политическим тактом и твердыми познаниями по географии и истории, пылкий Бенито впал в роковую ошибку. Черты древнего римлянина привить-то он себе привил, но впопыхах эти черты оказались чертами римлянина времени упадка. С этой роковой минуты все и покатилося.

Пользуясь общим замешательством, Беня нахватал себе колоний: Абиссинию, Триполитанию, Ливию, Албанию. Он уже подумывал о Египте, Тунисе и Алжире. Но тут вступили в свои права черты упадка. В Абиссинии Беня жестоко засыпался, и его крепко поколотили. Покололи Беню также и в Египте, Ливии, Триполитании, Тунисе, Алжире. И очень крепко попало ему в России, куда его берсальеры по милости Адольфа Гитлера попали и пропали...

Покойник обладал нежным, лирическим характером: во время своего пребывания у власти он нахапал у итальянского народа не один десяток миллионов лир, что и дало повод благодарным итальянцам сложить в честь дуче прелестную канцонетту, которая начиналась так:

**«Мы стараньями Бенитки
Все ограблены до нитки».**

Для поправки пошатнувшихся делишек Беня поступил в услужение к Адольфу Гитлеру. Но служба у Адьки не дала Бене никакого удовлетворения. Работать приходилось на своих харчах, и зачастую бедный Бенчик принужден был подставлять свою морду под удары, предназначенные его хозяину. Так, например, под Сталинградом Беня потерял все легионы своих древнеримских макарон-

КУКРЫНИКСЫ

НАРОДНЫЕ ХУДОЖНИКИ СССР

КУПРИЯНОВ
Михаил Васильевич

КРЫЛОВ
Порфирий Никитич

СОКОЛОВ
Николай Александрович

Худ. И. Семенов

**БЕСПОЩАДНО
РАЗГРОМИМ
И УНИЧОЖИМ
ВРАГА!**

Кукрыниксы. 1941 г.

Кукрыниксы.
1943

Худ. В. Гальбе. Крымская «Фрицеловка»

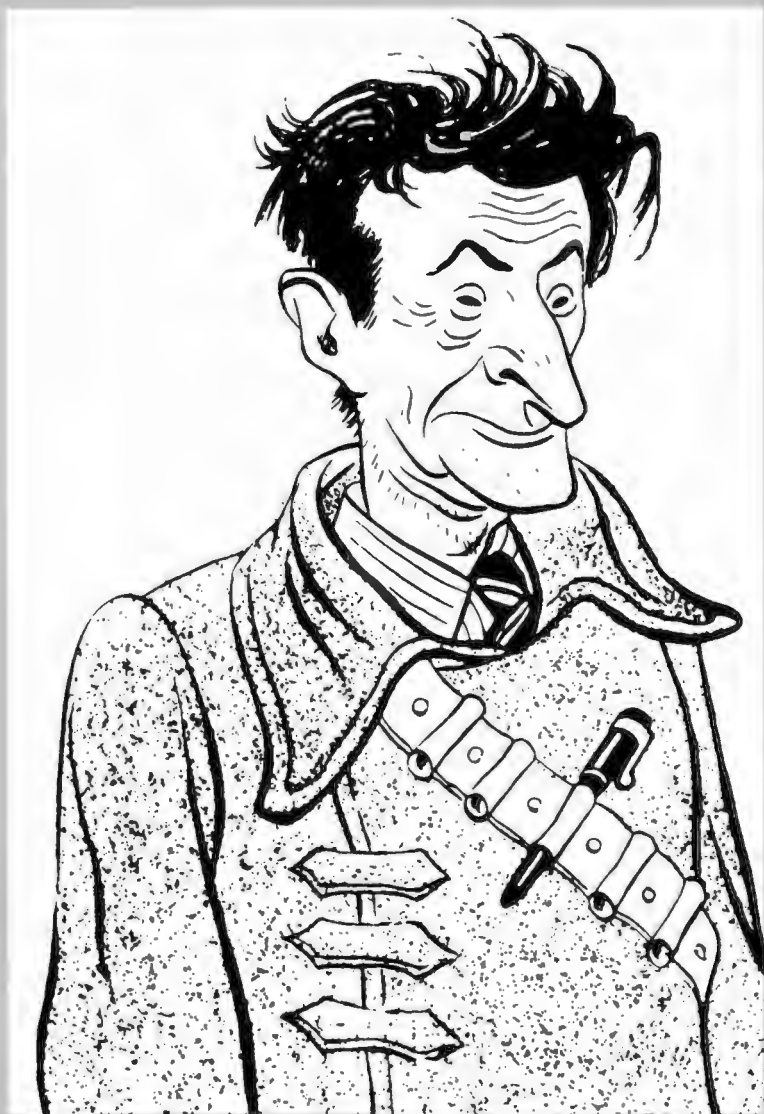
Худ. Б Пророков. 1951 г.
Американская свобода

Худ. Б. Лео. Не сходится

Худ. Ю. Ганф.
Шито белыми
нитками

Худ. Бор. Ефимов.
Михаил Светлов

Худ. Д. Обозненко
Аркадий Райкин

Худ. А. Арутюнян.
Юрий Тимошенко и Ефим Березин

Дружеские шаржи И. Семенова

Виталий Горяев

Евгений Щеглов

Аминадав Каневский

щиков, после чего, обращаясь к Адьке и не будучи слишком силен в истории, воскликнул:

— Вар. Вар, отдай мне мои легионы!

На что нервный Адя отвечал:

— Плевал я на твои легионы. У меня и своих лупят и в хвост и в гриву...

Кончилось все это тем, что Бенья вынужден был уйти в мир иной. Как говорится, собаке — собачья смерть.

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ.

*Перевел с итальянского
Валентин Катаев*

НИХТ ГУТ, ГОСПОДА ОККУПАНТЫ!

Итак, господа оккупанты,
два годы войны —
срок большой.
А ваши войска
(то есть банды)
никак не вернутся домой.
Всё те же дороги лесные,
Но нету возврата назад.
И пули советские, злые
по-прежнему
густо свистят.
Всё те же снаряды
и мины,
и негде укрыться в тиши.
И гложут арийские спины
простые окопные вши.
И бомбы летят
повсеместно,
и бьют партизаны в ночи.
И спрятаны — где,
неизвестно —
от «полной победы» ключи.
Итак,
господа оккупанты,
пора бы закончить базар.
А ваши войска
(то есть банды)
то в холод бросает,

то в жар.
Спокойно!
Такое бывает —
И бледность и немощный
вид...
(Когда карачун подступает,
всегда почему-то знобит.)
Да, да,
господа оккупанты,
здоровье больного
«нихт гут».
Военные ваши таланты
зачахли в России,
капут!
Но мы,
господа, вам поможем,
Мы дружный
и верный народ.
Мы наши лекарства
умножим —
и кризис
на убыль пойдет.
Даем мы вам честное слово
(А мы обещанья храним!).
Что тягостный кризис
больного
Мы вытравим вместе
с больным!

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

— Хорошие дни стоят, Дмитрий Николаич!

— Чудесные, Петр Максимыч! Что и говорить: золотая осень.

— И август хорош. И сентябрь не подкачал.

— «Уж небо осенью дышало, короче становился день...» Замечательно!

— Что замечательно: стихи или осень?

— И то и другое. И неувядаемый стих Пушкина, и желтеющий лист березы.

— С подлинным верно, Дмитрий Николаич. А лето какое!

— Что и говорить! Разве можно сравнить июль этого года с прошлогодним?

— Да, погода совсем изменилась.

— Воздух совсем другой, Петр Максимыч. Синевы небесной прибавилось. Мценск, Орел. Все тургеневские места. Ну, конечно, и Белгород.

— И в Белгороде жил Тургенев?

— Нет. Но тем не менее — важный стратегический пункт.

— Да, июля уже не те, и августы не те. Отделка другая, качество более высокое.

— Что и говорить! В особенности же, Петр Максимыч, хорошо в августе в районе Харькова.

— Где именно?

— Везде. И в самом городе. И восточней Харькова, и западней, поближе к Ахтырке. И южнее — в районе Змијева и Чугуева.

— Там сейчас подсолнухи зреют.

— Там сейчас, Петр Максимыч, судя по оперативной сводке, много кое-чего зреет. А еще скажу я вам: очень приятный осенний пейзаж поближе к Полтаве.

— Что и говорить! Он в этом году выше всяких похвал.

— Кто?

— Я имею в виду месяц сентябрь. Интересный месяц.

— Сейчас весьма заманчиво в Брянских лесах: падают листья, хрустят фрицы, форсируются реки. А какая красота на юге, на берегу Азовского моря.

— Богатейший край!

— Чехов писал о тех местах: «Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас». Сейчас он мог бы прибавить: «А если бросить в немецкий блиндаж гранату, то через день-другой вырастает крест на могиле фрица».

— Что и говорить! Благодатная почва.

— Таганрог — это родина Чехова. Большой писатель! Очень люблю я, Петр Максимыч, короткий и ясный слог.

Вот послушайте. Небольшой отрывок о Таганроге: «Ломая упорное сопротивление противника, советские кавалерийские и механизированные соединения прорвались в тыл немецких войск». Читаешь — и нельзя оторваться.

— Дмитрий Николаич, это же не Чехов писал. Это из сводки.

— Но ведь здорово написано. А? Антон Павлович одобрил бы. Он любил такой стиль. Он говорил: «Если на сцене висит ружье, оно обязательно должно выстрелить». А под Таганрогом, уверяю вас, ни одно ружье не гуляло — все стреляли. Немцев только убитыми — свыше тридцати пяти тысяч.

— Да, чудесные дни стоят.

— И вечера неплохие, Петр Максимыч. И в Донбассе, и в Конотопе, и в Бахмаче, и...

— И где еще?

— Об этом будет сказано, сегодня в сводке.

— И завтра будет сказано и послезавтра.

— А в Москве — что за вечера! Я уже не говорю о звездах. Одних ракет сколько в небе!

— Золотая осень!

СОН ЗЛОВЕЩИЙ, ЗЕЛО ВЕЩИЙ

Под бетонным потолком,
под железным колпаком фюрер
спит в подземной спальне,
над губой торчит щетина,
спит Адольф-полумужчина,
над Берлином бомбопад,
остальные все не спят.

Мимо спальни ходят слуги,
сообщают тихо слухи:
— Говорят... опять котел:
...Русс... до Пруссии дошел...
Говорят... Иван уже...
на германском рубеже...
...Говорят... попался Гаман...
Расстрелял сто тысяч там он.
...Как податься нам в Мадрид...
...Тише, с фюрером припадок...
Сон его теперь несладок,
он рычит, он говорит...

Фюрер спит под колпаком,
под бетонным потолком,
на лице его ожоги,
забинтованные ноги.
Фюрер мечется в постели,
он увидел вещий сон,
что два раза был расстрелян
и сто раз повешен он.
Видел он в своем кошмаре,
что по длинному шоссе
он шагал, его по харе
били, били, били все.

Он проснулся весь в поту
и уперся в темноту.

У дверей стоит охрана —
два эсэсовских уркана,
говорят между собой:
страхом скрючена рука,
острый нос на роже сальной,
под глазами два мешка.
— Дело — дрэк, конец плохой.
— Я один замучил триста
русских пленных большевиков.
— Нас в Швейцарии найдут.
И в Испании! И тут!..
Может, фюрера угробить?
Нас помилуют, должно быть!..

Под бетонным потолком,
под железным колпаком
Гитлер пальцем карту мерит,
веки щурит, зубы щерит:
— ...До границы сорок точно,
за три дня пройдут они...
Сто — по Пруссии Восточной,
тоже считанные дни...
От Варшавы до Берлина
всей дороги половина!..
А они — идут, идут,
скоро, скоро будут тут!
Надо золото скорее
отослать за Пиренеи...
Бриллиант зашить под кожу!.. —
Ужас корчит злую рожу,
истекает пеной рот,
черным мучимый недугом,
слышит он — шаги за Бугом,
видит свой последний год,
чуёт он петлю на шее
и на набережной Шпрее
слышит голос:
— Суд идет!

КАРТИНА

З ахотела свинья ландшафт писать.

Подошла к забору, в грязи обвалялась, потерлась, потом грязным боком о забор — картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

— Плохо, скучно!

— Как? — сказала свинья и насупилась, прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

— Так мило, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул:

— Какое великое произведение!..

Прибежал тощий пес, обнюхал картину, сказал:

— Недурно, с чувством, продолжайте... — И поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и не поглядела на пса.

Она лежала на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

В это время маляр пихнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать...

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

— Пропала моя картина, замазал ее маляр краской... Я не переживу горя.

— Варвары... варвары... — закурлыкал голубь.

Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

— Врет она... переживет.

Вл. Масс
и Мих. Червинский

НА ВАШЕМ МЕСТЕ

Давайте условимся: вы — это мы,
А мы — это вы. Понимаете?
Вы напрягаете ваши умы
И что-то для нас сочиняете.
А мы открываем вот этот журнал,
Читаем вот это творение
И тихо, но так, чтобы каждый слышал,
О нем говорим свое мнение.

Представьте, что этот обмен совершен,
Вы приняли наше условие.
Вот только тогда, перечтя фельетон,
Судите о нем на здоровье.
Суждение ваше тогда, все равно,
Серьезное или наивное,
Не будет пристрастным, а будет оно
Вполне, так сказать, объективное.

Так в жизни всегда, не сердясь, не грубя,
Отнюдь не теряя терпения,
Поставьте на место чужое себя,
Потом принимайте решение.

Ну, скажем, вы — пред. или, может быть, зам.,
И кто-то приносит вам жалобы,
И жалобы эти поэтому вам
Скорей разобрать не мешало бы.
Тогда допустите, что жалобщик — вы,
А вы — это он! Понимаете?

И вам не придется ломать головы,
И вы головы не сломаете.

Вы сразу учтете все «против» и «за»
И верное все и неверное
И примете, можно сказать, за глаза,
Решение нелицемерное.

Допустим, вы — автор, который принес
Сценарий, и в этом сценарии —
Трактуется, скажем, важнейший вопрос,
Касающийся кулинарии.
Взгляните немедленно как режиссер
На это изделие сценарное,
Тогда вы поймете, прочтя этот вздор,
Что автор — явление бездарное.

Конечно, помочь вы готовы всегда,
Вы автора так не оставите,
И вы как соавтор почти без труда
Сценарий немного поправите.
Но вот вы не автор и не режиссер —
Вы зритель, как прочие зрители.
Тогда вы, скажите, на этот позор
Как зритель смотреть захотите ли?
Как зритель картину вы будете крыть!
Как автор — возьметесь за новую.
А как режиссер вы начнете валить
С больной головы на здоровую.

Допустим, что вы — расторопный завмаг,
Людей вы товаром снабжаете.
При этом себе вы особенных благ,
Ни с чем не считаясь, желаете.
Допустим, что вы через заднюю дверь
Не раз совершали хищения.
Попробуйте как потребитель теперь
Взглянуть на свое поведение.
Понятно, что вы, справедливость любя,
Раздумывать долго не станете,
А очень решительно сами себя
Сейчас же к ответу притянете.
За это вам скажет спасибо страна,
И будут у вас почитатели.
Получит завмаг по заслугам сполна,
Получат товар покупатели.

Мы новую тему затронем сейчас,
Знакомую вам, разумеется.
Допустим, вы — строгий отец и у вас
Сынок непослушный имеется.
Ему вы читаете длинную речь:
Порядку, мол, учимся с детства мы,
Поэтому книги ты должен беречь
И нечего зря электричество жечь,
Ты должен считаться со средствами!..

Теперь поменяйтесь местами с сынком.
Вы — сын, он — отец. Понимаете?
На службу к отцу вы проникли тайком,
И что же вы там замечаете?
Вы видите, что для отца кабинет,
Как дивный музей, обставляется,
Что тут для него невозможного нет,
Что средствами он не стесняется.
Картины. Чернильницы из янтаря,
Альбомов большое количество...
Сидит в кабинете папаша, и зря
Горит у него электричество.
Вы сыну давали полезный наказ,
Судить не наказ нам приходится,
А вас персонально, поскольку у вас
Дела со словами расходятся.

Итак, мы условились: мы — это вы!
Мы так сговорились заранее.
И не опасаясь досужей молвы,
Должны вам сказать на прощание:
Прочтя фельетон, мы находим, что он —
Явление большого значения,
Что мы... то есть вы, написав фельетон,
Доставили нам наслаждение.
Прочтя фельетон ваш, мы видим, что в нем
Есть смысл и немало игривости.
Вот так поступайте всегда и во всем
Во имя простой справедливости.

ШОФЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

Из шоферских рассказов

Была сильная февральская метель.

В Москве это было не очень заметно, но когда выехал я за город, то почесал у себя за ухом. Мало-помалу темнело, и чей-то явственный след на дороге стал пропадать. Зажег фары — след показался, но метель била в лоб, слепила в стекло, светлый кружок перед машиной лунел, и след пропадал. Через каждые пять минут я выходил, чистил стекла — и след показывался. Но пришла такая минута: я фары прочистил, а след вовсе не показался.

Я решил ехать до ближайшей деревни, выпустить там воду и заночевать. Потихоньку я двинулся вперед по белой целине без всякого следа и, может быть, как-нибудь и добрался бы, но случилась на пути горка, я пустил под горку чуть-чуть посмелей и заехал в канаву. Приложил я все усилия, чтобы выбраться, и оказалось: выбраться собственными силами никак невозможно. Сижу так час, сижу два. Мотор остыл, бензину в обрез, пришлось воду спустить; одеться не во что, начал замерзать. И уйти, бросить машину тоже нельзя: вез ценный товар. Метель же все хлещет и хлещет. Вдруг слышу голоса, люди, огоньки показались: курят — обоз.

Давно ли эти самые колхозники от одного моего гудка сыпались в разные стороны, давно ли я их из своей кабинки крестил своими именами? Теперь в метель как будто совсем другой народ идет. Суровые такие, молчаливые, в тулупах, засыпанные снегом, жалея лошадей, идут возле своих повозок. В метель через летящий снег все кажут-

ся мне великанами. Окружили они мою машину, передний великан говорит:

— Ребята, вещь государственная, нехорошо бросать, надо помочь.

И выкатили машину из канавы, как деревянную игрушку. Передний великан осветил мне спичкой лицо и говорит:

— Э, парень, да у тебя никак уши побелели!

И принялся мне варежками уши тереть. Что тут было!

Держит великан в ручищах голову мою, как репу, не трет уши, а дерет их и приговаривает:

— Береги машинку, береги машинку, вещь государственная!

Надрал он мне уши, а я, конечно, и виду не подал, будто у меня и вправду они отмерзли. Только уж, когда сел в кабину, взялся за руль, проснулась во мне шоферская честь.

«Ладно, — думаю, — придет время, и что-нибудь против метелей измыслят».

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня,
И первый из них,
Из близких моих,
Говорит, поглядев за порог:
— Когда парню идет
Двадцать пятый год,
Он едет на Дальний Восток.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
Какая там тайга,
И через всю тайгу течет
Могучая река!

В Дальневосточный славный край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай, —
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня.
И, помедлив, второй,
Чуть смутясь предо мной,
Говорит неожиданно вдруг:
— Когда парню идет

Двадцать пятый год,
Он едет на солнечный юг.

Объездил я весь белый свет,
Но лучше края нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
И нет страны теплей,
И счастлив тот, кто век живет
В Армении моей!

Тебя прошу я: в этот край
Со мною вместе поезжай,
Нам счастье суждено,
Ведь этот край, ты так и знай, —
Серебряное дно!

В разгаре весеннего ясного дня
Приходят два друга, влюбленных в меня,
 Так с кем же в пути
 Соглашусь я идти?
И друзьям говорю я, смеясь:
 — Мне сегодня пробьет
 Девятнадцатый год,
И я тоже в поход собралась.

Обоим вам скажу в ответ,
Что лучше края в мире нет:
Какой чудесный там народ,
Какая стройка там идет,
Там жизнь кипит ключом,
Тому, кто в том краю живет,
Все беды нипочем!

Я уезжаю в этот край,
Его название угадай!
Но я скажу одно:
В стране Советской каждый край —
Серебряное дно!

ЗАПОЗДАВШИЙ ГОСТЬ

В аул приехал гость вчера,
Упал, как камень с неба.
Мы все пришли к нему с утра:
— Давно приехать бы пора,
Ты десять лет здесь не был!
Чего ты только не видал,
И где ты только не бывал!
Мы ждем твоих рассказов... —
Но начал гость не сразу.
Он о себе нам рассказал,
О городах, где жил.
Свои медали показал,
И фото разложил,
И развернул он паспорт свой —
Смотри — с пропиской городской!..
Падинцы же молчали,
Лишь головой качали:
Какой, мол, друг, счастливый ты,
Как твой удел завиден,
А мы живем средь гор крутых
И ничего не видим!
Он рассказал о кораблях —
Ведь он их видел близко:
— Вы не бывали на морях,
На Черном, на Каспийском?
Я столько видел на веку.
Боюсь, что не поймете, —
Я к вам до самого Баку
Летел на самолете!.. —
И земляки в ауле

Друг другу подмигнули,
А бывший летчик и моряк
Молчали и смотрели так,
Как будто впрямь до этих пор
Коней лишь знали люди гор
И многие едва ли
Автомобиль видали.
Но тут шофер наш молодой
Чуть не испортил дела,
Спасибо, смех внезапный свой
Он кашлем скрыл умело.
Конца рассказам гостя нет.
Рассказывает он,
Как в городах сияет свет,
Трезвонит телефон
И радио на целый свет
Гремит со всех сторон.
Телеграфистка и радист,
Цадинец инженер-связист —
Все повторяют снова:
— Не может быть такого!.. —
Пока он это говорил,
Свет прыгнул белой кошкой,
И загорелись фонари,
И вспыхнули окошки,
И кто-то радио включил,
И песня полилась в ночи:
По станции московской
Цадинцам пел Козловский.
И гость увидел лишь тогда,
Что он для всех потеха,
Покинул он аул Цада,
В другой аул поехал.
Наверно, ищет до сих пор
Он темный угол в дебрях гор.
Но опоздал на двадцать лет —
Таких аулов больше нет!

Перевели с аварского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ
и Ирина СНЕГОВА

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Спички готовы были сгореть со стыда за выпустившую их фабрику, но не могли.

Живопись не каша, ее и маслом испортить можно.

Он был уже лыс, но писал все еще кудряво.

В повести так много пили, что из нее можно было гнать спирт.

Человек с точным адресом: его хата всегда с краю.

Перевод походил на подлинник, как сто медных копеек походят на серебряный рубль.

Опечатки вкрадываются, сюжеты крадутся.

И голова и пиджак у него были с чужого плеча.

Не всякая кучка могучая.

Часы были верны только себе: они всегда опаздывали.

Посетителей он принимал как лекарство: неохотно и только по предписанию.

Дружба и чай хороши, когда крепки и не слишком сладки.

У мыши всегда на сердце кошки скребут.

Литературный мэтр держится так, точно он проглотил аршин.

Рыба, сваренная с лавровым листом, думала, что ее увенчали лаврами.

Если человек не может найти себя, адресный стол ему не поможет.

НАСЛЕДНИЧКИ

Какая-то в державе датской
гниль...

Шекспир. «Гамлет».
I акт, 4-я сцена

Какая-то в державе британской гниль.

Замечается нечто вроде повреждения умов некоторых вполне почтенных обитателей острова, над которым реет флаг Британии.

Порой просто диву даешься: до каких белых слонов дошли в своем бреду те самые титулованные английские жители, что ведут родословную от великих людей Англии, прославивших в былое время свою родину высокими проявлениями творческой мысли и душевного благородства, великими приращениями наук и искусств!

Полтора года назад «Крокодил» имел неудовольствие рассказать своим читателям о том, как в нынешней Англии втоптывают в грязь имя Шекспира. Пачкуны, именующие себя историками литературы, обвинили гениального драматурга в том, что он якобы выполнял поручения по шпионской части и за сие получал из королевского кошелька некоторую толику шиллингов. Заодно они обозвали Бернса «пьяным гулякой», а Байрона — «коварным обольстителем».

Современные бумагомараки хотят подобного рода гнусностями низвести гения до своего уровня, как бы сказать о нем: «Шекспир? Да он был не лучше нашего брата!..»

Они бессовестно лгут, эти вурдалаки, оскверняющие гробницы гениев прикосновением своих лап.

Они клеветают на Шекспира потому, что в созданных им типах предателей, плутов, растлителей видят самих себя.

Они против Шекспира потому, что бессмертное словения английской нации направлено и против современных Шейлоков, Яго, леди Макбет и иже с ними.

Окололитературные британские торгаши действуют заодно с «литературоведами». Они специализируются на купле, продаже и перепродаже чудом уцелевшего имущества великих людей Англии. Не так давно, например, был продан с молотка дом, в котором жил и писал Чарльз Диккенс.

Власти предержащие не пожелали, чтобы этот дом стал достоянием народа, читающего и любящего автора «Оливера Твиста», «Холодного дома» и «Дэвида Копперфилда».

Муниципалитет Лондона не превратил дом Диккенса в музей, а продал его какому-то денежному тузу.

Воскресни Шекспир, он, конечно, выступил бы на этом низком аукционе. Он сказал бы словами Гамлета:

Какая грязь! И все осквернено,
Как в цветнике, поросшем сплошь бурьяном!

Советский поэт С. Маршак выразил и наши чувства, и, несомненно, чувства многих простых и честных англичан, откликнувшись на прискорбное происшествие такими словами:

Будь этот дом в стране труда,
А не в столице лейбористов,
Его бы, право, никогда
Не описал судебный пристав.
В музей он был бы превращен.
Очищен от столетней пыли.
Туда бы школьники ходили
По воскресеньям на поклон.

Теперь старые классики полностью, так сказать, утилизированы. Взять с них нечего. Взоры некоторых руководящих британских деятелей обратились поэтому на наследство недавно умершего писателя Бернарда Шоу.

Под нажимом янки Англия тратит на оборону колоссальные средства. Куда уж тут до литературы! И вот ми-

нистр финансов Батлер открыл кампанию сбора средств в фонд памяти Шоу. По расчетам министра, фонд должен был составить 250 тысяч фунтов стерлингов. На эти деньги намечалось превратить дом покойного в музей.

Воззвание министра финансов было обнародовано в ноябре прошлого года. А в августе текущего года агентство Рейтер мимоходом сообщило, что фонд памяти Шоу не будет создан. И председатель организационного комитета Айвор Браун сокрушенно признался:

— Не собрано даже одной тысячи фунтов...

Организаторам сбора не удалось сорвать с титулованной публики необходимые средства. Зато сама титулованная публика пытается поправить свои дела с помощью великих мертвецов.

Живет, например, в Англии некая леди Астор. Никакого вклада в интеллектуальную жизнь страны она не внесла.

Языком, однако, владеет. Любит выступать в аристократическом кругу. Болтает на банкетах. Примазывается к знаменитостям. При жизни Шоу пыталась обратить писателя в свою веру. А вера у леди Астор довольно банальная. Коммунисты, по этой вере, суть дети сатаны.

Из этой злой старухи, столь похожей на великосветских ведьм, образы коих блестяще рисовал Диккенс, давно сыплется песок. Но, проповедуя небесное блаженство, она почему-то цепляется за блага земные.

Ей, видите ли, не нравится завещание Шоу. Дело в том, что писатель значительную часть своих средств завещал употребить на борьбу за введение упрощенного алфавита.

Однако леди Астор находит эту идею вредной. Она полагает, что в Англии ничто и ни в коем случае не должно измениться. Кроме того, она не видит для себя выгоды в каком-то упрощенном алфавите. На митинге писателей, артистов и политических деятелей, собравшихся отметить обедом посмертный фонд Шоу, леди Астор потребовала нарушить волю покойного. Старушка, забыв правила английского хорошего тона, назвала завещание «безобразным». Она даже предложила организовать Общество по борьбе за ликвидацию этого завещания. Она предалась воспоминаниям:

— Я много раз приходила к Шоу, чтобы спорить с ним о разумности такого завещания...

При этом старуха кружевным платком смахнула набежавшую слезу и обратилась к обществу с горькой жалобой на неблагодарность великого человека, в наперсницы которого она лезла при его жизни:

— Я говорила ему: оставь деньги мне, и все будущие поколения будут говорить: вот женщина, которую он любил...

Глумление над именем Шекспира, продажа с молотка имущества Диккенса, кощунственные речи в адрес Шоу — так чтит официальная Англия великих сынов английской нации.

Впрочем, кощунственными речами дело не кончилось. На этих днях корреспондент агентства Рейтер скороговоркой поведал миру, что дом Бернарда Шоу «будет сдан в аренду, как обычный дом», и злорадно добавил: «Однако будет нелегко найти арендатора, который согласился бы жить «в доме великого человека».

Да! Едва ли найдется честный англичанин, который согласится жить в доме, оскверненном могильщиками национальной культуры!

Неужели оскудел британский остров литературными талантами? Шекспира бы на джентльменов, сплавляющих за океан национальное достояние! Диккенса бы на эту гнусную старушеницу Астор!

ИСТОРИЯ С ЧЕМОДАНОМ

Начинается эта ужасная история

весело, просто и гладко.

Дело происходит в доброе старое время, однажды весною.

Я молод, беспечен, легковверен, живу в Москве и собираюсь в свое первое путешествие в Турцию, что, конечно, еще больше меня окрыляет, делает особенно легким в решениях, в поступках, в доверии к жизни.

И вот наступает день моего отъезда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежний чемодан слишком мал, истрепан, и отправляюсь в Английский магазин на Кузнецкий, чтобы купить новый — большой, прочный.

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека, по крайней мере в дороге, выбор которого требует, значит, немалого ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной.

Что до чемодана, о котором идет эта повесть, то я купил его совсем иначе: вне всяких мудрых правил, изложенных выше, без дум и размышлений, с небрежнейшей быстротой, однако ж на редкость удачно. Так, во всяком случае, казалось сначала — и не без оснований: чемодан на первый взгляд был безупречен.

Я до сих пор отлично помню, как произошла эта покупка. Я вошел в магазин бодро, живо, с тем приятным чувством, с каким всегдаходишь в магазин дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, где тебя не только давно знают, но, как кажется, и любят, где продавцы, похожие на людей из хорошей гостинной, встречают тебя какою-то такой улыбкой, что тебе вдруг делается очень лестно и ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком, держаться которым тотчас заставляет тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошел по коврам по разным отделениям магазина, мельком хвастнул, что уезжаю надолго, далеко, и, войдя в дорожное отделение, кивнул головой на первый попавшийся чемодан прекрасной смуглой кожи, не спросив даже, что он стоит, только приказав отправить его вместе со счетом в мой номер в «Лоскутной». Я сразу, конечно, заметил, что в своем фатовстве слегка зарвался, что цена чемодана, когда я о ней узнаю, заставит меня ахнуть. Но эта мысль, это чувство тотчас исчезли в сознании, что такой превосходной вещи у меня еще никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономией на прочих расходах... Взгляд мой упал на этот чемодан совершенно случайно, но я им сразу восхитился — и недаром.

Повторяю: не в пример большинству покупок, столь пленяющих в лавках, а дома, при ближайшем и спокойном рассмотрении, приносящих чаще всего большое разочарование, чемодан оказался и в «Лоскутной» вполне достойным восхищения. В магазине он так поразил меня своими замками, кожей и тем, как он вообще дивно сработан, что я, принужденный сделать до отъезда еще кое-какие покупки, ужасно торопился как можно скорее воротиться домой, спешил, как на любовное свидание. А он был уже там, в «Лоскутной», как бы ждал моего прихода, спокойно лежа в номере на диване, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крепкой бечевкой. Я, наконец, приехал, вбежал в номер и кинулся к дивану. Я быстро перерезал бечевку, разметал бумагу, и вот мой новый друг и спутник предстал передо мной во всем

своим блеске, большой, тяжелый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... Легко себе представить, с каким чувством я его раскрыл, раскинул, увидел его девственные недра, большой карман темно-красного сафьяна с исподу верхней половины!

Так радовал он меня и всю дорогу до Одессы. Я все время наслаждался чувством своего обогащения, мыслью о том, чем я обладаю. Сажусь в вагоне-ресторане за обедом, лечу и мотаюсь, расплескивая, наливаю красное бордо в низкий и толстый стакан, гляжу на столы, на соседей, на тот веселый, пестрый блеск, что присущ всем вагонам-ресторанам, потом пью кофе и курю жаркую и сладкую сигару, а сам мысленно вижу свое купе с уже раскрытой постелью, лампочку под розовым абажуром на столике возле постели и его, мою гордость: лежит себе в оттянувшейся сетке, плотно набитый всем мне необходимым, качается и дремлет, мчится вместе со всеми нами в Киев, в Одессу! Возвратясь в купе после обеда, выпиваю нарзану, слегка задыхаюсь от его стекляннно-колючих иголок, раздеваюсь, тушу свет, засыпаю — и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагон, темнота, все летит, рвет, скачет, а он тут, со мной, в этой сетке... Я чувствовал к нему даже какую-то благодарность.

Ну-с, а затем мы приехали с ним в Киев, пересели в другой, тоже ночной, курьерский, а утром проснулись уже под Одессой в то время, когда весь вагон умывался, одевался, пил чай и кофе, что несли по поезду лакеи... В Одессе мы остановились в «Петербургской», он, то есть чемодан, полежал в вестибюле, а я съездил в пароходную контору, потом позавтракал в ресторане «Петербургской» жареной глосью, запивая ее белым вином Кристи, и, расплатившись по счету и вновь соединившись с чемоданом, поскакал в Карантинную Гавань... Пароход уже готовился к отходу. Он оказался старый, выдавший виды, низкий, с тяжелой кормой, с глубокой посадкой. «Значит, — подумал я, — покойный, невалкий». Был он приятен и тем, что был совсем почти безлюден, только подъехало в самую последнюю минуту еще два пассажира первого класса, какой-то ксендз и в трауре худая дама из польских, так

что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта. Там чемодан лег на верхней койке, а я расположился на нижней. Вскоре после того пошел над нами топот матросов, под бортами зашумело, забурило, слышались свистки, команда, треньканье телеграфа из вахтенной рубки в машину, набережная стала от бока парохода отделяться... На закате мы были уже далеко в море, и я не запомню столь ровного, безмятежного хода, каким шли мы весь вечер, а потом в мягкой тьме морской ночи с теплым и все крепнущим ветром. Надышавшись им на юге, я часов в десять был уже в койке и стал погружаться в сладкую дремоту, медленно опускаясь и поднимаясь вместе с нею, валясь то на правый бок, то на левый, временами шумно покрываясь целым водопадом вдруг откуда-то ударившей в стену волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей где-то в глубине машины... Как вдруг, как раз в ту самую минуту, когда я уже совсем было исчез куда-то, меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки в полном убеждении, что пароход налетел на что-то, что сейчас в каюту хлынет море, и получил такой страшный удар в ноги, что ринулся вниз головой, под ревущий умывальный, но, по счастью, не успел его достигнуть, ибо пол за мной внезапно провалился и я снова покатился к койке, снова нестигаемый каким-то громом... И пошла, пошла потеха!

Дело было ясно: страшная качка! Но этот гром, грохот? Этот удар в ноги? Чем это меня такхватило? Страшной всего было мгновение ожидания нового удара, пока я катился к койке. Тут я, однако, изловчился, упал в койку грудью и, поймав на переборке какую-то кнопку, осветил каюту. Что же оказалось? В шуме волн, в свисте ветра, в скрипе переборок на полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Ну чемодан, конечно! Это он оглушил меня громом, брякнувшись с верхней койки об пол, потом чуть не перебил мне ноги.

Теперь, на свободе, он носился по каюте как угорелый. Он точно мстил кому-то за всю ту покорность, с которой он должен был лежать всю дорогу в сетках, притворяться моей вещью, бездушным чемоданом. Он вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжелый, как бу-

лыжник, набитый мной до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он в диком и резвом веселье то мчался на меня, на койку и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник, а оттуда к двери, а от двери под иллюминатор... Умывальник, мотаясь, как пьяный, задышался, отчаянно ловил своей дырой воздух, хлопотал и захлебывался ревом; переборки трещали, скрипели; иллюминатор то и дело падал своим черным стеклом в налетавшие волны, которые, взвиваясь, били в него густой, мутной слюной, текли ее мерзкими разводами, кружевами, а чемодан стервенел все больше и больше, ничуть себя не жалея, драл свою дивную кожу, с яростью бился замками и углами обо что попало... Надо было немедленно кинуться на этого безумца, подмять под себя, притиснуть к полу, забить под койку. И вот я опять сорвался с койки и упал на него всем телом. Но тут пол за мной опять рухнул, впереди же встал дыбом, и чемодан быстро выскользнул из-под моего тела, крепко дал мне в темя и, крутясь, грохоча, сам понесся под койку. Я мгновенно перевернулся и уже готов был вбить его туда одним ударом, но он вдруг подпрыгнул, как мячик, взвился и понесся к двери, а я утодил как раз туда, куда его метил, под железную сетку койки, страшно ободравшую мне плечи.

Продолжать ли рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился.

Сперва я еще думал, что все это только игра моего воображения, что чемодан мне только показался живым, одушевленным; я сначала испугался лишь корыстно — того, что он весь изобьется, обдерется, кинулся к нему, в сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться. Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой!

Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснования, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить по чем попало. И если б кто видел, сколь он оказался ловок, прыток, изворотлив, как метки и ужасны были все его удары,

какой умной, сильной, злобной тварью он вдруг объявился! Но ведь и я был не из таковских, что сдаются сразу. Я бился не на живот, а на смерть, руками и ногами, и порой награждал его такими тумаками, что он, невзвидев света, взвился чуть не на умывальник, у которого все больше выворачивало душу от морской болезни. Я скрежетал зубами. О, если бы помощи! Но кто же мог помочь мне?

Кричать — верх позора, да и кто бы отозвался? Не спали лишь там, на вахте! Я задышался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале. О, если б кинжал! С каким упоеньем я всадил бы его в бок этой твари! Но какой кинжал, откуда? Да и что ему кинжал?

Кончилось все же моим бегством. «Будь ты проклят! — крикнул я ему под утро. — Носись, взвивайся, грохочи тут сколько хочешь!» И, кое-как одевшись, выскочил вон из каюты.

Наверху был холод, лед, пустыня, буря; палубу то и дело крыло пенными шумными хвостами крепкого, пахнущего мокрым бельем моря. Я жадно хватал грудью свежий воздух, стоял, мотался, хватаясь за притолоку рубки. Уже стихало и светало. Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря, зелено-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены. Я метнулся из рубки на холодный ветер, или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури, и с безобразно вздутым картузом в один зигзаг перелетел к юту, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом; все остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди подо мной — палуба, рубка, труба и отчаянно вопиющие снасти, — повалились к носу, поклонились морю и по плечи, по горло, с мучительным наслаждением в него погрузились, и я увидел, как мала и несчастна наша старая, черная баржа в этом огромном и дикопустынном водном круте, высоко затоплявшем горизонты, охваченном лохматым небом. Но что мне было до всей этой картины! Я, видя, что все-таки стихает, что близится утро, стискивал зубы, бормотал злорадно, сладострастно (чемодану, конечно): «Ну, погоди, погоди же!»

А в сущности, что я мог ему сделать?

БАЛЛАДА О «ТАК НЕ БЫВАЕТ»

Он в трудном деле, так сказать, мастак,
Немало написал статей в газеты,
В которых учит: это, мол, не так,
Для нас сегодня нетипично это...
Случилось так, что в доме денег нет.
— Как денег нет? — он вопрошает зычно. —
Вздор!

Деньги есты!

Давай, жена, обед!

В семье советской это нетипично.
И вот однажды грянула беда.
Вошел он в дом, застыл от удивленья.
Записка: «Ухожу я навсегда.
С меня довольно!.. Лопнуло терпенье!»
Была тоска смертельно тяжела.
Но он записку прочитал вторично:
— Ушла от мужа?!

Вздор!

Ты не ушла!

Так не бывает. Это нетипично. —
А как бывает, знает он один
Наперекор всему, что есть на свете.
Любовь... Печаль...
Но этих дисциплин
Не проходил он в университете...
Боюсь, что и теперь, меня кляня,
Не будет критик тот самокритичен:
— Поклеп!

Я утверждаю:

нет меня,

Поскольку я сегодня нетипичен!..

Владимир Дыховичный, Морис Слободской

БАЛЛАДА О ГОРОДЕ КАМПАНЕЙСКЕ

Есть много разных городов,
Но не о них рассказ.
Не Омск, не Томск, не Псков, не Гдов
Сейчас волнует нас.
Не Луцк, не Слуцк, не Львов, не Льгов,
Не Буй, не Бийск, не Ейск,
А городок из городков —
Наш город Кампанейск.
До нас его дела и дни
Не воспевал певец:
Ни пыл его, ни взлеты, ни
Трагический конец...

А городок наш был ретив,
Неудержим, хоть мал.
По части инициатив
Он удержу не знал.
Для Кампанейска грани нет:
Намек, сигнал, призыв —
Он доводил любой совет,
Любой абзац в статьях газет
До силы директив.
И, сам себя воспламенив,
Он тут же объявлял

Для выполнения директив
Кампанию-аврал.
О пользе коз стоял вопрос.
Прошло немного дней —
И здесь уже внедряли коз
И резали свиней.
Когда ж вопрос про опорос

В проблему перерос,
Все бросились к свиньям и коз
Пустили под откос.

Была статья, что без воды
Не выйдешь из нужды.
И Кампанейск срубил сады,
Чтоб выкопать пруды.
Но дан сигнал: «Садам — труды!
Садами мы горды!»
И Кампанейск зарыл пруды,
Чтоб высадить сады!

Когда в газете старожил,
Чтоб дел не забывать,
Все рестораны предложил
Пораньше закрывать,
То Кампанейск на тот совет
Тотчас нашел ответ:
Все рестораны дал обет
Закреть уже в обед!
Но Кампанейска жар и пыл
Взметнулся высоко,
Когда наш город приступил
К внедренью «рококо».
Он местным зодчим дал простор:
«Орудуйте, творцы!»
И в Кампанейске с этих пор
Пошли расти дворцы.
Их много здесь возведено,
Чтоб вызывать восторг:
Дворец-продмаг, дворец-кино,
Ампирный терем «Районо»,
Античный «Райпромторг»...
В азарте Кампанейск кипел,
Размахом поражал.
В высотных башнях преуспел
И вышек насажал!
Но дан был правильный совет,
Что в башнях толку нет, —
От этих вышек только вред,
Архитектурный бред!

И Кампанейск призыву внял,
В момент решил вопрос:
Все башни срыл, все вышки снял,
И даже каланчу сломал,
И водокачку снес!

В кампанию вложил он жар,
Он вел аврал с душой...
Но, говорят, возник пожар,
И, говорят, большой.
А водокачка с каланчой
Разрушена была.
И Кампанейск сгорел свечой,
Как говорят, дотла!

Его, как ясно нам теперь,
Недовоспел поэт.
Сгореть!.. Чувствительней потерь,
Утрат печальней нет.
Кто так воспримет, так поймет
Теперь призыв, сигнал?!
Кто так активно проведет
Кампанию-аврал?!
Никто...

Наш Кампанейск сгорел
И стал к сигналам глух...

.....

А то, что, говорят, он цел,
Так это только слух.

НАКАЗАННЫЙ ОБМАНЩИК

Общеизвестно, что ложь и обман

являются злейшими пороками, с которыми необходимо всемерно бороться. Пусть эта безобидная на первый взгляд история лишний раз послужит назиданием всем тем, кто пытается ступить на эту скользкую стезю.

На днях я получил от одного приятеля, человека как будто серьезного и солидного, такое письмо:

«Дорогой друг!

Я страдаю. Я измучен. Я не нахожу себе места.

Ты меня знаешь с юношеских лет. Ты был знаком с моим покойным родителем. Ни я, ни отец мой никогда в жизни не храпели ни во сне, ни наяву.

Тем не менее я повержен в прах собственным храпом.

Вернее сказать, собственным обманом. Потому что я открыто нарек себя первостатейным храпуном и тем возвел на себя хулу и напраслину.

Пишу тебе это письмо из санатория «Горные дубки». Приехал я сюда по путевке около двух недель тому назад. Узнал, что здесь имеются комнаты на четырех человек, на трех, на двух и на одного.

Захотелось мне пожить одному, без соседей. Но как получить такую одноместную келью?

Я же хитрый. Пошел, как только приехал, к директорше и, мягко улыбаясь, говорю:

— Уважаемая Ольга Федосеевна! Хочу вас в самом начале предупредить, дабы потом не было никаких недора-

зумений. Я, знаете ли, плохой компаньон для трудящегося человека на отдыхе, а тем более для нервного.

— Кричите ночью?

— Нет, — говорю, — криком не балуюсь. Но вместо крика храплю, извините за выражение.

— И крепко?

— Вовсю! Еще никто не превзошел меня в этом деле. Одно слово — талант. Спать со мной рядом нет никакой возможности. Даже очень стойкие люди, скажем, философы или критики, больше часа не выдерживают и бегут стремглав куда глаза глядят, лишь бы подальше от моей музыки.

Ольга Федосеевна, женщина мужественная, сказала мне спокойно:

— Не волнуйтесь, больной, все устроим так, что будете довольны. Маша!

На этот клич отозвалась девушка в белом халате — главный квартирмейстер санатория.

— Вот что, Маша, — сказала директорша. — Этот товарищ в какую палату намечен?

— В пятую.

— Отменить. Бросьте его в девятую.

— Храпит? — деловито осведомилась девушка.

— Высший класс! — поспешил я ответить с гордостью.

И вот водворили меня в девятый номер. Вхожу и сразу вижу: промахнулся. Там уже прохлаждается один постоялец.

Каюта двухместная. Ну, думаю, не удалось. Ну, и не надо.

Мой сосед — это я сразу выяснил — председатель какой-то промысловой артели. Человек общительный. Я тоже не меланхолик. Живо разговорились о том о сем. Вдруг он меня огрел вопросом:

— Храпите?

— В этой области, — отвечаю, — могу сказать, не хватая, я достиг высоких результатов.

— Значит, будем вместе храпеть. Нечто вроде парного конференса.

У меня внутри все похолодело. Катастрофа! Авария!

— Вы умеете храпеть? — пробормотал я.

— Лучший храпун во всей промкооперации. В дру-

гой системе такого специалиста не сыщешь ни за какие деньги.

— Шутите?

— Такими вещами не шутят. Сегодня же ночью обещаю показать свое незаурядное искусство.

Кооператор оказался человеком благородным. Он сдержал свое слово. После вечерней прогулки мы сразу легли спать. То есть спать лег кооператор. А я приготовился к казни. Не успел мой сосед смежить очи, как сразу, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к храпу.

Сначала была нежная увертюра. Что-то вроде музыкального вступления, в котором корнет-а-пистон перекликался с флейтой. Затем сразу наступил антракт.

Все это несколько демобилизовало меня. Но вскоре я пожалел о потере бдительности. Я не подозревал, что на белом свете функционируют такие мощные носоглотки.

После краткой паузы кооператор заработал во все носовые завертки, так что я в ужасе чуть не скатился с кровати.

Тут уж пахло не флейтой. В ход были пущены тромбоны, фаготы, скрип немазаного колеса и скрежет зубов гиппопотама.

Затем все умолкло. Опять антракт. А я, конечно, не сплю, лежу и дожидаюсь, чем еще угостит меня боевой кооператор.

В следующем заходе мой сосед показал, что он парень начитанный. Потому что в храпении он подражал чичиковским слугам Петрушке и Селифану, которые спали, не только «поднявши храп неслыханной густоты, но еще добавляли к этому самые замысловатые «захрапы, носовые свистки и прочие принадлежности». Относясь бережно к литературному наследию, кооператор дополнил Петрушку и Селифана собственными вариациями сильного звучания.

Так, дорогой друг, я прожил пять страшных ночей. Утром шестого дня я пошел к Ольге Федосеевне просить другую комнату. Дескать, в этом помещении мало солнца. А я с малых лет обожаю солнце.

Ольга Федосеевна пошла мне навстречу. Она тут же приказала Маше:

— Киньте его в седьмую палату. — И, обратившись ко

мне, сказала: — Но я предупреждаю: палата четырехместная.

Я с радостью дал свое согласие. Пусть будет четыре человека, двадцать, триста, но чтоб подальше от храпуна.

Дорогой друг! Знаешь ли ты, что случилось? Меня «кинули» в специальную палату для храпунов. Там их было уже три, и все оказались храпунами высокой квалификации. Но я вовсе не намерен стричь их под одну гребенку. Каждый из них проявляет во сне свою индивидуальность, свой характер: один храпит легкомысленно, ближе к легкому жанру, другой — важно и сердито, третий — мягко, задушевно.

Я, конечно, всю ночь не смыкаю глаз. Слушаю этот своеобразный концерт. Слушаю и чувствую, что под давлением превосходящих сил противника сам начинаю похрапывать.

Что делать? Посоветуй. Сбежать ли из санатория, где я так сам себя наказал за обман? Иль, может быть, пойти к Ольге Федосеевне, пасть к ее стопам, покаяться?

КОРОТКИЕ БАСНИ

ИНЖЕНЕР-ДУШЕГУБ

Он звался
«инженером душ»,
Но сочинил такую чушь,
Что
 прозвучал
 из этой чуши
Сигнал:
— Спасите наши души!

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

(В трех частях)

I

— Любишь!
— Да!
— В загс айда!..

II

Вскоре
 видит
 чета:
— Ты — не тот...
— Ты — не та...

III

И вот —
Развод.

ПОПУТАЙ-КОМПОЗИТОР

Он держится принципа:
С миру по нотке.
Во всех его песнях
чужие находки.

НЕ ТОТ ПОДХОД

С Мусором
не справилась
Метла,
Ибо снизу
Лестницу мела.

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Призналась Мышь:
— Люблю тебя, Крупа, —
К тебе
не зарастет
моя тропа!

БОРОДАВКА

— Я, — говорит, — высокий пост несу!
— А где?
— Да у начальства
На носу.

ЖАВОРОНОК

Без подъемных там и сям
Сам
Взлетает к небесам.
И звенит,
звенит,
звенит,
Потому и знаменит.

КОСТЫЛЬ-СИМУЛЯНТ

Скрипит:
— Пода-а-айте!..
Смотрит нищим...
А от него
разит
винищем.

ПУДЕЛЬ

Ему шептали
льстивые
уста:
— Вы —
сущий Лев
от гривы до хвоста!.. —
Лишь Лев сказал:
— Послушай, голова,
Ты Пудель,
А стрижешься
подо Льва.

МЕДНОЛОВЫЙ БАРАН

(Всем агрессорам)

Грозил пробить гряде гранита лбом:
— Бо-ом!!!

Виктор Ардов

ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ...

Действуют: жилец, управдомами, заведующая, милиционер, врач, два санитаря.

Время действия — увы! — еще наши дни...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Домоуправление. Под вывеской, гласящей «Управдомами», сидит величественный управдомами. Входит жилец.

Жилец (*скромно*). Здравствуйте...

Управдомами (*величественно*). Привет!

Жилец. Вот какая штука... Мне бы надо справочку о том, что я проживаю у вас в доме.

Управдомами. Это еще зачем?

Жилец. Понимаете, не выдают мне иначе книгу, которая...

Управдомами (*перебивает*). Ну тогда пусть они вам дадут справку, что вам нужна справка о том, где вы живете.

Жилец. Да, но мне кажется...

Управдомами (*строго*). Вам кажется, а мы точно знаем. Принесете справку от них — получите справку от нас. Ясно?

Жилец хочет что-то сказать, но, махнув рукой, уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Учреждение. Под табличкой «Заведующий» сидит величественная гражданка средних лет. Входит жилец.

Жилец. Здравствуйте.

Заведующая. А, это вы!.. Ну, принесли справку из домоуправления?

Жилец. Видите ли..

Заведующая. Пока не вижу...

Жилец. Они говорят, чтобы вы мне сперва дали справку, что вам нужна справка о том, что я у них живу.

Заведующая. Вот бюрократы! Ну, что ж... Мы не возражаем. Принесите только от них справку, что вам нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете. И мы дадим вам такую предварительную справку.

Жилец *(с некоторым испугом)*. А?

Заведующая. Вы что? Оглохли? Я говорю: принесите из домоуправления справку, что им нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете.

Жилец *(покорно)*. Хорошо. Принесу. *(Уходит.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Снова домоуправление. Управдомами на своем месте.

Входит жилец.

Жилец. Здра...

Управдомами. А, почет!.. Ну, принесли от них справку?

Жилец. Принес. То есть нет. В общем, они тоже просят от вас...

Управдомами. А мы дадим. Только сперва пусть они...

Жилец. А они говорят: сперва пусть они...

Управдомами. В каком же это смысле?

Жилец *(повторяет реплику заведующей, боясь сбиться)*. «Принесите, — говорят, — справку, что им нужна справка о том, что нам нужна справка о том, где вы живете»... Вот!

Управдомами. Что вот?

Жилец. Дадите?

Управдомами. Что дадите? Что вы у нас живете? Так я же еще тогда сказал: принесите нам справку, что вам нужна справка...

Жилец. Э нет, теперь я хлопочу о другой справке: справке, что вам нужна справка, что им нужна справка,

что мне нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка... Простите, я немного запутался.

У п р а в д о м а м и. Вот именно. Но мы не какие-нибудь бездушные сухари. Вы только принесите от них справку, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка... Ой, что-то и я не так говорю! Значит, давайте сначала: нам нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка... Куда же он делся?..

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова кабинет заведующей. Рядом стоит милиционер.

Заведующая. Он сейчас явится, товарищ старшина. Сами увидите: просто хулиган. Дразнится, что будто бы мы бюрократы... Бормочет насчет каких-то справок, а сам подмигивает. Вот он идет! Вы послушайте только!..

Входит жилец. У него тик: он дергается всем лицом и мигает.

Жилец. Здравствуйте...

Заведующая (*угрожающе*). Здравствуйте, здравствуйте!.. Вы опять?

Жилец. Я не опять, я еще...

Заведующая. А что вам нужно? (*Делает знак милиционеру, предлагая наблюдать.*)

Жилец. Как же, я вам сколько раз говорил: мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка...

Милиционер (*берет за плечо жильца*). Пройдемте, гражданин!

Жилец. Куда? Разве теперь справки не здесь надо просить?

Заведующая. Видите, видите, как он хулиганничает?.. Жалко, больше пятнадцати суток вы ему не можете дать...

Милиционер (*выводит жильца*). Давайте, давайте, гражданин. Вроде вы сами трезвый, и пожилой, и вообще с виду приличный товарищ. К чему нам это безобразие? Так и быть: сегодня ступайте домой, а если еще раз... тогда пеняйте на себя...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Управдомами у себя за столом. Рядом стоит врач в белом халате, с чемоданчиком в руках.

Врач. Ну, и в чем это у него выражается?

Управдомами. Вроде навязчивого бреда. Все время бубнит про какие-то там справки... Да вот он и сам, зайдите мне за спину. Вы сейчас убедитесь.

Входит жилец.

Он, видимо, помешался: смеется, ловит свой палец, дергается и т. д.

(Жильцу). С чем пожаловали?

Жилец (тихим голосом). Справки мне нужны, разные... справочки, справчаточки, справищи, хе-хе-хе... Сперва я хочу справку, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что всем нужна справка, что справка есть справка, что все где-то проживают и справки наживают... Хо-хо!.. Белое, розовое, голубое, зеленое! Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой... а справки не имеет. Как тут быть?

Управдомами подмигнул врачу, тот вышел вперед.

Врач. Спокойней, дружок, спокойней... Дайте руку. Вот так. Пойдемте со мною... там у нас много-много справок... разных... красивых...

Жилец. И мне дадут?

Управдомами. И тебе, и тебе! Всем хватит!

Жилец. А почему ты мне не давал?

Управдомами. Смотрите, псих-псих, а разбирается...

Врач. Кстати, товарищ управдом, это ведь ваш жилец?

Управдомами. А как же!

Врач. Так дайте мне справку...

Управдомами. О чем?

Врач. Что он проживает...

Управдомами. Пожалуйста. Только сперва вы дайте мне справку, что вам нужна справка...

Жилец. Так его! Так!

В р а ч. Вы, наверное, шутите?

У п р а в д о м а м и. Почему?.. У нас такая установка из жилотдела...

В р а ч. Ах, установка?!

Ж и л е ц. Правильно! Кройте дальше!

У п р а в д о м а м и. Безусловно. Если вам нужна справка, предъявите справку, что вам нужна справка...

В р а ч. Понятно! *(Хлопнул в ладоши.)*

Входят два дюжих с а н и т а р а.

1-й с а н и т а р. Которого тут?

В р а ч. Этого *(указал на управдомами).*

2-й с а н и т а р. Ясно!

Оба санитар а хватают управдомами.

У п р а в д о м а м и. Братцы, да вы что? Братцы, я ведь нормальный!..

Ж и л е ц *(внезапно прояснившимся, разумным голосом).*

Там разберут... Еще бы заведующую прихватить...

В р а ч. И прихватим. Ведите его, товарищи! *(Жильцу.)*
А вы будете свидетель: приступ острого бюрократизма, осложненного волокитой...

Санитары уже увели сопротивляющегося управдомами.

В р а ч. А где тут, говорите, эта заведующая?

Ж и л е ц. Тут, недалеко... Сходим?

В р а ч. Пошли. У нас есть указание всех подобных субъектов срочно изолировать...

Нарочно не придумаешь

Продается коза, с грампластинками. Коза дойная ввиду отъезда.

В НАШЕМ КОСМИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ есть все возможное помочь женщине быть всегда красивой.

Космический кабинет открыт с 8 час. до 20 час., работает без выходных дней. *(Объявление в газете.)*

Пускаю одинокого мужчину — жить вместе с хозяйкой.

Вино емк. 0,7 л. креп. 12 — 14 гр. не продается. Ему нет цены. *(Объявление в магазине.)*

Туалет для пассажиров первого салона находится впереди самолета. *(Объявление бортпроводницы.)*

Граждане! Воду не выливать. А то будет предельно плохо. Штраф 5 рублей и заставлю долбить. Дворник.

16 мая состоится педсовет на тему «Ликвидация проблесков знаний у учащихся». Явка всех учителей обязательна.

Товарищи жильцы!

Трусить на балконах и на лестничных клетках категорически запрещается, штраф 10 рублей.

Старинная русская кухня в гостях у горожан.

С 24 по 27 апреля 1968 г. вас ждет ресторан «Октябрь», где будет проводиться пятидневка под девизом «Забытые русские блюда на столе у современника».

Вы сможете ознакомиться с вкусовыми качествами таких блюд, как клопе на скорую руку; куры по-венски; фрикасье из баранины; блины на голландский манер и другие. (Объявление в газете.)

Общественному стаду требуется козел. Желающие могут справиться в уличном комитете.

2–3 июля с 9.00 проводится флюорография. Все население в возрасте от 12 лет и до последних дней жизни должно пройти медицинское обследование.

Граждане, у кого нет детей, пройдите ко мне в дежурную комнату! (Объявление по радио на пляже.)

Пассажиры с голыми рогами к посадке в самолет не допускаются. (Объявление в аэропорту Крайнего Севера.)

Рабочие 2-го отделения совхоза, сегодня, т. е., 14 августа, в 7 часов вечера, состоится общее собрание. Обсуждение общественного быка.

Моварищи родители, кому надевали ясельные штанишки, просьба возвратить. (Объявление в детсаду.)

В аптеку срочно требуется пенсионерка — витринная пыльщица.

Зарплата — квадратный метр пыли с витрины.

Сгоревший аттестат Ф № 060976 на имя Кругловой Майи Андреевны считать недействительным. (Объявление в газете.)

Сегодня женская баня не состоится. Мужская будет в воскресенье ввиду того, что банщица внезапно вышла замуж, не предупредив никого.

Для участия в эпизодных съемках фильма требуются лица с тупым выражением лица. Оплата сдельная. Администрация.

Товарищ Никулин по кличке Дина получает золотую медаль и грамоту первой степени. (Объявление на выставке собак.)

Танцующий должен исполнять танец правильно, четко и одинаково хорошо как правой, так и левой ногой.

Курить и смеяться следует в специально отведенных для этого местах. (Из правил, вывешенных на танцплощадке.)

Одеколонное употребление клиентов производится только по просьбе клиентов. (Объявление в парикмахерской.)

В красном уголке состоится товарищеский суд над хулиганами и женобоями.

В 18.00 состоится беседа на тему «О взломе кладовок».

Устный журнал
«ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ»

1-я страничка — грипп

2-я страничка — ангина

3-я страничка — ревматизм

4-я страничка — поет хор Дворца культуры.

Магазину требуется дворник, выполняющий функции: грузчика, сторожа, зам директора.

Просим соблюдать тишину! В связи с введением машинной обработки обслуживание стало медленнее. (Объявление в сберкассе.)

9 марта в 5.30 в красном уголке СУ-49 состоится суд над крановщицей из 11 корпуса Тоней Ветохиной, незаслуженно оскорбившей старшего диспетчера.

Просим приходить всех интересующихся. По окончании процесса концерт, пиво.

15 ноября 1979 года в 8 ч. утра в Кауровской больнице состоится забор крови. Доноры приглашаются на забор.

Врач на заборе. (Объявление о том, что врач работает с донорами.)

Товарищи новоселы! Убедительно просим не угощать работников домоуправления! Администрация ЖКК.

Срочно требуется уличная женщина — продавец. Дирекция магазина.

Вниманию горожан

Ресторан «Восток» 11 апреля проводит весенний бал «Летят перелетные птицы», посвященный пернатым друзьям.

Для гостей будут приготовлены весенние салаты из свежих огурцов и зелени, в широком ассортименте блюда из птицы.

«**Лучшие люди**», которые не сдадут фотографии для цеховой доски почета по 27 декабря, будут 28 декабря нарисованы вместо доски почета в стенгазете «Под пресс». Цехком.

Фойе малого зала
Как управлять мужем
Вечер клуба женщин «Марічка»

В Доме культуры
ВЕЧЕРА ОТДЫХА
для людей пожилого возраста (25—50 лет).

Ветеринарное — санитарному отряду (при ветеринарной станции) срочно требуется дезинформатор. Оклад 110 рублей плюс премиальные. *(Объявление в газете.)*

23 февраля состоится научно-практическая сестринская конференция на тему «Тактика поведения у постели больного среднего медработника с предынфарктным состоянием».

Выдача чистого белья — в грязном отделе. *(Объявление в прачечной.)*

Жильцы, которые гудят в трубах и не могут сами, вызывают водопроводчика.

Загс сегодня не будет работать; в случае смерти обращайтесь в Рай.ЗАГС.

Магазину № 25 требуется рабочий — мужчина или женщина.

Можно по совместительству.

11 января буфет не работает. Буфетчица на бациллах.

Дом отдыха — это наша вторая семья! *(Плакат в доме отдыха.)*

Толовы продаются только с ушами и хвостами. *(Объявление в мясном отделе магазина.)*

Срочно требуется Дед Мороз любого пола, приходить со своей бородой.

Здесь сосиски, колбаса,
Есть вино в продаже,
После выпивки вина
Хорошеешь даже. *(Реклама в кафе.)*

Мов. жильцы! 20 марта с 9 часов утра будут жарить тараканов в вашем общежитии. Домоуправление.

Завтра состоится заседание месткома.
Повестка дня:
«Затверждение лучших людей к празднику».

Буфет закрыт. Буфетчица ушла и все вывезла. Ищите себе такую буфетчицу, которая сможет быть козлом отпущения, т. е. вы ее будете клювать в хвост и в гриву, а она будет стоять и молчать. *(Объявление в буфете.)*

Принята шкурволососяной рабочей. *(Из трудовой книжки.)*

Задача дня: выставить на каждого промысловика не менее 40—50 капканов, на каждого охотника-любителя — 15—20 капканов. *(Из доклада.)*

Участковый уполномоченный т. Самаров часто выступал перед учащимися с конкретными практическими примерами дурного поведения. *(Из благодарности.)*

Тайворонский И. Н. по состоянию на 20 сентября от материальных ценностей отстранен, кроме капусты квашеной. *(Из отчета.)*

Прошу вызвать меня на беседу, ибо я начинаю замечать у себя моральную слабость. *(Из заявления.)*

Поскольку А. П. Демидов присвоил подотчетные государственные деньги в сумме 2027 рублей, полученные для закупок птицы у населения, выдать ему 800 рублей колхозных денег для покрытия похищенных сумм и выделить общественного защитника в суде. (Из решения правления колхоза.)

Кормушки в телятнике стоят возле стен, и корм телятам приходится задавать через зад. (Из выступления.)

Жалоба: «Первое впечатление, что в мужском отделении забегаловка: горячей воды почти нет, в раздевалке грязь. Нет элементарной вентиляции. Если учесть то, что целый день моются, пары мыла настолько насыщают воздух, что во рту сладковатый привкус. И если в ближайшее время не будут сделаны форточки, то великая просьба от всех посетителей к директору, чтобы повесили объявление: «Без валерьянки не входить».

Ответ на жалобу: «Форточки будут. Чтобы во рту было не сладко, чай пьют после бани, а не до бани. Объявление повесьте у себя дома и крепите здоровье зарядкой. Директор бани».

Швея Лазарева дала обязательство безбрачия. Слово свое сдерживает. До тридцати процентов изделий шьет со Знаком качества. (Из выступления.)

Я не имел ни одного привода в нашу замечательную милицию. (Из показания.)

Серков к работе относится добросовестно, но распоряжения выполняет неохотно: сначала подумает, а потом сделает. (Из характеристики.)

Мы подготовили 20 парашютистов, а сбросить их с самолета никак не можем. (Из отчета.)

В отношении моей внешности он говорит, что с объекта ПМК-21 кто-то позвонил и сказал: «Что за Феклу ты ко мне прислал?» Я уверена, что никто этого по моему адресу не мог сказать. Я веду себя на объектах вежливо, как положено.

Юрий Павлович сам придумал это слово «Фекла», чтобы окончательно меня унижить и убить морально. И он своего добился, я уже ровно неделю не могу смотреть на себя в зеркало, чтобы не подумать, что я Фекла. (Из объяснительной записки пом. санврача.)

Снетков принимал активное участие в общественной жизни коллектива. В 1974 году был один раз в вытрезвителе, а в 1975 году три раза. (Из характеристики.)

Из всех школьников, участвовавших в фильме, только трое стали артистами кино. Остальные по окончании школы стали настоящими людьми. (Из телепередачи.)

Акт

11 июля в 10 часов утра покупателем т. Чапуловой В. куплен хлеб 2-го сорта пшеничный в магазине № 29. Обнаружено: в хлебе запечен воробей.

Нами, комиссией, хлеб целый в количестве 1 килограмма предоставлен директору хлебозавода т. Бречину А., где установлено, что при выпечке бригады т. Щукиной произошло постороннее попадание — выпечена птица воробей.

Копия акта передана директору хлебозавода для принятия соответствующих мер по выпечке воробья.

Прошу вас силой общественности заставить его любить меня хотя бы до окончания института. (Из заявления.)

Особо отличившихся рабочих администрация будет подвергать премиям. (Из выступления.)

Сообщаем, что Коротняк и Гапонова помирились на сумму семьдесят рублей. (Из уведомления.)

Товарищи! Все меры исчерпаны. Поэтому предлагаю ученика Малышева срочно трудоуспокоить. (Из выступления на педсовете.)

Вопрос: Каким образом можно было избежать этой ситуации? Ответ: Если бы мы заранее предусмотрели все возможные варианты развития событий, то и этого инцидента можно было избежать. Вопрос: А что же делать сейчас? Ответ: Нужно срочно принять меры к тому, чтобы подобное не повторилось. Вопрос: Как это сделать? Ответ: Необходимо провести тщательный анализ произошедшего и на основе этого разработать четкие правила поведения.

Вопрос: Каким образом можно было избежать этой ситуации? Ответ: Если бы мы заранее предусмотрели все возможные варианты развития событий, то и этого инцидента можно было избежать. Вопрос: А что же делать сейчас? Ответ: Нужно срочно принять меры к тому, чтобы подобное не повторилось. Вопрос: Как это сделать? Ответ: Необходимо провести тщательный анализ произошедшего и на основе этого разработать четкие правила поведения.

Вопрос: Каким образом можно было избежать этой ситуации? Ответ: Если бы мы заранее предусмотрели все возможные варианты развития событий, то и этого инцидента можно было избежать. Вопрос: А что же делать сейчас? Ответ: Нужно срочно принять меры к тому, чтобы подобное не повторилось. Вопрос: Как это сделать? Ответ: Необходимо провести тщательный анализ произошедшего и на основе этого разработать четкие правила поведения.

Вопрос: Каким образом можно было избежать этой ситуации? Ответ: Если бы мы заранее предусмотрели все возможные варианты развития событий, то и этого инцидента можно было избежать. Вопрос: А что же делать сейчас? Ответ: Нужно срочно принять меры к тому, чтобы подобное не повторилось. Вопрос: Как это сделать? Ответ: Необходимо провести тщательный анализ произошедшего и на основе этого разработать четкие правила поведения.

Сатирический коктейль (1981 — 2000)

КРОКОД

№ 1 - 1996

• ЮРИ
ЛУЖКО

• РОМАН
КАРИЗ

• АЛЕКС
СМИКАРХАНЯ

• СЕРГЕЙ
КОРЖИ

• НИКОЛА
ЗАДОРНОВ

• ВАЛЕНТИН
ВЕНДЕРОВИЧ

Владлен Бахнов

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Лишь ночь наступила и город затих,
Повсюду собаки — ах, умницы! —
Выводят послушных хозяев своих
Гулять на пустынные улицы.
Я тоже иду. И в собачьем раю,
Неспешно гуляя с собакою,
С одним погутаю, с другим постою,
О том да о сем покалякаю.
Меня б без собаки заела семья —
Хозяйка, хозяйство, потомство.
А так на углу познакомился я
Со Шпицем — большое знакомство:
У Шпица хозяин — инспектор ГАИ,
К нему все знакомиться ломаются.
Так как не ценить эти связи мои?
И как без собаки знакомиться?
Играл бы в «козла» я, ходил бы в пивбар,
Сидел бы у телика дома
И не повстречался бы мне Сенбернар —
Заведующий гастрономом.
А воздух вечерний пьянил и бодрил,
Не пахло машинным бензином,
И я целый вечер с Терьером бродил
Из мебельного магазина.
И дождь ли, не дождь ли, а нам наплевать.
Вчера познакомился с Лайкою
И договорился опять погулять
С ее миловидной хозяйкою.

Все больше знакомых. И день ото дня
Успешней идут у меня дела.
Да, вывела в люди собака меня,
Полезные связи наладила.
Казбеком назвал я собаку навек,
И я уважаю Казбека.
Кто сделал меня человеком? Казбек!
С него начал в жизни я новый разбег.
Да здравствует друг человека!

МУЗА И БУЛЫЖНИКОВ

Лева Булыжников шел по улице.

такой же пустынной и сумеречной, как его состояние духа. За этот день он успел побывать во всех трех редакциях, куда месяц назад отдал свою публицистическую повесть «Утро в свинарнике». Крах был полный, везде ему отказали. Причем если в двух редакциях от него отделались стандартными фразами о том, что нужно больше работать над словом и читать классиков, то в третьей лысый человек в измятом твидовом пиджаке, страдальчески сморщив лицо, сказал: «Слушайте, Булыжников, мой вам совет: бросайте вы это дело. Не умеете вы писать. И слова-то у вас какие-то пыльные и затертые, да и мысли, прямо скажем, не первой свежести».

Лева, может быть, и воспользовался бы этим советом, но вся сложность заключалась в том, что никакого другого дела он делать тоже не умел. «Эх, уехать бы сейчас куда-нибудь! — подумал Булыжников. — Завербоваться и уехать». Он подошел к доске объявлений.

Первое, что бросилось ему в глаза на этой доске, среди рекламных парней, сообщающих об оргнаборе, и опытных кандидатов наук, обучающих игре на банджо и в бридж одновременно (можно по переписке), было маленькое, скромное объявление следующего содержания: «Муза широкого профиля (поэзия, проза, др. жанры) предлагает свои услуги литераторам. Качество и литературные достоинства гарантируются. Плата умеренная. Обращаться по телефону...»

«Розыгрыш какой-то глупый», — буркнул Булыжников, но желание читать другие объявления неожиданно пропало. «А вдруг не розыгрыш? — лихорадочно думал он. — Вдруг это тот единственный случай, шанс, выпавший именно мне? Да нет, что это я, с ума сошел, что ли, ну, просто мистика какая-то!» Но Левины ноги уже сами завернули к ближайшему телефону-автомату, потная рука достала двушку, а дрожащий палец набрал заветный номер.

— Да, — ответил тихий, мелодичный женский голос.

— Я по объявлению, — хрипло пробормотал Лева.

— Вы литератор? — спросил мелодичный голос.

— Да, да, литератор. Лев Булыжников.

— Ну что ж, я могу приступить к работе с завтрашнего дня. Вас это устроит?

— Конечно, устроит. Мой адрес...

— Не надо. — Даже по телефону Лева почувствовал, что его собеседница улыбается. — Я найду вас сама, ведь я все-таки Муза...

На следующее утро проснулся он от нежного прикосновения. Перед ним стояла прелестная женщина, примерно одних с ним лет, одетая в серую юбку и черный скромный свитерок с широкими рукавами, по форме напоминавшими крылья.

«Вставайте, Лев, вас ждут великие дела, — с тихой улыбкой сказала она. — Пока вы будете одеваться, я приготовлю завтрак».

Натягивая джинсы и свитер, Булыжников огляделся. Через прозрачно-чистое стекло в комнату лился мягкий солнечный свет, дышалось легко, как в лесу, с письменного стола безвозвратно исчезли все следы бурной Левиной жизни, а посреди идеальной пустоты столешницы возвышалась пишущая машинка, возле которой аккуратно белела стопка бумаги.

После завтрака Лева сел за машинку, а Муза встала за его спиной и начала что-то шептать. Булыжников не разбирал ее слов, скорее всего это напоминало фоновую музыку, тихую и прекрасную. Но мысли, приходившие в Левину голову, были смелы и оригинальны, а слова, оставаясь вроде бы теми же самыми, неожиданно переставали

ли быть пыльными и затертыми, а прямо на глазах становились свежими и яркими.

Теперь рукописи свои Булыжников (как это бывало раньше) не носил по редакциям сам, льстиво заглядывая в глаза редакционным работникам, которые при его появлении прекращали бесконечные беседы, сразу становясь ужасно занятыми и очень важными, а беспечно отсылал по почте. Отослав их, он как-то само собой переставал интересоваться тем, что будет с ними дальше, обретая непонятную, но твердую уверенность, что все будет так, как надо. И рукописи, опять-таки как-то сами собой, публиковались, а однажды, раскрыв газету, Лева прочел там статью главного критика Пещанского, где повесть писателя Булыжникова «Заря на ферме» была названа «величайшим лирико-эпохальным событием наших дней». Лева неожиданно для себя стал получать официальные конверты, в них сообщалось, что он включен в состав разных комиссий и его явка на заседания этих комиссий строго обязательна. Булыжников все чаще стал уходить из дома. Муза ничего не говорила ему по этому поводу, но улыбаться ласково и все понимающе стала все реже.

Однажды в ЦДЛ он познакомился с дочерью Пещанского Стеллой. Зажав его в угол и напирая на Леву мощным бюстом, она долго, с придыханием говорила о чувствах, вызываемых у нее творчеством писателя Льва Булыжникова, и о том, что не каждая женщина в состоянии понять сложную натуру такого человека. Через два месяца Лева на ней женился.

Они переехали в новую квартиру. За всеми хлопотами, связанными со свадьбой и переездом, у Булыжникова просто не оставалось времени для работы с Музой. Она, как и прежде, являлась точно в срок и тихо ожидала, когда Лева ее позовет.

Однажды он сел за машинку, чтобы написать заявление о вступлении в дачный кооператив. Муза со счастливой улыбкой на лице моментально оказалась у него за спиной, и Булыжников испытал истинные муки творчества. Стандартные слова, вполне подходящие для заявления, жгли и мучили его, поэтому вместо простого и желанного документа через пару часов из-под его пера вышел небольшой, но весьма изящный рассказ, где были

прекрасное описание дачного ландшафта и тонкие размышления лирического героя о прелестях дачной жизни. Помучившись еще немного, Лева понял, что пока она, эта женщина с крыльями, стоит за его спиной, ничего другого ему написать не удастся.

На следующий день, когда Муза как ни в чем не бывало явилась на работу, Булыжников, уставившись в стол, пыхтя и отдуваясь, сказал ей: «Слушай, ты бы это... Ну, как-нибудь помогала Стелле, что ли... Я, это, и сам поработать могу... А ты бы ей там по хозяйству или еще чего...» Муза ничего не ответила ему, а, грустно улыбнувшись, исчезла.

Прошло время. Пишет теперь Булыжников не много, но зато тяжеломерно и глобально. В жизни у него все идет вполне спокойно и удачно. Правда, иногда он вспоминает о Музе, и тогда щемящее чувство подкатывает к его постаревшему сердцу. Как-то он даже решил позвонить ей, но с удивлением обнаружил, что телефонный номер напрочь вылетел из памяти, а записать его он в свое время не удосужился.

Однажды, находясь в зарубежной поездке, поздно вечером, в полутемном баре, рассказал он историю Музы руководителю их делегации, старому и очень маститому поэту Гранитову. Тот, выслушав его, нисколько не удивился, а только, пригорюнившись, сказал: «Эк ее как... Значит, теперь объявления, бедной, давать приходится. Да...» Потом, встряхнув седыми кудрями, пророкотал: «Ладно, Лев, не бери в голову. Дело-то житейское, все мы через это прошли. А она, судя по всему, сейчас у Антошки Кирпичева живет, видишь, как парень в гору попер. Иначе с чего бы ему так?»

Валентин Берестов

ВЕСЕЛЫЕ НАУКИ

ДИАГНОСТИКА

Один укол стального жальца —
Анализ крови сделан мне.
Он, правда, высосан из пальца,
Но убедителен вполне.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

«Земля имеет форму шара», —
Однажды заключил мудрец,
За что его постигла кара,
И страшен был его конец.
Мир оказался не готов
Жить без поддержки трех китов.

ЭТИКА

Соразмеряйте цель и средства,
Чтоб не дойти до людоедства.

ЗООПСИХОЛОГИЯ

«Собачья жизнь!» — сказала кошка.
И легче стало ей немножко.

КРИМИНАЛИСТИКА

Одет прилично. Гладко выбрит.
Кто знал, что он бумажник стибрит?

ОРНИТОЛОГИЯ

Блещут перья на павлине —
Заглядение одно!
А прекрасной половине
Красоваться не дано.
Все ему, а что же ей?
Все не так, как у людей!

ИХТИОЛОГИЯ

Как изучают жизнь акул,
Привычки, нравы и повадки?
А вот как: крикнут «караул»
И удирают без оглядки.

ГЕОМЕТРИЯ

Геометр отправился в Египет
Посмотреть на параллелепипед.
И представьте вы его обиду,
Когда он увидел пирамиду!

БОГОСЛОВИЕ (ПО ГОЛЬБАХУ)

Бог для того
Придумал сатану,
Чтоб было на кого
Валить вину.

ПЕДАГОГИКА

Что делать, чтоб младенец розовый
Не стал дубиной стоеросовой?

Худ. Б. Лео.

Жених с приданным. — Леночка, будьте моей вдовой

Худ. Л. Сойфердис.
Рецензия на спектакль

Худ. А. Каневский. 1955 г.
Заяц-редактор. — Льва трогать рискованно, медведя
тоже... Напишу, что во всех недостатках виноват крот:
он все равно нашей газеты не увидит

Худ. Б. Пророков.

Взяткин-Гладкин принимает заявление

Худ. Л. Бродаты.
1935 г.

—Как тебе в парке
понравилось?

— Да программа как
будто ничего.
Жаль антракты
короткие. Только
начнешь скамейки
ломать — звонок

Худ. И. Семенов. 1956 г.

Ной: — Подождем, Сим следующего ковчега: в этом пара
хамов едит!

Худ. Н. Радлов. 1933 г.
В конторе ЖКХ. — Ну, вот, опять жильцы лезут насчет
ремонта

Худ. Е. Ведерников.
Лес — наше богатство

Худ. М. Ушац.

Десять лет спустя

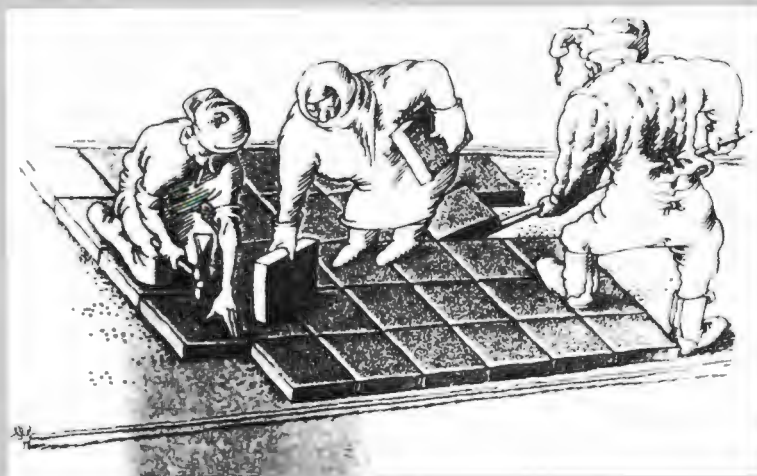
Худ. Е. Шукаев. — Поздравляю с восьмой Мартой!..

Худ. Е. Шукаев. — Теперь я вижу, в вашем отчете есть зерно

Худ. В. Горяев.
 – Вы же знаете как
 прошла наша юность:
 ходили голодные,
 раздетые...
 Так пусть хоть дочка
 оденется как следует

Худ. С. Тюнин

КРИТИКА МОДЕРНИЗМА

Действительность не бред собачий.
Она сложнее и богаче.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

«Дана Козявке по заявке справка
В том, что она действительно Козявка
И за Козла не может отвечать».
Число и месяц. Подпись и печать.

БОТАНИКА

Под забором у края степей
Сладко спал одинокий репей,
Спал и видел прекрасные сны,

Как он вцепится в чьи-то штаны,
В волчий хвост или в заячью грудь
И в далекий отправится путь.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Быть взрослым очень просто:
Ругайся, пей, кури,
А кто поменьше ростом,
Тех за уши дери.

ЭТИМОЛОГИЯ

— Что такое «лирика постельная»?
— Ну, конечно, песня колыбельная!
— Что такое «бабник»? — Знать пора б!
Тот малыш, кто лепит снежных баб.

УФО-ЛОГИЯ (НАУКА ОБ НЛО)

Ведьма, сев на помело,
Превратилась в НЛО.
Снова леший козни строит,
Но теперь он — гуманоид.
Пересел в тарелку джинн,
Устарел его кувшин.
Все живут в другой галактике
И летают к нам для практики.

КОСМОГОНИЯ

Древним истинам не верьте.
Мир красивый, да не тот.
Называли небо твердью, —
Крепче камня небосвод.
Твердь наукою разбита.
Пустота над высотой.
Лишь летят метеориты,
Как обломки тверди той.

МЕТЕОРОЛОГИЯ

Сто лет погоду наблюдали.
Такой, как нынче, не видали!

ПАТОЛОГОАНАТОМИЯ

Один патологоанатом
Уж до того ругался матом,
Что, не стерпев, покойник ожил
И надавал ему по роже.

ГЕНЕТИКА

Плодовых мушек век короткий
Стал для генетиков находкой.

Сегодня — первое знакомство,
А завтра — дальнее потомство.
И эти мухи-дрозофилы
Науке отдали все силы.

МЕЛИОРАЦИЯ

— Я — не канава. Я — поток!
— Уж больно ты прямой, браток.
Поток свернет налево, вправо,
Крив, да правдив. А ты — канава!

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Все на свете интерьеры
Начинаются с пещеры.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Почтительно мы посещаем дворцы,
Которые с яростью брали отцы.

АРХЕОЛОГИЯ

Вещь — это весть. С веками вещи
Приобретают голос вещей.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Он — ответчик.
Истица — я.
Помоги нам,
Юстиция.

ЭКОЛОГИЯ

Пусть будущие поколения
Не скажут с болью сожаленья:

«Жил-был смешной пушной зверек.
Но мир его не уберег».

ФИЛОСОФИЯ

В запасе вечность у природы,
А у людей лишь дни и годы,
Чтобы взглянуть
На вечный путь
И разобраться, в чем тут суть.

ДРАКОНИЛ

Страшно вспомнить, на что он меня подбивал.
Как, бывало, меня и смешил, и дразнил он.
И «Мурзилку» «Зумрилкою» он называл,
И журнал «Крокодил» величал «Драконилом».

«Тот буржуй, кто в кино покупает билет!»
Два билета он тушью подделал блестяще.
Я был изгнан. А он не глянул мне вслед,
Вынув вместо подделки билет настоящий.

Он к теплицам меня заманил за село,
К ослепительно ярким большим помидорам.
Соблазنىсь я, разбей на теплице стекло,
Вот уж он бы моим насладился позором.

Будь мы взрослыми, я бы ему не простил.
Я навеки порвал бы с таким негодяем.
В детстве все по-другому. Догнал. Отлупил.
И опять как ни в чем не бывало играем.

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ДНЕВНИКА

Контора. Почта. Магазин...
Оазис для первопроходца
У каракумского колодца!
И вдруг: «Вас много, я один!» —
Родимый голос раздаётся.

Жара, пески, куда ни кинь,
А он, злодей, и тут как дома.
И, покорители пустынь,
Сидим, покорно ждем приема.

О ВРЕДЕ РЫЦАРСТВА

Будь в этом кресле бюрократ,
Я с ним сразиться был бы рад.
Но черт послал мне бюрократку.
Без боя проиграл я схватку!

КАРМАН И РОМАН

..Писал писатель
Эпиграммы,
А жил за счет
Жены и мамы.

Коль поумнеет
Хоть на грамм,
Писать не станет
Эпиграмм.

И чтобы полным
Стал карман,
Сатирик сядет
За роман.

ПАЛЬТО И ШАПИТО

Люблю балаганы,
Люблю шапито.
Люблю я их так,
Как не любит никто.

Чтоб денег добыть
На билет в шапито,
Зимою в ломбард
Отволоку я пальто.

В. А. — ДРУГУ

Многих мы с тобою круче!
Ниже нас кайфуют тучи.
Звезды нас чуть-чуть повыше...
Звезды — это наша «крыша».

МОЙ ЗНАК

Все живут под Зодиаком,
Кто под «Девой», кто под «Раком»,
Я ж придумал новый знак,
И зовется он «Пусть так».

Много лет на белом свете
Я живу под знаком этим.

На вопросы «Что?» и «Как?»
Отвечаю я: «Пусть так».

Пусть так будет, а не хуже,
Будет дождь и будут лужи.

Светят солнце и луна,
И ко мне придет Она.

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК

Я за смех! Но нам
нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...

САЛОННЫЙ РАЗГОВОР

В праздничном салоне новобрачных
Для официально молодых
Нет в ассортименте мыслей мрачных —
Радужные вытеснили их.

Вздумал тут и я принять участие,
Высказав желание одно:
— Выпишите, девушка, мне счастье.
Сколько бы ни стоило оно.

Обвела глазами продавщица
Свой торгово-загсовый уют:
— Счастье — дефицитная вещьца.
Счастье
по знакомству
достають.

БЕССТРАШНИЦА

Гимнастка воздушная четко и смело
Не день и не два, а который уж год

Бросает тугое, послушное тело
В красивый, но все-таки страшный полет.

С артисткой — кураж (разновидность задора),
А этот кураж образуется в ней
Надеждой на мускулы, верой в партнера,
Любовью к высокой работе своей.

Здесь полсантиметра грозят бюллетенем,
Здесь четверть секунды нельзя потерять.
И так — представление за представленьем,
Сегодня и завтра, и вновь, и опять...

А в парке качели возносятся низко,
Она же взлетела и вскрикнула: «Ах!»

.....
Ну что же; в свободное время от риска
Она себе может позволить и страх.

ЕЩЕ О КЛИМАТЕ

Они клялись под солнцем юга,
Что жить не смогут друг без друга.
Зато в Москве, вернувшись с юга,
Встречают нехотя друг друга.
Проходят встречи скучновато.
Контакт какой-то неуверенный...

.....
А все природа виновата.
Так — жаркий климат,
тут — умеренный.

ПОСЛЕ ПОЛУЧКИ

Мозг. Значит, так, зарплата получена. На руки чистыми 54 рубля 06 копеек. Пятьдесят сразу Маше на хозяйство, целковый на подарок Андрюшке, а 2.87 в задний карман на непредвиденные. Все в ажуре!

Сердце. А все-таки люблю я их! И Машеньку, не смотря на ее вечное ворчание, и Андрюшку, не глядя на его тройки. Хорошие они у меня, золотые!

Ноги. А ну, шагаем веселей до дому! Обед небось давно готов. Наши ждут с нетерпением.

Глаза. А что тут такое на углу? Раньше не замечал. *(Читают по складам.)* Пив-ной зал но-мер де-вять... Наверно, недавно открылся.

Правая нога *(левой, нерешительно)*. Зайдем, что ли, на пять минут, полюбопытствуем?

Левая нога. Стоит ли? Дома-то ждут...

Мозг. Прямо уж не знаю, как и быть.

Сердце. Ни в коем случае! Вспомни, чем кончился для меня наш субботний поход с Артюхиным и Краснопевцевым!

Мозг. Ну, мы, право же, на минутку, без компаний!

Глаза. Никак Павел Николаевич в дверь прошмыгнул? Вот мы кого давно не видели!

Мозг. Зайти, а?

Сердце. Ну, как знаешь! Я снимаю с себя всякую ответственность.

Правая нога *(левой)*. Ну, пошли, что ли. Чего на месте-то топтаться?

Руки. Вот примите, пожалуйста, плащ. Ничего, можно за петлю, вешалка оборвана.

Спина (ногам). Очень прошу вас, останемся у стойки. Мне это не трудно, мы ведь на минутку.

Ноги. Нет уж, пожалуйста, вы за нас не решайте! Мы ведь тоже не железные. Присядем ненадолго.

Правый глаз. А вот и мой коллега у Павла Николаевича подмигнул нам.

Ноги. Пошли, что ли, к его столику?

Правая рука. Ох, до чего же сильно он меня жмет! Прямо Юрий Власов!

Спина. Ну, я понимаю, друзья, давно не виделись. Но зачем же так больно хлопать?

Сердце. Может, все-таки уйдем?

Мозг. Да уж куда там теперь! Неловко. А потом мы же только на пять минут.

Горло. Ой, как горячо! Не меньше как градусов сорок!

Желудок. Ну, вот опять! Мало ему субботнего!

Горло. Фу, как горько и холодно! Терпеть не могу пива!

Правая рука. Держись, рюмочка, не падай! Сейчас тебе опять с подружкой стукаться!

Уши. Ах как приятно слышать этот мелодичный звон!

Горло. Опять горячо! Что же это за климат такой неустойчивый?!

Желудок. Эй, вы, там, наверху! С ума, что ли, посходили? Лейте осторожнее, а то у нас все затопляет!

Печень (с тоской). Боже, что со мной будет завтра!

Ноги. Ну, вот! Только удобно устроились, как нам еще какую-то пустую бутылку сверху спустили. Только мешается тут под столом!

Сердце (мозгу). Слушай, может, хватит? Наши дома заждались...

Мозг (беспечно). А, чего там! Обойдется! А ты помалкивай. Твое дело биться — тук-тук, тук-тук. И вообще я сейчас дам команду запеть!

Язык. Этого еще не хватало. Я же еле ворочаюсь!

Левая рука (глазам). Ну-ка, гляньте, пожалуйста, мне на запястье. Который час?

Глаза. Мать честная! Уже половина десятого!

Мозг. А ну еще по одной!

Желудок. Да вы в своем уме? Все! Я сегодня больше не принимаю!

Печень (*умоляюще*). Братцы, имейте совести! Ведь для меня это разрез!

Руки. А вот как мы сейчас обнимем Пашку, старого черта!..

Губы. Паша, родной! Дай-ка-с мы тебя расцелуем!

Глаза. Что за наваждение! Кажись, Павел Николаевич отворачивается..

Правая рука (*решительно*). Пальцы! Слушать мою команду! Сжимайтесь в кулак! Сейчас мы этому нахалу как...

Зубы. Чтой-то нас после Пашкиного ответа вроде меньше стало?

Правый глаз. Караул! Заплываю!

Руки. Товарищ старшина! Больно! Не заламывайте нас так сильно за спину!

Ноги. Интересно, куда это нас волокут?

Левый глаз. Хотя я теперь и один, но убей меня бог, если это не родное 50-е отделение...

Спина. Боже мой, какая опять лежанка жесткая! Как в ту субботу!

Мозг (*сквозь сон*). Значит, так... Маше на хозяйство... Андрюшке на подарок... Мне на непредвиденные...

Руки. Да тут в кармане только и осталось что 06 копеек!

Мозг (*не слушая их*). Маше на хозяйство... Андрюшке на подарок... (*Окончательно засыпает*)

Горло (*облегченно*). Наконец-то!.. Х-рр. Х-ррр!..

Виктор Боков

КОСТЕР

Рябина разожгла костер,
Пылают листья, как поленья.
И царственный ее престол
Мне обещает вдохновенье.

На пиршество дрозды летят,
Садятся, занимают крону.
Но почему-то не хотят
Позвать на пиршество ворону.

А я достал рукою гроздь,
Пошел себе широким шагом.
Попробовал — меня насквозь
Проткнула горечь тонкой шпагой.

Горит рябиновый огонь,
Прекрасно огненное платье.
И чешется моя ладонь,
Не иначе — дадут зарплату!

В МЕТРО

— Подвинься, дура, мне надо сесть.
— Подумаешь, какая честь! —
Подвинулась, очки сняла,
Меня презреньем обдала.
Я не смутился, я расцвел,
В себе гордыню поборол.

Вагон людьми битком набит,
И каждый каждому грубит.
А я смеюсь, дарю добро,
Моя Москва! Мое метро!

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Парьтесь паром! Он могуч,
Он при бане служит лекарем.
Он меня догнал в снегу,
Больше это делать некому!

Пейте воду с родника,
В ней ни грамма гиблых примесей.
Вот дорога, вот река,
Вот родник, туда и двинемся.

Он под ивою звенит,
Воспевая утро раннее,
Он настолько знаменит,
Что у нас известней Байрона!

КОЛЕСО

Сначала одно колесо починили,
Потом и другое — и дело пошло.
Меня вовлекли, и меня подчинили,
Число мастеров-ремонтеров росло.
Один бы управился сделать все это —
Терпеньем, умением, понятием, трудом.
А тут ремонтировали все лето.
И что же? Телега стоит под дождем.
Семь нянек вскормили ребенка кривого.
В семерку входил педагог из роно.
Наверно, поэтому в сердце тревога:
Повсюду спецов-самозванцев полно!

ОСКОЛКИ

Не сидите сиднями,
Не лежите лежнями,
Не ругайтесь матерно,
Говорите вежливо!

ИЗЯЩНЫЙ ПОСТУПОК

На улице сегодня минус,
А снег искрится — любо посмотреть.
Я инеем на шею кинусь,
Чтоб яблоню озябшую согреть.

НЕ ТРОНЫ!

Не тронь меня, тротил,
Не жги меня, напалм,
Я сдачи дать могу,
Не на того напал!

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

— Целуй меня! — А что потом?
— А на «потом» печать наложена.
Не знаете вы разве, что постом
Поститься каждому положено!

ЭПИГРАММЫ

Александр ГЕЛЬМАНУ
(Телеграмма)

Желаем новых творческих успехов
Отнюдь не на «Скамейке» запасной...
«Мы — нижеподписавшиеся»: Чехов,
Шекспир, Островский, Горький, Лев Толстой.

Валентину ГАФТУ

Преставилась богу старуха —
Графиня, из «Пиковой дамы»:
За час до премьеры, по слухам,
Ей Гафт прочитал эпиграммы.

Григорию ГОРИНУ

Его когда-то, что ни говори,
Могли домой мы вызвать по «03».
Теперь писатель в ранге подобающем,
И вызов на дом был бы вызывающим.

Людмиле ГУРЧЕНКО

Хоть с премьеры давней столько минуло,
Вы все та же, времени назло...
Повезло механику Гаврилову,
Да и нам, признаться, повезло.

Армену ДЖИГАРХАНЯНУ

Он ролей исполнил столько,
Что (и то не без труда)
Все их вспомнят разве только
Знатоки «Что? Где? Когда?».

Леониду КАНЕВСКОМУ

Мы на экране этого актера
Привыкли видеть в звании майора.
Тут с эпиграммой выступишь неловкой —
И можно познакомиться с Петровкой.

Леониду КУРАВЛЕВУ

Уж если положителен —
Вконец обворожителен,
А коли отрицателен,
То только обаятелен.

Аркадию АДАМОВУ

Тургенев о проблемах детектива:
— Аркадий, друг, не говори красиво.

Аркадию АРКАНОВУ

I

Он сатирик, мастер смеха...
Не боясь, скажу о нем:
— Он давно уже, как Чехов...
Не работает врачом.

II

Аркадий наш и мил, и знаменит.
Такого нет, кто бы о нем не слышал.
И каждый с ним при встрече норовит
Похлопать по плечу: «Здорово, Триша!»

Сергею АНТОНОВУ

*(Автору повестей «Разорванный рубль»
и «Царский двугривенный»)*

Позвольте мне сказать по совести
И дать свои рекомендации:
Они прекрасны, ваши повести,
Вот только б не было инфляции.

Льву АННИНСКОМУ

Тот из писателей умнее,
Кто ходит с Аннинским на шее.

Владлену БАХНОВУ

*(Автору цикла пародий
«Белеет парус одинокий»)*

Михайлы Юрьевича строки
Однажды взял за эталон,
Как пародист воскликнул он:
«Мелеет парус одинокий».

Виктору БОКОВУ

Читатель! Сколько ни ищи ты,
Чем он, известней не сыскать.
Поэт настолько знаменитый,
Что балалайку смог достать.

Сергею БОНДАРЧУКУ

(На постановку в Большом театре
оперы «Мазепа»)

Он поставил «Мазепу», и это отлично,
Большому художнику большой полет,
Но, согласитесь, все-таки непривычно,
Что Марию Скобцева не поет.

Никите БОГОСЛОВСКОМУ

У меня зазвонил телефон:
— Кто говорит? — Эдисон!
(Кобзон, Сен-Симон, Сименон и т. д.) —
Ох, и трудная это работа —
Всех разыгрывать словно по нотам.

Михаилу БОЯРСКОМУ

Когда-то увлекались мы недаром
Наивным блюзом, танго, ча-ча-ча...
Теперь же в моде хрипотца, гитара
И черный плащ с Боярского плеча.

Вахтангу КИКАБИДЗЕ

В новой роли покори́л он нас,
На экран с эстрады переехав.
Вам желают зрители и ТАСС
Ми-ми-новых творческих успехов.

Евгению ЛЕВЕДЕВУ

(Исполнителю роли Холстомера)

Артист настолько слился с персонажем,
Так растворил в нем собственное «я»,
Что вряд ли он кому теперь докажет,
Мол, я не я и лошадь не моя.

Эльзе ЛЕЖДЕЙ

Часто зритель шлет вопросы:
— Сколько лет актрисе все же?
На Петровке — тридцать восемь,
В жизни выглядит моложе.

Василию ЛИВАНОВУ

Тост поднять бы за знакомство:
Как сыграл, как воплотил!
Жаль, что тосты Шерлок Холмсу
Доктор Ватсон запретил.

Сергею МИХАЛКОВУ

Нет «Фитиля», чем он зажег, огнеопасней.
А что он строг, как педагог, то это басни.

Никите МИХАЛКОВУ

Бесподобно синеокий,
Он гарцует на коне.
Но романс такой жестокий —
Так и хочется к «Родне».

Юрию НАГИБИНУ

Охрана памятников, повести, картины...
Потомок скажет много лет спустя,
Что он и сам, как памятник старинный,
Был сделан без единого гвоздя.

**Алексаандре ПАХМУТОВОЙ
и Николаю ДОБРОНРАВОВУ**

Удивительный факт обнаружен,
Нам подобные семьи нужны,
Где последнее слово за мужем,
А поет он под дудку жены.

Василию ПЕСКОВУ

Среди таежных обиталищ
Он честно дружит со зверьем.
Тамбовский волк ему товарищ, —
В хорошем смысле, а не в «том».

Валерию ПОВОЛЯЕВУ

Для любой почетной биографии
Новое открытие в географии.
Ну а он, ни более ни менее,
Взял да и открыл «Страну Тюмению».

Константин Ваншенкин

* * *

Хотел бы я проникнуть в этот мозг! —
Не скальпелем, конечно, не рентгеном,
А словно перекинуть легкий мост,
Войти, вбежать в порыве откровенном.

Хотел бы, если б выпала судьба,
Узнать — пускай не сразу, а помешкав, —
Что там таится, под прикрытьем лба,
Когда блуждает на губах усмешка.

Хотел бы я увидеть только раз,
Уж если мне досталось это диво,
Что кроется за тихим светом глаз,
Глядящих так спокойно и правдиво.

ПОРТРЕТ

Категоричные сужденья,
Горящий взгляд;
На скулах пятна возбужденья,
Слова бурлят.

Но вот, внезапно сбившись с тона,
Взглянув вокруг,
Вы снисходительно и томно
Вздохнули вдруг.

Как будто вы росли меж принцев,
В иных веках.

И говорите вы: «Мой принцип», —
О пустяках.

Ах, как же вы принципиальны
И как скучны,
Ах, как же вы провинциальны
И как смешны!

ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТИКИ

Но что же такое критика? Маэстро или тапер?
Но кто она — режиссер, оценщик или разметчик?
На самой передовой расчетлива, как сапер,
Иль в поиске «языка» удачлива, как разведчик?

Иль в том, чтоб за фронтом шагать, видит
задачу свою,
Присваивает нам званья, не ведая об обидах,
Подсчитывает трофеи, добытые нами в бою,
И так привычно уже закапывает убитых?

* * *

В ранний час в березовых хоромах
Гулко гром грохочет молодой,
И дымки взорвавшихся черемух
Тут и там не тают над водой.

С хвои сходит измороси проседь,
За рекой горланят петухи...
В этот ранний час решают бросить
Пить, курить или писать стихи.

К ПОРТРЕТУ

Той давней, той немыслимой весной,
В любви мужской почти не виноватая,
У низенькой земляночки штабной
Стоишь ты, фронтовая, франтоватая.

Теперь смотрю я чуть со стороны:
Твой тихий взгляд, и в нем оттенок вызова,
А ноги неестественно стройны,
Как в удлинённом кадре телевизора.

МОНОЛОГ-ТОСТ В СОПРОВОЖДЕНИИ ВНУТРЕННЕГО ГОЛОСА

Провозглашаю тост! За вас, сидящих здесь!
Как дороги вы мне! Прекрасно, что вы есть!
(Остаться в будни нам в такой же бы цене —
Вот что, друзья мои, прекраснее вдвойне!)

За тех, кого здесь нет! Удачи им в пути!
Доплыть и долететь! Доехать и дойти!
(И чтоб за дни разлук родной, счастливый дом
Не стал бы им чужим! И ждали бы их в нем!)

Здоровья вам сполна! Живите по сто лет!
Чтоб выполнить друзей настойчивый завет!
(И заодно врагов хоть этим доконать.
Но только кто из них об этом будет знать?!)

Успехов, счастья вам! Дерзайте! В добрый час!
За то, чтоб все сбылось у каждого из вас!
(Чем воспарить в мечтах и с ними в лужу сесть.
Не лучше ли, друзья, остаться — с тем что есть!)

АНЕКДОТ С СОБАКОЙ

Какая только публика

не захаживает в редакцию юмористического журнала! И все обязательно несут что-нибудь смешное. На их взгляд, конечно...

Недавно, например, появился старичок с болонкой на руках. Протянул мне листик бумаги и сказал:

— Вот, хе-хе, принес для вас преуморительный анекдотец. Не взглянете?

На листочке аккуратным почерком было написано:

«Сэр Джон пришел в гости к сэру Уильяму и обнаружил, что тот играет в шахматы со своим пуделем.

— Да это же чудо! — воскликнул пораженный сэр Джон.

— Какое там чудо, — поморщился сэр Уильям. — Пудель — круглый дурак. Имеет лишнюю пешку в ладейном эндшпиле и не может выиграть».

— К сожалению, — сказал я, разводя руками, — очень похожий анекдот мы опубликовали на прошлой неделе. Там бульдог играл в шашки и не мог провести лишнюю шашку в дамки.

— Но, простите, — заупрямился старичок, — шахматы и шашки — это далеко не одно и то же! И потом, вы сами говорите — там был бульдог, а у меня пудель.

Болонка на его коленях зарычала. Старик погладил ее, успокаивая.

— Извините, мы напрасно спорим, — сказал я, поднимаясь со стула. — Приносите что-нибудь свеженькое, тогда посмотрим.

Через день старик с болонкой снова просеменил в мой кабинет.

— Вот, — сказал он, — совсем новенький анекдотик, — и рукой, дрожащей от неподдельного волнения, протянул мне листок.

Я прочитал:

«Сэр Джон пришел к сэру Уильяму и еще из передней услышал чарующие звуки скрипки. Войдя в гостиную, сэр Джон с удивлением обнаружил, что на скрипке играет пудель.

— Чудо! — воскликнул сэр Джон.

— Э-э, какое уж тут чудо, — поморщился сэр Уильям. — Надо играть аллегро, а он дует адажио...»

— Слушайте, — сказал я, — неужели вы не понимаете, что это повторение старой истории с шахматами?

— При чем тут шахматы?! — чуть не плача воскликнул старик. — Пудель теперь играет на скрипке, а не в шахматы! Ну как же вы не улавливаете разницы, голубчик?

— Дорогой мой, я все улавливаю, — как можно любезнее ответил я. — Но согласитесь, что схема-то всех ваших собачьих анекдотов одинаковая — владелец пса сэр Уильям так привык к человеческим талантам своей собаки, что давно им не удивляется, а сэр Джон удивляется.

— Нет, вы придираетесь! — заспорил старик.

Болонка на его коленях заерзала и тявкнула.

Я встал.

— Извините, я очень занят.

Старик уныло качнул серебряным нимбом и ушел, неся свою псину, как грудное дитя.

Прошла неделя, и старик с болонкой опять посетили меня. На этот раз лицо старика дышало несокрушимой верой в победу.

— Вот! — протянул он мне листок. — На сей раз совсем из другой оперы, тут уж вы ничего...

Я прочитал:

«Сэр Джон стоял на перекрестке перед красным светом. Вдруг рядом затормозил мотоцикл. За рулем сидел пудель, а на заднем сиденье — сэр Уильям.

— Чудо! — воскликнул сэр Джон.

— Э-э, какое там чудо, — поморщился сэр Уильям. —

Мой мохнатый обормот засмотрелся на какую-то сучку, и мы проскочили левый поворот».

— Увы, — вздохнул я. — Опять то же самое, мой дорогой. Все тот же слегка переиначенный анекдот.

— Как это «тот же»?! — взвизгнул старец. — По-вашему, играть на скрипке то же самое, что водить мотоцикл?

В этот миг болонка, покоившаяся на коленях старика, мотнула мордой, отбрасывая с глаз грязно-белую челку, и произнесла фальцетом:

— Если вы р-р-решительно, по-мужски, не пошлете моего старр-р-рого дурака к чертовой бабушке, он будет к вам каждый день шляться со своими глупыми анекдотами.

— Это кто сказал?! — спросил я, не веря своим ушам.

— Она, — печально подтвердил старик.

— Кому?

— Вам.

Старик наподдал псине по мохнатому заду, а собачка в отместку цапнула его за палец.

— Послушайте! — закричал я. — Да чего вы зря время-то теряете, ходите по редакциям! Рысью в цирк! У вас же аттракцион века! Международные гастроли — Нью-Йорк, Токио!

— А-а... — безнадежно махнул старик рукой. — С чем тут выступать? На рояле она не играет, в шахматах ни бельмеса не смыслит. Единственное, на что эта тварь способна, так это поносить меня при посторонних нехорошими словами. А руганью сейчас кого удивить?

Он тяжело поднялся, подхватил собачку под живот и поплелся к двери.

Мне было искренне жаль его.

Семен Вишневский

ПО СРЕДНЕМУ ИСЧИСЛЕНИЮ, или РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ

— Полвека — это сколько лет
На твой бесстрастный взгляд?
— Не будет радовать ответ —
Совсем не пятьдесят.

— А поточнее срок назвать
Ты можешь или нет?
— Могу. Полвека — тридцать пять.
Конечно, в среднем лет.
Хоть я — фортуна, я — судьба.
Но в том-то весь вопрос,
Что без статистики слаба
Надежный дать прогноз.
И если это
Хоть на миг
Ты понял наконец,
То, значит, в среднем
Ты старик
И в среднем — не жилец.
Не зря сказал твой друг — из тех,
В ком фальши ни на грош, —

Что в среднем
Ты прекрасней всех,
Но долго, брат, живешь!

ПРОБЛЕМА

Когда подчиненного
Слушал Эчан,
Он брови сдвигал
И свирепо рычал.
— Твоя голова
Как капустный кочан! —
Сердито кричал
Возмущенный Эчан.

А если начальника
Слушал Эчан —
С восторгом его
Мудрецом величал.
— И мысли как стрелы,
И мозг как колчан! —
Влюбленно твердил
Восхищенный Эчан.

Сегодня Эчан
Непривычно молчал —
Вошедшего он
До сих пор не встречал...
Его положенья
Не зная, Эчан
Смущенно чесал
Свой капустный кочан...

*Перевод с марийского
М. Раскатова*

Александр Вихрев

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Кажется, из спортсменов

услугами телефонной, телеграфной и почтовой связи пользуются пока что только шахматисты. В других играх вопрос «кто кого?» решается по старинке в очном порядке.

Между тем к средствам связи прибегают тысячи учреждений и предприятий, руководители которых подчас и не подозревают, какие широкие игровые возможности таятся в самой природе межканцелярских деловых сношений.

Вот свеженький пример.

Расстановка игроков: с одной стороны, Трест, с другой — Завод. Заметим сразу же, что противники находятся в разных, хотя и соседствующих, областях. Судит игру, как и полагается, Судья.

Теперь следите внимательно.

Завод посылает Тресту два прибора, которые нужны тому не больше, чем осьминогу хвостик. Трест, разумеется, тут же отказывается заплатить за них.

Завод делает следующий ход: платите, иначе мы предъявим вам штраф.

Трест: хоть сию минуту приборы отправим вам обратно.

Завод: нет, голубчики, либо платите, либо мы обратимся с иском в арбитраж.

Трест: приборы в целости и сохранности, можем переадресовать их тому, кто в них нуждается...

Это, так сказать, разминка. Без нее нельзя. Она необходима для накала страстей, для распаления ведомствен-

ного энтузиазма, словом, для обретения боевой спортивной формы. И вот уже на поле боя появляется Судья.

Он без промедления решает дело в пользу Завода, а это означает, что Тресту придется выплатить около полутора тысяч рублей: цена приборов плюс штрафы.

Трест нанимает юриста для составления жалоб. Главный бухгалтер Треста едет в ничейную зону — на заседание арбитража по разбору дела.

Эффектное заявление посланца Треста о том, что приборы уже погружены в вагон и движутся к родимым воротам Завода, не производит на Судью впечатления. Приговор гласит: взыскать с Треста исковую сумму в принудительном порядке.

Главный бухгалтер Треста возвращается домой и вместе с управляющим пишет Судье письмо, исполненное горечи и негодования:

«...Десять месяцев не иссякает бумажный поток переписки по этому поводу, а вы своим беспринципным решением не только не положили конец бесплодной тяжбе, но, наоборот, усугубили ее».

Но уже поздно: денежки со счета Треста списаны в пользу Завода.

Чувствуете, какой острый миттельшпиль? Трест остался и без денег, и без приборов, так сказать, ни за что.

Но, впрочем, после нескольких жестоких схваток Трест добился-таки справедливости. Ему возвратили стоимость приборов, а Завод может их теперь продать другому покупателю.

Подведем жирную грустную черту.

Тресту этот матч обошелся без малого в двести пятьдесят рублей (штрафы, пошлины, юридические услуги и пр.).

Четырнадцать месяцев около десятка организаций участвовали в поединке Завода и Треста. Были потеряны тысячи рабочих часов и, наверное, сотни киловольт нервной энергии.

Разрешите представить вам главных участников турнира и Судью.

Трест — трест «Лопушинскгоргаз».

Завод — Степнянский завод электроизмерительных приборов.

Судья — госарбитр при Степнянском облисполкоме Н. Ганина.

Есть еще и другие. Из них имеет смысл упомянуть хотя бы трест «Ковылянскоблгаз», бывшие руководители которого и подсунули своему подчиненному Лопушинскому городскому тресту два прибора самописца без его ведома и согласия. Отчего и началось грандиозное канцелярское игрище.

Правда, по-деловому принято говорить не «подсунули», а «занарядили». Но это уже детали, в которых мы, конечно, не сумеем разобраться так тонко и остроумно, как это удалось госарбитру Н. Ганиной.

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Немножко, знаете ли, чересчур начинают приедаться сериалы. Многосерийные фильмы то есть. Не все, разумеется, а так называемые многозначительные: где, например, Она смотрит вослед уходящему Ему десять минут кряду (во весь экран — оба глаза со слезой) или, скажем, герой-передовик, выступая на собрании, джлящемся две серии подряд, делает пятиминутную паузу, чтобы прогверлить взглядом мерзкого директора-консерватора.

Как-то оно, понимаете ли, поднадоело сопереживать эти затянувшиеся мгновения. Чего-то хочется подинамичнее, поживее, посозвучнее быстротекущему времени.

Хотя, надо признать, для страдающих бессонницей такие сериалы — испытанный препарат. Спится на них легко, сладко, с прихрапом. Особенно если на тахте у телевизора.

По этому унылому поводу и написано и сказано немало критического. В том числе и на страницах «Крокодила». Но дело уже дошло до того, что даже сама эта критика стала неинтересной. Может, потому, что критика критикой, а растягивание и размусоливание сюжетов все равно идет своим ходом. И, конечно, всем понятно, почему.

Но если на съёмочных площадках совладать с длиннохвостыми сериалами пока что неумоготу, то лучик надежды нежданно блеснул совсем с другой стороны — от кинопроката. А именно: киномеханик Владимир Корюкин из

Лебяжьеvского района Курганской области недавно прислал нам обстоятельное письмо, в котором, вообще-то говоря, жалуется на то, что приходится крутить старые, изношенные киноленты. Пишет, что зачастую они «на грани четвертой категории технической годности, то есть когда фильмы идут на списание». А главное, мол, в том, что из-за многих обрывов и склеек ленты усекаются чуть ли не до половинного метража. «Вот дня три назад, — делится В. Корюкин, — я демонстрировал двухсерийный художественный фильм «Семейный портрет в интерьере» — так эти две серии уложились в полтора часа. Конечно, — замечает он, — зрители, заплатившие за двухсерийный фильм, остались, мягко говоря, недовольны».

Недовольны они, наверное, еще и потому, что «Семейный портрет в интерьере» не тот фильм, который непременно требует сокращения и уплотнения. Зато многие другие ленты прямо-таки вопиют о своей непомерной затянутости. И на них усеечение пустопорожних кадров, сцен и эпизодов возымело бы самое живительное действие. Отстриги у них все лишнее и нудное, мы вместо нескончаемой пресной киножвачки получили бы стремительное, напряженное развитие сюжета в современных темпах и ритмах.

Но при этом и страдающие бессонницей не останутся внакладе. Достаточно будет склеить отстригнутые кадры-отходы в одну ленту, и такое забористое получится киноснотворное — куда крепче вашего люминала!

Владимир Вишневский

ЛИРИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ

•

Куда пропал?.. Да не было в живых!..

•

И вновь я не замечен с Мавзолея!..

•

И душ самонадеянно приняв...

•

О, поделись со мной хотя бы властью!..

•

Не каждый свитер неразрывно связан...

•

Не полевет правая нога!..

•

Я в юности все двушки прозвонил...

•

Как часто эскалаторы ходили...

*

А у поэта нет случайных женщин...

*

На этот раз Тебя зовут Настасья...

*

И вновь забыв, что главное — здоровье...

*

О, где бы членство приостановить?!

*

Срывай же всё, но только не поставки!..

*

О, раствори мне хоть немного кофе!..

*

С тех пор, как дома стал он ночевать...

*

О, не ходи так поздно по квартире!..

*

Ты никогда нам не звони, сынок...

*

И даже паденье мое не свободно...

*

С утра я не готов голосовать...

*

Уж склонили б к сожительству, что ли...

*

О, дай мне, дай мне, дай мне удлинитель!.. (дай)

*

Любимая, июль такой бесснежный!..

*

Уже пора не спрашивать, за что...

*

И пусть промчится тысяча такси...

*

О, не греми, любимый, кандалами!..

*

Да поздно мне снимать кандидатуру...

*

Такое время, страшно за собак...

*

Ну что же, изменяй... Но только мне!..

*

О, не играй так грозно на баяне!..

*

Святое дело — мяч подать мальчишкам...

•

Ну хорошо, допустим, поцелую...

•

Зимой в Москве громоздко женихаться...

•

О, как похмельно полосат матрац!..

•

А в СССР мне нанесли побои...

•

И недвусмысленно приблизившись к трамваю...

•

Страшусь: не звезданули бы по морде...

•

Как зябко — без любви и на газетах...

•

Жизнь вынуждает написать бестселлер...

•

Не в силах углубиться даже в лес...

•

О, как подорожало одолжение!..

•

Уговорили, так и быть — стреляйте...

•

Как безобразна сцена штрафования!..

•

Что может быть крупнее неприятностей?!

•

«Любовница» — звучит функционально...

•

Как горько потерять товарный вид!..

•

И даже в том, как в двери мы проходим...

•

...в постель, где вскоре был изобличен...

•

Я даже к мужу своему привык...

•

Ну, это я при жизни был веселым...

•

Я повторяю свой вопрос: «Ура?..»

•

Как недостойно прятаться в унитазах!..

•

А скольких медсестер вернул я к жизни!..

*

И жертвы есть во мне, и разрушенья...

*

Ты мне роди, а я перезвоню...

*

Вы что же — обезвредили меня?..

*

Я УМИРАЮ, НО ОБ ЭТОМ — ПОЗЖЕ...

Михаил Владимов

МУРАВЕЙНИК ПОД МЫШКОЙ

Я притаился на большом стволе
Березы...
Я стал природой...
И шмель сердитый
сел на авторучку...

Анатолий ПАРПАРА

На липу я залез
И притаился,
И превратился в руконогий сук...
Ко мне природа быстро привыкала.
Яйцо в карман подбросила кукушка.
Гриб-подколенник вырос под коленом.
Под мышкой шевелился муравейник.
Звенело в левом ухе, выло — в правом...
По мне струилось, ползало, скакало,
Росло, переплеталось, размножалось...
А я терпел.
И все бы ничего.
Как вдруг явился длинноклювый дятел
И стал стучать по черепной коробке.
Потом немного ниже, ниже, ни...
Я закричал:— Не надо! —
И проснулся.
И о приснившемся написал стихи.

ШИРОКАЯ НАТУРА

Я смогу одним плечом
Раскрылатить море...

Я могу другим плечом
В горизонт вграниться.

Сергей ОСТРОВОЙ

Нет свободных лежаков
На приморском пляже.
Полустоя Михалков
Загорает.

Я же

Лег на правое ребро,
Море расплечистив:
В Евпатории — бедро,
В Судак — ключица!
Лбом в Мисхор вгранился я,
Кадыком — в Алупку,
Опрокинув два буя,
Теплоход и шлюпку...

В КОПЕЕЧКУ

Если любишь меня, говори мне про это,
Говори, говори, говори, говори.
Говори, говори — ты милей и красивей
всех женщин...

Павел ХМАРА

Я пишу, я пишу, я пишу — вышла строчка.
Я пишу, я пишу, я пишу — вышло две.
Я пишу, я пишу, я пишу... Ставить точку?
Сорок тысяч «пишу» у меня есть еще в голове.
Если даже я их, например, поделю на четыре,
Десять тысяч возникнет моих «я пишу».
Если любишь меня, не ходи, не мелькай
по квартире,

А не то я их пересчитать попрошу!
Сорок тысяч «пишу» — это много? Иль полунемного?
Пусть решает грядущий писательский съезд.
Но должна ты учесть, что при новой системе налогов
Твой любимый — не Ротшильд и даже не Крез!

Андрей Внуков

ПАМЯТКА ХУЛИГАНУ

Когда ты женщину избил
И уличен на месте был, —
Не доходя до прокурора,
Женись на ней без разговора.
Потом дерись:
Хоть трезв, хоть пьян, —
Ты муж,
А муж не хулиган...
Кто взял свидетельство о браке,
Тот состоит в законной драке!

Андрей Вознесенский

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Сестрица моя в женском вытрезвителе, —
Обидели...»
Как при водолюбце Владимире Крестителе,
бабы слезы льются в вытрезвителе.
Что там пририсовано на стене «Трем витязям»?
Полное раскрытие в вытрезвителе:
«Я тебя, сестричка, полюбила в хмеле,
мы с тобой прозрели в ледяной купели.
Давай жить нарядно, словно две наяды.
Купим нам фиалки, поступим в институт.
Сплетницы, фискалки от зависти умрут!»
«Бабоньки, завязываю. Слушайте таксистку.
Этак жить — тощица! На смех гаражу.
Чтобы в рот взяла я эту дрянь?

Спасибо!

Я хочу быть женщиной.
Мальчика рожу». —
И сразу стало слышно каждое дыхание.
В белой палате такая тишина!..
Ведь в каждой спит

мадонна —

светла и осиянна.

Будто души тронул

кистью

Тициан.

Завтра они выйдут на Преображенскую,
И у каждой будет чудо на руках.
Будет, будет мальчик.
Будет счастье женское.
Даже если будет что не так.

НОСТАЛЬГИЯ БЛАТНЫХ ДВОРОВ

Осиротели, осиротели
наши дворы. Мусора струхнули.
Авторитеты, авторитеты
ушли в государственные структуры.

Мне снятся вместо звезд вчерашних
на предрассветных плечах Москвы
на голом небе над каждой башней
татуированные орлы.

Николай Глазков

КРАТКОСТИШИЯ

Чем меньше ум,
Тем больше шум.

* * *

Был разутым, босым,
Стал раздутым боссом.

* * *

Нынче все кому не лень
Тень наводят на плетень!

* * *

Один чужак всю жизнь спешил
И ничего не совершил.

* * *

Соблюдайте собственную выгоду:
Не мешайте входу и выходу!

* * *

Тает снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше.

* * *

По небосклону двигалась луна
И отражалась в энной луже,
И чувствовалась в луже глубина, —
Казалось, лужа в миллион раз глубже.

* * *

Из тысячи досок
Построишь и дом, и шалаш;
Из тысячи кошек
И льва одного не создашь!

* * *

Дом, который много стоил,
Походил на Парфенон,
Но отнюдь не красотою,
А количеством колонн.

* * *

Землю рыл искатель клада,
Занят был ненужным делом.
А вскопай он землю сада,
Уж давно б разбогател он!

* * *

Понять давно пора
Трудящемуся люду:
Нет худа без добра
И нет добра без худа!

* * *

Жил да был один кувшин,
Он хотел достичь вершин,
Но не смог достичь вершин,
Потому что он кувшин.

* * *

По теории вероятности
Совершаются неприятности.

* * *

Стихи слагая про акации,
Не поддавайтесь провокации.

* * *

Из всевозможных сионистов
Ценю лишь импрес-сионистов.

* * *

Метаморфозы всякие бывают:
Молились прежде, нынче выпивают!

* * *

Я полагаю, что приматам
Не следует ругаться матом!

* * *

Краткая история рода людского
От питекантропа до Глазкова!

* * *

Я мог бы это доказать,
Но мне не дали досказать!

* * *

Один мудрец, прожив сто лет,
Решил, что жизнь — нелепый икс,
Ко лбу приставил пистолет
И переехал Стикс.

ВОРОН

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: — Никогда!

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда! —
И его разоблачили.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Свое
собрание сочинений
издал один, увы,
не гений.
Не обойтись
без уточнений —
собрание
слабых сочинений.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ .

Тебе стихи
писал поэт.
Промчалось
десять лет...
И что же?
Он старше стал
на десять лет.
И ты — на десять
лет
моложе.

* * *

Обокрали друга,
обокрали.
Мне сегодня
жаловался он.

Ну а тем,
что рукопись не взяли,
как поэт,
он просто оскорблен.

СОВЕТ

Держи всегда
свой нос по ветру,
— дождешься почестей,
наград.
Сегодня снова
в моде ретро.
Учти и действуй,
ретроград.

ПОБЕДА!

По-польски «женщина» —
«кобета».
Я рядом с женщиной одной,
и сердце чувствует —
Победа!..
Ее победа надо мной.

ГРИБНОЙ ГОД

Белых, красных —
видано не видано!..
До чего же грибной
этот год.
Сыроежки —
невесты на выданье —
встали в ряд,
а никто не берет.

ГАРМОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Казалось бы, можно прятать

в колчан сатирические стрелы. Месячник — мера временная, вынужденная. И автолюбителей только поугали, а потом разобрались, осудили перегибщиков. Вообще, если разобраться, организаторы сенооброка действовали из благих побуждений: смена труда — лучший отдых. Опять же молоко наряду с крестьянами любят и рабочий класс, и трудовая интеллигенция...

Примерно так думал я, садясь в поезд Ижевск — Москва и благодушно разворачивая припасенный в дорогу местный еженедельник. И первая же статья «Планируется... маскарад» увлекла меня до боли знакомым мотивом. Речь шла о неписаном правиле, укоренившемся на заводе Ижмаш: сотрудники КБ, отделов, всех инженерных служб предприятия отработывают два месяца на рабочих местах. «...остается удивляться, — писал инженер В. Л. Жук, — до чего же у нас доросла исполнительность. Скажут инженеру: на производство — а у него уже готов халатик, в колхоз — пожалуйста, рюкзачок наготове, на стройку — будет исполнено, рукавички при себе...»

Вспомнилась мне при чтении этих строк самая дальняя окончечность нашей страны — Чукотка. Побывал я там в старательской артели по добыче олова недалеко от Певека. Возвращаюсь в город. Завороженный действительным хозрасчетом, артельным подрядом, высочайшей выработкой и соответствующим заработком (в тот год вышло 40 рублей на трудовень, стало быть, в месяц — 1200),

я по наивности думал, трясаясь в «уазике» по тундре: «Вот ценный опыт, его бы — в строительство, в сельское хозяйство». Полярное солнце и не думает заходить, подсвечивает сопки, золотит Чаунскую Губу. Вдруг, мать честная, мужики с косами в тундре. Машут косами, а что косят, не видно. Попросил я шофера остановиться, встал на коленки, пригляделся — есть травка. Но не очень рослая, так что с одного квадратного километра этих благодатных сельхозугодий получается копейка величиной с муравейник.

— Из какого совхоза? — спрашиваю.

— Из штаба Северного Морского пути, — приветливо отвечает один косарь. — Шефство, однако, называется.

И зашагал дальше, напевая «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...».

Так что удмуртский опыт родился не на голом месте. Были предшественники. Те же мастера сбора хлопка в Средней Азии силами школьников и студентов. Будут и последователи.

А в Ижевске еще осталось много неиспользованных резервов по воспитанию гармонически развитой личности. Направить, например, людей в соседнюю Башкирию, где нетрудно наладить индивидуальную добычу нефти кожаными ведрами. Оттуда человек может заскочить в Свердловск. Зашел на Уралмаш — поплавил, поковал, вставил в держак электрод, приварил детали. Поехал к другу в Баку. Глядь, на Каспийском побережье качалки нефть из недр сосут. Нашел быстренько управление, белозубо предложил: «Механик не требуется? Я тут проездом, могу часа два поработать...»

На обратном пути только набрали высоту, чтоб не скучать в пассажирском кресле, завалился к пилотам. Паника, естественно; командир за пистолет хватается. «Спокойно, ребята, тут терроризмом и не пахнет. Покурите, отдохните, а я порулю маленько».

Приземлились в Ижевске. Сел за руль автобуса, сам билеты продал. По дороге остановился, накосил травы, заехал на ферму, задал коровам корм. Заодно и подоил, залил молоко в сепаратор; сметану, масло расфасовал, в городе заскочил в магазин, стал за прилавок, продал, ручку сдал. Домой попал к вечеру, устал, конечно, но вре-

мя еще есть. Бумагу взял, потянулся к перу. Потекли стихи. Как там Маяковский писал? «В деревне папаши, каждый хитр: землю попашет, напишет стихи...»

Однобоко смотрел поэт. Гармоническое развитие человека должно быть шире. Каждому по силам не только пахать и писать, но бурить, плавить, ковать, рулить, доить, косить, петь, плясать, вышивать гладью, крестиком и ришелье. И, конечно, руководить агропромом.

Хотя в последнем случае одной гармонии, видимо, мало. Нужен постоянный обмен опытом. Кому-то удмуртский автооброк покажется в диковинку, чуть ли не новинкой управленческого прогресса, а тюменские товарищи просто посмеются: дилетанты, мол, пригостишки. И, честно говоря, имеют на иронию право. Там, например, руководители Омутинского района дали трудящимся предприятий, учреждений и организаций через газету «Ленинское знамя» лаконичные, но весьма исчерпывающие указания: «Задача состоит в том, чтобы не только посадить, ухаживать и выкопать затем эти корнеплоды, но привезти их на ферму и скормить коровам, проследить, чтобы каждый выращенный килограмм сочного корма пошел на пользу. И не просто вывалить корнеплоды на пол, а положить перед животными в кормушку. Где кормушек нет, помочь животноводам сделать их...»

Поистине щедра и урожайна земля наша. В изобилии растут травы, корнеплоды и руководящие головы. Как горится, хоть косой коси.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Начальник госпиталя,

майор медицинской службы, была женщиной строгой и громогласной. Прозвище за ней укрепилось — «Царь-колокол». И не только за шумливость ее так прозвали. Сильно расширяющаяся книзу фигура тоже наводила на мысль о сходстве с колоколом. Все в госпитале ее боялись. Я тоже.

Когда я уже был на пути к полному выздоровлению, Царь-колокол во время обхода сказала:

— Мы его вылечили? Вылечили! Пусть теперь на нас поработает. Зачислить его в команду выздоравливающих. И поработает, и долечится.

Ну и пошло... То на кухню, то в палаты, то во дворе что-нибудь...

Как-то пришел эшелон с ранеными. Страшно перегруженный. Команда выздоравливающих была брошена на помощь санитарам.

Разгрузка санитарного поезда — работа нелегкая даже для привычных к ней санитаров. А что говорить обо мне, отлежавшем три месяца на госпитальной койке!

Я нес носилки, и казалось, вот-вот у меня просто оторвутся руки или упаду я в глубоком обмороке.

Если бы я нес носилки с хрустальными вазами, я просто бросил бы их... и будь что будет. Но я нес раненого солдата, и руки мои каким-то чудом не отрывались, и в обморок я не падал. Несмотря на сильную боль в суста-

вах, я бережно нес носилки за носилками от вагона до автобуса.

Наконец эшелон разгружен. Раненые отправлены в госпиталь. Мы присели перевести дух. Но не успели мы его перевести, как к Царь-колоколу подбежал военфельдшер:

— Товарищ майор! Телефонограмма: надо с этим же эшелоном отправить в Ковров сто двадцать носилок!

— Вот вы, — ткнула в меня пальцем Царь-колокол, — за старшего. Берите пять человек, автобус и действуйте. Быстро в госпиталь и с носилками — сюда!

Свободных носилок оказалось в госпитале штук сорок. Остальные стояли в коридорах, в палатах между койками. На носилках лежали матрасы. На матрасах раненые.

Сестры, санитарки и все, кто мог помочь, снимали матрасы с ранеными, клали их на пол, а носилки грузили в автобус.

Когда автобус с носилками въехал на перрон, последний вагон эшелона миновал станционный семафор.

Разъяренная Царь-колокол набросилась на меня:

— Где ты был, негодяй?! Ты понимаешь, что натворил?! — И пошла, и пошла...

Я пытался вставить слово. Я хотел объяснить причину задержки, но не мог ухватиться хоть за маленькую паузу.

— Трибунал! — кричала Царь-колокол. — На гауптвахту! На десять суток!

Что было делать... Я поплелся на гауптвахту...

Госпитальной «губой» была маленькая палата на две койки. Стены ее, как и на всякой гауптвахте, украшали всевозможные надписи. Приличные и неприличные. Вот, к примеру, одна из приличных: «Сидел трое суток за нарушение Клязьмы. Ефрейтор Нефедов». «Нарушение Клязьмы» — надо понимать как самовольную отлучку с купанием в реке.

Я улегся на свежестеленную койку. Нервы и мышцы мои были вымотаны до предела. Я так устал за день, что уснул мгновенно и проспал до обеда следующего дня.

Проснулся я вовсе не оттого, что выспался, а оттого, что есть захотелось.

Обед что-то не несли. Если Царь-колокол решила, что

сидеть я буду на строгой «губе», то через день горячая пища все же полагается. Вчера-то я не обедал.

Я потерпел часика два. В палатах уже пообедали, а про меня, видно, забыли. Я отправился на кухню.

Тетя Шура-повариха вытаращила на меня глаза, как на воскресшего покойника.

— Ты где был? — спросила она.

— На «губе».

— Кто тебя туда?

— Царь-колокол.

— Да она тебя дезертиром объявила! Уже и в городскую комендатуру сообщено.

Оказывается, Царь-колоколу доложили, что я не ночевал в палате. Не завтракал и не обедал. Новое преступление затмило старое. Тем более что Царь-колокол убедилась, что в истории с носилками я не виноват. А что касается гауптвахты, она в колокол бухнула и... забыла. А тут дезертирство...

Тетя Шура накормила меня, и я отправился к Царь-колоколу.

Я не зря дрожал, открывая дверь кабинета. Встретила меня там уже не Царь-колокол, а Царь-пушка. Она кричала, топала ногами, стучала кулаком по столу. Карандаши и бумажки летели во все стороны. Телефон прыгал, как необъезженный конь. Стая ворон в панике поднялась с дерева за окном. Не знаю, сколько это продолжалось, но наступил момент, когда она устала. Она откинулась на спинку кресла, тяжело переводя дух и прижав руку к сердцу.

Тут решил я напомнить Царь-колоколу про «губу», и, постепенно придя в себя, она поняла, что вовсе я не дезертир. Отдыхавшись, она сказала почти спокойно:

— До твоей выписки осталось три дня. Очень тебя прошу, не попадайся мне на глаза. Видеть тебя не могу. Жизни ты у меня десять лет отнял и кровь испортил. Без анализа ясно...

Андрей Дементьев

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Поэта решили сделать начальством,
А он считает это несчастьем...

И происходят странные превращения:
Те, кто при встречах кивал едва,
Теперь, как пальто, подают слова,
Здороваются, словно просят прощенья.

Поэт не привык
К этим льстивым поклонам.
К фальшивым взглядам полувлюбленным.
Он остается во всем поэтом
И еще чудачком при этом,
Прежним товарищем для друзей,
Чернорабочим для Музы своей.

И добрая слава о нем в народе...
А он продолжает свое твердить:
«Должности приходят и уходят.
Поэзии некуда уходить».

В САДУ

Вторые сутки хлещет дождь,
И птиц как будто ветром вымело.
А ты по-прежнему поешь, —
Не знаю, как тебя по имени.

Тебя не видно — так ты мал.
Лишь ветка тихо встрепенется...
И почему в такую хмарь
Тебе так весело поется?

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прощаю всех, кого простить нельзя,
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: «Не будьте к ближним строги.
Вас всё равно помирят всех земля».

Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И все-таки, как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.

Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мстью душу я свою не тешил,
Поскольку в битвах тоже не безгрешен,
Кого-то и моя нашла стрела.

Валентин Дёмин

НАУКА И СЕКС

Академик О. Кутафин стал членом правления ОАО «Лукойл».

Из газет

В науке трудятся
Совсем не ради денег,
Но поиск истины —
Лишь суета сует и тлен.
И никогда у нас
Не сможет заработать
Академик
То, что в «Лукойле»
Платят тем, кто член.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Традиции общественного мнения
Всегда лежат в основе понимания:
Когда быю по лицу — то это преступление,
Когда по морде — это воздаяние.

Я ЗДЕСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ!

(Опыт стилистического исследования)

Мы взяли известную любому школьнику

строфу из стихотворения А. С. Пушкина и попросили нескольких представителей современных поэтических школ и направлений принять участие в небольшом литературном эксперименте.

«Сделайте эти строки достоянием вашей поэзии, чтобы все сразу догадались, что их написали именно вы, а не Пушкин! — сказали мы. — Условия таковы: словарный состав четверостишия должен быть полностью сохранен, а отсебятина допускается самая минимальная — вводные слова, междометия и всякие там второстепенные члены предложения».

Итак:

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Печатаю первые отклики, мы надеемся, что читатели, проанализировав их, почувствуют себя лучше в безбрежном море современной поэзии.

1. Поэт, тяготеющий к разговорно-бытовой лексике:

Вот он — я, гражданка Инезилья!
Здесь, как говорится, под окном.
И объята, так сказать, Севилья
Мраком, печки-лавочки, и сном!

2. Поэт, представляющий народно-поэтическую стихию:

Ой, Инеска-Инезиля,
Вишь ты, здесь я, под окном,
А родимая Севилья
Вся объята мраком-сном!

3. Поэт, находящийся под впечатлением западного верлибра:

Инезиля!
Я здесь.
Под окном.
Севилья объята сном и мраком.

4. Поэт, работающий с подтекстом в жанре «загранлирики»:

Я здесь.
Но, Инезиля, —
Мне грустно под окном:
Какой уж год Севилья
Объята мрачным сном?!

5. Поэт, философствующий и рассуждающий:

Куда спешить, Инезиля,
Когда я здесь, под окном?
Объята мраком Севилья,
А следовательно — и сном...

6. И, наконец, поэт, олицетворяющий саму Экспрессию:

Я — Севилья!
Объятый я мраком, и сном, Инезиля,
Я здесь под окном!
Я — Севилья!
Севилья — Я!
— А на фига?
Пока все.

ПУТЬ НА СВИДАНИЕ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ МОСКОВСКОГО ГОЛОЛЕДА

Ах, московская шарада!
Разгадать не хватит сил:
«Не ходи ты к ней, не надо!» —
Встречный ветер возгласил.

Ах, московский трудный ребус:
У панели тормозя,
Чем-то окатил троллейбус —
«Не ходи ты к ней, нельзя!»

И такси — такое дело,
Разрывается душа! —
Осуждающе глядело,
По асфальту шебарша.

Ах, московская загадка,
Хоть и путь мой недалек,
На гудроне слишком гладко.
Чуть задумался — и лег...

Грязно. Скользко. Ветер дует.
Я ни в чем не виноват —
То ль жена моя колдует,
То ли просто снегопад.

Грузно в снег ступаю талый,
Озираясь на ходу.
Все равно дойду, пожалуй!
Не дойду
Так не дойду...

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

(Из разговоров в Доме литераторов)

Сказал поэт поэту: «Вась, прости,
Ты был поэтом лет до тридцати!»

«Ты, Федь, — поэту отвечал поэт, —
Им был до двадцати примерно лет!»

«Но, Васенька, ведь в юные года
Я не писал стихов... Ты знал об этом!»
«Поэтому вот именно тогда
Ты, Феденька, и вправду был поэтом...»

ПОБЕДИТЕЛИ

В борцовском зале Зимнего стадиона

манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных ламп. На брезентовых коврах топчутся финалисты городского первенства по классической борьбе.

За центральным столиком возвышается главный судья соревнований Лев Епифанов.

Судья-информатор взял микрофон и произнес:

— В синем углу — Аркадий Дысин, в красном углу — Николай Гарбузенко.

Борцы пожали друг другу руки и начали возиться.

Оба они весили больше ста килограммов, обоим было за тридцать, оба ходили с трудом, а борьбу уже давно считали ненужной мукой. Но каждый раз тренеры уговаривали их поддержать команду...

Борцы давили друг друга круглыми плечами, хлопали по шее, охали и отдыхали, сомкнув животы.

— Спортсменам делается предупреждение за пассивность, — объявил судья-информатор.

Однако Дысин и Гарбузенко не обратили на это внимания и стали бороться еще деликатнее.

— Синий не борется! — кричали зрители. — И красный не борется!

Но Дысин и Гарбузенко даже не смотрели в их сторону. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло.

Ощущение было такое, как будто на вокзале остановились часы. Зрители и секунданты начали тревожно озираться. Дысин и Гарбузенко замерли, облокотившись друг на друга.

Главный судья Лев Епифанов крепко спал, положив голову на кипу судебных протоколов.

Прошло двадцать минут. Никто не решался побеспокоить главного судью. Секунданты и боковые судьи пошли в буфет пить пиво. Зрители занялись своими делами, штопали носки, пели вполголоса туристские песни, потом постепенно начали расходиться.

— Пора завязывать, старик, — сказал Гарбузенко своему партнеру.

— Давно пора.

— Знаешь, о чем я мечтаю, Аркадий? Я мечтаю приобрести диван-кровать и целый день на нем лежать.

— Это как стихи, — сказал Дысин.

— Стихи я тоже уважаю, — сказал Гарбузенко.

— Эх, Коля! — печально молвил Дысин и вздохнул.

От этого шума проснулся Лев Епифанов.

— Кто победил? — вяло спросил он.

— Да какая разница? — сказал Гарбузенко. Потом сел на краешек ковра и закурил.

— Ну вот еще, — забеспокоился Епифанов, — а что я корреспондентам скажу?

— Аркашка победил, — сказал Гарбузенко, — он красивый, пусть его фотографируют.

— Ты тоже симпатичный, — сказал Аркадий, — ты смуглый.

— В общем, ты судья, ты и решаешь, — произнес Гарбузенко, обращаясь к главному судье.

— Какой там судья! — махнул рукой Епифанов. — Бог вам судья, ребята.

— Идея! — воскликнул Дысин. Он попросил у Епифанова пятак и подкинул в воздух.

— Орел, — сказал Николай Гарбузенко.

— Решка, — поразмыслив, сказал Аркадий Дысин.

Монета опустилась на ковер.

— Победил Аркадий Дысин! — воскликнул главный судья Лев Епифанов.

Все трое, обнявшись, вышли из зала.

Через минуту из-за угла, покачиваясь, выехал трамвай.

Друзья поднялись в вагон. Трое юношей, по виду студенты, уступили им места.

Виктор Драгунский

МУХИ

Мух было три. Одна из них

сидела на краю вазочки с вареньем и с бесстыдством, не обращая никакого внимания на мое присутствие, ежесекундно опускала свой покрытый смертоносными микробами хоботок в розовую, ароматную и сладкую массу. Видеть это было очень неприятно. Муха номер два спокойно ползла по белоснежному фону прелестной картины, подаренной мне другом-художником. На картине было тушью нарисовано лицо одной знакомой художника. Ползание же мухи по картине не проходило бесследно для лица этой девушки, десятки маленьких пятнышек делали его чрезмерно веснушчатым. И это было уже просто обидно.

Третью муху я увидел на розовой пятке моего шестилетнего сынишки, заспавшегося сегодня дольше обыкновенного. Бедный мальчуган дергал ногой и шевелил пальцами во сне, видимо, мучительно желая избавиться от противного мохнатого щекотания, мешавшего ему спокойно видеть интересные сны. Но муха, нагло посмеиваясь, продолжала делать свое гнусное дело. Все это вместе взятое ужасно разозлило меня. Да что же это такое в конце концов?! Управы на вас нету? Я схватил огромное полотенце и шепотом (чтобы не разбудить сына) заорал:

— Кыш, проклятые! — И стал размахивать своим грозным махровым оружием. Устав, я снова присел к столу. И что же я увидел?

Муха, сидевшая на варенье, теперь преспокойно ползала по картине, а та, что щекотала пятку, объедалась ва-

ренем, специалистка же по веснушкам принялась за моего многострадального сынишку...

Однако было уже без двадцати девять. Я побежал на работу.

Прибежав к себе в учреждение, я сразу окунулся в атмосферу беспокойного ожидания. Все наши сотрудники, молодые и старые, ходили с горящими торжеством глазами. Дело, видите ли, в том, что некоторое время тому назад к нам неожиданно нагрянула комиссия, облеченная высокими полномочиями. И она обнаружила в работе нашего учреждения огромное количество вопиющих безобразий.

И, самое главное, комиссия эта обнаружила и назвала прямых виновников этих безобразий. Это были Жулькин — начальник отдела снабжения, Хапин — начальник отдела внедрения новой техники, и Волынецкий — начальник отдела новаторства и изобретений.

И сегодня, по сведениям, поступившим из хорошо осведомленных кругов (Наденька Сыроежкина — секретарь директора), должна была разразиться гроза справедливой возмездия.

Немудрено, что наши коллективные нервы были напряжены: ведь среди нас не было ни одного человека, который так или иначе не столкнулся бы по работе и не пострадал бы от деятельности Хапина, Волынецкого и Жулькина.

Сколько проваленных идей, загубленных мечтаний, сколько сорванных планов и невыполненных заданий, сколько безвозвратно погибших репутаций и сколько безвозвратно исчезнувших материальных ценностей! Сколько вельможества, чванства, бесстыдства и лихоимства, надменного невежества и ухмыляющейся безнаказанности! Но теперь — конец! Теперь — крышка! Разоблачили голубчиков! Сегодня выйдет приказ! Что-то сделает наш директор?

— Уволит. Всех троих! — говорили одни.

— Под суд отдаст! — возражали другие.

— Четвертует, — чеканили самые молодые, не справляясь с металлическими вибрациями в петушиных голосах.

К обеду атмосфера накалилась до отказа. Нас лихора-

дило. Средняя температура у каждого работника достигла 48 в тени. После обеда в учреждении воцарилась крошечная тишина. Наверное, так нельзя сказать о тишине, но, ничего не поделаешь, я так чувствовал. Крошечная тишина... И вдруг где-то хлопнула дверь, потом другая, и по коридору четко застучали каблучки Наденьки Сыроежкиной. Она несла заветный документ! Мы все ринулись к доске приказов.

«В целях улучшения работы нашего учреждения, — говорилось в приказе, — и в целях наиболее правильной расстановки кадров приказываю:

1. Т. Хапина П. Ф., начальника отдела внедрения новой техники, от занимаемой должности освободить. Назначить на эту должность т. Воынецкого Х. Э.

2. Т. Воынецкого Х. Э., начальника отдела новаторства и изобретений, от занимаемой должности освободить. Назначить на эту должность т. Жулькина К. С.

3. На освободившуюся должность начальника отдела снабжения ввиду перехода т. Жулькина К. С. на другую работу назначить т. Хапина П. Ф.».

Всю остальную часть рабочего дня я плохо себя чувствовал. Меня мучили какие-то странные ассоциации.

Герман Дробиз

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Наш серебристый лайнер

благополучно перемещался во времени и пространстве, чтобы точно по расписанию прибыть в аэропорт большого города, расположенного на берегах могучей, полноводной реки. Являясь командиром корабля, я уверенно держал руки на штурвале и обдумывал предстоящую посадку. Под крылом уже проносились городские окраины, как вдруг оба наши двигателя отказали, и мы начали падать. Если не принимать во внимание крики пассажиров, мы падали в полной тишине.

— Спокойно, товарищи! — сказал я пассажирам, второму пилоту, штурману, стюардессам и себе. — Будем садиться на что попало.

Я посмотрел вниз. Справа и слева от нас до горизонта простирались бесконечные кварталы большого города, а прямо под нами неторопливо несла свои воды могучая река.

— Внимание! — объявил я. — Принимаю решение садиться на реку.

Услышав мой уверенный голос, пассажиры потеряли сознание, и теперь, уже в полной, без всяких оговорок, тишине наш серебристый лайнер врезался в спокойную поверхность реки. Вопреки моим опасениям он не утонул. Он нырнул до самого дна и вынырнул обратно. От удара пассажиры пришли в сознание и начали аплодировать и смеяться. Кроме того, внезапно заработали оба двигателя, и наш самолет стремительно помчался по речной гла-

ди, оставляя позади пенный след. Я быстро разобрался в новой обстановке, чисто интуитивно нащупал фарватер и повел самолет к ближайшей пристани.

Вскоре на берегу засверкали белоснежные строения речного вокзала. Я заложил глубокий вираж и четко пришвартовался к причальной стенке. При нашем появлении на пристань высыпали люди с узлами и чемоданами. Потом появился человек в кителе. По его распоряжению нам подали трап. Пассажиры тепло поблагодарили меня и всю команду за чудесное спасение и дружно покинули самолет. Вслед за ними по трапу спустились мы. Но человек в кителе загородил нам дорогу.

— А вы куда, товарищи? — с удивлением спросил он. — У вас через десять минут рейс на Астрахань. Вот и пассажиры готовы.

— Категорически игнорирую ваше наглое требование, — решительно заявил я. — Вверенный мне лайнер принадлежит системе Аэрофлота.

— Что с возу упало, то пропало, — сурово заметил человек в кителе. — С той минуты, как ваш самолет коснулся поверхности реки, он фактически превратился в плавающее средство, именуемое судном, а юридически перешел в систему нашего пароходства. И давайте не будем задерживать пассажиров.

— Кончай волынку! — зашумела очередь. — Третий день на узлах сидим, а они, видите ли, где-то там летают.

— Граждане! — сказал я. — Этот рейс для нас полная неожиданность. Еще час назад мы летели на высоте десяти километров и ни о чем таком не думали.

— А могли и подумать, — сказал старичок, стоявший первым. — В дороге надо быть готовым ко всему

...Из Астрахани мы вернулись бывальыми речниками. Пока грузились новые пассажиры, я поднялся в ресторан. Там ко мне подсел человек в кителе. Мы пили пиво. Под нами плескалась волна, над нами орали чайки.

— Охота в небушко-то? — приветливо спросил он.

— Охота, — сознался я. — Черт меня дернул на вашу речку садиться.

— В следующий раз осторожнее будешь.

— Знал бы, не вынырнул! — пошутил я.

— Ну и что? Ну не вынырнул бы? — Он дружески обнял меня за плечи. — Что бы изменилось? Тебя бы зачислили подводной лодкой. Эх, капитан, — задумчиво сказал он, сдувая пену с запотевшей кружки. — Никто не знает своей судьбы. В прошлом году один из ваших на пшеничное поле сел. И что ты думаешь? Пятьсот гектаров убрал к осени. Теперь лучший комбайнер района, на груди — орден, на фюзеляже — звездочки. Или другой случай, сам видел. Автобус на рельсы занесло. Дождь шел, скользко было. С тех пор маневровым паровозом работает. Да что говорить! Ты меня спроси: как я в речники попал? В пятьдесят пятом году пошел в магазин «Одежда» костюм покупать. Примерил один, другой, третий. Смотрю: китель висит. Вот этот. Только я его на плечи — тут меня и зачислили. Пятнадцатый год работаю... А до этого я в горсправке служил. Как сейчас помню: иду из школы домой, а навстречу — старушка. «Молодой человек, — спрашивает, — как мне на Васильевскую улицу пройти?» Объясняю: «Квартал прямо и два направо». Только сказал — раз! Обнесли меня киоском, телефон установили, окошечко, горсправка. Вот такие дела...

— Нет, — твердо сказал я. — Мне ваше смирение перед судьбой непонятно. Я буду драться до конца. Я, пока шли в Астрахань, с каждой стоянки телеграфировал. И в Аэрофлот, и в пароходство.

— Ну, и какой результат?

— Пока никакого, — признался я. — И пароходство не отвечает. И, самое непонятное, родной Аэрофлот молчит.

— Что же тут непонятного? — усмехнулся человек в кителе. — Все понятно. Не до тебя им теперь. Ни вашим, ни нашим.

— Почему?

— А ты что, не слыхал? Тут у нас катерок на подводных крыльях развил недозволенную скорость и оторвался от поверхности.

— И что?

— Как что? Твой Аэрофлот его вмиг зацапал и поставил на линию. Кажется, Свердловск — Воронеж.

— Послушайте, — обрадовался я. — Это как раз моя бывшая линия. Теперь самое простое — обменяться. Мы — туда, катер — сюда.

— И не мечтай, капитан, — сказал человек в кителе. — Этому не бывать. Суди сам: сегодня тебя отпустят, завтра буксир попросится, послезавтра — баржа. А кто здесь будет плавать? Нет, капитан, ты теперь до гробовой доски речник. Сиди и не рыпайся.

Я уткнулся в кружку и заплакал.

— Ну, брось, брось, — ласково сказал он и подлил мне свежего пива. — Давай-ка споем лучше, что ли. Нашу, речную.

— Давай споем, — сказал я сквозь слезы. — Речную так речную.

Мы обнялись и затянули: «Из-за острова на стрежень...»

После второго куплета нам дали категорию, после **третьего** — поставили в график филармонии, а четвертый мы пели уже на гастролях в Кисловодске — три концерта в день, из них один шефский.

— А ты говоришь, не вынырнул бы, — сказал человек в кителе. — Идем, вызывают на «бис»...

...и не мечтай, капитан, — сказал человек в кителе. — Этому не бывать. Суди сам: сегодня тебя отпустят, завтра буксир попросится, послезавтра — баржа. А кто здесь будет плавать? Нет, капитан, ты теперь до гробовой доски речник. Сиди и не рыпайся.

Я уткнулся в кружку и заплакал.

— Ну, брось, брось, — ласково сказал он и подлил мне свежего пива. — Давай-ка споем лучше, что ли. Нашу, речную.

— Давай споем, — сказал я сквозь слезы. — Речную так речную.

Мы обнялись и затянули: «Из-за острова на стрежень...»

После второго куплета нам дали категорию, после **третьего** — поставили в график филармонии, а четвертый мы пели уже на гастролях в Кисловодске — три концерта в день, из них один шефский.

— А ты говоришь, не вынырнул бы, — сказал человек в кителе. — Идем, вызывают на «бис»...

Евгений Дубровин

ЗЕЛЕНЫЙ КОСТЯ И СТАЛЬНОЙ СТАС

(Хроника одной дружбы)

Они давно уже дружили:

человек Костя, прозванный за молодость и доверчивость Зеленым, и токарный станок Стальной Стас. Дружили так крепко, что научились разговаривать.

— Ну я пошел. — Костя провел рукой по гладкому широкому плечу друга. — Сегодня пятница. Можно пораньше.

— Ты смотри не... — Стас вздрогнул сильным горячим телом.

— Ну что ты... — смутился Костя. — Вечером — театр. Завтра — поезд «Здоровье», а послезавтра сыну надо скворечник смастерить. У нас на газоне скворцы поселились.

У проходной на Костю надвинулись двое, одетые далеко не как на дипломатический прием.

— Ну, — спросил один с лицом, будто сошедшим с плохо сохранившейся доисторической монеты.

— Мы ведь тебе нужны? — вкрадчиво расшифровал товарищ, дошедший до наших дней в несколько лучшем виде, и неясно, но цепко взял Костю за рукав.

— У меня сегодня театр, завтра поезд «Здоровье», а послезавтра надо скворцам... — быстро забормотал Костя, стараясь освободить руку.

— Тю! — сплюнул и растер плохосохранившийся.

— Хватит кочевряжиться, Зеленый, — пояснил его неясный товарищ. — Мы ведь давно за тобой наблюдаем. Употребляешь неквалифицированно, абы с кем и не со

вкусом. Иногда со скворцами пьешь. А это уже последнее дело. Променял ты настоящих людей на птиц, Зеленый. Получка при тебе? Обмоем счастливую встречу. Покорешаемся. Маму вспомним. Маму-то редко вспоминаешь? Плохой ты. Грех забывать родителей.

— Ты взял на целых две десятых ниже, — сказал печально Стальной Стас. — Седьмую деталь уже запорол. А мне скоро должны автоматику ставить. Не поставят, скажут, я виноват.

— Руки дрожат, и глаза слезятся, — пожаловался Костя. — А внутри... Будто в стиральной машине все внутренности... Честное слово, больше не буду. Случай такой. Покорешился с одними... Маму вспомнил...

В цехе появились и придвинулись к станку двое. Доисторический и его Неясный друг.

— Что? — спросил Доисторический и показал из кармана плаща пластмассовое горлышко. — По паре термopарей?

— Полечимся? — разъяснил мысль Нежный друг. — Пусть работает Стас, он железный. Правда, железяка?

Нежный друг пнул Стаса в лодыжку. Тот загудел, но стерпел. Человек все-таки пнул. Создатель.

— Ничего не вижу. Все риски пляшут. Мозги как в мясорубке... Ноги мерзнут...

Стальной Стас грел друга теплым дыханием.

— Сходи в медпункт, выпей анальгина. Эх, Костя, Костя... Жизнь идет, а ты... Я вот уже полуавтоматом стал, стыдно, что ты все в третьем разряде ходишь. Бросил бы... К добру не приведет. Прошлый раз чуть волосы твои на шпиндель не намотал, когда ты отключился... Разве это дело?

— Ага... Схожу в медпункт... Ты уж, Стас, здесь погуди... Я тебя кожухом прикрою...

— Как?

— Товарищ интересуется, Зеленый, чего ты такой сегодня зеленый? Почему зубы дрожат? Анальгинчику, говоришь? Мозги припудрить хочешь?

— Ну?

— Товарищ интересуется, трешник есть? Не обижай. Вступай в долю. За фикус спрячемся, вмажем по паре термopарей и разлетимся веселыми канарейками. Искать

лето. Ну и видик у тебя. Большой, сразу видно, что не пил до обеда. Держи стакан. Закусывай листочком. Фигус, говорят, от всех болезней помогает. Да пыль оботри. Эх, да кто так пьет? Стакан заглатывать надо, а не сосать. Променил ты людей на птиц, Зеленый, потому и страдаешь.

— Дыши в сторону, Костик. Масло загорится. Ну и дух у тебя! На что у меня стальные легкие и то рвутся. Мне фотоэлементы должны ставить. Разве выдержат фотоэлементы?

— Пошел ты куда подальше, Стас! Надоел! Погуди здесь, а я сбегаю в медпункт.

Костя сидел, прислонившись спиной к Стальному Стасу, и слушал ворчание друга:

— Вот я уже и автоматом стал, а что толку... Выработки настоящей нет... Ты то опоздаешь, то раньше уйдешь. И мне душу не даешь отвести, и сам не зарабатываешь. Как только тебя жена терпит? Соседние станки надо мной смеются. В масле купаются, всеми частями так и сверкают, а я всегда неубранный.

— Последний раз, Стас. Больше не буду. Честное слово, больше не буду. Вот только покурю схожу.

— Смотри, Костя. Если твоих дружков из термического увижу — глаза им эмульсией позаливаю.

— Что?

— Товарищ интересуется, голова мерзнет, Зеленый? Вон как волосы дрожат. Пойдем к фикусу, попасемся. Хотя забыл, мы его в прошлый раз съели. Двинем лучше в душевую, там, говорят, веники березовые завезли. Поражительная штука — березовый веник. Хлещись и закусывай. Закусывай и хлещись.

— Ударился?

— Товарищ интересуется, ты разве ущербный, почему за техникой не следишь? Видишь, твой Стас эмульсией истекает? Ой! Да что же это делается? Струей прямо по хряполке! Бутылку! Спасай бутылку! Уймешь, Зеленый, этого гада — приходи в душевую. Постучишь три раза. Пароль скажешь: «Третий нужен?» Ответ: «Завсегда!»

У Костиного станка на тележке с заготовками сидит молодой парень в очках — Социолог — и вертит в руках анкету. Анкета называется «Почему вы пьете?». В анкете сорок три пункта. Социолог и Костя уже преодолели

двадцать восемь, но причину, почему Костя пьет, не выяснили.

Костя смущается, пожимает плечами.

— А почему пьете вы? — выпалил он вдруг.

Социолог замолк на полуслове, залился краской.

— Что, есть запах?

— Да нет, это я так, вообще... Все ведь пьют. И вы наверняка.

Очкарик приободрился.

— Я отношусь к разделу «Случайные, спровоцированные выпивки». Это самый благополучный раздел. Вчера меня товарищ спровоцировал. Прилетел из тайги с копченой медвежьей лапой? Разве устоишь против копченой медвежьей лапы? Гудели всю ночь. Почти ведро выдули. Главное — меру sobлюсти. Меру sobлюсти мы не умеем. Ну зачем ведро? А сейчас голова на части рвется. И плечо болит. Товарищ медвежьей лапой огрел. Пospopили. Так сказать, аргумент в споре.

ЭПИГРАММЫ

СОЖАЛЕНИЕ ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Как бы от атомного взрыва
Душа обуглилась дотла.
Что в ней осталось живо — лживо,
А Правда — раньше умерла.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

Живут же сукины сыны,
Своей не чувствуя вины,
Как будто есть одна вина
У Салтыкова-Щедрина.

* * *

Под водительством райкомов
На заводах и в полях
После многих «переломов»
Мы идем на костылях.

ПОПУТНО ОБ УСКОРЕНИИ

Сейчас, по мнению Москвы,
В согласье с общим мнением,
Селедка тухнет с головы
И — тухнет с ускорением.

СЛОЖНЫЙ ВОПРОС

А что такое алкоголь?
Пустая радость,
Или боль,
Или судьба народная,
Или статья доходная?!

ОСМОТРИТЕЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Седая мудрость не кричит.
Она молчит и стрел не мечет.
И с пустобрехом на харчи
Играть не хочет в чет и нечет.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ПЕРВЫЙ РЯД СО СЦЕНЫ

Есть свой у возраста оттенок,
Свои тревоги и напасть.
Но сколько есть еще коленок,
К которым следует припасть.

РАССУЖДЕНИЯ О СУТИ ТВОРЧЕСТВА А. М. ФЛИТА

Даю ответ
На ряд разноголосиц:
Фет был поэт,
А Флит — орденосец.

О ГАБИСЕ И ЕГО ЛЫСИНЕ

Страстей неиссякаемый родник
В упрямом сердце ищет бреши.
Бес блуда в Габиса проник
И увеличил площадь плеши.

ТРАГЕДИЯ
ВИКТОРА СЕМЕНОВИЧА БАКИНСКОГО

Виктор Семенович Бакинский
Талант имеет исполинский,
А вот воспетый им Толстой,
Хотя и гений, но пустой.

НЕСООТВЕТСТВИЕ

Совершая путь упорный,
Каждый сам себе герой.
На горе стоит Подгорный,
А Нагорный — под горой.

ТРАГЕДИЯ

Исчезла в будущее дверь.
Пропали честь и вера.
И лезут в ангелы теперь
Лакеи Люцифера.

* * *

Доводят многих до больничной койки
Всеобщие проблемы перестройки.

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ
СОВРЕМЕННОСТИ

Когда тебе все страсти чужды
И больше в сердце нет огня,
Не ускоряй меня без нужды,
Не перестраивай меня.

Б. КЕЖУНУ

Берет — находка для поэта.
И если есть такой вопрос,

Кежун был создан для берета
Сплошным отсутствием волос.

**ЭПИГРАММА НА В. КОЧЕТОВА,
НАПИСАННАЯ В 1942 ГОДУ**

Жизнь — идет. Борьба — грохочет.
Лезет лирика в строку.
Каждый кочет славы хочет
И кричит: ку-ка-ре-ку!!!

НАДПИСЬ НАД ВХОДОМ В БАР

Для бара стал я стар,
Но заявляю все же:
Пусть процветает бар
Для тех, кто помоложе.
Пусть славят стих и вздох
Объединенных целью
Прекрасных выпивох,
Подверженных веселью.

Евгений Евтушенко

КОМПРОМИСС КОМПРОМИССОВИЧ

Компромисс Компромиссович
шепчет мне изнутри:

«Ну, не надо капризничать.

Строчку чуть измени».

Компромисс Компромиссович

не палач-изувер.

Словно друг,

крупно мыслящий,

нас толкает он вверх.

Поощряет он выпивки,

даже скромный разврат.

Греховодники выгодны:

Кто с грешком —

трусоват.

Все на счетах высчитывая,

нас,

как деток больших,

покупает вещичками

компромисс-вербовщик.

Покупает квартирами,

мебелишкой,

тряпьем,

и уже не задиры мы,

а шумим — если пьем.

Что-то — вслушайтесь! — щелкает

в холодильнике «ЗИЛ».

Компромисс краснощеконький
зубки в семгу вонзил.

Гномом

вроде бы мизерным
компромисс-бодрячок
иногда с телевизора
кажет нам язычок.
«Жигули» только куплены,
а на нитке повис,
как бесплатная куколка,
хитрованкомпромисс.
Компромисс Компромиссович,
как писатель, велик —
автор

душу пронизывающих
сберегательных книг.
Компромисс Компромиссович,
«друг»,

несущий свой крест,
мягкой, вежливой крысочкой
потихоньку нас ест...

Николай Елин Владимир Кошаев

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

Он шел по улице, высокий и красивый,

и прожитые годы еще не лежали устало на его плечах.

А в этот час в городском парке какой-то совсем юный амур, даже не амур, а еще практикант, курносенький и некрасивый, в очках плюс четыре, тренировался в своем амурском деле, стреляя по воробьям. Дело шло не очень успешно. Одна стрела улетела на улицу. Практикант, у которого все стрелы были подотчетны, помчался на поиски и у самых ворот нос к носу столкнулся с Ним. Он окинул амура своим фирменным снисходительным взглядом и равнодушно поддел ногой застрявшую в кустах стрелу. Она описала широкую дугу и плюхнулась в лужу, обдав практиканта брызгами застоявшейся влаги и унижения. И тогда стажер, не помня себя от обиды и зависти к этому плечистому, как семафор, красавцу, поднял из лужи стрелу и пустил ее вслед обидчику.

На этот раз практикант не промахнулся. Семафор вздрогнул, недоуменно огляделся и, словно что-то вспоминая, провел рукой по лицу. И когда Он наконец убрал руку, в глазах его вместо благодушной снисходительности горело пламя сумасшедшей, всепоглощающей любви. Ничего не замечая вокруг, Он повернулся и прямо по лужам, еще раз обдав незадачливого стажера с головы до ног, бросился к ничем внешне не примечательной девушке, с которой равнодушно расстался полчаса назад.

— Это ты? — недоверчиво и удивленно спросила Она. — Ты вернулся? Наверно, забыл зонтик?..

Он стоял и молча глядел на Нее...

Он молчал и краснел целую неделю, а на восьмой день пришел к ней, побледнел и, заикаясь от волнения, сказал:

— Ты знаешь... я... потерял сон...

— Это... это правда? — боясь поверить, прошептала Она.

— Правда... — так же тихо произнес Он. — И сон, и аппетит...

— И сон, и аппетит... — как эхо, откликнулась Она. — Как хорошо... Говори, говори...

— И еще... еще я потерял сердце... У меня ничего не осталось, совсем ничего... Так дальше нельзя... Ты должна понять...

Она поняла и с трепетом отдала ему руку и сердце.

Прошло двадцать лет. Амур давно уже перестал быть стажером, он окончил курсы повышения квалификации и стал Старшим Амуром. Шевелюра его поредела, зато стрелять он научился без промаха и не раз во внутриведомственных соревнованиях оставлял позади своих более молодых коллег. Однажды он сидел в парке на своем любимом пеньке и тщательно обматывал изоляционной лентой старенький, выдавший виды лук. Случайно он поднял голову и сквозь решетку парка увидел высокого сутулого мужчину средних лет с равнодушными глазами и без пуговицы на пальто. В одной руке мужчина тащил тюк белья из прачечной, в другой — авоську с двумя утомленно разлегшимися в ней бутылками кефира и капризно упирающимся, то и дело цепляющимся за тротуар батоном. Во всем облике мужчины проглядывало что-то смутно знакомое. Амур наморщил лоб, протер рукавом очки и с радостным удивлением узнал свою первую в жизни мишень.

— Семафор! — прошептал он. — Так вот что с тобой стало...

Стекла очков затуманились. На амурса нахлынули воспоминания, и душа его неожиданно наполнилась жалостью и сочувствием к своему старому клиенту.

— Надо помочь мужику, — нарочито грубо пробурчал он, — а то совсем скиснет. Пусть-ка вспомнит молодость...

Амур поднял лук со свисающим с него концом изолен-ты и по привычке, не глядя, выстрелил. Он знал, что не промахнется.

Прохожий вздрогнул, удивленно огляделся по сторонам, но ничего из ряда вон выходящего не обнаружил. Он пожал плечами, поменял местами тюк с бельем и авоську и, прибавив шагу, заспешил домой. Войдя в квартиру, Он долго с удивлением смотрел на жену, как будто увидел ее в первый раз.

— Ты чего это? — подозрительно сдвинула брови супруга.

Он ничего не сказал, только как-то странно вздохнул и пошел включать телевизор.

Целую неделю Он ходил как потерянный и не мог понять, что происходит. А на восьмой день надел свежую рубашку, на которой сохранились все пуговицы, и подошел к Ней, чтобы объяснить. Глаза Его горели радостным, будоражащим огнем.

— Слушай... — взволнованно сообщил Он. — Я, кажется, это... сон потерял!

— Куришь много! — равнодушно заметила Она. — В комнате дышать нечем.

— И аппетит потерял! — еще горячее сказал Он.

— Овощей надо есть больше, — посоветовала Она. — Почитай журнал «Здоровье».

— Не буду! — упрямо покачал Он головой, не сводя с Нее глаз. — Я тебе еще главного не сказал. У меня сердце вроде как не прослушивается.

— А ты посоветуйся с врачом, — зевнула Она. — Вот будет у вас на работе диспансеризация...

— Да при чем тут диспансеризация! К черту врачей! — восторженно воскликнул Он и достал из кармана аккуратно сложенный лист бумаги.

— Смотри сюда! Я тут все подсчитал! Аппетит у меня пропал — на этом получаем экономию... ну, грубо говоря, полтора рубля в день умножаем на тридцать... получается округленно полсотни в месяц. Так?.. Идем дальше. Сон пропал — значит, на ночь можно взять халтуру, чертежи какие-нибудь. Туда-сюда, это еще рублей девяносто, а то и сотняга. Верно?

С лица Ее медленно сползало равнодушие. В глазах засветился интерес:

— Ну, верно. И что?

— А то! Это уже выходит полтораста. Но и это еще не

все! Сердце замирает, не прослушивается — и не надо! И слава богу, как говорится! Значит, можно продать это заграничное лекарство, которое мне Мария Ефимовна достала. А это еще пятнадцать рублей. Итого сто шестьдесят пять ежемесячно. Считай, дополнительный оклад. Ох, и заживем мы с тобой, старуха! Перво-наперво палас купим. Потом сервиз...

Она поймала Его взгляд, и в Ней вдруг что-то встрепнулось. Неожиданно для себя самой Она покраснела, как девочка, и, не отводя глаз, тихо спросила:

— А мне?.. А мне ты что подаришь?..

Он замолк на полуслове, растерянно посмотрел на Нее и вдруг почувствовал, что непременно должен сказать какие-то очень важные, значительные слова.

— Тебе? — мягко переспросил Он, ощущая в груди что-то отдаленно похожее на нежность. — Тебе?.. Ну, конечно, милая. Ты давно заслужила... Тебе я куплю электрическую мясорубку...

Александр Жуков

О БЕСЧИНСТВЕ

Бесчинство имеет размах, увы,
среди тех, кто в чинах!
Наверное, в этом причина:
какое ж бесчинство без чина?

Что язык ни наплел бы, а память лгуна
быть кристально правдивой и точной должна.
Дабы завтра не приняли правду за ложь
те, кому ты сегодня без памяти врешь.

То везет, то не везет.
Соответственно
 удача
то порхаёт,
то ползёт,
то хохочет,
 то заплачет.

А причина, —
ей-же-ей! —
я вполне уверен в этом,
в отношениях людей,
в сочетании предметов.
Счастлив
иль наоборот?
Познается лишь в сравненье.

Ничего не пропадет
по закону сохранения...

О удача!

Интеграл

всех везе-

и невезений.

Гений строчку потерял.

Я нашел.

Я нынче гений!

* * *

В. П. П. П.

С. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

П. П. П.

Леонид Жуховицкий

ГОРАЗДО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

Широко известный ныне

фильм Киры Муратовой «Короткие встречи» пролежал на полке двадцать лет. Картина про любовь, на власть не замахивалась, и чего ее так испугался режим? Может, как-нибудь в другой раз я попытаюсь объяснить это кафкианское время, когда ввести танки в Чехословакию было можно, а расстегнуть женщине лифчик нельзя.

Мое участие в работе было минимально: автор рассказа, по которому делался фильм, и соавтор сценария — вместе с Кирой. Фильм получился настоящим, скорей всего вопреки мне, ибо всей своей последующей деятельностью Кира доказала, что она замечательный режиссер, а я — никудышный сценарист. Но сейчас речь не об этом, а о том, как наш сценарий утверждался.

С великими трудами, через Одессу и Киев, он все же доковылял до Москвы, где его тут же закрыла тогдашняя сценарная коллегия, сейчас уже не помню, именовалась она министерской или комитетской. Основной задачей этой коллегии было сценарии резать, и в своем живодерском ремесле она вполне преуспевала. Состояла она в основном из ответственных жен, которые не без приятности служили Родине на хороших окладах в центре Москвы. Помимо санитарного отстрела отечественных дарований, они боролись еще и с западным влиянием: раза два в неделю в маленьком уютном зальчике смотрели итальянские, французские, американские фильмы, определяя, какие из них высокоморальному советскому зрителю противопоказаны. Самые «не наши» смотрели даже по два

раза, чтобы убедиться в их отвратности наверняка. Эти-то легальные казнокрадши и отвергли нашу с Киной работу без внятного объяснения причин.

Кира прилетела в Москву, и мы втроем пошли выяснять поводы резни, третьей была наша студийная редакторша Женя Рудых, крупная, громкоголосая одесситка, искренне любившая кино и помогавшая Кире, как могла.

Лидером сценарной коллегии был мужчина, главный редактор. Он не переоценивал свой курятник и все сложные задачи брал на себя. Я его знал по Литературному институту — он вел у нас историю драмы. Человек был неглупый, образованный, вообще вполне интеллигентный, что на новой должности шло во вред и ему, и делу: он прекрасно знал, что нравится ему, предполагал, что именно это не понравится высокому начальству, и справедливо обижался на авторов, ставивших его в столь двусмысленное и неприятное положение.

В новом его качестве я столкнулся с ним впервые, помнил его по обстоятельным, со ссылками на французскую классику лекциям, почему и спросил достаточно робко, как и подобает вчерашнему студенту обращаться к вчерашнему преподавателю:

— Простите, пожалуйста, а что именно вам не понравилось в сценарии?

Он посмотрел на меня с легкой неприязнью:

— Понимаете, это нехудожественно.

— А что именно? — растерялся я.

— Вообще нехудожественно.

Тут уж возразить было нечего. Я глянул на Киру. Она вся напружинилась и походила на небольшую пантеру: зло-обаятельная улыбка, задние лапы напряжены, передние наготове... Я уже прикидывал, как бы перехватить ее в воздухе, когда рванется к горлу главного редактора.

По счастью, на выручку поспешила многоопытная редакторша — но как!

— Скажите, — ляпнула вдруг Женя ни к селу ни к городу, — а если герои друг с другом не будут спать?

«Боже, что она несет! — ужаснулся я. — При чем тут это?! Да сейчас главный редактор нам такое скажет...»

Он сказал:

— А знаете, так будет гораздо художественней!

Во жизнь была!

Благодаря Кириному уникальному упрямству фильм все-таки был снят, хотя в успех мало кто верил. К моему стыду, я тогда примыкал к большинству. Я полностью верил тем на студии, кто уверял шепотом, что Кира не умеет работать с актерами, потому и боится приглашать знаменитых, предпочитая безвестных, но послушных. И ведь в самом деле, на главные роли она взяла молодого парня, с умеренным успехом снявшегося до этого в нескольких эпизодах, и совсем уж дебютантку, хмурую, нескладную, вечно голодную студентку-третьекурсницу театрального училища. Поскольку фильм, вопреки прогнозам, получился, их имена я могу назвать: Владимир Высоцкий и Нина Русланова.

Странно, но за двадцать лет фильм почти не устарел, он с успехом обошел многие страны. Мое же место во всей этой истории оказалось на редкость удачным: как сказал однажды знакомый офицер, ордена не надо заслуживать, надо просто вовремя оказаться там, где их выдают.

Главного же редактора не называю потому, что он уже ушел из жизни, причем по своей воле: в один прекрасный день открыл на кухне все газовые краны и лег головой к духовке. Видно, была у человека совесть, и непомерно дорогой оказалась плата за в общем-то не столь уж и необходимый ему успех.

КЛАДБИЩЕ В ЕЛАБУГЕ

Помню: июнь, жара, разбитая дорога с пыльными объездами, очередь к парому — и уже за Камой, над Камой, в соснах и покое кладбище.

Здесь, в тихой Елабуге, родился когда-то Шишкин, свидетельство тому — его музей. Здесь жила и писала кавалерист-девица Надежда Дурова, свидетельство тому — ее бюст в скверике. Здесь почти что и не жила — дней десять каких-нибудь — Марина Ивановна Цветаева. Почти что и не жила, но из ее биографии Елабугу никак не выкинешь. В Москве родилась, в Петербург наезжала, в Крыму гостила, в Париже, в Берлине, в Праге эмигрантство-

вала, а повесилась здесь, в глубокой нашей провинции, в русском городке среди татарских деревень.

Мы уже были в домишке, где в последний раз перепал ей глоток родного воздуха. Никто не обязывал, могла бы и дальше дышать — сама не захотела.

Старуха, владевшая домиком, умерла, хозяева недавно сменились еще раз: маленькое строение рядом с бывшей гимназией, ныне школой, купила приезжая семья. Люди как люди — небогатые, робко-приветливые, постоянно растерянные. Растеряешься тут: чуть не каждый день вежливо, но упорно стучатся в низкую дверь разные местные и приехавшие люди. Тихая, довольно еще молодая семья со всем своим бедноватым скарбом оказалась как бы посреди площади — всё на виду и вся на виду.

Что делать, тридцатилетняя хозяйка с добрым лицом деревенской бухгалтерши оказалась чем-то вроде гида: впускает посетителей и застенчиво показывает все, что осталось от давней кратковременной жизни поэтессы.

А осталось много ли?

Мало, совсем мало — гвоздь в потолочной балке.

Вот женщина и экскурсоводствует вокруг гвоздя. И неловко ей, что домик перекрасили, что внутри затеяли хоть скромную, но перестройку: расширяют крохотную комнатку за счет крохотной прихожей, той самой, где гвоздь. Неловко вроде, а куда денешься: семья, достаток минимальный, и на деньги, с трудом собранные, покупали жилье, а не музей.

Почти всю взрослую жизнь Марина Ивановна скиталась по чужим домам и в последний свой час чужую веревку приладила к чужому гвоздю.

Впрочем, веревка, наверное, была своя: ведь ехала не в гости, а в эвакуацию, значит, вещи увязывала, тючки и узелки, и без веревок тут не обошлось...

Ходим по елабужскому кладбищу. Тут запустение, зато зелень, пыль и духота остались за оградой, чем дальше вглубь, тем свежей. Ходим среди могил и сосен — ищем.

Ага, вот она. Пристойная оградка с цепями, хорошая темно-вишневая плита.

Марина Ивановна Цветаева. Ее могила.

Нам уже известно, что под этим солидным надгробием гроба нет. Нет Марины Ивановны. Хорошая могила, но

принадлежит не ей. А где лежит Цветаева — теперь уже, наверное, и не установишь, со смертью старухи хозяйки, проводившей когда-то на кладбище невезучую квартирантку, последняя ниточка оборвалась. Здесь где-то. В этой части погоста. Вне ограды могильной, но внутри ограды кладбищенской.

Впрочем, говорят, бабуся и при жизни места не помнила. Да и с чего бы ей помнить? Хорошо, тогда, в войну, нашлось кому яму вырыть. А уж холмик насыпать или вешку с табличкой поставить... Разве знали, кого хоронят? Мы-то давно ли узнали?!

Как же так вышло: и живую не уберегли, и мертвую потеряли? Придет школьница с букетиком — и положить некуда.

Думаю, сама Марина Ивановна над этими заботами только расхохоталась бы громко и дерзко («Я слишком сама любила смеяться, когда нельзя»). Что ей ограды? Что цепи, камни, надписи? При жизни ни одна цепь не могла удержать — и эта, могильная, не удержала. Русская поэтесса похоронена в русской земле — чего же еще надо? Все цветы родины у ее изголовья.

Ну а могила — это не ее забота. Это — наша.

На главном кладбище Вены, ухоженном и красивом, есть аллея композиторов — так или примерно так ее называют. Ряды могил, ряды памятников. На плитах имена, вызывающие восторг и трепет: ведь здесь, под аккуратными газончиками, лежат те, чьими мотивами пронизан воздух вокруг нас, под чьи ритмы летит в пространстве наша планета. Пожалуют когда-нибудь инопланетяне — антенны их звездолетов еще издалека уловят мелодию не Бетховена, так Шуберта, или Шумана, или Кальмана.

Аллея композиторов упирается в круг. Аккуратная, словно по циркулю, дорожка, вокруг на памятниках самые славные, самые святые имена. А в центре — колонна повыше прочих, и на ней бюст. Великий из великих. Всех времен и народов. Не просто гений — символ гениальности.

Моцарт.

Символ гениальности, но и могила — символ. Где-то здесь похоронен, на этом кладбище, поблизости, а вот

точное место, к сожалению, затерялось. Такая сложилась в свое время ситуация.

При жизни Моцарт бывал всяким — и богатым, и безденежным. Увы, момент смерти оказался в материальном отношении крайне неудачным — упал как раз на период невезения, на пустой кошелек. То есть кое-что дома оставалось, но мало. А семья? Мертвому безразлично, а живым хочется есть каждый день.

Словом, похоронили скромно, при минимальных расходах.

Вот уже несколько веков именно Вена — мировая столица музыки. Со всей Европы талантливые молодые люди спешили сюда с нотными папками, честолюбиво мечтая, что здешняя, самая авторитетная в мире публика именно на их творениях поставит знак качества.

Но ни венская опера, ни венская оперетта, ни венский вальс, ни Венский лес со всеми его сказками не вытравивали из человеческой памяти затерянную могилу Моцарта. Так и лежит тень позора на дворцах и парках. Дорого обошлась красивому городку экономия на надгробном камне.

Вена? А, это где потеряли могилу Моцарта...

Простят ли нам дети символическую плиту на кладбище в Елабуге?

...Написал все это перед полночью, а сейчас утро. Утренние мысли холодней и спокойней вечерних. Вот думаю: а может, все оно чушь?

Ну, тень позора. И что? Мешает она Вене? Да ничуть! Как жила, так и живет. Даже малость получше, ибо история с гением, похороненным в могиле для бедных, придает рассказам о Вене приятную остроту, как горчица шницелю. И туристы толпами бегут на кладбище поклониться праху, которого нет. И я сам лучше всех прочих запомнил именно то надгробие, под которым никто не лежит.

И в Англии, между прочим, дороже всего платят за замки с привидениями: неотомщенное преступление прибавляет старым камням и романтичности, и цены.

А наша Елабуга? Была бы она сегодня на слуху, если бы Марина Ивановна не повесилась тут, а просто умерла и похоронил бы ее Литфонд по всем правилам печального

Худ. Е. Шукаев.
Мануил Семенов

Худ. Л. Самойлов.

Критика с гарантией.

— Тетя Даша, хоть ты
покритикуй нашего
директора, тебя он не
уволит, уборщицу
найти трудно...

Худ. А. Крылов.

— Вам зам. нужен

Журналу «Крокодил» — 50 лет

Худ. К. Елисеев.

— Мне министерство поручило расследовать вашу жалобу на меня. Ну, что вы скажете теперь в свое оправдание?

Худ. В. Уборович-
Боровский

Худ. Л. Самойлов.
— Папочка, я поношу твою
шляпу

Худ. Ю. Узбяков.
— Понедельник — день тяжелый

Худ. Б. Черемных.
Портрет взяточника:
— Дай пять

Худ. Б. Савков.
— Сирота небось, сынок?
Примерь, может, дедовы
подойдут?

Худ. Г. Йорш.
— Вот примем товар,
тогда и начнем торговать!

Худ. Б. Пророков.
Папина «Победа»

Худ. В. Луговкин

Худ. Л. Сойфертис

Худ. Е. Шукаев.
— Н-да, фильм
получился
бездарный.
Надо пустить
слух, что он
пролежал на
полке

Худ. А. Умяров

Худ. В. Дубов

ритуала, с речами и венками? Ведь и Некрасов был велик, и Блок, и Тургенев, и Достоевский, и Чехов, а что-то не грудятся паломники у их могил.

В общем-то от покойных классиков нам не так уж много и надо: чтобы были гонимыми, чтобы мучились от нищеты, чтобы умерли молодыми и желательно не своей смертью...

Если там, где Вы сейчас, оставлена Вам возможность прощать, простите нас всех, Марина Ивановна!..

ДЕЛА НА ГОД

20 лет

Бросить курить!

Поступить, как и Аркашка, на курсы французского языка!

Собрать лучшую в группе библиотечку отечественной и зарубежной фантастики!

К зиме сшить себе теплую стеганую куртку 48-го размера!

Запломбировать два верхних зуба! После чего сделать предложение Оле и, если она откажет, жениться на Кате!

Регулярно посещать тренировки по волейболу, чтобы попасть в сборную города и съездить с ней на международные соревнования!

Папе, маме и бабушке привезти оттуда джинсы...

А главное, окончить институт, не напрягаясь, потому что, как говорят сокурсники, лучше иметь синий диплом и красное лицо, чем красный диплом и синее лицо!

30 лет

Как можно быстрее закончить чертежи аэродинамической трубы, чтобы, вернувшись с симпозиума в Париже, Аркадий дал мне ведущего инженера!

Бросить курить!

Вырвать два верхних зуба.

К зиме сшить себе теплое стеганое пальто 54-го размера.

По утрам делать полтора часовые пробежки по скверу и к лету похудеть настолько, чтобы в новых джинсах мог не только стоять, но и сидеть.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог на нем свободно читать со словарем.

С Настей развестись по-хорошему. Имущество пополам: мне квартира, мебель, книги... Ей — дети и бабушка!

40 лет

Несмотря на ошибки в чертежах, как можно скорее собрать аэродинамическую трубу, чтобы, вернувшись с конгресса в Риме, Аркадий Михайлович дал мне ведущего инженера!

Бросить курить натошак. Более семи сигарет.

Поставить два верхних зуба! Вырвать четыре нижних.

К зиме справить детям полушубки.

Собрать библиотеку Всемирной литературы и за год прочесть. Хотя бы два тома.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог на нем свободно читать франко-русский словарь.

По утрам делать полтора часовые пробежки по балкону и к лету похудеть настолько, чтобы в новых джинсах мог дышать, не расстегиваясь.

Жену на лето свозить в Прибалтику и к невропатологу. Перед отъездом в квартире произвести ремонт, переклеить обои, вывести тараканов...

50 лет

Несмотря на ошибки в чертежах и неправильную сборку, запустить аэродинамическую трубу и, если останусь жив, потребовать ведущего инженера.

Старшему сыну накопить денег на теплое зимнее пальто 58-го размера. А заодно и себе на варежки.

Осенью к зиме заготовить соленых грибов, а все двери обтянуть пленкой под дерево.

С Нового года во что бы то ни стало бросить курить, затыкаясь.

Подписаться хотя бы на Малую медицинскую энциклопедию, а на ночь приучиться пить только чай. Без сахара. Без заварки.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог

прочесть, что написано на джинсах, которые сын привез из Грузии.

На лето с женой съездить в Подмоскowie. Из подмосковного леса привезти какую-нибудь корягу, похожую на Аркадия Михайловича. Поставить ее в прихожей и каждое утро, уходя на работу, пинать ногами!!!

60 лет

Устроить внука в детский сад с французским уклоном. И начать учить язык вместе с ним.

Количество приседаний по утрам на балконе довести до трех.

Договориться с хорошим зубным врачом. Для сына.

Бросить мечту бросить курить.

С Аркадием Михайловичем помириться. Жену через него положить в хорошую больницу на обследование. В ее отсутствие переклеить в комнатах обои, на балконе посадить ее любимые анютины глазки, а звонок в прихожей сменить на «ку-ка-ре-ку!».

Из морально устаревшей аэродинамической трубы сделать кондиционер для кухни, чтобы все запахи со сверхзвуковым перегонять к соседям. Самому уйти на пенсию. Снять домик за городом вроде того, что был у нас когда-то в Прибалтике. И когда жена выйдет из больницы, уехать туда вместе с ней.

Не забыть на это время попросить у кого-нибудь Диккенса. Надо же его когда-нибудь в жизни прочесть!

70 лет

(Последняя запись в дневнике)

Вчера мне исполнилось семьдесят лет! Были Аркадий с Валец! Веселились, как в двадцать! Аркашка много рассказывал нам о Париже, Венеции, Неаполе... Но, самое главное, он весь вечер завидовал тому, какой я замечательный инженер! В скольких странах он ни был, а такого кондиционера, как у нас на кухне, нигде никогда не видел!!!

Валерий Золотухин

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ГЕОРГИЙ-ПОБЕДОНОСЕЦ ВОЛЫНСКИЙ

М олько не смейтесь.

Когда Юра говорит: «Один мой приятель...» — не верьте. Юра говорит про себя. Или начнет: «Мой друг всегда с похмелья дует в библиотеку сразу или в баню...» — так и есть, с похмелья в библиотеку дует сам Юра, мой приятель.

Мой приятель Юра — водитель «Волги». Мы служим с ним в одной конторе. Иногда по делам службы он возит и меня. Едем, Юра начинает: «Мой приятель...» — я затаиваюсь и включаю тайнопись памяти.

«Мой приятель прибыл в город на Неве из глубинки из глубокой. Потолкался по институтам — нигде не взяли, нигде не нужен, а пожить в таком городе хочца, и он решил зацепиться другим багром. Вы меня поняли? Жениться решил. Вычислил невесту из старой петербургской семьи, с богатой родословной, из химиков каких-то или писателей потомственных. Раза два-три довел ее до дому, раза два-три карамельками с чаем накормил и решил просить ее руки по всем правилам, как это, по дошедшим до него слухам, делалось в прошлом кавалерами настоящими. Надел ковбойку, раздобыл канотье, трость, перчатки-варежки вязанные напялил и попер. Мамаша, благородная, дородная, богатая, встретила: «Раздевайтесь, пожалуйста, мой друг, проходите... И ушла в комнату для сватовства. В спецкомнату. Так он понял. Мой друг мигом все с себя сбросил и влетел в приемную комнату, как в баню, — голый! Вы меня поняли? В костюме Апол-

лона. Он воспринял предложение мамыши — буквально. «Кто их знает, — подумал он, — может, в ихнем этом — высшем свете так принято... медицинский досмотр?»

Нет, ну, в самом деле не смейтесь, его понять можно, человек из глубинки, свежий, неиспорченный, чистый лист незамазанный. Ну, мамыша, которая вся из себя благородная, в крик вопиющий: «Вон отсюда, погань во-лынская!» Как она узнала, кстати, что мой приятель с Во-лыни, по фигуре, что ли? Но у него ничего такого анато-мически выдающегося нету, чтобы вот так с ходу опреде-литель, что он с Волыни. Мы с ним вместе в библиотеку-баню ходим. Ну, и кончилось на том «сватовство майора». Там потом-то, говорят, дочка такую истерику матери за-катила, ковры, говорят, кусала! «Иди, говорит, — где хо-чешь доставай теперь мне этого с Волыни, бери отпуск и ищи. Подумаешь, не видала голеньких... А меня в капусте нашла? Малыш свежий, непосредственный!» Вы меня по-няли?

Я хохочу, а вы не смейтесь, потому что мы едем даль-ше. «Ну что, Юра, — спрашиваю, — зацепился твой во-лы-нец?» — «Зацепился... по лимиту. Сперва на «Научпопе» шоферил, потом к нам перешел». Не по своей воле, конечно, он с «Научпопа» перешел. Он там со змием зеленым решил сражаться. Вы картинку-то помните — Георгий змия поражает? Так вот, на одной картинке он его убива-ет, а по другой версии он его на веревке по городу ведет, как Запашный тигра по Невскому на ремешке водил. Мой приятель в одну большую группу документальных съемок попал. А у них что ни день, то «Завтрак на траве» или «Чаепитие в Мытищах»... А то и просто так у него в салоне лакают — а он жди, а потом в кусках по домам их развози в разные стороны... А спать когда? Ну, надоело ему бурла-ком быть, выпрягся он из лямки: не повезу по домам, и все. «У меня рабочий день кончился, есть метро, такси... вы люди творческие — топайте, думайте, как жизнь нашу заснять...» Они его по матушке да по кресту: «Да ты нас... да мы тебя...» Оскорбляют. Он слушал, слушал, видит та-кое дело — русский язык у них на избитых образах кор-читя. «Ладно, — говорит, — отвезу, но в последний раз». И заворачивает мой приятель в вырезыватель. И к дежур-ному: «Я — говорит, — вам полный «рафик» ваших клиен-

тов доставил. С «Научпопа». Приютите для плану. И хорошо бы их вместе, в один угол запрятать, потому что они хором горлопанить любят. А завтра я их заберу». Выходят три сержанта: «Выползай по одному, товарищи артисты!» Те в клубок да в шипение: «Да мы поедем, да мы напишем...» — «Это вы завтра напишете и распишетесь, а сегодня выползай по одному и ложись по-хорошему каждый в свою траншею». Ну, и оприходовал всю группу по акту Наутро приехал, по акту принял, отвез на съемку и предупредил: «Будете «Чаепитие в Мытищах» устраивать — будете ночевать под охраной». Одним заходом змия зеленого на цепь посадил. Но пришлось уйти, конечно, с «Научпопа» по собственному желанию.

Я хохочу: «Юра, кто ж такой умник, как фамилия, его ж бояться надо?! Он ведь любого в любой момент по акту может сдать!» — «Фамилия, говорите? — И подает мне Юра свой путевой лист: — Читайте и помните!» И я запомнил. И говорю вслух: внимание! Если какой коллектив нуждается в моем приятеле с Волыни — я знаю адрес! Вы меня поняли?

ИЗ ЗЕЛЕННЫХ ТЕТРАДЕЙ

Соломон Маркович Агитпункт.

Этакая камерная девушка.

Унылый человек — геморрой в глазах.

Слова и понятия ведут свою отдельную от первоисточника жизнь. Уже забываешь, что иезуит означает последователя Иисуса.

Самое важное — порядок слов.

Маршак точно заметил: прекрасно звучит «кровь с молоком» и отвратительно — «молоко с кровью».

Дама о своем супруге: «Он — блестящий полемист».

Пожилые супруги. Она — в шортах, он — в джинсах.

Как часто мы обязаны своим счастьем нашим ошибкам.

Март 1964 г. Умер Сесар Арконада, испанский поэт, мальчиком привезенный в Москву. В Союзе писателей, в секции переводчиков, звонит телефон, секретарь гудит в трубку: «Звереныш, я уж завтра приеду. Тут Арконада

умер, испанец, надо соорудить некроложец. И вчера не мог, ну так получилось. Не ворчи, ты же знаешь мои обстоятельства...»

Всю жизнь мечтал Сесар Арконада вернуться на родину. Не сбылось.

«Земля — не место суда, а место жизни». Как странно, что именно Чернышевскому принадлежат эти слова.

Меррор бесплоден, зато дает возможность отвести душу.

Опоры стариков: юмор — замена молодости, почет — замена любви.

Два футуролога на пенсии. Один — другому: «Помнишь прежние времена? Какое было будущее!»

Ум беседует с пространством, мудрость — с временем.

Самый горестный итог: враждебность друзей и равнодушные врагов.

Все мы в конце концов присоединимся к подавляющему большинству человечества и, стало быть, обретем покой.

Лето 1975 г. Подписаны Хельсинкские соглашения. Репортер у порога Дворца бракосочетаний спрашивает у молодоженов, какого они мнения о разрядке.

— Теперь мы можем спать спокойно, — отвечает юный муж.

Жизнь не утешает, но обтесывает.

Александр Иванов

ПАРОДИИ

ТЕНЬ ФОРТУНЫ

Конспект книг
Игоря ШКЛЯРЕВСКОГО

Томление. Весна. Болит колено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Похолодание. Приехал брат.
Уехала Елена. Снегопад.

Зима. Спилили тополь на полено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Уехала Елена. Выпал град.
Тень птицы на стене. Приехал брат.

Елена! Брат! Елена! Я меж вами!..
Как воздух пуст! Я не могу словами.

БАБЫ

(Владимир ЦЫБИН)

В деревне,
где вокруг одни ухабы,
в родимых избах испокон веков
живут себе,
на жизнь не ропщут бабы,
совсем одни живут, без мужиков.

Одни встречают, бедные, рассветы
и дотемна — пахать, косить и жать.
— А мужики-то где?
— Ушли в поэты...

Все в городе, язви их душу мать!

Ядрены,
хоть никем не обогреты,
с утра до ночи все у них дела...
В столице —
тридцать тыщ одних поэтов,
принес их леший в город из села!

Эх, бабы вы мои! Родные бабы!
И мне без вас не жизнь
и свет не свет...

ТЕНИ ПОТОПА
(Леонид МАРТЫНОВ)

Ной
Был, бесспорно,
Человеком стоящим,
Нигде и никогда неунывающим
И спасшим жизнь всем лающим и воющим,
Кусающим, ползущим и летающим.
Короче говоря, млекопитающим
И прочим тварям всем, в беде не ноющим.

Вы спросите:
Зачем все это сказано,
Давным-давно известное? Не эхо ли
Оно того, что все друг с другом связано.
Ведь в огороде бузина обязана
Цвести, а к дядьке в Киеве приехали
Племянники, мечтающие пламенно
Горилке дань воздать тмутаракаменно!

КОГДА-ТО В МОСКВЕ
(Евгений РЕЙН)

В квартире коммунальной, теперь таких уж нет,
Из туалета выйдя, не все гасили свет.
Там жили продавщица, профессор и дантист,
Худой, как черт, Данилов, возможно, и альтист.

И одинокий Котов, философ, эрудит,
Как выяснилось позже, убийца и бандит.
И молодая дама, что, кутаясь в мантию,
Работала ночами у станции метро.
Никто и никого там на «вы» не называл,
И пятый пункт анкеты жильцов не волновал.
Ко мне по коридору прокрадывались в ночь
То юная портниха, то генерала дочь.
И как же проклинал я, голодный донжуан,
Предательски скрипящий, продавленный диван!..
Объятыя, сплетни, ссоры, дешевое вино!
Нам встретиться на свете уже не суждено
Ни в давних тех квартирах в исчезнувших домах,
Ни даже на Багамских волшебных островах...
Кто пил из этой чаши, тот знает, что почем,
А кто не понимает, то я тут ни при чем...
Прекрасную квартиру я вспомню, и не раз.
А смена декораций зависит не от нас.

ОСКОЛКИ ДИАЛЕКТИКИ

(Юнна МОРИЦ)

Когда материя первична,
Тогда сознание вторично.
Когда поэзия вторична,
Тогда все пишут на «отлично».

Когда поэзия в упадке,
То греют руки стрикулисты.
Когда поэзия в порядке,
То процветают пародисты.

Когда поэзия богата,
Она читаема в народе.
И все поют стихи Булата,
И все поют стихи Володи.

Когда поэзия вторична,
То благосклонна к ней фортуна.
Когда поэзия первична,
То благодует Юнна.

ПИСЬМО ТЕБЕ

(Игорь КОБЗЕВ)

Мне, признаться, не дает покоя
Свежий образ «голубая даль».
Даль, которая моей рукою
Чудненько рифмуется с «печаль».

...Днем и ночью ты танцуешь твисты
С риском поскользнуться и упасть.
Твисты любят империалисты,
Как посмела ты так низко пасть?!

Для чего меня ты ожидала
В агитпункте справа за углом?
Для чего ты диамат сдавала,
Начерталку и металлолом?!

Как рябина нежинская, нежен,
Я тебя не буду упрекать.
Океан изящных чувств безбрежен,
С ним опасно, милая, играть.

Кто тебя возьмет — такую! — в жены?
Кто тебя полюбит насовсем?
Кто-нибудь, возможно, из пижонов,
Но никак не член ВЛКСМ!

ЛОМКА ДРОВ

(Римма КАЗАКОВА)

Ты со мной не заигрывай,
не сули ничего.
Бабы теперь что тигры,
ты со мной не того...

Я не в хиленькой спальне
нежилась всласть,
между молотом и наковальней
я на свет родилась.

Мальчик, мне тебя жалко,
ты идешь на грозу.
Я ведь неандерталка,
чуть что — загрызу!

Я тебе не мустанг, не лошадь,
на меня не садись,
меня по морде галошей
хлестала жизнь.

Наломая дров и не каюсь.
Черта с два! Не боюсь.
Лихо в тучу сморкаюсь,
с маху в лужу сажусь.

Вскормленная не кашами,
все тащу на себе,
говоря по-русски, по-нашему,
баба-эмансипе...

Д. М. Иванов
В. Л. Трифонов

ПО РАСЧЕТУ

С некоторых пор Ступишину

просто невозможно стало спокойно покурить на работе. Едва он выходил на лестницу и притулялся возле большой пепельницы, обязательно приходил кто-нибудь из его отдела.

— Ой, Ступишин, — заводил этот кто-нибудь, одолжившись сигаретой, — ты посмотри на себя. Ну, честно говоря, что в тебе хорошего? На вид ты плюгавый. Ума не выдающегося. На службе звезд с неба явно не хватаешь. Разве в таких влюбляются? Тебя же не любить, тебя жалеть только можно.

Ступишин отмалчивался и только яростнее затягивался. А тут, как назло, подходил еще кто-нибудь.

— Подумай, Ступишин, — говорил этот второй кто-нибудь, одолжившись спичками, — и так-то нельзя сказать, что у тебя жизнь в огнях и цветах, верно? А тебе еще брак по расчету угрожает. Двойная петля!

Ступишин торопливо задавливал сигарету, но кто-нибудь третий все же успевал ему сказать:

— Ой, остерегись, Ступишин! Она хочет выйти за тебя из-за денег!..

Сослуживцы, разумеется, шутили. Может быть, не очень остроумно. Но им как-то хотелось намекнуть Ступишину, что та бешеная сумма, которую он дуриком выиграл в «Спортлото», не принесет ему счастья. По простоте душевной, столь свойственной невыигравшим людям, сослуживцам Ступишина чудился какой-то вакхический

пикник в зеленой роще по Рублевскому шоссе или, на худой конец, обед в ресторане.

Но Ступишин сразу положил все деньги на сберкнижку, не оставив свободной мелочи даже на кружку пива. Вот сослуживцы и попугивали его по-дружески.

Но Ступишин затосковал всерьез. Дело в том, что не так давно, преля над квартальным отчетом, он вдруг с ужасающей ясностью ощутил, что у него, в сущности, нет никаких надежд оставить потомство. И, подстегнутый этой мыслью, он обратил свой взор на счетовода Зою Павловну, еще сохранившую какую-то свежесть в кислой атмосфере их постылой конторы. Зоя Павловна поначалу несказанно удивилась, но после тоже стала бойко стричь из-за арифмометра глазами в сторону Ступишина.

Ступишин, сопоставив в уме сроки, вдруг пришел к выводу, что это пробуждение взаимности фатальным образом совпадает с его лотерейной удачей. Так что сослуживцы, кажется, были недалеко от истины, решил он. И с той поры редкие поцелуи, перепавшие ему от Зои Павловны, отдавали горьким, полынным привкусом.

Сослуживцы продолжали попугивать Ступишина уже без интереса, а больше по инерции. И вот на очередном перекуре Ступишин дрогнул.

— Как же теперь? — утрюмо спросил он. — Теперь назад хода нет. Я ведь и с папашей ее познакомился, и с дядьями.

— Тоже невидаль — дядья! — засмеялись ему в ответ. — Главное, расстаться красиво! Чтобы претензий не было. Чтобы в треугольник не жаловалась, если даже у вас зашло далеко. Лучше всего ей заткнуть рот каким-нибудь ценным подарком. Это вроде отступного будет. И после — ни слова, ни взгляда! Она сама поймет, что вы порвали.

И Ступишин, помаявшись, снял-таки с книжки личную сумму. Целую неделю после работы он кружил по магазинам, пока наконец неожиданно для самого себя не купил какую-то дурацкую антикварную вазу с драконами. Таковую большую, что в ней можно было принимать ванну.

— Зачем это? — растерянно спросила Зоя Павловна, когда Ступишин явился к ней на квартиру со своей фарфоровой бадьей.

— На добрую память!.. — пробормотал Ступишин и, побагровев, кинулся вниз по лестнице.

Утром он сказал сослуживцам:

— Все. Сделано.

— Вот это по-мужски! — ответили ему. — Узел рубить надо, а не тянуть резину!

Но Зоя Павловна, как видно, ничего не поняла. Она все истолковала превратно. Она застелила ступишинский стол свежей фиолетовой бумагой, а в стаканчик для карандашей поставила веточку багульника. И как Ступишин ни уклонялся от ее горячих ласковых взглядов, как ни делал вид, что все кончено, — разрыва явно не получалось.

— Поскупился, стало быть! — решили сослуживцы за растерянного Ступишина. — Стало быть, недооценил запросов. Тут, Ступишин, скаредничать нельзя. Не тот случай.

И Ступишин внял. Когда за тройную цену он раздобыл желтый кухонный столик, Зоя Павловна повисла у Ступишина на шее и радостно закричала:

— Не может быть!

— Может, может, — сказал Ступишин, даже не подозревая, каким он окажется провидцем. — Все может быть.

И, действительно, было все.

Был палантин из шкурок полевых мышей, купленный Ступишиным с рук в подворотне возле комиссионного магазина. Палантин уменьшил сумму вклада на ступишинской книжке ровно вдвое.

Были стиральная машина, транзисторный приемник, соковыжималка... После нее ступишинскую книжку в сберкассе уничтожили, так как на ней не осталось ни копейки.

Были часы-браслет, показывающие не только время суток, но даже месяц, год и век. Их Ступишин приобрел уже с помощью кассы взаимопомощи.

Был ореховый шкаф площадью с однокомнатную квартиру, купленный Ступишиным на подаяния добрых знакомых.

Были «невероятные» туфли из породы ортопедической обуви, но зато с этикеткой «Карьера девушки» на англий-

ском языке. На туфли Ступишин наскреб денег, продав кое-что из личных вещей на воскресной барахолке.

Все было. Не было только долгожданного разрыва.

И вот однажды утром, когда Ступишину пришла в голову новая идея — откупиться цветным телевизором, он вдруг окинул взглядом голые стены своего жилища и сказал сам себе: стоп!

А потом он принарядился в свой единственный костюм и, сорвав по дороге с клумбы георгин, отправился к Зое Павловне делать официальное предложение.

Он, конечно, понимал, что женится по расчету. Но другого выхода у него теперь не было.

СЛОЖНЫЙ СЛУЧАЙ

— Доктор, болит голова.

Температура небольшая, но противная. И ломит в суставах перед погодой.

— Спите нормально?

— Не очень.

— А бывает так, что кофе выпьете и заснуть не можете?

— Да, точно, бывает.

— Особенно от бразильского кофе.

— Да от любого.

— Нет, не скажите, бразильский самый лучший. Я лично пью бразильский, когда достаю. Сейчас трудно с бразильским, а другой я не пью.

— Доктор, температура небольшая, но противная.

— А позавчера в магазине за чаем стояла. Индийский давали. Передо мной кончился, а я другой вообще не пью. Только индийский. Но где его теперь взять, ума не приложу.

— Доктор, и суставы ломит. Если перед плохой погодой. Отчего это?

— Это от погоды. Если погода меняется, у вас суставы ломит, верно?

— Точно.

— Это от погоды. Это бывает. Погода меняется, суставы болят. Это от погоды.

— И температура небольшая, но противная. От нее чувствую себя плохо.

— Крабы пропали. Раньше один больной доставал. Потом сам пропал. Либо вылечился, либо перешел к другому врачу. Нет, он вылечиться не должен был так быстро. Он секцией в продуктовом заведовал, такие болеют подолгу, если попадут к хорошему врачу. Значит, перешел к другому. Или переехал. Но только не вылечился.

— И болит, доктор, голова.

— А не подташнивает?

— Тошнит.

— А от чего?

— Даже не знаю.

— От икры.

— Нет, от икры не тошнит, это я точно знаю.

— Вот и меня тоже. От икры не тошнит, особенно от черной не тошнит. От красной тоже не тошнит, но уже не так сильно. Вот у меня один больной был...

— А что у него было?

— Он икру доставал.

— Я говорю, у него что было-то?

— Так я вам говорю: икра у него была. Он мне ее доставал. Потом перестал. И все. Пропал.

— Уехал?

— Да, насовсем.

— За границу?

— Еще дальше.

— Это куда же дальше?

— Туда, где нет ни икры, ни крабов. И где бюллетени не нужны.

— Мне бюллетень не нужен. Мне главное — чувствовать себя хорошо.

— Как же чувствовать себя хорошо? Голова болит, температура противная, суставы ломит.

— Доктор, а это все лечится?

— Ну, конечно, а вы кем работаете?

— Инженером.

— А-а-а. У инженеров это все плохо лечится. Тем более все это без крабов, без икры, без кофе и чая.

— Да я могу безо всего этого обойтись.

— Вы-то можете, а другие никак.

— Но меня другие не интересуют. Ведь болит-то у меня. И здесь болит, и здесь.

— У вас, видно, и с головой не все в порядке.

— Вы так думаете, доктор?

— Убедена. Надо голову проверить, и в первую очередь. К невропатологу вам надо, дорогой, к невропатологу. А как только головку наладите, так сразу ко мне. И все тут же пройдет.

— Ладно, доктор, я пойду. Значит, все, что у меня в портфеле: икру, крабы, кофе — все это к невропатологу нести? Счастливо, доктор.

БЕЗ ОГЛЯДКИ

Послушайте, что это мы на них все время оглядываемся? Я имею в виду за границу. Чуть что: «А как на это посмотрят за границей? Что они о нас подумают?»

Да какая нам разница, что они о нас подумают? Мы уже столько лет думаем, что они вообще загнивают, а они покупают у нас за валюту икру, крабов, меха и загнивают себе дальше.

Зачем об этом говорить? «Они подумают, что у нас не хватает валюты». Конечно, не хватает, иначе бы мы эту икру сами лопали, пусть из мисок, но ложками. А мы им продаем, а на валюту у них же покупаем оборудование, станки.

Зачем об этом говорить? «Они могут подумать, что мы сами не в состоянии делать эти станки». Да, не в состоянии. Нет, мы можем сделать их вручную. Три штуки в год, а нам их нужно десять, причем тысяч. Не знаю, сколько, знаю, что мы столько пока выпускать не можем. Что значит — пока? Ну, ближайшие сто лет. Поэтому покупаем у немцев, так же, как мебель покупаем в Финляндии.

Почему не говорить? «А то они подумают, что мы не можем делать свою». Можем, но для них. А для себя мы такую мебель делаем, что на ней хорошо лежать только в белых тапочках.

Поэтому мы им продаем лес, а у них покупаем мебель. Почему сами не делаем? Потому что нет у нас машин, станков, оборудования. Да, мы продавали им икру и закупали у них на валюту станки. Но там попался какой-то бестолковый из наших. И станки оказались не те. А кото-

рые те, их послали не туда. А которые туда, они все равно не работают. Мы не знаем, как они должны работать. Да, мы посылали туда толкового. Он все изучил, все понял, во всем разобрался и остался там навсегда. Поэтому мы туда больше толковых не посылаем.

Что тише? «Они могут подумать, что у них там лучше условия жизни». Они об этом не могут подумать. Они это давно уже знают. Условия жизни у них действительно лучше — кое-где пока. То есть давно и везде. Почему? Потому что они работают, а мы боремся за повышение производительности труда.

А если мы сами начнем работать, мы сами будем есть икру, ходить в мехах, сами будем выпускать хорошие станки. И плевать нам на то, что они о нас думают... Мы о них думаем еще хуже.

Для чего выносить сор из избы? Для того, чтобы в ней легче было дышать!

ЧУШЬ КУРЯЧЬЯ

(А. ИВАНОВ)

Дед бил, бил, не разбил,
Баба била, била, не разбила.
Мышка бежала, хвостиком махнула.
Яичко упало и разбилось.
Дед плачет, баба плачет...

Сказка «Курочка Ряба»

Посмотрим, что тут, в сущности, случилось.
Скандал, как говорится, налицо.
А что стряслось? Всего-то лишь разбилось
Какое-то поганое яйцо.

Позвольте, но они же сами били,
Пытаясь золотишко раздолбать.
Разбив яйцо, об этом позабыли
И почему-то начали рыдать.

Курячья чушь, глупейшая идея.
Не стоит даже говорить о том.

Бездельник дед, и бабка — прохиндейка,
А мышка — тварь, и серая притом.

Тут автор сказки будто в лужу дунул,
Сознавшись в том, что полный идиот.
Мне возразят — «ее народ придумал».

Народ? Возможно. Но какой народ?
Десятки лет, а может, даже сотни
Мусолят эту сказку тут и там.
На кой она вообще сдалась сегодня?
Да пусть она идет ко всем курам.

И вдруг я понял, вот что получилось.
Пусть сказка — бред и пусть сюжет не нов.
Она лишь для того на свет явилась,
Чтобы на ней кормился Иванов!

САПОЖНИК

Ах, сапожники, невозможники!
Невозможно без вас прожить.
Можно туфельку сбросить с ноженьки,
можно все по новой прошить.

А один с усмешкой задорною
так приветлив, будто влюблен, —
он со мной, как с писаной торбою...
Мой сапожный Ален Делон!

И когда я с тобою чинненько
наш любовный кручу политес,
не понять тебе, в чем причина, что
в дух вселился веселый бес.

Я не верю тебе, и, может быть,
доконал бы вконец меня,
но мои приключения сапожные —
пусть и тоненькая, да броня!

Ты — замученный и закрученный,
он — улыбчивый и простой.
От ухмылки твоей заученной
тянет плесенью, пустотой.

Ты что, можешь ходить по радуге?
Чем ты так уж, прости, хорош?
Он — сапожник, а ты что — в парламенте?
Ну а если и да, так и что ж?

Я, конечно, не стану сапожничьей
ни возлюбленной, ни женой.
Но и ты торговлишкой розничной
совладать не сможешь со мной.

То цветочек за поцелуйчик,
то омарчик за что-нибудь...
Я пойду дорогой покруче.
Не к тебе, от тебя этот путь.

Он веселый, ты полусонный,
он трудяга, ты трутенок.
Стричь купоны и стричь газоны —
не одно! Иль тебе невдомек?

Я куплю себе булочку маковую.
Я скажу спасибо судьбе.
И пойду я, туфлями помахивая,
от сапожника...
Не к тебе.

КИНОГЕРОЙ

Я люблю киногероя
и ищу боевики,
где снимается порою
он, предмет моей тоски.

Существует на экране
и в контексте не моем,
но в моей сердечной ране
обитаем мы вдвоем.

Мне б чего-нибудь попроще...
Не желаю! И к тому ж
не ревную я к партнерше,
к той, чей он бойфренд иль муж.

И не важно, что, должно быть,
в жизни он совсем иной —

до экстаза, до озноба
этот он владеет мной!

Сердце бьется, сердце любит,
длится больно, как ожог,
киноповесть, киноголупость,
киносказка, киношок.

Ну а если смело, споро
явит жизнь особый шик,
если вытеснит актера
из меня живой мужик?

Все равно я буду помнить
и беречь в своей крови
наваждение бесплотной
фантастической любви!

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННОЙ ДЕВЧОНКИ

Не хочется учиться,
а хочется гулять,
от музыки тащиться
и глазками стрелять.

Мечтаю не о деле,
мечта моя проста:
хочу я много денег,
зеленых, как листва!

Была ткачихой бабка,
учительницей — мать.
Жилось им так несладко!
Их трудно понимать.

До одури, до пота,
как будто — на века,

работа да работа,
и больше ни фиги.

Считали откровенно:
иного не дано.
А я хочу жульена,
желаю в казино!

Учили коммунисты,
что все — в твоих руках,
а истина из истин:
работа — это кайф!

Поставь всю жизнь на карту,
чтоб родине помочь!
А мне вот не по кайфу —
ишачить день и ночь.

Анпиловская свора
зовет нас в прежний ад.
Пускай я в чем-то сволочь...
Кто в этом виноват?

Конечно, виноваты
ребята-демократы.
За это им мерси,
и — Господи спаси!

СКВАЖИНА

(Сценарий фильма о нефтяниках)

В кабинет начальника

объединения «Нефтебур» входит лобастый и коренастый паренек. Это Тимур Тимуров, выпускник Института нефти и сопутствующего ей газа. При виде паренька начальник объединения Анисимов медленно встает из-за стола.

— Тимур?! — срывающимся голосом говорит он...

...РЕТРО. Девятнадцатилетний Анисимов бежит среди весенних березок за стройной девушкой по имени Лия. Девушка смеется. Анисимов гулко топает кирзовыми сапогами. Наконец он догоняет ее, сильно притягивает к себе, крепко сжимает в объятиях и пристально смотрит в глаза. Наплыв...

— ...Значит, по распределению прибыл? — спрашивает Анисимов.

— Да, — отвечает Тимур. — Меня, правда, на кафедре собирались оставить, заведующим — я ведь кандидатскую еще на втором курсе защитил, а докторскую — на четвертом. Но мне захотелось жизни хлебнуть.

— Это правильно, — кивает начальник объединения. — Только, знаешь, у меня весь штат инженеров укомплектован. Есть только одна свободная должность — посудомойки в рабочей столовой.

— Я согласен! — радостно хлопает себя по коленкам выпускник института. — Моя мама, Лия Назаровна, учила меня не бояться трудностей.

— Да, ты похож на свою маму... — задумчиво произносит руководитель «Нефтебура»...

...РЕТРО. Двадцатилетний Анисимов покидает родное село, чтобы продолжить образование в городе. Он бежит среди весенних березок, прижав к груди деревянный чемодан. За Анисимовым, протянув вперед тонкие девичьи руки, несется Лия в платке и слезах. Наконец она догоняет его, сильно притягивает к себе, крепко сжимает в объятиях и хочет пристально посмотреть в глаза. Но Анисимов отворачивается, глубоко дышит и говорит с хрипотцой: «Нет... Только не сейчас... Прежде хочу настоящим нефтяником сделаться...» Наплыв...

...Тимур Тимуров попадает на Южный участок. Среди бурильщиков разброд и шатания: никто не бреется, не стрижется, не играет в шахматы. Некоторые даже начали курить. А наглый буровой мастер Кифушняк то и дело пристаёт к поварихе Тамаре с нехорошими намерениями. И виной всему — отсутствие нефти. Вот уже второй год бурильщики работают на Южном участке, который теперь усеян скважинами, как дуршлаг дырками. А нефти как не было, так и нет.

Постепенно Тимур вливается в рабочую семью. Днём он моет посуду на кухне, вечером поёт под гитару собственные песни, ночью караулит возле Тамариного вагончика, оберегая её сон от поползновений Кифушняка. Авторитет молодого доктора наук постепенно набирает силу. И вот в решающий момент Тимуров выдвигает смелое предложение:

— А давайте перейдем на Северный участок!

Все над ним смеются.

— Салага! Посудомой! — отвечает мастер Кифушняк, надвигая Тимуру кепку на глаза. — На Северном участке — камень и скалы. Чем бурить будем?

— А голова на что? — хитро подмигивает начинающий нефтяник, поправляя кепку. Он тут же разворачивает чертежи турбобура собственной конструкции...

По извилистому шоссе летит голубая «Волга». В ней мчатся Анисимов и Кифушняк.

— Значит, самовольно перевел работы на Северный участок? — сжимает кулаки и зубы начальник объединения.

— Да, — подхалимски улыбается буровой мастер. — И сорвал планы на Южном!

— Мальчишка! — негодует Анисимов и тут же, на ходу, составляет приказ об увольнении Тимурова.

Внезапно руководитель «Нефтебура» замечает у края дороги худощавую женщину, которая «голосует» их машине.

— Останови, — приказывает Анисимов шоферу.

Женщина открывает дверцу:

— На Северный участок не подвезете?

— Лия Назаровна? — холодеет начальник объединения...

...РЕТРО. Двадцатипятилетний Анисимов возвращается после учебы в родные края. Среди весенних березок встречается он со своей бывшей возлюбленной. У нее на руках сучит ножками розовощекий бутуз. Немая сцена. В глазах у молодой женщины стоят слезы. «Ах, зачем ты так долго учился, Анисимов?» — с грустью произносит она. Наплыв...

— ...Еду сына своего проведать, — говорит Лия Назаровна, садясь в машину. — А ты как?

— По-прежнему, холостой, — мрачно отвечает Анисимов.

— И я мужа похоронила, — вздыхает Тимурова мама.

— Правда?! — радостно восклицает начальник объединения.

В это время «Волга» тормозит у вышки, рядом с большой лужей нефти. Вокруг танцуют от радости бурильщики. Все они чисто побриты, коротко подстрижены, в новых комбинезонах и начищенных резиновых сапогах.

— Нефть! Нефть пошла! — кричит Тимур, подбегая к автомобилю.

— Мальчик мой! — плачет Лия Назаровна, кидаясь на сына.

— Мама, — говорит он смущенно. — Здесь, на буровой, я отыскал не только новый пласт... — и показывает на поваришу Тамару, которая уже на каком-то месяце.

— За разведку месторождения, — объявляет Анисимов, — объявляю Тимурову благодарность. А за самоуправство — строгий выговор!

Все смеются. Начальник объединения достает приказ об увольнении Тимура и переправляет его фамилию на фамилию Кифушняка. Посрамленный буровой мастер закрывает лицо руками и убегает в горы. Из тонкой трубы рвется к небу высоченный фонтан черного золота.

НА ВОДАХ

(Сценическая композиция по мотивам ранних и поздних произведений М. Ю. Лермонтова)

На сцене мрак. Вдали сливаются струи Арагвы и Куры. Тревожно журчит минеральная вода в источнике. Луч света ударяет в полукруг, образованный из ряда вычурных стульев. На них сидят: небритый Печорин в картузе, холеный Грушницкий с пистолетом, зареванная княжна Мэри в кринолине и уса-
тый Максим Максимыч в лысине.

Печорин щиплет басовую струну гитары.

Печорин *(отпрешенно, камерно)*. На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна... *(Обрывает струну, заслоняется ладонью.)* Что за лица кругом, что за лица, господа! И это высший свет на водах!.. Уехать бы, уехать... Но куда?!

Грушницкий. До вас дошли последние кисловодские слухи? О, сэ минифик! У нашей маленькой княжны Мэри фантастический роман с этим грубым животным Печориным...

Печорин. Не распускайте язык, Грушницкий. Вы позер и ничтожество.

Княжна Мэри *(плача)*. Перестаньте, господа, перестаньте!..

Максим Максимыч. Я Печорина знаю. Помнится, на Кавказе дело было. В крепости. Там из-за него чеченка

одна отдала богу душу. Бэлой ее звали. Так Печорин хоть бы перекрестился, право слово...

Печорин *(опять запекает)*. И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды... *(Обрывает еще одну струну.)* Да, я отвратителен сам себе, я жажду застрелиться! Но кто оценит мой поступок?

Княжна Мэри. В крепости? Чеченка? Боже мой, я не вынесу этого!

Грушницкий. Вы опозорили девушку! Мы будем стреляться! Немедленно! Держите пистолет!

Печорин. Отстаньте, Грушницкий. Я ведь знаю: пистолет не заряжен. Я вас так убью — песней! *(Перебирает оставшиеся струны.)* А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...

Грушницкий. Замолчите, замолчите, ваше пение действительно убивает! *(Падает замертво со стула.)*

Княжна Мэри. Ах, зачем вы сделали это? Вы всё, всё испортили! *(Рвет на плече у Максим Максимыча.)*

Максим Максимыч. Ну, тихо, тихо... Все образуется... Забудешь его. Дурной он человек, лишний...

Печорин. И кто-то камень положил в его протянутую руку... *(Рвет все струны и ломает о голову Максим Максимыча гитару.)*

Звон колоколов. Стенание Терека. Нарастающий стук топора и молота.

ТАЙНА ОНУФРИЯ

(Телепередача о кино)

Ведущий. Итак, дорогие телезрители, состоялась премьера многосерийного фильма «Не плачь, Онуфрий!». Теперь можно с радостью сказать: получилось! Да, вышел настоящий, где-то даже художественный фильм. И сегодня по вашей просьбе к нам на студию заехал хорошо известный в наших и не наших кругах актер театра, кино, радио, телевидения, эстрады и цирка Викентий Викентьевич Ангаров.

Ангаров. Здравсьте.

Ведущий. Когда мы узнали, что главная роль в кар-

тине поручена вам, Викентий Викентьевич, то сразу поняли: лента обречена. Обречена на большой успех. Скажите, а как вы вообще относитесь к многосерийным фильмам?

Ангаров. Отлично отношусь. Чем больше серий, тем больше простора для показа героев в их общественной и интимной многогранности. Ведь в жизни всегда есть место подвигу. А мой Онуфрий такой.

Ведущий. Да, это правильно. Перевоплощаясь в Онуфрия, нашего современника, вам самому пришлось приобщиться к героике будней. В фильме вы фехтуете, прыгаете затычным прыжком в море, затыкаете пальцем течь на корабле, перекусываете зубами колючую проволоку. Откройте свой маленький секрет: где вы научились всему этому?

Ангаров. Меня учила жизнь. Я читал Станиславского, искал зерно, наблюдал людей на улице. Правда, должен признаться: в картине вместо меня фехтует мастер спорта Касаткин, а затычным прыжком в море падает чучело. Проволока, которую я перекусывал, была сделана из папье-маше.

Ведущий. Но зато момент, когда Онуфрий идет по карнизу небоскреба, потребовал от вас исключительной выдержки.

Ангаров. Естественно. Съемки были максимально приближены к натуре. Небоскреб построили в павильоне, а карниз находился на высоте порядка двух метров от пола. И поэтому когда во время четвертого дубля я случайно упал вниз, то потом три дня не мог работать.

Ведущий. У вас была травма?!

Ангаров. Да. Моральная.

Ведущий. Расскажите, пожалуйста, как снимался эпизод кораблекрушения.

Ангаров. С удовольствием. На катастрофу истратили немало денег. Правда, от массовки пришлось отказаться, так как корабль был ненастоящий. Оператор комбинированных съемок тянул его за ниточку на дно бассейна, где имитировалась буря.

Ведущий. Но знаете, особенное впечатление на зрителей произвел момент, когда вы объясняетесь в любви.

Ангаров. Сцена действительно заслуживает внима-

ния. Хотя в ней снимался не я. Меня срочно вызвали тогда на пробу в другой фильм, и в кадре стоит (если помните, спиной) сам режиссер.

Ведущий. Но говорит-то он вашим голосом?

Ангаров. Наоборот! Это я, так сказать, говорю его голосом. Дело в том, что после окончания съемок я вылетел в Лиленшваген на кинофестиваль, а роль Онуфрия озвучивал постановщик фильма. Кажется, ему удалось передать мою индивидуальность.

Ведущий. А пожар...

Ангаров. Это макет.

Ведущий. А перестрелка...

Ангаров. Это два дублера...

Ведущий. А...

Ангаров. Это тоже не я.

Ведущий (*изгиво*). Ну, а гонорар-то вы сами получали?

Ангаров. Нет. Я был занят на новых съемках в Ялте, и его по доверенности получила моя жена. И все же, несмотря на это, я очень доволен своей работой в фильме «Не плачь, Онуфрий!». Ведь осуществилась моя мечта: сняться в приключенческом фильме с погонями, драками, членовредительством. Давно, знаете, хотелось копнуть по-настоящему.

Ведущий. Большое спасибо, Викентий Викентьевич. Нам было необычайно интересно познакомиться с вашей творческой кухней. Новых вам удач на нелегком актерском пути!

СТИХИ ОТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Феминизация мужчин...
Откуда сей жестокий термин?
Не исчезай, мой господин,
мы лучше домострой потерпим.
Нет, мне постигнуть не дано, —
тебе ль по чину бабья мера?
Женоподобный Сирано...
Лишенный мужества Ромео...
Какой-то зрительный обман,
подобные виденья ранят:
чадру напялил Дон Жуан,
шитьем платков Отелло занят.
Подтяжку делает Кощей
В дурмане кремов и бальзамов,
а хмурый нигилист Базаров
колдует над кастрюлькой шей.
Черт с ним, с Кощеем, он злодей.
Но после чьих лихих наветов
перину требует Рахметов,
ее — и никаких гвоздей?!

Феминизация мужчин...
Не по природе это вроде.
Но, видимо, не без причин
такая фраза в обиходе.
Смотрю с мучительной тоской
на помесь рыцаря и дамы.
Так, значит, праздник ждали зря мы:
Восьмое марта — день мужской?

И так в году лишь день один
бывают в королевах пешки...
Феминизация мужчин —
эмансипации издержки.
Не расшибить мне стену лбом.
А если попытаться вместе?
Мой господин, стань вновь рабом
былой отваги, силы, чести!

* * *

«Привет» —
так переводят нам «салам»
все: от мальчика до старца с бородою.
Аллах! Хоть я тебе за все воздам,
перед твоей немея высотой.
Но вот, когда «салам»
твердят чинам...
Что делать нам?
Привыкли к похвалам,
к елейным несмолкающим хорам
и на собраниях, и... за спецедою.
Но ведь не зря сказал Омар Хайям:
«Стань каждый — хоть однажды! — тамадою!»

ЕЩЕ РАЗ О БРАТСТВЕ

Встретились две поэтессы.
Казалось, одни интересы
и платья — по моде! — одни.
О чем же, про что же они?
Про что же?
О, боже! Не надо.
Сама бы не слышать я рада
тот «дружеский» их разговор.

Полы в ЦэдээЛе от яда
дымятся еще до сих пор.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК

Вот идет, различишь без лупы,
что еще по-щенячьи глуп,
но...
капа брани топорщит губы,
как у бабы, выкрашен чуб.
Мерит сленгом высоты жизни,
а послушайте «про любовь»!
По сравнению с ним в этом смысле
рыцарь — пес дворовый любой.
О кого-то ботинок вытер,
мимоходом пнул пацана,
чью-то мать (и свою!) обидел...
Жалкий лайбл ему цена.
Зимний воздух дрожит от мата,
здесь один девиз: порицай.
Не хватает лишь автомата —
эксгумирован полицаи.

Будет бит ли, обласкан веком —
это все покажут года.
Но мужчиной и человеком
не бывать ему никогда.

* * *

Измучен неудачами, ко мне
пришел поэт, талантливый вполне.
И — многое с тех пор умчала Лета! —
просил он не взаймы,
а лишь совета.
Сама не понимаю, почему,
я, словно мэтр, ответила ему:
«Сегодня ты — шестерка,
завтра — туз.
Так в паузе, прошу,
не празднуй труса.
И помни, муза
презирает пузо».

Он потолстел, но нес легко свой груз.
«Друзья мои, прекрасен наш Союз!» —
сказал он,
став секретарем Союза.

РЕДАКТОРУ ПЕРВЫХ САТИР П. Ф. ХМАРЕ

Сын прекрасного Феликса — Павел!
Благодарность сжимает виски.
Ах, не он ли когда-то расставил
для меня своих шуток силки?
— И попалась я, но не жалею,
у силков этих силе учусь,
лихорадкою смеха болею,
панацеей улыбки лечусь.
Вновь остроте язвительной рада,
привыкая к особой судьбе,
правофланговый...
левого ряда,
благодарна навеки тебе.

ВСТРЕЧА

Г. ГОРИНУ

Встретились в сберкассе
(я без аллегорий),
словно на Парнасе,
Инна и Григорий.
Я смотрю: с бородкой,
моложав и строен,
деловой походкой
прямо к кассе — Горин.
Вспыхнули приветы
(а рука в перчатке),
словно воды Леты,
холодны и кратки.
Грустно улыбнулась,

как луна над рощей,
молодая «Юность»
молодости общей.
Из-под этой крыши
разный путь проторен.
Из смешного Гриши
вырос мэтр Горин.
Да и я, конечно,
по-иному глянусь...
Треснула скворешня,
облупился глянец.
Пишет век указы
в предзиме холодной...
Нам бы не у кассы —
в юности голодной.

**ОЛЕГУ ДМИТРИЕВУ, КОТОРЫЙ,
ПРОВОДЯ ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ
НА БРЕВНАХ ВОЗЛЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
«ЮНОСТЬ», ОДНАЖДЫ...**

Олег Михалыч, встав с бревна,
мне сунул лиру, буркнув: «Ha!»
Он этим жестом славен,
хотя и не Державин.

P. S. Да и я не...

АВТОГРАФ

А. БИЦУЕВУ

Анатолий Бицуев,
кабардинский поэт,
на Пегасе гарцует,
буркой дружбы согрет.
Он на слово «Кебляга!»
отозваться готов.
Дефицитна бумага

не для... а для стихов.
Ни минуты простоя,
к одному мы пришли
(это дело простое):
хоть на небе — пиши.
Слаще свежего хлеба
и на вид, и на вкус
этот краешек неба
над горою Эльбрус.
Его — нежно потрогав,
А. Бицуев на нем
мне оставил автограф
вместе... с конем.

ВОТ Я!

Алексею ПЬЯНОВУ

Мой друг, самый Главный Сатирик,
сказал мне однажды про нас:
«Придурок помрет от придинок,
а нам это все в самый раз».

Мой друг, самый строгий читатель,
издатель, ругатель, но — друг,
сказал мне:
«А знаешь, писатель
приходит не «вот я!», а вдруг».

Я все приняла за основу
призвания и бытия,
сказала «спасибо» Пьянову,
добавив при этом:

«Вот я!»

СЕРЕНАДА СТАРОМУ «ЗАПОРОЖЦУ»

Мы с тобой постарели?
Не грусти... Не грусти!

Слышим ветра свирели —
это значит — в пути.
Я живу так же резко
и колко, как еж.
Ты, намытый до блеска,
тоже очень хорош.
Так не будем о прошлом —
от глушителя дым...
Подмигни мне окошком
своим ветровым.
Мы заменим колодки,
наш рекорд впереди.
Ироничные щетки,
как брови, сведи.
Снова клич: «По машинам!»
Мой хороший, гони!
И тогда не страшны нам
ни собес, ни ГАИ.

ПОДРАЖАНИЯ

* * *

Подражание — подорожание
строк иль все-таки удешевление?
Подражание — обожание
любимого стихотворения.

* * *

Протоколы, как листья опали,
опустели карманы мои...
Ну, скажи, почему у тебя я в опале,
голубое, как небо, ГАИ?

* * *

Он бежал в «Океан» во всю прыть:
«Хорошо бы салаку купить!»

РАССКАЗИКИ

КАК ВАЖНО НЕ БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ

Одного серьезного человека

увенчали лавровым венком.

Но этот человек был очень серьезен только в своем серьезном деле.

А в жизни он не был серьезен чересчур.

Не был он также и буквоедом. Поэтому он решил: «венОк» или «венИк» — какая разница! Всего одна буква...

И стал по субботам париться в бане отличным лавровым венником.

Вот так даже из самой призрачной славы можно извлечь вполне реальную пользу.

ЗАСАДА

Трое вышли из дому.

Вышли в ночь, вышли в холод, вышли в дождь. Настроены они были решительно, движения их были резки, слова отрывисты:

— Ну, теперь-то он от нас не уйдет!

— Нет, боюсь, уйдет! Проскочит, как всегда!

— Не проскочит! У нас все продумано!

— Да, я стою на этой стороне, он — на той, ты — посредине.

— Я боюсь — посредине!

— Не бойся, он не посмеет тебя уничтожить!

— Нет, я боюсь! Он готов на всё, лишь бы прорваться!

— Некуда ему прорываться! Все пути перекрыты!

— Внимание! Он приближается! По местам!

— Мама, я боюсь!

— Руки вверх!

Трое дружно вскинули руки, пытаясь остановить машину с зеленым огоньком.

Но таксист, сделав немыслимый финт, обвел одного, другого, третьего и исчез в ночи.

НЕ ПО ПРАВИЛАМ

В этот день работники группы народного контроля беседовали особенно горячо, взволнованно и наперебой.

— Кто им позволил распивать спиртное в кафе? — возмущался председатель. — Причем официантка спокойно прошла мимо!

— Да-да, у меня все записано, — поддержал инспектор. — это кафе-молочная номер семь.

— А в ресторане что, лучше? — напомнила ревизор. — Полагается сто граммов водки на человека, а им сколько принесли?

— Да-да, у меня записано, — поддержал инспектор. — в среднем пришлось по двести семьдесят на брата!

— А этот пьяный утром на вокзале! — возмущался председатель. — Интересно, где он мог напиться до двух часов?

— Да-да, у меня все записано, — поддержал инспектор. — вокзальные часы показывали только десять.

— Ну, а продажа вина напротив больницы — это уж совсем безобразие! — возмущался председатель.

— Видели, как эти трое из окна палаты — прямо в забегаловку? — напомнила ревизор.

— Да-да, у меня все записано, — поддержал инспектор. — все три фамилии больных и имя продавщицы.

— В общем, дело ясное: полное нарушение правил торговли алкогольными напитками!

Вот какое единодушное мнение сложилось у работников контроля после просмотра нового художественного фильма.

ЖИВАЯ РАДУГА

Интересные все-таки бывают люди на свете!
Вот, к примеру, один. Очень интересный. Разнообразный, разноцветный...

В лютую февральскую стужу он синеет от холода.
Жаркой июльской порой он бронзовеет от загара.
Ясным январским деньком он розовеет от морозца.
И зимой и летом он зеленеет от злости.
И летом и зимой он желтеет от зависти.
Что осенью, что весной он чернеет от ненависти.
Что весной, что осенью он белеет от страха.

Но хоть бы в какую погоду, хоть бы в какой сезон, хоть бы один-единственный раз в году он покраснел от стыда!

РАССУДИТЕ НАС, ЛУДИН!

Был у нас на филфаке такой малый — Лудин. Сачок и вообще Обломов нашего времени: он всегда спал. На лекциях, на семинарах, на коллоквиумах... Но — хитрован! Когда его ни разбуди, он как-то так четко все выдаст, будто глаз не смыкал.

Вот идет у нас семинар. Что-то там по критической мысли прошлого века. И двое из-за какой-то цитаты прямо завелись. Один кричит: «Это сказал Белинский!» Другой шумит: «Нет, это сказал Добролюбов!» — «Нет, Белинский — в письме к Гоголю!» — «Нет, Добролюбов — в «Луче света!»

В общем, идет спор, а доцент замечает, что в уголке, как обычно, сопит в две ноздри Лудин. Он к нему ласково подбирается и кричит: «Лудин!» Лудин тут же вскакивает — и сна ни в одном глазу: «Слушаю вас внимательно!»

А доцент язвительно улыбается: «Нет, это мы вас хотим внимательно послушать. Вот тут Жуков утверждает: это сказал Белинский. А Мальцев считает: это сказал Добролюбов. Рассудите нас, пожалуйста, Лудин».

И Лудин, глазом не моргнув, лба для раздумий не наморщив, выдает: «А чего тут рассуждать? Я думаю так: Жукову это сказал Белинский, а Мальцеву это сказал Добролюбов!»

ОЖИДАНИЕ

Голоса обоих звучали приглушенно.

Первый был явно и окончательно напуган. Второй пытался успокаивать, но не столько первого, сколько самого себя.

— Не бойся, он не придет.

— Нет, я чувствую, он придет обязательно! Во мне все дрожит!

— Вчера же он не приходил, позавчера тоже... Все обойдется.

— Нет, не обойдется! Мне страшно!

— Возьми себя в руки. Раз мы пошли на это, надо иметь крепкие нервы.

— А что мы сделаем, если он придет?

— Ну, как-нибудь выкрутимся...

— Нет, лучше уж сразу — под колеса!

— Его — под колеса?!

— Нет, лучше нам самим под колеса, чем выдержать это! А-а... Вот он! Конеч!

Первый безбилетник рухнул на пол. Второй в ужасе зажмурил глаза.

В электричку вошел контролер.

НАШ САМЫЙ МЛАДШИЙ ЧЛЕН СЕМЬИ

Он появился совсем недавно, но все мы сразу очень к нему привязались.

По утрам с ним нянчится бабушка-пенсионерка. Днем после школы от него не отходит дочь-пионерка. А по вечерам к нему дружно тянется все семейство.

Бывает, что любимец и закапризничает. Но мы прощаем ему эти мелочи. Хуже, когда у него серьезное недомогание — то его всего мелкой дрожью трясло, то голос совсем пропал, а однажды его, бедняжку, так перекосило! Вся семья бегала в поисках специалиста, который его наконец излечил.

Да что там говорить, мы с него буквально пылинки сдуваем! А когда летом уехали отдыхать и пришлось оставить его с бабушкой, так какой же без него был отдых?

Мы даже вернулись на неделю раньше к нему, к нашему родненькому.

Конечно, наш любимчик требует внимания, отнимает немало времени. Я все реже сажусь за диссертацию, жена все чаще кормит нас сосисками, бабушка-пенсионерка все реже дышит свежим воздухом, дочь-пионерка все чаще приносит двойки. Но что поделаешь, мы все равно стараемся побыть с ним как можно больше, как можно дольше...

До того самого часа, до той самой минуты, пока всем нам не пожелает «спокойной ночи» наш самый младший член семьи — БОЛЬШОЙ ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР.

КРОВАВЫЕ ПИРАТЫ

Ночь была черной, как копирка!

Кровавые пираты атаковали путников внезапно. Они набросились слева и справа, с фронта и с флангов, с тыла и даже сверху. Жуткий пиратский посвист леденил души несчастных путников, вселял в их сердца ужас.

Слышались стоны:

— О-о-о!

Доносились вопли:

— Ай-яй-эй!

Струилась кровь:

— Бр-р-р!

Путники отбивались чем могли — палками, ветками, руками... Бледная луна лила свой бледный свет на бледнолицых путников. Луна лила свет, но ей хотелось лить слезы.

Силы путников были на исходе. Кто-то из малодушных разорвал на груди рубаху:

— Сдаюсь!

Но кто-то из мужественных, наоборот, застегнулся на все пуговицы и отдал последний приказ:

— Огонь!

Этот приказ оказался спасительным. Путники разве-ли огонь большого костра, и кровавые пираты — таежные комары наконец оставили их в покое.

Тригорий Крошин

ЗДРАСЬТЕ—ПРИВЕТ...

—Здравствуйте, вот бритва сломалась..

- Здравствуйте. Бритвы не чиним.
- До свидания. А не подскажете, где их чинят?
- До свидания. У нас чинят.
- Здравствуйте-пожалуйста! Вы же сказали, что не чините.
- Это сейчас не чиним. Щеток не завезли.
- А когда же завезут?
- Заходите через месяцок.
- До свидания... А если я достану вам щеток?
- До свидания. Напрасный труд. Все равно дросселей нет.
- Не завезли?
- Завезли. Только что кончились. Через недельку зайдите. Привет.
- Привет... Но... через недельку ведь щеток еще не будет?
- О-о! Зато будут дроссели. А щетки вы же нам доставите! Привет.
- Недельку ждать?.. Привет. А... если я вам и щеток достану и дросселей, а?
- До свидания. Не мучайтесь. Все равно мастеров нету.
- Не завезли?.. То есть, извините, я хотел сказать... а где же они?
- Мастера-то? На бюлетене.
- А когда выйдут?
- Через полгода, не раньше. У них инфаркт.

— Инфаркт?!

— Да. Миокарда.

— Да-а... Значит, пока они выйдут, щетки и дроссели могут уже опять кончиться, да?

— Ну откуда я-то знаю?! Что вы от меня хотите?

— Починить электробритву, больше ничего.

— Я же сказал — не чиним. Все ясно? Привет.

— Привет... А что, если... я все сейчас вам достану — и щетки и дроссели, и мастеров?..

— Слушайте, у меня с вами тоже инфаркт будет! Я же, кажется, ясно сказал: че-рез пол-го-да!!!

— Но почему?!

— Раньше никак не выйдет. Бланков квитанций нет.

— Да поймите же вы, мне бритва нужна, а не квитанция! До свидания.

— Здра-а-асьте! Не квитанция, говоришь? Чего ж молчал-то? Станный ты какой-то, ей-богу... Эй, Петро, обслужи-ка клиента! А ты, парень, посиди минут десять, все будет в ажуре. Станный, и чего молчал?..

КОСТИ ДЛЯ ШЕФА

— Здравствуйте, — сказал я, входя в приемную соседнего НИИ. — Я инженер из проектной конторы. Командирован к вам с целью обмена опытом и общения с вашими научными сотрудниками. Это можно?

— Почему ж нельзя? — говорит секретарша. — Научных сотрудников у нас три: Иванов, Сидоров и Скворцова. С кем именно хотите?

— Ну... можно с Ивановым, если можно.

— С Ивановым? — Она взяла со стола толстую тетрадь в коричневом переплете, стала ее листать. — Можно, конечно, и с Ивановым, только его сейчас нет. Он уехал в НИИбэНИИмэ.

— Ну, значит, с Сидоровым. Или со Скворцовой.

— Это пожалуйста! Сразу бы сказали. — Она опять уткнулась в тетрадь. — Во-от... Сидорова нет, он в главке, а Скворцова как раз отсутствует — она в тресте. Полный порядок, как видите. Все отражено в «Журнале учета ухода по служебным делам». Так кто вам еще нужен?

— А кто у вас еще есть?

— Только шеф. Он всегда на месте. Но... он сейчас очень занят, за всех один отдувается. Вряд ли вас примет... Да, слушайте, и зачем вам они все, а? Сами, что ли, не разберетесь в наших бумагах? Пойдемте, усажу вас, дам наши отчеты, перенимайте опыт, вникайте... Идея?

Идея-то идея, но... Я набрал номер своего начальника, объяснил ему ситуацию, получил разрешение несколько дней побыть в этом НИИ с целью вникания и общения.

...В конце дня мне все-таки удалось пробиться к шефу. Когда я вошел, он рассеянно посмотрел в мою сторону:

— Извините, одному приходится за всех отдуваться... Так что там у вас?.. Ах да, мне говорили. Пожалуйста, вникайте, общайтесь, только... Одно неперемное условие: если вам понадобится выйти из здания, обязательно запишитесь в «Журнал уходов», не забудьте. Порядок есть порядок. Ясно? Ну, успехов вам...

В последующие дни я изо всех сил вникал, хотя, правда, и не общался: научные сотрудники появлялись минуты на две, на три и тут же улетучивались куда-то, предварительно не забыв, однако, записаться.

ПАНИКА

Как у нас еще панике легко поддаются, удивительно!

Смотрю, несет один товарищ арбуз, хотя их, как известно, нигде нету. Значит, думаю, где-то дают арбузы.

— Где, — спрашиваю, — арбузы-то дают?

— Их не дают, — отвечает нехотя. — Я лично купил за углом.

Подумайте, какой весь из себя гордый. Их нигде нету, а ему достался, вот и отвечает уже сквозь зубы. Что ж, я себе арбуз не достану, что ли?! Позвоню Юлии Власовне, она через Автандила что угодно мне из-под земли достанет. Иду за угол — нет, конечно, ничего подобного. Надул меня этот тип. Всегда я прихожу к шапочному разбору. Ни одного человека вокруг, не у кого даже про арбуз спросить. Смотрю — магазин «Овощи-фрукты». Захожу — пусто. Продавщица стоит скучная, огурец доедает. Гнилой, наверное. Из брака.

— Скажите, — спрашиваю, — а что, арбузы уже кончились?

— У нас кончились, — говорит, а сама уже грушу хряпает. Из отходов, видимо. Дюшес.

«Вот ведь народец, — думаю. — Шел с арбузом, не мог сказать, что они кончились, чтоб солидный человек, вроде меня, зря не мотался взад-вперед. Чтоб тебе арбуз попался белый! Что же делать?»

Смотрю, еще один с арбузом тащится. Наглое такое лицо, а сам еле-еле душа в теле, прямо хоть подпорки ставь. Ему этот арбуз и даром не нужен, а все-таки купил, раз такая паника. «Чтоб тебя перекосило», — думаю, а вслух спрашиваю:

— Где же это такой арбузик отхватили?

— Да вон за углом, в палатке.

— С утра записывались? — уточняю.

— Да нет там никого. Подходи и выбирай.

Тот еще фрукт... Тоже, видать, хочет меня по жару прогнать. Нет чтобы поделиться с человеком...

Побежал я на всякий случай скорей за угол, чтоб другие не опередили. А то многие, смотрю, в ту именно сторону бегут с авоськами. Прибегаю — действительно палатка. У палатки, правильно, никого. Продавщица стоит, скучает. Ломоть арбуза доедает, видать, бракованный, хотя и красный, а косточки черные... Рядом гора арбузов под проволочным каркасом.

— Есть, — интересуюсь, — арбузы-то?

— Разве не видите? — говорит. — Выбирайте.

— А-а-а... — говорю, — понятно.

А сам в это время размышляю: вот ведь паникеры. Арбузов-то, оказывается, завались. И чего с ума сходить?

И пошел домой.

Борис Крутиер

КРУТЫЕ МЫСЛИ

Когда лев назначает себя царем зверей — это диктатура, когда им выбирают осла — это демократия.

Сколько пустых мест в эшелонах власти — и ни одного свободного!

Чем больше желающих спасти утопающего, тем меньше у него шансов.

Если государство — это мы, то чего же нам еще ждать от него!

Назвался груздем? Не будь поганкой!

Какой осел не считает себя золотым?

МОЗГОВАЯ КОСТОЧКА

Из цикла «Родня»

Ч а кухне в новой,

только что отстроенной квартире обедали два товарища: дядя и племянник. Обед их состоял из наваристых бараньих щей и напитков. Друзья и родственники съели уже по шесть тарелок щей и отправили под стол порожнюю бутылку из-под напитка.

Дядя, притомившись от еды, отдыхал, погруженный в глубокое раздумье, племянник трудился над осколком бедренной кости барана. Он отшлифовал кость так, что хоть сейчас на рукоятку трости, однако внутрь еще не проник.

— Мозговая... — сказал племянник, заглядывая одним глазом в кость, как в подозрную трубу. — Сейчас мы ее, момент...

— Самый сок теперь остался, — согласился дядя, не прерывая раздумий.

— Сейчас мы оттеда мозгу-то вытянем. — Племяш сунул кость в рот на манер курительной трубки и втянул со свистом воздух через кость.

— Тяни, тяни, — поощрил дядя, не прерывая раздумий, — в мозгу-то фосфор содержится... Пища для ума, витамин.

— Сейчас мы ее вытряхнем, момент! — Племяш, примериваясь, потюкал костью о край тарелки. — Сейчас мы ее оттеда выбьем! — И он грохнул острым краем кости изо всей силы по дну тарелки.

Тарелка разлетелась вдребезги. Один осколок поцарапал дяде макушку.

— Во дает, — сказал дядя, почесав макушку спичкой и не прерывая раздумий. — Однако тарелки делают, а?

— Это мы ее сейчас расковыряем, момент! — сказал азартно племянник и полез в кость ножом из нержавеющей стали.

Нож со звоном сломался, и осколок ножа оцарапал дяде плечо.

— Во дает, — сказал дядя, почесав татуированное веснушчатое плечо. — Однако ножи делают, а? — добавил он, не прерывая раздумий.

— Сейчас мы ее разможем, момент! — Племянш положил кость на пол и шарахнул по ней тяжелым молотком.

Скользкая кость выстрелила из-под молотка дяде в ногу, а молоток переломился. Одна половинка осталась в руках у племянника, другая провалилась в дырку в полу.

— Во дает, — сказал дядя, поморщившись и почесав ногу спичкой. — Однако молотки делают, а? А полы?! — И дядя снова погрузился в свои раздумья.

— Ну сейчас-то мы ее выпотрошим, момент! — Племянш острым краем кости грохнул изо всех сил по стене.

Стена рухнула — и племянник с дядей оказались на улице, прямо на мостовой.

— Во завелся, — сказал дядя, не прерывая раздумий. — Однако стены кладут, а?

— Ну, а уж сейчас-то мы ее в момент расплющим! — сказал потный племянник и положил кость на трамвайный рельс.

Проходивший трамвай сошел с рельсов, придавив слегка дядю.

— Ты прямо шальной какой-то, — сказал дядя, поставив трамвай на место. — Однако пути трамвайные кладут, а?! — сказал дядя и погрузился в свои раздумья, почесывая бок в голубой майке.

— Сейчас мы ее в момент раздолбаем! — крикнул племянник и ахнул острым краем кости дяде по лбу.

Мозг из кости выскочил, дядя его поймал, выйдя из раздумий, и передал племяннику.

— Видал? — сказал дядя, почесав лоб спичкой. — На совесть сделано, а? — Дядя похлопал себя по веснушчатому темени и погрузился в свои раздумья.

АКТ

Алла Собакина поспорила с мужем, Константином Ивановичем Собакиным.

Слово за слово, Алла разгорячилась, муж тоже: Алла замахнулась на всякий случай лаковым полусапожком, муж на всякий случай увернулся, Алла растянулась на паркетном полу.

После того как участковый врач осмотрел Аллу, он установил у нее легкий вывих верхней челюсти.

— Вы, вероятно, слишком усердно зевнули или чересчур громко выразились, — сказал врач, выписывая Алле больничный лист на три дня. Алла была у него постоянной пациенткой и любимицей. — С понедельника можете выходить на работу... Ну-ка! — Врач нежно взял Аллу за подбородок и поставил ей челюсть на место.

Вечером Алла сказала задумчиво мужу:

— Скажи, Костик, это бытовая травма, как ты думаешь?

— Разумеется, — сказал Костик, не подумав. После примирения он боялся не соглашаться с женой.

— В таком случае больничный мне не оплатят, — ни к кому не обращаясь, сказала Алла.

— Таков закон.

Алла была зампредместкома на предприятии и сама знала трудовое законодательство.

В понедельник, выйдя на работу, Алла отыскала свою приятельницу лаборантку Семенчук. Вместе они составили следующий документ:

«Я, Алла Сидоровна Собакина, в среду, находясь на работе и обсуждая технологическую задачу с лаборанткой Семенчук, увлеклась и в разговоре вывихнула себе челюсть. Учитывая, что травма получена мной в рабочее время и при исполнении служебных обязанностей, прошу оплатить мне больничный лист за №...» Подпись. «Подтверждаю, лаборантка Семенчук». Подпись.

— Нужен второй человек, так по закону, — сказала Алла.

Вместе они пошли к предместкома Тараторкину, который оказался таким образом вторым свидетелем разговора технологического характера, приведшего к вывиху

верхней челюсти инженера Собакиной Аллы. Тараторкин так и написал: «При сем присутствовал предместкома Тараторкин Б. В.». Тараторкин побаивался Аллы и никогда не шел с ней на обострение.

— Заверь на всякий случай у рукгруппы, — сказал он. — Знаешь нашего бухгалтера, будет носом вертеть.

Рукгруппы Вырин посмотрел-посмотрел в документ, посмотрел на Аллу и заулыбался:

— Знаем мы, какие такие технологические проблемы!.. Целовались, наверное, с кем-нибудь?! Признавайтесь, товарищ Собакина, а то мужу доложу!

Алла зарделась, трогая ямочку на подбородке, а под документом появилась подпись: «Подтверждаю. Вырин».

— На всякий случай завизируйте у завсектором, — сказал Вырин. — У нас бухгалтер сами знаете какой.

Завсектором Нэсурадзе два раза прочел бумагу.

— Не понимаю. Как в разговоре можно вывихнуть челюсть? Сам люблю высказаться, слышал, как другие говорят, но челюсть? Не понимаю!

— Я и сама не понимаю, — сконфузилась для виду Алла.

— Женщины, женщины, — сказал Нэсурадзе, подписывая бумагу. — Заверьте у второго зама, — добавил он. — С нашим бухгалтером...

Второй зам Каракусов пробежал бумагу и, ни слова не говоря, размахнул наискось: «Вывих считать подлежащим оплате. Каракусов». На Аллу он не взглянул.

— Пусть первый подпишет, — буркнул он. — С нашим бухгалтером, сами знаете.

Первый зам бумагу читать не стал, положившись на столбик виз нижестоящих. Он начертал: «Считаю целесообразным. Сапегов».

— На всякий случай сходите к директору. Чтоб уж без всяких. Этот новый бухгалтер...

К директору отнесла бумагу и от него вынесла секретарша Ия. На документе просыхало: «Признать очевидным. Впредь решать на уровне завсектором. Подпись».

Бухгалтер долго вертел бумагу перед носом, смотрел на свет, смотрел на Аллу, вздыхал. Потом, зажмурившись, вывел: «К оплате». И подпись: К. Собакин. Бухгалтером в НИИ был муж Аллы Костя.

Вечером за чаем супруги беседовали.

— Не понимаю, как они могли завизировать такой документ?

— А ты сам?

— А что я? Я — исполнитель. Визы в порядке. Тут неувязка где-то в звеньях. — Костя шумно подул на чай.

— На эти деньги мы купим тебе пару скалярий в твой новый аквариум, — ласково пообещала Алла.

— Не возражаю, — улыбнулся бухгалтер.

Еще через два дня в дверь позвонили. На пороге стоял участковый врач Собакиных.

— Извините, — сказал он. — Я неправильно давеча написал вам в больничном. Зуб болел — спутал. Не верхней челюсти вывих, а нижней! Ну где это вы видели вывих верхней челюсти! Разве верхнюю челюсть можно вывихнуть? Скорее голову вывихнешь!

— Не берите вы в голову! — отмахнулась Алла. — Забудьте! Лучше посмотрите, каких скалярий я подарила своему мужу

Наум Лабковский

САТИРИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

КАЗУС-КРИТИКУС

Никем не хваленную книжку
В газете критик похвалил.
Не так чтоб очень и не слишком,
Как говорится, в меру сил.

Коллеги вмиг раскрыли нити
Невидимые миру тут.
Один сказал: «Все ясно! Критик
И автор книжки вместе пьют...»

Другой двусмысленно заметил,
Что факт иной здесь налицо:
«Редактор в книжке и в газете
Фактически одно лицо».

А третий, опытный хитрюга,
Развеял все легенды в прах,
Сказав, что автор книжки
друга

Имеет
 кое-где
 в верхах...

Все варианты перечислив,
Они расстались не спеша,
Не допустив одной лишь мысли,
Что книжка просто хороша.

ФАКТОГРАФИЯ

Солидный докладчик солидности ради
Привел пару фактов в отчетном докладе.
И, кашлянув веско, заметил, что, мол,
Он не для печати те факты привел.

Как были бы факты весомые кстати!
Зачем же нельзя привести их в печати?
Докладчик забывчивый нам не сказал,
Что сам из печати те факты он взял...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Полвека здравствует поэт.
Коллеги чествуют поэта.
— За что? Ведь он за столько лет
Не выпустил книжонки в свет!..
— Его и чествуют за это.

ЭСКАЛАТОР И ЖИЗНЬ

Эскалатор вверх и вниз
Всех возит одинаково...
Жизнь разборчивее. Жизнь
Выгонит вверх не всякого.

КТО ВИНОВАТ?

Атлет купил себе пиджак.
Ему он оказался тесным.
Атлет повел плечом, да так,
Что недоносок швейный треснул.

Пришел атлет в универмаг,
Принес бракованный пиджак.

Здесь все расследовали точно:
Пиджак, мол, треснул потому,

Что пуговицы слишком прочно
Пришила фабрика к нему...

Так швы порою слабоваты,
А пуговицы виноваты.

ДУЭЛЬ

Онегина в театре энском
Не пел он, а гудел, как шмель.
И понял я, за что был Ленским
Онегин вызван на дуэль!

И понял я, что лучшим другом
Ему бы зритель стать сумел,
Когда бы жизнь домашним кругом
Он ограничить захотел.

АТТРАКЦИОН

Циркач курчавую главу
Привычно сунул в пасть ко льву...

Зажавши ноздри, царь зверей
Взрычал: «Вот подлая скотина!
Ведь эдак как-нибудь, ей-ей,
Я задохнусь от бриолина!»

Галерка в страхе онемела:
Жизнь льва на волоске висела!

НЕПРОПАВШИЙ ТРУД

Сочинял он повести
Без зазренья совести.

Ведь должно же повезти
В жизни хоть однажды!
И на это извести
Стоит склад бумажный...

Исписал свои тома
Беллетрист не сдуру:
Взял он полного Дюма
За макулатуру.

ЮВЕЛИРНЫЕ СТИХИ

«Как рубин пылал закат...
Серебром светились горы...
Как алмазы падал град
В изумрудные озера...
В бирюзовых облаках
Плыло облако опалом...»

Сами видите, в стихах
Было ценностей немало.

Но хотя стихи и клад,
Место им нашлось в корзине.
А поэт? Зачислен в штат
В ювелирном магазине.

НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Машина стала сочинять стихи
По всем законам нынешней поэтики,
И оказались вовсе не плохи
Стихи, рожденные системой кибернетики.

С поэтов сняв стихосложенья груз,
Добившись в рифмах ярких показателей,
Была машина принята в Союз
Писателей.

ГИБЕЛЬ ПОЭТА

Он утопил нас в одах сонных,
И сам утоп в одной из оных.
Мораль ясна: не зная броду,
Не следует соваться в оду...

ОДНО СПАСЕНИЕ

Мам, где я работал,

я уже больше не работаю. По какой причине — сами поймете. Так что я могу изложить вам всю эту историю.

Я не буду начинать сначала, я лучше расскажу с конца.

В понедельник утром я поднялся в приемную начальника главного управления и сказал секретарше:

— Здравствуйте. Мне бы хотелось побеседовать с Иваном Александровичем по личному вопросу.

— Простите, а как доложить?

Я немножко подумал и сказал:

— Доложите, что его хочет видеть человек, который только благодаря ему вообще способен сегодня и видеть, и слышать, и дышать.

Секретарша, конечно, удивилась:

— Может быть, вы назовете свою фамилию?

— Это не обязательно, — сказал я. — Как только я перешагну порог кабинета, он тут же все поймет.

Секретарша вошла к начальнику и закрыла за собой дверь. Ее долго не было. Наконец она вернулась. С большим интересом посмотрев на меня, она сказала:

— Пожалуйста.

Мы поздоровались, и начальник указал на кресло:

— Прошу.

Я сел в кресло и сразу же заметил, что начальник тоже смотрит на меня с большим интересом. В тех условиях он не мог, безусловно, меня рассмотреть. Тогда он был занят другим: он спасал мне жизнь.

Я сидел в кресле и специально некоторое время молчал, чтобы начальник почувствовал, что волнение мешает мне начать разговор. Но потом, когда пауза немножко затянулась, я развел руками и сказал:

— Человек так устроен, что он никогда не может угадать, где его подстерегает опасность.

— Это правильно, — сказал начальник.

— Все, что я в эту субботу испытал, вам хорошо известно. Я уже говорил, вы это слышали...

— Знаю, вы это говорили, но я этого не слышал, — сказал начальник. — Расскажите, что с вами случилось!

«Скромность и жажда славы иногда живут рядом. С одной стороны, вы как бы не хотите преувеличивать значения своего благородного поступка, с другой стороны, вам приятно еще раз окунуться в детали происшествия, где так красиво проявилось ваше мужество и готовность прийти на помощь ближнему. Я все это прекрасно понимаю и могу вам напомнить, что случилось в субботу».

Фразу, которую вы сейчас прочли, я не произнес. Я только так подумал. А сказал я совсем другие слова:

— Вы хотите знать, что со мной случилось?.. Я расскажу. В субботу мы с одним товарищем отправились за город. Погуляли, подышали свежим воздухом и пришли на пруд. И здесь лично у меня появилось желание покататься на лодке. Выхал я на середину пруда, потом повернул к берегу. Плавать я не умею, так что решил зря не рисковать. А если, думаю, лодка перевернется, что со мной будет? Погибну. Крутом ни души... И тут я вижу: сидит на берегу человек с удочкой. Помню, я посмотрел на него — на этого отныне дорогого и близкого мне человека — и подумал: если что случится, он сразу же бросит свою удочку и окажет мне скорую помощь...

— И что же было дальше?

«Иван Александрович, я вижу вас насквозь. По тому, как вы меня слушаете, я понимаю, что вам охота лишний раз услышать о том, какой вы благородный и хороший!»

Эту фразу я тоже произнес мысленно, а вслух я сказал:

— Кошмар! Вы знаете, бывают моменты опасности, когда перед вами в несколько секунд проходит вся жизнь: детство, юношество, учеба в школе и в техникуме, упорная работа на разных участках и в основном последний

период работы в системе нашего главного управления!.. Так вот, именно это все как раз и промелькнуло в моем сознании, пока я шел на дно и уже прощался с жизнью.

— Тяжелый случай.

— Да. Но, к счастью, все обошлось. Мне повезло, что поблизости оказался настоящий советский человек, который пришел мне на помощь.

— В общем, отделались легким испугом, — сказал начальник, и глаза его весело сверкнули. — Обошлись без потерь?

— Да так, кое-какая мелочь утонула: часы, зажигалка. Стоит ли говорить?

— Конечно, это мелочь. Но вы не огорчайтесь. Я надеюсь, что и часы ваши найдутся и зажигалка...

— Вы так думаете?

— Уверен, — сказал начальник и посмотрел на меня долгим взглядом. — Для этого даже не придется беспокоить водолазов.

— Вы полагаете, для этой цели стоит понырять? — спросил я.

— Стоит, — сказал начальник. — Нырните в карман тому товарищу, которому вы сказали на берегу: «Держи мои часы и газовую зажигалку. Когда он меня из воды вытащит, отдашь».

Я вынул сигарету «Ява» и закурил.

Я тогда не только про часы и зажигалку. Я еще кое-что сказал на берегу. Я сказал: «Если меня спасет лично сам начальник главного управления, об этом узнают все, включая министра, а уж после этого я буду в полном порядке, как говорится, на виду у всей общественности».

Эту фразу я, конечно, в кабинете не произнес. Я только курил и мысленно повторял те мои слова и при этом думал и гадал, откуда ему все известно.

А начальник тоже закурил и посмотрел на меня.

Тогда я сказал:

— Кто же вас так проинформировал?

— Никто. Я это слышал сам.

Я говорю:

— Вы меня извините, но сами вы это никак слышать не могли.

— Почему?

— Потому что лично вы с удочкой сидели в отдалении.

— Это вам показалось. Не сидел я с удочкой в отдалении. Я лежал поблизости за кустиком и собирался уж было задремать, вдруг слышу, обо мне разговор идет...

Рассказывает мне это начальник, и я вспоминаю: действительно, лежал там на травке какой-то гражданин в тренировочном костюме, вроде бы спал, лицо локтем закрыл от солнца. Я еще подумал: а вдруг он из нашего главка, услышит, а потом всем раззвонит...

Я говорю начальнику:

— Прошу понять меня правильно. Я и теперь трезвый, и в субботу капли в рот не взял. Как я сейчас вас ясно вижу, так я и в субботу видел с удочкой.

— Не было этого.

— То есть как не было, когда я вас видел своими глазами?

— Своими глазами вы видели моего родного брата Игоря. Он обожает рыбалку. А работает он директором цирка. Мы здорово похожи друг на друга. Нас даже мать родная часто путает... Так что вытащил вас не я, а Игорь, и свои слова благодарности адресуйте ему.

Дело прошлое: здесь я полностью растерялся.

Я встал и сказал:

— Теперь мне все ясно. Пойду в цирк.

Начальник тоже встал:

— Не буду вас задерживать.

Эту последнюю свою фразу он произнес не мысленно. Он сказал ее вслух.

Худ. В. Мочалов.
А. Пьянов

Худ. Г. Чегодаев

Худ. С. Спасский

Худ. Н. Беловцев

Худ. А. Алешичев

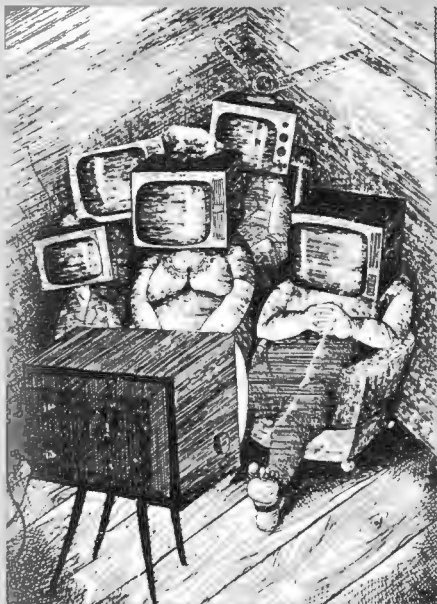

Худ. Н. Козич

Худ. А. Скотаренко

Худ. Г. Магомаев

Худ. О. Теслер

Худ. Е. Щеглов

Худ. В. Песков

Худ. В. Луговкин

Худ. Е. Васильев

Худ. В. Чижиков.
Да убоятся
жена мужа
своего

Золотые перья «Крокодила» (слева направо):
В. Витальев, Г. Горин, А. Арканов, П. Хмара

Худ. Г. Огородников

МОЦИОН С ПОВЯЗКОЙ

(Подслушанный разговор)

Алло, ах, это вы, Нинон?

Боже, мы с вами не болтали целую вечность. К сожалению, я сейчас очень тороплюсь... Нет, не к внуку. Куда? Ни за что не угадаете. Ладно, скажу. У меня randevu... Ха-ха... не с одним, а со многими. Да, да. Вот уж месяц, как я стала дружинницей... Что такое дружина? Ну, помните, как ныне собирается вещей Олег со своей дружиной? Так вот, почти та же дружина, только без вещего Олега. Что? Жалею? Милая Нинон, я счастлива.

У нас подобралась очаровательная дружинка... Вы должны помнить Илиодора Аполлинарьевича, бывшего капельдинера оперного. Ну, конечно, он обслуживал наши ложи во время последних гастролей божественного Карузо... Да, он бодр, весел, галантен и свободно обходится без очков, когда читает вывески... Потом еще в нашем салоне, пардон, дружине, Мария Павловна, ну, та совсем девчонка, только в позапрошлом году вышла на пенсию.

У нас интересные культмероприятия. Вот буквально на днях Спиридон Фомич выступал с воспоминаниями на тему «Когда я на почте служил ямщиком». Было безумно интересно. Ведь многие из нас это время уже смутно помнят.

И главное. Дружина — это такой изумительный моцион. Вы знаете, Нинон, с тех пор как я стала патрулировать, у меня такой сон, аппетит. Вы не поверите, надев красную повязку, я совсем перестала принимать снотвор-

ное, у меня появился даже румянец на лице. Как до войны. Конечно, еще той, четырнадцатого года.

По количеству выходов на мотокон, или, как это официально именуется, патрулирование, наша дружина занимает первое место в микрорайоне. Дружина наша отчетная. Нет, не почетная, а отчетная, в отчеты входим.

Что, Нинон, вам тоже захотелось в дружину? Милости просим. Хулиганы? Какие хулиганы? Они нас просто обходят. Боятся. Нас ведь только пальцем тронь: нам — тяжелое увечье, а им — тюрьма. Да и не поругаешься с нами. Мы этих выражений в стиле «а-ля матушка» не понимаем.

Тут на днях встретили одну компанию. Все трое как на подбор. Но их до нас никто не подбирал, и они продолжали лежать. Тогда наша Наталья Павловна — доцент французского языка, семь лет прожила в Париже, прононс безукоризненный, — так она так разволновалась, что обратилась к этой живописной группе по-французски. И что вы думаете, Нинон? Все трое встали, отряхнулись, сказали: «Пардон, мадам и месье», — и удалились, почти не качаясь. Приняли нас за иностранцев. У нас после этого, знаете, возникла идея разговаривать с пьяными исключительно на иностранных языках. По-видимому, они понимают их лучше родного...

Говорят, где-то есть дружины, почему-то сплошь укомплектованные молодыми, здоровыми людьми, которые ходят даже там, где кончаются асфальт и уличное освещение. Но я с ними как-то не встречалась... Может, зрение не то.

Извините, Нинон, я с вами заболталась. А мне на дежурный променад. Записывайтесь в дружинники, Нинон! Это так бодрит!

ЗОЛУШКА-ЗООЛУШКА

(Почти по Ш. Перро)

Жили в одной большой, но зато недружной научной семье две сестрички Лисичкины, их начальник довольно серый Волков, его пушистая секретарша Беллочка, его заместитель всегда косою Зайцев да завхоз — настоящий

змея Гаврилыч. И работала там одна на всех и за всех младшенький научный сотрудник Зоолушка с зарплатой на заплаты. Она разные открытия делала, а сестрички Лисичкины их у нее тянули и тянули... Звание себе вытянули, премии, оклады персональные, квартиры отдельные... Но тут откуда ни возьмись пришел молодой принц... ну принц не принц, где его нынче возьмешь, а обыкновенный принципиальный начальник. Королевич ему фамилия. Он сразу же раскусил и съел серого Волкова, спустил шкуру с косоного Зайцева, стер в стиральный порошок змея Гаврилыча, сестричек Лисичкиных прогнал по собственному своему желанию, а Беллочка сама, распушив хвост, перескочила к сонному лесоуправу Медведеву, с которым незаметно для него и отпраздновала медовую свадьбу.

А Королевич взял себе в законные помощники бедную, но духовно богатую Зоолушку. И родила она ему через девять месяцев одну прекрасную идею, потом другую, еще лучше первой, и третью, уж вовсе замечательную...

Так стали они жить-поживать и прекрасные свои идеи в практику продвигать...

Впрочем, это уже из другой сказки.

«СМЕШНОЙ ЧЕЛОВЕК» И МЫ, ПИЖОНЫ

Я начал свою сатирическую карьеру

в ранней молодости, когда, живя на юге страны в хорошем областном городе, стал регулярно публиковать в местной газете свои фельетоны, написанные, как правило, в сюжетной форме.

Но вот воспоминательная «волна» подняла со дна пережитого еще один жизненный эпизод...

Итак, речь пойдет о «смешном человеке». Что это за человек?

Звали его Виктор Николаевич (фамилию я опускаю), он был профессором — преподавателем анатомии в областном медицинском институте.

Представьте себе довольно высокого худощавого мужчину лет сорока пяти, с неизменной доброжелательной улыбкой на лице, с седеющими кудрями, ровно обрамляющими идеально круглую и идеально лысую голову. Летом эту голову прикрывала от зноя полотняная шляпа, зимой — от ветра — меховая шапка. Весной и осенью Виктор Николаевич носил плащ-крылатку — старинное мужское одеяние крыловско-пушкинских времен.

Он был большим добряком, студенты над ним посмеивались, но любили: Виктор Николаевич никогда никого не резал на экзаменах, а выводил неучу спасительную троечку, говоря при этом всякий раз одно и то же анекдотическое:

— Я верю, что вы это знаете, но почему-то от меня скрываете... Стесняетесь? В следующий раз, пожалуйста, не стесняйтесь!..

Его жена Елена Давидовна была моложе своего мужа лет на шесть-семь. Брюнетка с темно-зелеными глазами, маленькая, вся какая-то уютная и очень хорошенькая, она принадлежала к типу женщин-кошечек. Она тоже имела высшее медицинское образование, но врачом не стала, а занималась, как могла и как умела, домашним хозяйством.

В небольшом (сравнительно) городе, где все красивые женщины и их романы были взяты у нас, у местных «пижонов», на строгий учет, Елена Давидовна занимала особое место. Романов за ней не числилось, а ее отношения с мужем — это все знали! — были более чем прохладные. Мне остается только признаться, что я пытался стать героем ее романа, но потерпел неудачу.

И вдруг Виктор Николаевич, наш милый анатом... сам завел роман с женой одного адвоката — пустой и легкомысленной женщиной Евой Сергеевной М.! За ней — по нашему пижонскому счету — числились не романы, а мелкие, пошлые интрижки, до которых любвеобильная Ева была большой охотницей. В ее-то сети и угодил Виктор Николаевич.

Тогда (да и сейчас тоже) летом на город часто обрушивались внезапные, катастрофические ливни. Однажды такой ливень на несколько часов парализовал всю городскую жизнь: трамваи и автобусы не шли, по мостовой и тротуарам шумно мчались буйные, пенистые реки, небо грохотало, молнии то и дело перечеркивали его своими совершенно сумасшедшими зигзагами. И надо же было так случиться, что как раз на это время у нашего профессора было назначено свидание с его Евой!

Любой другой благоразумный ученый наверняка отложил бы свидание, но не таков был наш милый анатом! Он снял обувь, храбро закатал штаны выше колен и, держа в одной руке свои туфли и носки, а в другой — букет алых гвоздик, отправился на любовное свидание, которое, по его разумению, не подлежало отмене ни при каких обстоятельствах. Конечно, он был очень смешон в своей крылатке, с мокрыми седыми кудрями, свисавшими из-под шляпы на мокрые плечи, с туфлями и носками в одной руке и букетом алых гвоздик в другой. Ему приходилось при этом взбираться — в таком виде! — на крыши

низких провинциальных домиков, перепрыгивать с одной крыши на другую, и снова спускаться на тротуар, и снова нырять в весело ревущие ручьи, стремясь все вперед и вперед — к Еве!

Я случайно наблюдал за его походом, стоя в надежном укрытии от ливня и грозы, ожидая, когда вся эта какофония кончится.

На следующий день над Виктором Николаевичем с моей легкой пижонской руки смеялся весь город. Я не скупился на краски, рисуя его портрет: закатанные штаны, крылатка, туфли и носки в одной руке, а гвоздики в другой...

А сейчас... сейчас меня гнетет чувство позднего раскаяния за этот мой поступок! Если для легкомысленной Евы ее связь с анатомом была именно пошлой интрижкой, то для него она была именно романом с высокими чувствами, с цветами, с преградами, которые нужно преодолеть во что бы то ни стало!

А словечко «пижоны» пустил в обращение — позвольте мне это напомнить иному читателю — Пушкин в «Евгении Онегине». Пижоны — это юные, беспечные и бездумные искатели любовных приключений.

ЗАКОН И ОБЫЧАЙ

Ст ут недавно одного шофера

поймали в люцерне. Этот шофер имел задачу — сократить путь к своей цели и выскочить на большак раньше срока. Ему начальник велел — прораб. Потому что самосвал неисправный и может прицепиться автоинспектор. И тем самым задержать перевыполнение плана. Так что он поехал через аграрный сектор, чтобы не портить индустриальную картину отдельными недочетами своих тормозов.

Аграрный сектор, как известно, отсталый сектор. Вроде вчерашнего дня на фоне исторического процесса. Скажем, если ты загубил завод — так тебе несдобровать. Обязательно либо выговор дадут, либо на другую работу переведут, а может, даже премии лишат. Тут строго. Зато колхоз губи сколько хочешь. Топчи ему земли, отрезай наделы, бури его вдоль и поперек, переворачивай вверх ногами гуммозный слой — ничего тебе не будет. Потому что деревенщина. Чего с ней чикаться!

И вот мы сидим с председателем одного южно-черноземного колхоза и думаем думу. Можно эту думу назвать, скажем, «Дума о земле» или «Дума о родных местах». Можно назвать «Дума о поголовье» или «Дума о земельном кадастре». Тут все равно, как назвать.

Председатель, конечно, гнет свою линию:

— Спецдорстрой приходит — грабит, энергострой — грабит, геологи — грабят... Куда податься крестьянину?

Я ему говорю:

— Не ужасайся, об этом теперь разве что школьники не пишут. Теперь всякий совершеннолетний пишет о том, как расправляются с колхозной землей все кому не лень. Как только человек дорос до индустриального состояния, так он и начинает родную землю шпынять.

Он говорит:

— У нас в результате превосходства индустриальности над аграрностью три тыщи гектар увели. По кусочку... Значит, от чистой души сказать, выходит, ежегодно у нас пропадает восемьсот тонн молока, сто семьдесят тонн мяса, двести тысяч яиц, тысяча тонн зерна... То есть мы их уже не производим. А производили. Больше производили. Это я посчитал, что государству сдавали.

— Значит, увели?

— Ага... Украли.

— А прокуроры?

— Какие прокуроры?

— Ну, такие, чисто выбритые, ладные, которые на страже законности. Нерушимые такие прокуроры с острым государственным оком.

Он молчит, косится на меня и улыбается не то печально, не то жизнерадостно.

— Прокуроры, говоришь? Так ведь и прокуроры дело знают...

Прокуроры, конечно, любят хмурить брови по долгу службы. Они в нахмуренном виде более соответствуют своему образу и подобию. Вот он хмурится, а сам с пятки на носок раскачивается, взбалтывая в себе гражданственный гнев. Взболтает-взболтает и начинает учить:

— Так-так... Стало быть, не жалко вам, граждане-колхозники, землю народную, данную вам в вечное пользование? Не жалко? Оттого и отдаете все разным нарушителям. Пач-чему не возьмете палку? Пач-чему метлу не возьмете? Что ж, у вас метлы в хозяйстве нет? Ась? Пач-чему терпите отдельные незаконные посягательства?

— Ой, батюшки! Да берем палку, берем! И метлу имеем на вооружении. Как не иметь — дело крестьянское, аграрное, самооборонительное... Да только как же с нею, с метлою, обороняться, когда на тебя — бульдозер, семитонный самосвал, скрепер, а то и чего похуже?

— Плохо берете! Бульдозер! Мало, что на вас бульдозер! Бульдозер — мертвое железо, а вы живые люди. Что

же вы, живого человека принижаете? Ниже машины ставите? Самосвала испугались! И после этого испуга вводите в заблуждение некоторые организации своей надуманной любовью к родным местам... Нет, не любите вы народную землю, данную вам в вечное пользование!

Любовь — дело святое. А как увидишь своими глазами искореженную, изрытую, бессмысленно изувеченную землю, уничтожаемую не только в нарушение законов, но и чисто инженерных норм, становится не до любви. Бог с ней, с любовью, — тут не песни петь, а караул кричать.

Роят канаву — воду ведут. Ладно. Так ты же, как у тебя в наряде записано, откинь плодородный слой вправо, а глину влево. И зарывай свою золотую трубу в обратном порядке! Чтоб над нею родная пшеница колосилась!

Не с руки. Винегретом роят, абы вырыть.

Ищут геологи полезное ископаемое. Пока оно еще в земле лежит, а по земле посев уничтожают. Техника! Теперь все грамотные. А грамота что говорит? Ближайшее расстояние между двумя точками — прямая. Хоть она и через ясные хлеба идет. И дуют по прямой.

Иной председатель не выдержит, кинется грудью:

— Что ж вы делаете, математики чертовы? Нам же тут пахать-сеять, хлеб собирать!

— Ничего, — говорят, — папаша! Пифагоровы штаны на все стороны равны! Земли у нас хватает!

А по утрам секретарши докладывают индустриальным начальникам снисходительно:

— Опять до вас добивается некий мужик-деревенщина... Травку ему, видите ли, потоптали... Ужасно отсталый тип...

Начальник веселится:

— Пред очи не пускай... Наследит... Ты ему штраф заплати. У нас еще по плану не все штрафы израсходованы. Не нищие, слава богу!

Форма собственности, дорогой читатель. Такая форма, что если, скажем, с колхоза, не дай бог, штраф причитается, так колхоз из своих кровных платит, а если с завода — так тот из государственных. А из государственных почему бы не заплатить? Жалко, что ли? Колхоз крутится в своем хозрасчете, а завод штрафы большой лопатой планирует. Колхозу — жалко, а заводу — не жалко.

— Штрафы, — говорит председатель, — штрафы, ко-

нечно, платят... Посчитают суммарно, сколько убытка на данном участке, и, пожалуйста, триста рублей, и заткнись. А это только сегодня триста рублей. А завтра? А послезавтра? Землю отводят временно, а портят навсегда.

Штрафы — дело тонкое... Потоптали дорожники колхоз «Россию» на сумму триста шестьдесят рублей. «Россия» — к прокурору. Прокурор начальника стройучастка кличет:

— Что ж это ты, дорогой созидатель? Другой раз не топчи...

— Ни в жизни! — клянется созидатель.

И появляется официальная бумага:

«В связи с наложением на начальника стройучастка дисциплинарного взыскания указанная сумма 360 рублей перечислению не подлежит».

Видимо, план по штрафам выполнили, перечислять нечего. Ну ничего, в будущем году потопчут — заплатят. Хорошо бы в начале финансового года потоптали, пока смета не освоена...

Конечно, дисциплинарное взыскание — это хорошо. Оно как-то радует душу. Председатель говорит, что его коровы аж повеселели, узнав о данном моральном воздействии. Только молока не прибавили. Потому что, кроме веселого настроения, тут еще нужно сено. А сено-то как раз и вытоптано.

Конечно, об этом писали неоднократно, и полагаю, будут писать и фельетоны, и романы, и докладные записки. Нарушаются, мол, законы землепользования. И нарушаются не землепользователем, а посторонним дядей.

И землепользователь плачет, но ничего поделать с сим фактом не может.

А тут не в законе дело, а в обычае. Обычай посильнее любого закона.

Обычай таков, что организационные потравы не считаются уголовным преступлением. Десять кило зерна стибрить — преступление, потоптать этого зерна хоть десять центнеров — сойдет.

А ведь так называемый «временный отвод земли» — настоящий бич сельского хозяйства. Этот временный отвод производится даже не всегда по согласованию с землепользователем. Но если когда и по согласованию — все равно беда. Строитель крестится на образа, распятие целует:

— Не беспокойся, кормилец! Вот только нитку трубок проведу, зарюю — не узнаешь, где провел.

Как не верить — человек крест целовал!

А потом? А потом — суп с котом. Потом севообороты трещат. Потому что трактор через ихнюю нитку три года не переедет.

Вот если бы банк попрдержал строителю денежки: принеси, мол, ласковая душа, полное удовольствие от землепользователя, да с печатью, да в письменном виде, чтоб ясно было, не обманул ты его; а подчистил за собою как следует, — тогда дадим. Так ведь банку все равно.

Куда же ему податься, землепользователю, которому земля отведена навечно?

Есть на этом свете разные инспектора с решительными функциями. Санинспектор, пожарный, ветеринарный, автотранспортный, мало ли. А подобного земельного — нету. Их дело — совещательное, рекомендательное, просительное.

А между тем аграрии научились считать гораздо лучше иных индустриариев. Потому что они считают свое, а не абстрактно-казенное. Сидят себе на завалинке и считают.

И именно на этой завалинке один мужик-деревенщина с двумя высшими образованиями сказал мне:

— У нас нет практики учитывать упущенную выгоду. А ведь упущенная выгода — серьезный элемент в экономических взаимоотношениях.

Штраф выгоднее платить, чем получать? Это же надо в самом деле!

Иной деятель заранее знает, что его административная немочь и никчемность будут полностью оплачены из государственного кармана! И прокурор тут к нему не подкапается!

Отпустите шофера, братцы, он не виноват. Ему сказали, и он поехал.

КОРЬ

Разница между правдой и ложью состоит в том, что правда существует независимо от нашего к ней отношения, а ложь — это непременно продукт умственного производства.

Правда — это зеркало нашего бытия. Помните, у Пушкина? «Свет мой, зеркальце, скажи и всю правду доложи». Доложило. И что? Пришлось разбить мерзкое стекло.

Если бы зеркало докладывало хотя бы полуправду, у него были бы шансы уцелеть. Но уж если бы оно врало как сивый мерин, оно бы не только уцелело, но даже получило бы золотую раму в виде награды.

Кстати, почему мы создали сивому мерину такую странную репутацию? Лично я встречал на жизненном пути нескольких сивых мерин, и никто из них даже не пытался лукавить.

А на днях я встретил знакомого.

Не говорит, бедняга, шепчет.

Я спрашиваю:

— Ты почему шепчешь? Горло болит?

— Никак нет. Шепчу в силу социально-исторических причин. Ты журналы наши читаешь? Страшно в руки брать. На обложке — «Знамя», «Новый мир», «Огонек», а внутри явно не наше знамя, не наш мир, не наш огонек. Даже интересно читать...

И перекрестился, хотя, насколько я знаю, он всегда был явным материалистом, диалектиком.

Конечно, страшно. Что скажут наши идеологические супостаты, которым мы подрядились постоянно сдавать экзамены на аттестат социальной зрелости? Что запоет на своих гитарах наша замечательная молодежь, когда вдруг узнает, что дважды два четыре, и все дела? А пионеры-пенсионеры? Кошмар!

Почему же мы опасаемся правды и не боимся лжи? Почему мы растревожились, когда стало — можно? И не тревожились, когда было — нельзя? Почему, когда было такое мнение — врать, втали с удовольствием, а когда появилось мнение — да не мнение, а прямое указание — говорить правду — язык не поворачивается?

Правда всегда правда, и никаких дополнительных функций у нее нет. А у лжи есть. Ложь оберегает покой и приносит нам заверения в совершеннейшем к нам почтении. Она помогает нам ужасно нравиться самим себе и прихихикивать от избытка своего социального превосходства. Она помогает нам сотворять импозантный мужественный лик.

Вчера мы делали вид, что поем баритоном крамольную арию «О дайте, дайте мне свободу» — слова. Дали. Не берем. Боязно.

Обрываем телефоны:

— Слушай! Как это напечатали?

— Слушай! Редактора еще не сняли?

Что это?

Это запоздалая корь. Детская болезнь правизны. Самый разгар. Стадия сыпи...

КИРПИЧИ

Как-то мне попало на глаза сомнительное утверждение, будто всякое действие вызывает равное по силе и противоположное по направлению противодействие. Говорят, кто-то за такие слова попал в академики. Не знаю. Не видел. Но думаю, что проглядели.

Потому что истинное противодействие никогда не прет на рожон. Истинное противодействие никогда не противоположно по направлению. Оно всегда адекватно и эквивалентно. Научно говоря, куда действие, туда и противодействие. Или, точнее говоря, как бричка за конем.

И лежат на той бричке навалом различные кирпичи. Чтоб коняга не очень зарывалась. Чтоб она тащила свой воз, выбиваясь из сил. То есть противодействие как бы постоянно задает действию философский вопрос: куда ты скачешь, гордый конь, и где откинешь ты копыта?

То есть телега как бы интересуется, доколе ее будут тащить.

Противодействие никогда не становится поперек исторического движения. Оно всегда тянется вслед. И всегда произносит те же лозунги, что и действие.

Скажем, действие требует гласности.

Это вовсе не значит, что противодействие в ответ требует проглотить язык. Отнюдь. Оно тоже требует гласности. Но гласности процеженной, скромной, неброской и главным образом не затрагивающей существа жизни.

Скажем, действие требует говорить правду.

Извольте! Разве противодействие зовет врать? Ничего подобного! Оно тоже за правду. Но правду отглаженную, причесанную и ослабленную, как холерная вакцина.

Скажем, действие требует революционных преобразований.

Разве противодействие против? Никогда в жизни! Оно — за! Но только оно за такие революционные преобразования, которые не мешали бы уже установившемуся пищеварению.

И наваливает, наваливает, наваливает свои кирпичи на воз.

Что же это за такие кирпичи?

А это слова-оговорки, уточняющие ситуацию. С одной стороны, перестройка (радость-то какая!), но с другой — как бы чего не вышло. С одной стороны, вперед без страха и сомнений, а с другой — тише едешь, дальше будешь. С одной стороны, кинем камень критики в болото застоя, а с другой — как бы не напугать лягушек. С одной стороны, будем говорить правду, но с другой — как бы не поцарапать существо вопроса.

Противодействие не лезет на рожон. Оно не выскочит поперек дороги и не объявит честно и открыто, чего оно думает на самом деле. Оно сидит на возу и причмокивает различными прогрессивными звуками. И думает оно одно и то же: не надо правды, не надо гласности, не надо революционных преобразований. Но заявить об этом не заявит. Побойтся. Сдрейфит. Оно ведь понимает, что к чему на данном историческом этапе.

И поэтому оно ворочает кирпичами-оговорками, стараясь навести страх на неокрепшие души. И неокрепшие души подрагивают с непривычки: черт его знает, может быть, действительно как бы чего не вышло в смысле пищеварения и лягушачьего покоя?

Противодействие ждет, пока действие испугается или хотя бы притомится. И наваливает, наваливает на воз запугивающую тяжесть оговорок.

Оно катится туда же, куда идет конь с возом. Но при этом накладывает и накладывает свои кирпичи.

Оно не противоположно по направлению. А вот какое оно по силе — надо еще посчитать. Надо хорошо посчитать.

Иначе беда...

Николай Монахов

ВСТРЕЧА БЫЛА ДЛЯ ОБОИХ НЕЖДАННОЙ...

Наступил день, непохожий

на серенькие будни. День, когда жизнь кажется прекрасной и упоительной. Иначе и быть не может — ведь получка. А где легче всего вкусить упоительную сладость жизни? Конечно, в том отделе магазина, который торгует веселым настроением.

Вот почему шофер автодорожного комбината Б. Резанков прямо от кассы отправился с друзьями за развеселым настроением, разлитым в бутылки... Тяпнули по сто с прицепом. Потом еще. Сначала Резанков накачивался жизненным тонусом в компании приятелей-шоферов, затем малознакомых лиц, а под конец в обществе людей, которых никогда раньше не встречал.

Когда тонус в сосудах иссяк, растворилась и компания. Резанков пошел, сам не зная куда, через парк. Вечер был теплый, Резанков основательно разомлел, всей тяжестью тела влип в свежеекрашенную скамейку и отключился.

В это время в парке возник некто Маланьин, человек без царя в голове и вообще без определенных занятий. Собственно, он появился в рассуждении найти под скамейками пустые бутылки, которые остаются после таких любителей хорошего настроения, как Резанков, и на вырубку опохмелиться.

Но Маланьина ждала куда большая удача. На свежеекрашенной скамейке он увидел рядом со спящим Резанковым авоську, из которой подмигивала этикеткой непо-

чатая бутылка, оставленная последним, чтобы еще и на ночь глядя заложить за галстук. «Было бы не по-хозяйски пройти мимо, — подумал Маланьин. — Не я, так другой алкаш подтибрит». И бутылка перекочевала в его карман. И тут Маланьин заметил торчавший в боковом кармане спящего бумажник с остатками получки и водительским удостоверением. «Что значит везуха! — возликовал Маланьин, пряча бумажник. — Деньги тоже, как и полные бутылки, на дороге не валяются. Спи, дорогой друг-алкаш, ты это заслужил», — попрощался он с бесчувственным Резанковым, согнал с его лба крупную муху и был таков.

Спустя полчаса после его исчезновения бесчувственного шофера отклеили от свежевыкрашенной скамейки милиционеры и отправили в вытрезвитель. По дороге, возможно, от тряски, Резанков пришел в чувство, причем настолько, что дежурный вытрезвителя, оглядев его, сказал: «Этот, кажется, сам очухался. Пусть идет на все четыре стороны».

Резанков пошел. Но, выйдя из вытрезвителя, проспавшийся клиент вдруг обнаружил, что из авоськи испарилась бутылка водки. Резанков хват за карман — и бумажник растаял. «Ну и милиция пошла! — подумал возмущенно Резанков. — Грабить пьяного — все равно что грабить ребенка». Он вернулся в вытрезвитель и давай качать права: выньте да положьте ему водку, купленную на кровные трудовые, и бумажник с остатком трудовых, похищенные милицейскими ворюгами.

Слушая сбивчивые ввиду неполного протрезвления эскапады клиента, дежурный пришел к выводу, что это пьяный бред и клиент еще не очухался. Резанкова оставили в вытрезвителе на ночь, чтобы проспался как следует.

А Маланьин вечер и ночь гулял на крыльях везухи. К утру он так набрался жидкого развеселого настроения, что растянулся на перекрестке и тоже отключился. В вытрезвитель его доставили в довольно необычное время: 8 часов 50 минут утра.

Они встретились в приемной. Здесь сидел посвежевший, но ужасно обиженный на вороватую милицию, мрачный как туча Резанков. Особенно ему было непонятно, зачем милиция украла еще и удостоверение водителя. Черт с ними — с водкой и остатками зарплаты, но удосто-

верение водителя он дарить милиции не собирается, что он непреклонно и заявил. Тут ввели Маланьина. Продолжая пребывать в состоянии алкогольного утара, он шумел, брыкался. Когда спросили его фамилию, он, несмотря на пьяный утар, все же сообразил, что лучше сохранить инкогнито, и назвалса шофером Б. М. Резанковым, предъявив водительское удостоверение. Совершенно равнодушно отнесшегося к появлению нового гостя Резанкова словно подменили.

— Кто Резанков? Это я Резанков! — исступленно завопил он. — А ты ворюга! Грабить пьяного — все равно что грабить ребенка! А я-то подумал на милицию. Виноват, граждане милиционеры...

Кто есть кто, выяснилось быстро. Резанков покинул вытрезвитель в состоянии некоторого даже умиротворения. «Конечно, вытрезвитель — это не радость, — думал он, щупая в кармане бумажник, к сожалению, уже без денег, но с водительским удостоверением. — А не попади я сюда, кто знает, возможно бы, поминай как звали не только бутылку водки и деньги, но и водительские права. А они стоят не одной бутылки. Верно сказано, моя милиция меня бережет...»

Потом был суд над Маланьиным. Резанков на суде в качестве потерпевшего и гражданского истца требовал вернуть ему похищенную получку, стоимость бутылки водки и законопатить подлого грабителя Маланьина за решетку покрепче.

Похищенную получку можно вернуть. Но как вернуть пропитое Резанковым человеческое достоинство? Именно этот вопрос возникает при знакомстве с историей, приключившейся с Резанковым и закончившейся для него благодаря случайному стечению обстоятельств более благополучно, чем это могло быть.

АННЕ АХМАТОВОЙ

1

Как Черный ангел на снегу,
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу,
Есть на тебе печать Господня.
Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше —
Что, кажется, в церковной нише
Тебе назначено стоять.
Пускай нездешняя любовь
С любовью здешней будут слиты,
Пускай бушующая кровь
Не перейдет в твои ланиты
И пышный мрамор оттенит
Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу нежнейшей плоти
И не краснеющих ланит.

2

Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен ваш завод:
К вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет.

3

Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.

Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.
Зловещий голос — горький хмель —
Души расковывает недра:
Так — негодующая Федра
Стояла некогда Рашель.

4

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой.
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены?

5

Привыкают к пчеловоду пчелы —
Такова пчелиная порода.
Только я Ахматовой уколы
Двадцать три уже считаю года.

6

Знакомства нашего на склоне
Шервинский нас к себе зазвал
Послушать, как Эдип в Колоне
С Нилендером маршировал¹.

1910—1930

* * *

Не унывай —
Садись в трамвай.
Такой пустой,
Такой восьмой...

1910

¹С. В. Шервинский (р.1892) — русский советский поэт;
В. О. Нилендер (1883—1965) — русский советский поэт, переводчик, эллинист.

К. МОЧУЛЬСКОМУ¹

...И глагольных окончаний колокол
Мне вдали указывает путь,
Чтобы в келье скромного филолога
От моих печалей — отдохнуть.

Забываешь тягости и горести,
И меня преследует вопрос:
Приращенье нужно ли в «аористе»
И какой залог «пепайдевкос»?

1912

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Кушает сено корова,
А герцогиня желе,
И половина второго —
Граф ошалел в шале.

1913

АНТОЛОГИЯ ЖИТЕЙСКОЙ ГЛУПОСТИ

1

Мандельштам Иосиф — автор этих разных эпиграмм.
Никакой другой Иосиф не есть Осип Мандельштам.

2

Эта Анна есть Иванна — Домискусства человек.
Несмотря что в Домискусстве можно ванну принимать.

¹К. В. Мочульский (1892—1948) — русский поэт-эллинист и литературовед, давал уроки древнегреческого языка О. Мандельштаму; «пепайдевкос» — причастие прошедшего времени от глагола «падейво» (воспитывать — др. греч.).

3

Это Гарик Ходасевич по фамилии Гренцион,
Несмотря что «Альциона» есть элегия Шенье.

4

Это есть Лукницкий Павел Николаич человек,
Если это не Лукницкий, это, значит, Милоков.

5

Алексей Максимыч Пешков — очень горький человек,
Несмотря на то, что Пешков — не есть горький человек!

6

Эта дева — есть Мария, уголь есть почти что торф,
Но не всякая Мария — есть Мария Бенкендорф¹.

7

Спросили раз у воина:
— На Шипке все спокойно ли?
— Да, — отвечал он, — здесь на Шипке
Все признают свои ошибки.

8

Это есть художник Альтман — очень старый человек,
По-немецки значит: Альтман — очень старый человек.
Он — художник старой школы — целый свой трудился век,
Оттого он невеселый — очень старый человек.

1920—1925

¹М. И. Закревская-Бенкендорф, баронесса Будберг (1892—1974) — сотрудник издательства «Всемирная литература», личный секретарь А. М. Горького.

КВАРТЫ

Не прополола, Алексеевна,
Считай, что поле не засеяно!

* * *

Любовь? Надолго ли она?
...К чему такие разговоры?
Цветам, что отцветают скоро,
Всегда особая цена...

* * *

Больнее в мире боли нету,
Чем пережить своих детей.
О, не пошли, господь, поэту
Жизнь собственных стихов длинней.

* * *

Дурак достаточно хитер,
Чтоб скрасить умный разговор:
Лоб потирает, хмурясь,
И не заметишь дурость!

* * *

Плевать на старину —
Плевать в свою страну.
Плевать в своих отцов —
Плевать себе в лицо!

* * *

О юность, возраст беспечальный!
Ты — как незрелое вино:
Простое кажется банальным,
Прекрасным — то, что мудрено.

* * *

Покойный однолюбом был,
Он одного себя любил.

* * *

Ты едешь на чужой арбе —
Чужие песни петь тебе.

* * *

Посадили в кресло гордеца —
Он родного не узнал отца.

* * *

Бывает имя — стыд и срам,
Потомка ни за что обидели.
По данным детям именам
Ум измеряется родителей.

* * *

Словечко есть «любители поэзии».
И кто придумал так нелепо?
Отыщется любитель шведских лезвий.
Но разве есть любитель... хлеба?

ПРОБЛЕМА ИШАКА

Мамед Гусейн жил в доме

на горе —

Полтысячи шагов наверх от родника,

И потому при доме, на дворе,

Как дед и как отец, держал он

ишака.

Идет Мамед домой по тропке

налегке —

Два бурдюка воды везет на ишаке.

Идет Мамед домой из леса налегке —

Вязанку хвороста везет на ишаке.

Ишак ему помощник, верный друг,

В горах без ишака крестьянин

как без рук...

Али Камал, что в городе живет,

На кухне у себя из крана воду пьет.

За хворостом ему ходить не надо

в лес:

Тепло и свет дает в избытке ГЭС.

Али Камал-оглы строчит такой

приказ:

«Поскольку в коммунизм мы

держим путь сейчас,

Нам следует отныне на века

Искоренить в деревне ишака!»

И вот уже Гусейн тропой от родника

Сам тащит на себе два полных

бурдюка

И шепчет на ходу: «Не понимаю, как

Мне верный путь держать мог

помешать ишак?!»

Сергей Мнацаканян

«ЗОЛОТАЯ ЛИРИКА КАНЦЕЛЯРИЙ»

Пускай веселье или кручина,
но вас засасывает с утра
бюрократическая машина,
бесчеловечная до нутра...

По канцеляриям — суматоха,
по канцеляриям — суета,
по канцеляриям — нету бога,
кроме приказа или кнута.

Смеялись. Плакали. Расставались.
Всё подчистую смелó, а жаль...
Идет бумага — так листовая,
гремя, прокатывается сталь.

Посторонись-ка и встань в сторонке
тише воды, ниже травы,
не засосало бы в шестеренки
душу твою и годы твои...

Стучат машинки. Ложится косо
лиловый штемпель. Глаза кричат.
Как угораздило под колеса!
Сохнет размазанная печать!

Господи боже, не дай попасться!..
Только просителем бы не стать
у беспощадного государства,
жизнь по приемным не просвистать.

Железным прессом, прокатным станом
бюрократический аппарат
свирепо гонит по свежим ранам —
и судьбы, вспыхивая, горят!

*Несть милосердия и прощенья.
Несть облегчения на веку:
жжет резолюция на прошение:
опасной бритвой по кадыку.*

* * *

Телефонную трубку хватаю,
целый день восклицаю: «Алло!»
Я давно в небесах не витаю, —
ишь, судьбину куда завело...
А всего было надо немного,
а всего-то хотелось душе
дозвониться до неба, до бога —
да не хочется что-то уже.

Постигаю земные законы,
презираю небесную грусть...

На работе кручу телефоны —
помню 100 номеров наизусть!

Канцелярия! Матерь святая,
обожаю тебя и хую,
телефонную трубку хватаю,
проклиная тебя и люблю...

— Да-да-да, добрый день, до свиданья.

— Ха-ха-ха, очевидно, привет.

— Все о'кей, черт возьми, заседание.

— Да-да-да, ха-ха-ха, нет-нет-нет...

Я еще воспою телефоны —
перезвон сквозь метели и сон...
Как тюки бы грузил на перроне,
так свинцовый кручу телефон.

А когда возвращаюсь с работы,
все мне чудится звон в тишине,
словно слышу звонок от кого-то,
кто никак не пробьется ко мне.

**ПЕРВЫЙ МАЗОК ИЗ КНИГИ
«ЗОЛОТАЯ ЛИРИКА КАНЦЕЛЯРИЙ»**

Чем значительней идиоты
процветают в родной стране,

Тем язвительней анекдоты
на любой мировой волне...

ЕЩЕ МАЗОК...

...и я вас видывал, министры,
косноязычные тузы...

Из вас не выбьешь божьей искры,
хоть на «роллс-ройсах» развози!..

**СТО ЗАПОВЕДЕЙ ИЗ КНИГИ
«ЗОЛОТАЯ ЛИРИКА КАНЦЕЛЯРИЙ»**

Да пребудут во всей вселенной
эти заповеди нетленно:

1. Не опаздывайте на службу.
4. Не закладывайте по дружбе...
13. Не берите буфеты с бою!
15. Не слюнявьте конверт губою...
17. Не злорадствуйте за спиною.
18. И о вежливости взаимной
вспоминайте в конторе дымной.
19. В выходной, ухмыляясь хитро,
пейте в меру — не больше литра!
26. Не нашептывайте на ухо...
27. На старуху бывает проруха.
28. На проруху всегда заплата!

36—41. ВЕРЬТЕ В ИСТИНЫ ПРОПИСНЫЕ!

42. Не живите с женою брата
и с сотрудницей аппарата...

45. Циркуляры необъяснимы.

47. Веселей и полезней йога
бюрократа и демагога!..

52. По президиумам не прейте.

57. Соблюдайте секрет в секрете...

58.

*(72. Дозвониться нельзя до Бога,
но не следует жить убого...)*

59.

64. Берегите от моли душу —
не высывайте наружу...

70. Обходитесь без мордобоя
в спорах с собственной судьбою!

89. Жизнь — единственная утрата
(2. Зато 18-го зарплата...)

97. Не любите на скорую руку.

— ЗА ВСЁ ЗА ЭТО ГРЯДЕТ РАСПЛАТА!

Постигая сию науку,
я полжизни обрек на муку.

Александр Моралевич

КОЧЕГАР ВОЛОШИН

И стопное дело — это дело при огне.

а потому безотлучное. На столовский обед из трех блюд от топки не уйти. Поэтому кочегар Колотушкин уложил в сумочку с надписью про спидвей два домашних коржа, баночку простокваши и широкогорлую флягу со щами, свой обед.

Был на дворе октябрь, и на выходе из дому кочегар Колотушкин повязал в два оборота шарф, ровно распределил концы его на груди, а телогреечку застегнул под горло. Кочегары — они очень подвержены простудам, калясь возле топок.

И по рассветной осенней темени споро пошел кочегар Колотушкин на службу, менять с ночной смены Толю Волошина. Поскольку Волошин просил Колотушкина прийти пораньше, поскольку с утра хотел Волошин с женой не только купить капусты на зиму, но и нашинковать ее. Им, Волошиным, славно удавалось это — капуста.

На подходе к котельной глянул Колотушкин на дым из трубы и сразу определил, что не держит Волошин в топках огонь под должную тысячу градусов, а может, едва выдает семьсот. Разнервированный таким непорядком, Колотушкин шутнул куском угля невеликую собаку цвета яичницы, что ковырялась в угольной куче. А затем, толкнув кулаком никогда не запирающуюся дверь, вошел в котельную.

В жарком помещении одушка всегда сильнее, и сразу определил утренняя, со свежего воздуха Колотушкин: пили. Тут — пили!

— Анатолий! — строго позвал Колотушкин. — Ты чего, земля, сдурел? А, земля? Ты где?

Но больше ничего не сказал дневной кочегар в поисках ночного, потому что увидел у порога фуражку Волошина. И сразу определил, что фуражка эта не в порядке, а потоптана ногами. Тут метнулся Колотушкин по помещению, и вмиг у верстака обнаружил на полу потеки крови, а вон она же и у дверей, обочь фуражки.

Тут ударила мысль, что скорей, конечно, надо в милицию, но задним планом к этой мысли присоседилась и другая: топки ведь затухают! Покуда пробегаешь — совсем сквасится температура, поди выведи потом котельную на режим.

И с лопатой наперевес бросился Колотушкин к топкам, подпитал первую, вторую, дошел до крайней топки — и увидел в топке каблук. Резина-то на нем опеплилась, но жива была сиреневого цвета подковка. Знал Колотушкин эту подковку, не поддающуюся истиранию, а вот теперь и огню. Потому что была она из металла под названием титан. «Веселые подковки!» — говорил про них Волошин. Засмеется, шаркнет ногой по бетону — и от подковки искры белым снопом. Чистый конь из сказки, когда копытом оповещает, где под землею клад.

И вот теперь обугленное тело кочегара Волошина лежало в топке.

Первым делом Колотушкин схватил брандспойт, чтобы топку залить и спасти товарища. Потом подумал: поздно, не помочь уже тебе, земля. И нарушишь следы, важные следствию. Вот и собачка та, рыжая с белым — неспроста она в угольной куче рылась. Никогда там прежде интересу собачкам не было.

* * *

Уже очень и очень скоро следствие с надлежащими ордерами посетило гражданку Лазутикову.

— А я знать ничего не знаю! — закричала гражданка Лазутикова и приняла позу «Незнакомки» художника Крамского, находящейся уже на пенсии. Но тут же была найдена следствием в жилище Лазутиковой початая трехлитровая бутыль самогона, заткнутая газетной пробкой.

— Бывает со мною, — сказала тогда Лазутикова, ме-

няя положение «руки в боки» на положение «по швам». — Случается, на день сорока мучеников себастиийских выпью или еще какая дата. Вот и гоню.

А следствие развернуло тем временем затычку из четвертной бутылки и сличило с двумя другими затычками, меньшими.

— Все три из одной газеты, — определило следствие. — «Советская культура» от 25 июля 1984 года.

— Ну, виноватая, виноватая, — согласилась Лазутикова, всеми телодвижениями подчеркивая, что приведись еще раз — нипочем не использует она на затычки центральную газету, а применит газету не более как районную, а то и вовсе упаковочную бумагу.

— Да мы не про то, — раздосадовалось следствие. — Вчера, около 22.00, вы продали двоим мужчинам в двух бутылках из-под лимонада, укупоренных этими газетными купорками, свой самогон. Запомнили вы этих мужчин?

— Чего это я их запомню? — в голос закричала Лазутикова. — Чего они, песня, что ли, или швейная машина «Подольск»?

— Эти двое, что купили у вас самогон, — сказала усталое следствие Лазутиковой, — около полуночи сожгли в топке живого человека, кочегара Волошина. Вы запомнили двоих, кому ночью продали выпивку?

...Нашей милиции, нашей прокуратуре, нашим судам лихо, с завитушкой расписавшись об уголовной ответственности за ложные показания и никакой такой ответственности не опасаясь, с упоением врут по мелким, средним, а часто и крупным делам сотни тысяч людей.

— Да как же, гражданин, — томится следователь прокуратуры, — ведь хищение пяти контейнеров полупальто происходило при вас, как же вы, весовщик товарного двора, ничего не видели?

— А я, — бодро говорит весовщик, — в тот момент чихнул. Во время этого непроизвольного акта, всяк знает, глаза закрываются, а иногда аж прижмуриваются.

— Беда, — говорит следователь. — Контейнеры ведь полчаса грузили. Что же у вас случилось такое затяжное чиханье, вроде прыжка с парашютом.

— Особенность организма! — все больше приободря-

ясь, врет очевидец. — Я, знаете ли, сизмальства сериями чихаю. Бывает, что до семидесяти раз. Вот и тогда, на товарном дворе...

Да, нашему следствию и судам, очертя голову и не боясь никакой ответственности, врут. Но не все еще, видимо, в облике призванных к ответу потеряно, и все же есть нравственный порог, за которым лживость рушится и дает место правде.

— Волошина? — посиневшими губами спросила Лазутикова. — Толика сожгли? Запомнила я этих двоих. Они в куртках спортивных из болоньи или навроде того, у одного строчка на куртке вот так, углом, ляточки белые внахлест. Одного фамилия Жаринов, Петька. Они здешние оба, шатковские.

* * *

Пропойца двадцати семи лет, ранее судимый, женат, двое детей, образование среднее, беспартийный, эпизодически плотник — Евтюхов Сергей Иванович 4 октября 1984 года на работу не вышел и выйти не мог, потому что утром третьего числа, и днем, и вечером, поскольку приближались праздники 7 ноября... Словом, ясно.

Пропойца, двадцати шести лет, несудимый, холост, образование среднее, давно и при всеобщем попустительстве нигде не работает — Жаринов Петр Николаевич к полудню 4 октября был так пьян, что тело его утратило способность сгибаться. Этот отрезок рода человеческого лежал на одной из центральных магистралей райцентра.

— Как свая! — сказал один милиционер из машины спецмедслужбы.

Удивительно не то, что уже к двадцати часам того же вечера вытрезвитель поставил смертельно пьяного Жаринова на ноги — здесь это умели. Удивительно, что к двадцати часам Жаринова, без всяких яких, отпустили с миром домой. А поскольку Жаринов уже давно был паразитом и бродягой, то и понятие дома давно отождествлял с любым подручным магазином или забегаловкой. Из вытрезвителя он прямым пошел к местному ресторану. А здесь уже обивал пороги незнакомый Жаринову Евтюхов.

Как жуки или рыбы одной породы, среди миллионов

других особей безошибочно определяющие только своих, Жаринов и Евтюхов тут же обнюхались, опознались, сроднились.

В шатковский ресторан пускают обычно без цилиндра, смокинга, штиблет и убедительного по толщине бумажника. Но, оглядев друг друга, двое признали, что и по шатковским понятиям в ресторан не вхожи никак.

— Имею на кармане сто семьдесят три копейки, — сказал Жаринов. — Добавляй, сколько там у тебя. Есть тут одна поганка, в любой час продает.

И они пошли к нам уже известной Лазутиковой. А потом встал вопрос: где пить? Время года и среднее образование ориентировали на питье в культурных условиях.

Они заглянули к местному жителю Журавлеву, там одолели одну бутылку. Бродяжная этика подсказывала, что надо распочинать вторую бутылку и ставить перед Журавлевым вопрос о ночлеге. Однако тепла и ночлега им хотелось меньшей ценой, чем разливание на троих.

И ушли Евтюхов с Жариновым. Сказал Евтюхов, что мантулил он раньше на железобетонном комбинате. Там котельная — лучше не придумать. В топках тысяча градусов, да ежели у тебя внутри сорок — ночлега лучшего не придумать. И наливать, делиться ни с кем не надо, поскольку тамошний кочегар Волошин не пьет.

И они вломились в котельную с веселой песней:

— Вы кочегары, а мы плотники! — И сразу приняли по полстакана.

Но обидел их кочегар Волошин. Плюнул в душу.

— Выметайтесь отсюда, — приказал он. — Ты, Евтюхов, сам стал подонком, да еще второго притащил.

— Это ты, курицын сын, мне говоришь, жигану? — закипятился Жаринов. — У меня от жиганской жизни восемнадцать и шесть десятых метра шрамов на теле, а ты так меня привечаешь? Как-нибудь поступи с ним для начала, Сережа.

Для начала Евтюхов выплеснул в глаза Волошину самого из стакана. Да, растопырил руки ослепленный Волошин, но давно он тут работал, знал помещение, вслепую пошел к выходу за милицией.

— А он такой, — надгрызленным пряником показывая на Волошина, сказал Евтюхов. — Ему если в башку вте-

мяшится, он исполнит, назовет милицию. Делай его, Евгений! Мочи его!

Тут прыгнул Жаринов на спину кочегара и, шавкой на медведе, повис на нем. Видя, что Жаринов не справляется, подскочил к Волошину Евтюхов. И если, отбиваясь от пропойц, в честные места целил кулаком кочегара, то они-то били не по тем вовсе местам и вскоре оттеснили кочегара от двери, обрушили головой на верстак. А поскольку вот оно где расположено, что делает кочегара не таким, как двое ночных гостей, а трудягой, семьянином и все такое прочее — в голове у него это расположено! — то и били кочегара ногами по голове. Затем через все помещение тело перетащили к топкам и закинули в крайнюю. Евтюхов бросил вдогон несколько совковых лопат угля. Сказал:

— Для верности. Осколки бутылок собери, харч, прочие улики. Выкинем по дороге.

И они ушли, выкинули улики, а спать отправились в котельную ГПТУ. Они возились у двери, дверь открылась, на улицу высунулось лицо кочегара с небритым, похожим на носок валенка подбородком.

— Нельзя у меня, — робко оглядывая двоих окровавленных, сказал кочегар Крюков. — Не положено!

— Умолкни, — отпихнул Крюкова Жаринов. — Видишь, люди с женами поссорились, негде переночевать.

— Давненько, я думаю, — всматриваясь в двоих, сказал кочегар Крюков, — вы с женами поссорились.

— А вот поговори! — оборвал кочегара Евтюхов. И оба заснули.

* * *

Они не предполагали ареста: почему это могут в нас упереться? Таких, как мы, ночлежничает уйма.

— Но случись, что повяжут нас, — предположил Евтюхов, — повезут в эту самую, четыре «а» из тюремных кроссвордов — каталажка, — так я все возьму на себя, «пойду паровозом». За групповое всегда хуже ответственность.

После ареста он недолго «шел паровозом». Судебно-медицинская экспертиза пришла к категорическому и страшному выводу: смерть кочегара Волошина наступила не от изуверского избиения, а «от действия высокой температуры с последующим обугливанием трупа».

Вот тут и был поставлен вопрос ОБ УБИЙСТВЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, что предполагает ВЫСШУЮ МЕРУ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ. И «паровоз» загудел в адрес сообщника совсем по-другому.

Извиваясь и хрипя, убийцы валили все друг на друга. Да, были в жизни отдельные шероховатости, но он, Евтюхов, с пеленок жил по заветам «Пионерской зорьки», и только этот алкоголик и зверь Жаринов сбил его с панталыку, оплел, понудил на зверство...

Дело слушалось в областном суде, в открытом заседании. Председателем суда была женщина. Народные заседатели — женщины. Прокурор — тоже женщина. И в зале женщины: жена кочегара Волошина, матери убийц. Групповое убийство с особой жестокостью при отягчающих обстоятельствах — в состоянии опьянения, вот что установил суд. Жену кочегара Волошина родные вели под руки к дверям.

Молоденький милиционер, отводя глаза, сказал матерям Евтюхова и Жаринова:

— Надо вам расписаться. Тут и тут.

И в соответствии с подписями матерям убийц выдали в боковой комнатке единственное, что сопровождало и подытожило жизни их сыновей, — две окровавленные куртки.

СВАТОВСТВО НА АРБАТЕ

К буфетчице трампарка тете Лизе

приехал из-под Курска племянник Костя. Молодой, бело-зубый, с копной рыжих волос на голове. Поначалу тетка встретила белозубого не очень гостеприимно:

— Ты еще зачем?

Племянник многозначительно улыбнулся. Пять дней назад он прочел «Милого друга» Мопассана и позавидовал карьере Жоржа Дюруа.

— Что, что?

Племянник пробует рассказать тетке о жизни Милого друга.

— Ты что, не жениться ли приехал?

— Да, если ты сможешь найти мне подходящую невесту.

— Господи, это только свистнуть!

И тетка с ходу начинает сватать племяннику невест:

— Вот, например, Ира Дерюгина. Умница, красавица! Или возьми Любу Глушак... А еще лучше Сашу, дочь Марьи Антоновны...

— А она кто, эта Марья Антоновна?

— Вагоновожатая из нашего парка. Хочешь, познакомлю?

Саша, дочь вагоновожатой, — это, конечно, не Сюзанна, дочь парижского банкира, на которой женился Милый друг, но...

«Начинать с кого-то нужно», — думает белозубый Костя и говорит тете:

— Хорошо, знакомь, только по-быстрому. Со всеми невестами сразу.

«Что ж, раз племяннику не терпится, пусть будет по-быстрому», — решает тетя Лиза и устраивает в складчину коллективные смотрины. Каждая девушка, которой хотелось попытаться счастья и познакомиться с белозубым Костей, вносила тете Лизе на вино и закуску по пять рублей. Повела в гости к тете Лизе свою дочь Сашу и Марья Антоновна.

— Чем черт не шутит, может быть, что-то и получится?

И что-то получилось.

— Хотя на смотринах были невесты и покрасивее, — рассказывала много времени спустя в редакции Марья Антоновна, — гость из-под Курска выбрал все же мою Сашу.

— Почему?

— Так ведь у Саши московская прописка.

— Как, неужели жених заглядывал в паспорт вашей Саши?

— Конечно, Костя — человек обстоятельный.

«Обстоятельность» Кости, пришедшаяся по душе будущей теще, к сожалению, не насторожила будущую жену, а ведь Саша была комсомолкой, училась в заочном педагогическом институте.

До появления белозубого Кости самым близким другом Саши Ворониной был Саша Клепиков. Соседи так привыкли к этому другу, что звали его Сашиным Сашей. Сама Саша тоже привыкла к Саше и все ждала, когда он пригласит ее в загс. А он с загсом не спешил. И не потому, что не любил Сашу, а потому, что тоже был обстоятельным. Однако обстоятельность Сашиного Саши была иного свойства, чем у Кости. У Сашиного Саши было восьмиклассное образование, а он хотел иметь высшее и еще в 1960 году составил личную семилетку: два года потратить на окончание вечерней школы и пять лет посвятить институту.

— Дай мне встать на ноги, — говорил Саша Саше. — Получу диплом инженера, и тогда мы поженимся.

Саша поначалу согласилась, а потом заскучала. А тут на горизонте появляется белозубый Костя и приглашает Сашу в театр. Сашин Саша в тревоге.

— Не ходи, — просит он Сашу, — четыре года ждала, подожди еще три! Вот получу я высшее образование...

А ей ждать надоело. Женятся же люди и без высшего образования — и ничего: живут счастливо, рожают, воспитывают детей. В этот четверг Саша Воронина идет с белозубым Костей в театр, а в следующий — в загс.

Паспортистка жэка пыталась открыть глаза Саше и отказалась записывать в домовую книгу белозубого Костю. Уж очень подозрительным показался ей этот скоропалительный брак. А Саша и ее мать Марья Антоновна устраивают паспортистке скандал, идут с жалобой в милицию, на прием к депутату и добиваются своего. Как только в паспорте Милого друга появляется штамп о прописке, так молодой супруг тут же перестает симулировать любовь и внимание к молодой супруге. Больше того: он идет к тете Лизе с претензией.

— Не ту жену ты мне сосватала. Квартира у нее однокомнатная! Передняя темная! Санузел совмещенный!..

— Что же, давай переженю! У меня и невеста есть на примете подходящая.

— Опять дочь вагоновожатой?

— Вдова директора магазина гастрономии и бакалеи. У нее и передняя лучше и санузел отдельный.

И вот Костя идет в гости к вдове. Вдова выходит на встречу жениху в новом платье, в модной прическе. А Костя даже не смотрит на прическу. Он говорит — «здравствуйте!» — и отправляется в обход по квартире. Сначала осматривает места общего пользования, потом интересуется расположением комнат. Закончив осмотр, Костя задает вдове вопрос:

— Где работаете? Сколько получаете?

— Я не работаю. У меня сберкнижка.

Костя проверяет сумму вклада и впервые в этот вечер улыбается. Вдова в порядке. Есть полный расчет менять однокомнатную жену на двухкомнатную.

Белозубый Костя приехал в Москву искать легкого счастья.

Нелли Гусева приехала учиться. Сдала Нелли приемные экзамены на три двойки и две тройки. Ей нужно возвращаться домой, а она не едет.

«Хочу поработать в библиотеке МГУ», — пишет она матери в Свердловск.

Но вместо библиотеки Нелли зачастила в сквер на Арбатской площади. Придет, сядет на скамейку. Не в той стороне сквера, где под присмотром нянь и мам играют дети, а в той, где режутся в «козла» папы и дедушки. Раскроет Нелли кружевной зонт и сидит над книжкой, как рыбак над удочкой, ждет, не клюнет ли. И клюнуло. Один из чемпионов козлодрация прельстился смиренным видом юной отроковицы. Два дня он любовался ею издали, а на третий подошел и представился:

— Коськов-Португалов.

— Нелли.

— Разрешите сесть рядом?

Нелли разрешила и спросила:

— Хотите пообщаться?

— Это что значит?

— Общаться — значит дружить, — объяснила Нелли и добавила: — Я согласна дружить с вами, если только вы скрепите эту дружбу законным браком.

— Господи, конечно! — сказал Коськов-Португалов и повел девушку под белым кружевным зонтиком в загс.

Заведующая загсом, нужно отдать ей должное, бросив взгляд на жениха, отказалась регистрировать его брак.

Жених возмутился, стукнул кулаком по столу:

— Я пенсионер областного значения!

Коськов-Португалов не только стучал кулаком, он ходил в собес, на прием к депутату, доказывал, что Конституция страны не устанавливает предельного возраста для женитьбы пенсионеров, поэтому он просит оказать ему содействие в бракосочетании с двадцатилетней Нелли. В Конституции и в самом деле ничего не говорилось о предельном возрасте женихов, тем не менее ни собес, ни депутат не пожелали оказывать жениху-пенсионеру содействие. Тогда пенсионер отправился к врачу-эндокринологу и принес в загс справку: «Податель сего, несмотря на преклонный возраст, обладает жизнедеятельностью человека сорока лет. Брак ему не противопоказан».

Коськов-Португалов добился своего.

Поздний брак не принес, однако, счастья жениху областного значения. Через месяц после свадьбы Коськов-

Португалов, возвращаясь с арбатского сквера после затянувшейся партии в «козла», видит, как его молодая жена, прощаясь, целуется в дверях квартиры с неизвестным молодым человеком. Коськов-Португалов от обиды даже заплакал. А Нелли успокаивает его:

— У Манон Леско тоже были слабости, и кавалер де Грие прощал их ей.

Еще через месяц Нелли целовалась со своим любезным не только в отсутствие мужа, но и в его присутствии. Коськов-Португалов попробовал поучить жену ремешком, но разве старому, пусть даже вооруженному справкой врача-эндокринолога, одолеть молодую?

Что делать? Идти в собес, к депутату, просить их о помощи? Стыдно! И Коськов-Португалов бежит из собственного дома.

Нелли стала жить одна в однокомнатной квартире. Четыре года назад она родила сына. За эти четыре года сын и четырех месяцев не прожил с матерью: то его из жалости приютит одна соседка, то другая.

Маме Нелли возиться с сыном некогда. Днем она спит, а вечером и ночью поет, танцует. Работник детской комнаты милиции спросил как-то сына Нелли Гусевой: «Кто твой папа?» (Может, удастся этого папу заставить взяться за воспитание ребенка?) И мальчик ответил:

— Мой папа — дядя Витя.

— Какой дядя Витя, директор гаража?

— Дядя Витя, директор гаража, был папой в прошлом году, а в этом мой папа — дядя Витя, работник речного пароходства.

Нелли Гусева трижды привлекалась к суду за аморальное поведение. Первый суд лишил ее родительских прав, второй предложил заняться общественно полезным трудом. И так как Нелли не пожелала внять добрым советам, третий суд выселил ее из Москвы.

Так бесславно закончилась карьера Манон Леско из Свердловска. Что же касается Милого друга из-под Курска, то он целый год занимался пополнением своего гардероба. Квартируя у вдовы, Милый друг за счет сбережений покойного директора магазина гастрономии и бакалеи сшил себе три пальто (зимнее, осеннее и летнее), пять костюмов (три темных вечерних и два светлых). В тон

костюмам он приобрел дюжину сорочек (три московских, три венгерских, три польских, три немецких). Вдова вела обновам штучный учет. Она делала покупки, надеясь, что, как только будет оформлен развод с Сашей Ворониной, белозубый Костя женится на ней. А он женился на Гале Кишкиной. У Галиного папы трехкомнатная квартира и три десятка деловых знакомств. Милый друг надеется с помощью этих знакомств сделать карьеру, выгодно устроиться на железной дороге. Нет, не министром. Эта должность очень хлопотная. И не начальником дороги. У этих тоже много хлопот. Мечта Кости — стать директором вагона-ресторана. И он, конечно, станет им и, конечно же, проворуется и отправится вслед за Нелли в отдаленные районы Красноярского края.

Этот фельетон не о преступлении и наказании. Я пишу о подлости и доверчивости. И Костя и Нелли — люди весьма примитивные. С первого же взгляда каждому ясно, что перед ним молодые прохвосты. Ни любить, ни дружить они не умеют. Таких интересуют только деньги и прочие выгоды.

Разве Саше Ворониной, Сашиной маме Марье Антоновне и почтенному Коськову-Португалову не делались на этот счет предостережения? А они вместо того, чтобы сказать «спасибо», стучали на работников загса и паспортисток кулаками. С непонятым упрямством они ходили, жаловались, добивались права сунуть голову в петлю, породниться с прохвостами. И вот породнились, покалечили себе жизнь: молодые в самом начале ее, а старики — на закате.

ИНТЕРВЬЮ

Я решил посетить его во что бы то ни стало.

И не только из-за широкой известности. Он был стар и мог в любой день превратиться в легенду.

Отправляясь в путь, я знал, что он живет далеко. Но одно дело знать, а совсем другое — лететь самолетами, пережидая в аэропортах современные циклоны и антициклоны с их пакостями, пылиться в поездах, переругиваясь с хмурыми проводниками по поводу чая, трястись в автомобилях и на подводах по ухабистым проселкам, пробираться пешком через дремучие леса и кочковатые луга.

Да, он жил далеко! «Так далеко, так далеко, что трудно добраться!», как предупреждал в свое время поэт. Но я добрался. Растерял по дороге весь свой столичный лоск, но повидался с ним и был удостоен получасовой беседы. Он был настолько любезен, что разрешил опубликовать интервью в любой газете по моему усмотрению.

— Если, конечно, редактор согласится! — произнес он иронически. — Спрашивайте. Не будем терять даром времени. Его у меня не так уж много.

Я посмотрел в его мудрые прищуренные глаза, и мне стало грустно.

— Ваши творческие планы! — Я протянул микрофон к его рту.

— Нет планов! — отмахнулся он. — Покинуло вдохновение.

— Почему? Такой пейзаж! Море! Корабли! Прекрасный пляж!

— Этого недостаточно. На море пятна нефти. Песок на берегу усеян пустыми консервными банками и бутылочным стеклом. Золотой рыбки нет.

— Вы сентиментальны?

— Как все чувствующие натуры. Времена песен и фольклорных сказок канули в Лету.

— Уверяю, вы ошибаетесь!

— Как отнестись. Нынешние барды создают тексты профессиональнее, точнее. Учитывают требования сегодняшнего дня. Так сказать, актуально поют.

— Вам не нравится?

— Неплохо. Что из этого? Кто теперь интересуется моим мнением?

— Самоуничижение — паче гордости! Зачем бы я тогда к вам приехал?

Он состроил гримасу:

— Не без корысти. Хотите подать сенсационный материал. Меня трудно ввести в заблуждение.

Я смутился:

— Хорошо, оставим эту тему. Чувствуется, вы в курсе современных событий. Как вам удастся?

— Радио. На набережной репродукторы орут во всю мощь. Потом люди приходят сюда купаться, пикники устраивают. Разного наслушаешься!

— Вы разочаровались в теперешнем поколении? Считаете, раньше было лучше?

Он задумчиво поскреб седую голову:

— Так сказать нельзя, сейчас ведь совсем другое время. Одна НТР чего стоит! Жизнь стала активнее, стремительнее. Это похвально. Однако определение «разумный», которое прилипло к человеку, мне все равно представляется притянутым за уши.

Я вытаращил глаза:

— Вы сомневаетесь в разумности человека?!

— Рад бы не сомневаться! — Он сердито оскалился. — Спиртное употребляет, курит табак? Ругается непристойно? Окружающую природу не бережет? Да разве только это! От дела отлынивает, до вещей жаден, дефицит придумал... Ни один бурый волк так себя вести не станет!

— Вы перечисляете отрицательные явления. Они известны, общество с ними борется. Такой знаменитый, а

мыслите однобоко. Столько положительного сделано в двадцатом веке! Не разбираетесь, вижу, ни в диалектике, ни в процессах общественного развития. Уж извините за откровенность!

— Наверно. — Он вздохнул и тут же по-стариковски пожаловался: — Избушку никак отремонтировать не могу. Между прочим, памятник старины. Русалка с лешим куда-то сгнули, поболтать не с кем. Дератизацию провели — мышей не стало! Спасибо, мужик один из шашлычной жилистые куски оставляет. И то из уважения к Александру Сергеевичу! Извините, устал. Благодарю за внимание.

И ученый кот заковылял прочь.

ИНСТРУКЦИЯ

В новом учреждении Толмачеву сразу понравилось. И директор показался симпатичным: приветливый, доброжелательный, остроумный.

В конце беседы он произнес такие слова:

— Искренне рад, что мы приобретаем столь опытного сотрудника. И вы, уверен, не пожалеете. Наш стиль — четкость, конкретность, регламентированность. Так что все будет Оля Райт, если чуть изменить известное заокеанское выражение. Ха-ха! Вот ваше заявление, отдайте в отдел кадров, там оформят. Всего доброго!

Получив бумагу с косой директорской визой, кадровик заулыбался, закивал, а потом долго тряс Толмачеву руку, демонстрируя внимание, чуткость и радушие.

— Сегодня же и включим в приказ, — наконец сказал он. — Только вот прочтите эту инструкцию и распишитесь, что ознакомлены. Так у нас полагается.

Толмачев взял сброшюрованные машинописные листы и стал читать.

«Сотрудник должен в течение всего рабочего дня выполнять свои обязанности...»

«Что за черт! — подумал Толмачев. — Ежу ясно. К чему эти дурацкие уточнения?»

«Во время работы запрещается, — читал дальше Толмачев, — посещать пошивочные ателье, парикмахерские,

косметические кабинеты, магазины, рынки, выставки, художественные салоны, театры и кинотеатры, цирки, зверинцы, симфонические и иные концерты, рестораны, прачечные, музеи, бассейны и бани, стадионы, сберкассы, нотариальные конторы, ремонтные мастерские, лектории, станции технического обслуживания, заниматься самообразованием, охотой, рыбной ловлей, сбором грибов, ягод и дикорастущих растений, включая лекарственные, чтением художественной литературы, коллекционированием монет, марок, картин, мебели, этикеток, археологическими раскопками, разведением нутрий, дрессировкой животных и птиц, преодолением водных преград, альпинизмом, конным спортом, а равно совершать пешеходные прогулки или любые другие на всех видах транспорта как в черте города, так и за его пределами. Категорически запрещается также ходить в гости и участвовать...»

— Бред! — Толмачев оторвался от инструкции и с изумлением посмотрел на кадровика. — Кто придумал эту галиматью?!

— Тш-ш-ш! — зашипел тот, испуганно поднимая руки. — Я вас умоляю! Идея директора. На случай проверок, комиссий. Небольшая перестраховочка, понимаете?

— Нет.

— Экий вы! Распишитесь и выкиньте из головы. — И кадровик подмигнул.

ИНСТРУКЦИИ ОТЕЧЕСТВА ЛЮБЯ...

Нет, я не вхож в торговую элиту.
И мой пиджак не вытачан из кож.
Мои черты из бронзы не отлиты.
Нет, я не вхож.

Не вхож в дворцы с колоннами под мрамор
И в те дома, где постовой. Ну, что ж...
И в то посольство (виновата мама).
И вообще во многое не вхож.

Не вхож с рожденья и не вхож доселе.
Как и не вхожа вся моя родня.
И в кафельном сверкающем бассейне
Плывут нагие дамы без меня.

Я тих и кроток, будто зять Мижуев.
Где «выход» — объяснять не надо мне.
А в остальном... Хозяйски прохожу я
По привилегированной стране.

Смотрю на мир открытыми глазами.
Инструкции Отечества любя.
И, не входя туда, куда нельзя мне.
Так силюсь я не выйти из себя!

РАЗГОВОР С КРИТИКОМ

Мой милый критик симметричный,
Вспахав словесные поля —
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

Чему ты молишься, однако?
Что ненавидишь от души?
Ты так, ты сяк, ты эдак. Всяко.
И те, и эти хороши.

За что ты ратуешь открыто?
Куда ведешь свои мосты?
Ты хвалишь то, что именито,
Что знаменито — хвалишь ты.

А как с открытьями? Да просто.
Закрыв глаза. И был таков.
И кто там есть какого роста —
Тебе ль до этих пустяков?!

Ты проживешь за толстой дверью.
Тебе — что дождь идет, что снег.
Но есть другие — я в них верю, —
Они напишут этот век.

А ты, мой критик симметричный,
Вспахав словесные поля,
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

СТАРЫЙ БЕС

Это исстари так. От века
(Тут ты правде своей не лги!):
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

Вот, казалось бы уж, откуда?
Не ловчил. Не позорил честь.
И не делал другому худа.
И старался вперед не лезть.

Ненавидел притворство люто.
Не копался в чужой судьбе.
Но от этого вдруг кому-то
Становилось не по себе.

Почему? По какой примете?
Чем ты им не потрафил? А?
Просто тем, что ты жил на свете.
Просто тем, что не делал зла.

Просто тем, что работал много.
Просто тем, что ты шел вперед.
Но не там, где в пути полого,
А где удаль размах берет.

Вот и все. Это так от века.
Тут ты правде своей не лги.
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

В норах прячутся. Их не видно.
Сохнет зависть, как старый бес.
...Мелколесью всегда обидно,
Если рядом густится лес.

ПРОСТАК

Он был до святости простым.
А может, просто простоватым?

Но кто-то звал его святым,
За правду на кресте распятым.

Ах, до чего же был он прост!
Ну просто пареная репа.
И всем под масть. И всем под рост.
И сам в сторонке, благолепа.

Голубоглаз. Сутул слегка.
Похож на веточку в стакане.
И мы жалели простака:
— Не троньте сирых, россияне!

А он ловил сердца, хитрец.
Премного нами был доволен.
И по ступенькам тех сердец
Взбирался выше колоколен.

ЗАПОВЕДЬ

Не отступай, но уступай!
Найди в себе такую силу.
Найди в себе такую жилу
И в ней терпенье откопай.

Не начинай неправый спор.
Не трать себя в ненужной ссоре.
А то ты лучше под топор,
Чем правому уступишь в споре.

Ты очень тверд. И этим горд.
Ты даже гордо поднял плечи.
Но чем ты горд? Что ты был тверд,
Когда ты истину калечил?!

Быть прокурором не спеши.
И не рядись под ясновидца.
На улицах чужой души
Всегда опасно заблудиться.

* * *

Как поэт,
 не доживший до первого сборника,
Как мальчишка,
 еще не вышедший в люди,
Он любил повторять:
 — Полюбите нас черненькими,
Потому что беленькими всякий полюбит.
Поседевший в дорогах, как древние были,
Пронеся свою юность сквозь все
 понедельники,
Он сказал ей, смеясь:
 — А какими мы были —
Все забыли.
Ну что ж, полюбите нас
 беленькими.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Потеряли вербы стыд,
Лес прощается с грибами,
Осень шевелит губами —
То плюется, то свистит.
Неожиданно, незримо
Наш ночной огромный дом
С храпом, с насморком, —
 с трудом
Переваливает в зиму.

* * *

Где найти подлежащее,
Никому не принадлежащее?
Где найти сказуемое,
Никем не предсказуемое?..

* * *

Встречая каждую зарю,
Мы шли с тобой ноздря в ноздю.
Но оказалось в плеске дней —
Твоя ноздря куда ноздрей.

* * *

И как ни ерепенься я —
Уже маячит пенсия.

* * *

Дождь прошел в январе,
град в июне крученный.
Что сейчас на дворе, если розы цветут?
Осень —
плачут в подушки
два миллиона девчонок?
Не прошедших по конкурсу в институт.

* * *

Не будь так безмятежно груб и важен,
Забудь замашки прежние свои,
А то тебе мы сказочку расскажем,
Как муравьеда съели муравьи.

* * *

В сердце столько наледи,
Что не выйдешь на люди.

* * *

В сотый раз переиздав
Строчек вымученных тыщу,
Он свернулся, как удав,
Переваривая пищу.

* * *

В громкой славе иль в тихой безвестности
Я скажу, когда весь догорю дотла,
Что жизнь моя, черт побери, прошла
По сильно пересеченной местности.

ГОРОД ПРОЛЕТАЙСК

И такие города бывают —
Неизвестна людям их душа.
Этот город просто пролетают,
По делам ответственным спеша.
В нем садятся с посвистом гремучим,
Может быть, всего на полчаса,
Просто чтоб заправиться горючим
И опять умчаться в небеса.
И смеются люди в небе майском
И в январском, что под их крылом
Город называют Пролетайском —
Не Хабаровском и не Орлом.
А что он бывает хлебосолом,
Разве угадаешь в вышине?
А какой он ладный да веселый,
Да какой зеленый по весне...
А какие зреют в нем невесты —
С трепетной, загадочной душой...
Может, в мире нет такого места,
Как вот этот город небольшой.
...Что ж, еще немного помотайся,
Ладно уж, скажу тебе, крепьш. —

Приземлись однажды в Пролетайске,
Больше никуда не полетишь.

* * *

Кемарили люди, храпели басом,
Ловили след уходящей зари.
И вдруг в самолете запахло мясом —
Не курицей, черт побери!
Проснулись бабушки и студенты —
Запах красноречивее слов.
Понимаешь, мы летим из Ташкента,
И стюардессы разносят плов.

* * *

Он год в моих дружках ходил,
Мне улыбался и кадил,
Пока ему я нужен был!
Потом меня он обходил.
И вдруг успех его забыл.

И вот он вновь ко мне прилез,
А мы с Тайгой — тихонько в лес.
У моего дружка Тайги
Четыре тоненьких ноги,
Большие уши, мокрый нос
И сердце верное до слез.

ЗАЛЕЗАЯ В ДУШУ...

Особая разновидность литштампов —

эссеизмы. Под «эссе» подразумевают стиль вольный, привольный, порой фривольный и всегда — лирически растрепанный. С годами он треплется все больше и больше, становясь уже просто невыносимо задушевным. Интиму в эссе — навалом. В каждом литературно-критическом жанре это проявляется по-своему.

Начнем с писательского портрета. Еще не очень давно он вполне мог выглядеть так:

«Писатель Имя-Речкин родился тогда-то. Его родители — такие-то. После школы поступил туда-то, оттуда его послали туда-то. Печататься начал тогда-то. В общем, то-то, того-то, туда-то, тогда-то».

Если портретируемый писатель — в преклонных годах, то, в каком бы состоянии он практически ни находился, следовало обязательно отметить, что именно сейчас он молод, бодр и свеж как никогда, полон неслыханных творческих возможностей, у него все впереди.

Это кажется уже старомодным. Писательский портрет сейчас выдерживают в иных тонах:

«Не помню, кто сказал: чтобы разгадать душу писателя — надо побывать у него па родине. Вот и село Нижние Котлы, где прошло босое (вариант — голоногое) детство Василия Имя-Речкина. (Примечание: при описании детства хорошо идет деталь — цыпки на ногах. Это — верняк.) Я назвал Василия — Василием, но для меня он Васютка, Васятка. Василек если хотите, даже Васек. Я пришел в его село в тот неповторимый час, когда уже рассвело, но еще не начинается смеркаться. На душе было сторожко и неторопко, хрупко и хрустко.

И вот мы сидим с Васьком на крылечке (на пеньке, на облучке, на завалинке). Он легко расправляет могутные свои плечишки и выталкивает — на полном выдохе, с азартом, нахрапом, от всего своего щедрого сердца:

— Эх!

Немало слыхивал я и «ахов», и «охов», и «ухов», общаясь с братьями писателями, но такого знойкого, бередящего и опаляющего душу «эх» не слышал никогда и нигде.

По-другому проявляется интим-эссе со слезой в жанре критической рецензии. Раньше ее нередко писали так:

«В таком-то номере такого-то журнала за такой-то год опубликована повесть такого-то... В центре повествования... Основной конфликт... С одной стороны... С другой стороны... Главная идея исчерпывающе высказана главным героем... Метко сказано...»

Кто теперь так пишет? Разве что литературные мастодонты и динозавры. Сейчас все больше норовят творить в манере эмоционально взбитой, душевно всклокоченной и взбаламученной. Манеру эту можно назвать дамской. Но речь идет далеко не только об одних дамах-критикессах. В век бурной эмансипации женщин происходит широкое распространение дамского стиля, его влияние на мужскую часть пишущих. Если в жизни женщины переняли у мужчин брюки, то в литературной критике многие мужчины тянутся ко всякого рода литюбочкам, оборочкам, фестончикам и прочим кружавчикам.

Вот образец дамской (в широком смысле) манеры рецензирования:

«Я живу у метро «Электrozаводская». Место тихое, нелюдимое, уединенное. Разве что грохочут поезда, тарахтят грузовики, шумят автобусы, шебуршат троллейбусы. Рядом — киоск «Союзпечати». Милая такая, уютная киоскерша с круглым, доверчиво открытым лицом. На днях, торопясь в метро, я увидела: лицо у киоскерши светилось изнутри. Вся она выглядела по-хорошему взбудораженной.

— Что с вами?

Вместо ответа она протянула мне очередную книжку очередного журнала. Я сунула в сумку и тут же о ней забыла. Но вдруг какой-то глухой внутренний толчок заставил меня потянуться к журналу. Я раскрыла наугад — повесть!.. Что было дальше — не помню. Я бродила по овра-

гам и чащобам вместе с героями, жила с ними одной жизнью, вместе с ними росла, зрела, мужала, наливалась соками, творчески колосилась, вместе с ними я... (далее — по ходу сюжета)».

Прежде рецензии нередко заканчивались словами:

«Все сказанное дает полное основание для вывода о том, что рецензируемая повесть представляет собой новый шаг (крупный вклад, большой успех, немалое достижение, бесспорную удачу, творческую победу — кому что нравится)».

А в наши дни?

«Я закрыла книжку, закрыла глаза. И мне как-то до боли блаженно подумалось о писателе: одним верным другом у меня стало больше...»

Или:

«Что я чувствовала к автору? Читательскую нежность? Критическое влечение? Человеческую симпатию? Нежную или, проще сказать, вековую нашу бабью благодарность? А может, все вместе взятое? Кто знает!»

Такого рода концовки, вырывающиеся непосредственно, как междометия, сейчас в большом ходу: «Еще бы!.. Счастливо!.. Так держать!.. Копать глубже!»

Неплохо идут финальные строки, претендующие на афористическую крылатость: «Дорогу осилит идущий... Талант свое возьмет... Без мастерства роман не сварить... Не забывать мыслить образами...»

Интимизация и эссеизация критики дает себя знать даже в жанре издательской справки-аннотации. Сухо и монотонно звучала она раньше:

«Читателя заражает то, что, верно отображая, автор глубоко выражает мысль о том, как преображают...»

То ли дело теперь.

«Смутное томление девичьей души на ранней непуганой зорьке, перепады и переливы любовных порывов и позывов, трепет первого трудового успеха, страстная до беспамятства борьба с авралами и штурмовщиной на производстве и в семейной жизни — вот что волнует не насытную, беспокойную душу автора книги, которую ты сейчас открываешь, бесценный ты наш читатель, друг и зазноба!»

Хочется пожелать новых успехов критикам-эссеистам, рецензентам-интимистам, эмоционалам-умельцам, мастерам невольной слезы!

Людмила Петрушевская

ДВЕ СКАЗКИ

ПУШИНКА

Летела по свету Пушинка.

Это была волшебная Пушинка, она могла возвращать то, что потеряно.

Летела Пушинка по свету и села на голову корове.

А данная корова единственно что потеряла за последние пять минут, так это лепешку. И тут же корова благодаря Пушинке нашла свою лепешку и вступила в нее, и ничего хорошего не произошло.

В следующий раз Пушинка села на голову человеку, который потерял ключ от квартиры. Этот человек уже шел покупать новый замок, потому что слесарь взломал старый замок и испортил его. Пока что дверь заколотили кривым гвоздем. Придя за новым замком в магазин, человек благодаря Пушинке нашел старый ключ в кошельке, куда полез за деньгами, и очень стал ругаться. Опять ничего хорошего не вышло.

Пушинка тогда снялась с головы человека и села на плечо к старушке, которая пришла из магазина и обнаружила, что на одном валенке нет калоши. Старушка в сердцах выкинула оставшуюся калошу в мусоропровод, а затем надела сапоги. Выйдя в сапогах из дому, старушка благодаря Пушинке обнаружила предыдущую калошу прямо посреди двора и чуть не заплакала о предыдущей калоше, которую она выкинула. Затем старушка подобрала калошу и пошла к уборщице ругаться, чтобы ей дали ключ от мусоропровода — искать калошу номер один, и

на этом Пушинка ее оставила. Опять ничего хорошего не получилось.

После этого Пушинка плюнула и двинула на вокзал, где, как известно, многие люди теряют то одно, то другое, и за короткое время там нашлось пять чемоданов, а затем муж вдруг нашел свою жену, которую ему совершенно не хотелось в данный момент видеть, потому что он приехал не один; муж получил от жены свою оплеуху, и ничего путного из этого не образовалось.

Но затем Пушинка села на плечо одной мамаше, и она нашла своего ребеночка, и вот тут начался всеобщий праздник, и плакали от счастья даже сотрудники детской комнаты милиции, где этот ребенок провел последние два часа и сломал там пишущую машинку, мусорную корзину, замок несгораемого шкафа и козырек фуражки, которую тетя милиционер уронила с головы.

МОЛОДОЙ ОСЕЛ

Жил-был молодой Осел, у которого было четыре уха. Он слышал каждый звук за несколько километров. И если, скажем, кто-то в соседней деревне чихал, то Осел кричал:

— Зачем вы так громко стреляете из пушек?!

И в конце концов все начали смеяться над ним. Приходили специально в его деревню, стучали, кричали, били по железу и т. д. Осел очень мучился и в результате решил бежать в город. Он надел шляпу, чтобы спрятать свои четыре уха и чтобы не было слышно ни звука, пошел по полю, миновал лес, перебрался через речку. И вступил в город.

Город этот был необычайный. В нем жили одни четвероногие. На молодого Осла все пялились, особенно на его шляпу. И молодая корова по имени Муму так сказала Ослу:

— Что вы делаете сегодня вечером? Приходите ко мне на день рождения.

У Осла была всего одна горбушка хлеба. И он с удовольствием согласился. Вечером оказалось, что у Муму стол ломится от яств. Там были блюда салата из свежего сена. Там стояло три ведра помоев и целый поднос сухих корок. Молодой Осел долго пировал у Муму. Хозяйка ему сказала:

— Не могли бы вы оказать мне любезность и пожить у меня некоторое время? У меня двухэтажный хлев.

Ослу все равно некуда было деваться, и он согласился. Вскоре в его хлев повалил разный народ: коровы, лошади, овцы, верблюды, пони и даже один крокодил Дядя Коля. Все они приходили посмотреть на диковинную шляпу молодого Осла. И после их визитов Ослу приходилось убирать вилами домик, потому что народ приходил к нему несдержанный. В деревне такого не случалось. В деревне все ходили чистые, в случае необходимости удалялись на гумно, и молодой Осел уже затосковал по родине. Вскоре корова Муму зашла к нему в стойло и сказала:

— Все очень волнуются, почему вы никогда не снимаете шляпу. Одни говорят, что у вас под шляпой растут рога, причем ветвистые. Другие говорят, что у вас там дыра до самого желудка. Третьи считают, что ваша голова поросла травой.

Тут молодой Осел скинул шляпу, и его уши развернулись, как куст лопуха.

— Как красиво! — закричала Муму.

И молодого Осла от этого крика просто передернуло. Он сказал, что уезжает к себе на родину. Тут же притащили ему телегу подарков, где было все — и сено, и корки, и пойло для свиней, а над всем возвышалось любимое лакомство — кипа старых газет. Осел впрягся в телегу и поволол ее в родную деревню, а там его встретили и сказали:

— Без тебя тут установилась такая тишина! Никто не кричит, не стучит, не колотит по железу. Мы поняли, какое это благо — тишина, и решили назначить тебя главным хранителем тишины. Зарплата — что пожелаешь.

И Осел сел в кабинет управлять тишиной. И если кто чихнет за три километра, то тому полагается штраф. Три умножить на один равняется три ведра отходов плюс пачка старых газет, к которым Осел сильно пристрастился в бытность свою в городе четвероногих, и не может прожить без газет ни единого дня. И даже собирается научиться читать.

Владислав Победоносцев

ТО ДА СЁ

Зажоужу в гастроном. Смотрю.

а там Рука Руку моет.

— Вы что ж это, — говорю, — сукины дети, делаете? Засмуцались.

— А ничего, — говорят, — мы такого особенного не делаем. Обычные, извините, трудовые будни. А если что не так, то мы умываем руки.

— Извините, — саркастически передразниваю их, — на этот раз умывайте не умывайте — сухими из воды не выйдете. Кто из вас Правая рука?

— Я — Правая.

— А где тут ваш главный разбойник окопался, покажь, где его логово?

Подводит меня Правая рука к обитой кожей двери с табличкой «Директор». Я дверь настежь и с порога:

— Вот ты где пригрелся! — говорю. — Корчишь из себя синьора-помидора — предводителя продуктов общественного питания!

А он нахально:

— Позвольте, — говорит, — узнать, чем, собственно, обязан и кто вы такой будете?

— Я-то, — говорю, — буду, а вот ты, — говорю, — будешь ли на этом месте в обозримом будущем — не знаю!

Ну, он видит — дело серьезное.

— Может, — говорит, — вас кто из продавцов обидел? Так мы сейчас все уладим, виновного накажем, а если хотите, так и в жалобную книгу напишите, мы не против...

Это они-то не против! Да у них этот фолиант хоть зубами рви — зубы себе вырвешь, фолиант — нет! А тут, нате, сам предлагает, вот до чего сдрейфил. И начал я его дожимать.

— Промашка, — говорю, — у вас вышла, не за того меня приняли. Свой бумажный кирпич предлагайте этим лопухам-простофилям, что в торговом зале толкутся. Со мной этот номер не пройдет, я вас насквозь без рентгена вижу. И по мордасам вашим вижу, чем вы здесь живете!

Тут он смекнул, что я в курсе дела, и залепетал:

— У нас накладные в порядке, вот они, пожалуйста, проверьте...

Я, конечно, этот дешевый маневр пресекаю на корню:

— Ты, — говорю, — мне свои накладные-перекладные не суй. Знаем мы ваши дебет-кредиты, брутто-нетто — не первый год с вашим братом знакомы.

Он сразу обмяк, на стульчик уселся, накладные в сторону сдвинул, пригорюнился. И вдруг как встрепенется:

— Слушайте, — говорит, — а может, вам чего нужно?!

«Слава тебе, господи, — думаю, — наконец-то дошло!»
А вслух равнодушно так:

— А что... завезли... что-нибудь?

Он даже из-за стола выскочил:

— Помилуйте, — говорит, — каждый день завозят, как же иначе!

Тогда уже спрашиваю с нажимом:

— А т о... есть?

— В общем-то, — говорит, — нету, но для вас найдем.

— А с ё... есть?

Замялся.

— Вообще-то тоже нету, но для вас... постараемся.

— А то-сё?

— Вообще-то... но ради вас... конечно...

— А т о г о не найдется?

— Верьте слову — не та категория снабжения... Впрочем, если вы очень настаиваете...

— А с е г о не сыщете?

— Да ведь это ж... Зачем же грабить средь бела дня?! Ну, хорошо, хорошо...

— А как насчет т о г о - с е г о? — Чувствую, что перехожу грань, но остановиться уже не могу.

- Побойтесь бога!..
 - Так есть или нет? — спрашиваю сурово.
 - Есть, — обреченно выдыхает он.
 - Одевайся, идем!
 - Куда?! — ужасается он. — У меня семья, дети...
 - В складские помещения, — говорю непреклонно.
- Он облегченно вздыхает.

Через час, выходя из гастронома, еле протискиваюсь в двери: взятые напрокат баулы сделали меня втрое шире. Сзади с такими же баулами кряхтят руки — Левая и Правая. Мне помогают...

«Вот ведь злодей!» — подумали вы про меня. И я не в обиде: можно так подумать. Но я не злодей. Просто у двух чудаков предстояла свадьба. И мне поручили добыть, доставать, извлечь из-под земли то-се, а также того-сего... А я от природы не умею ничего ни добывать, ни доставать, ни извлекать. И работников прилавка боюсь прямо-таки до смерти. Спросите, как же я отважился на всю эту жуткую комедию? А что прикажете делать, если один из тех чудаков — я сам?

ВОСХОЖДЕНИЕ

Мой приятель Динко укладывается в постель

обычно после основательной порции телевизора, что-нибудь за полночь. Но раз в три месяца, накануне выходного дня, рано удаляясь в свою комнату, он отчаянно возвещает:

— Приглушите звуки. Завтра я осаждаю Витошу!

— О! — благоговейным хором откликается семья. — Завтра он осаждаст Витошу!

Выключив телевизор и укутав телефонный аппарат пышно взбитой подушкой для смягчения внезапного звонка, весь дом прислушивается к командам Динко.

— Одеяло здесь... Кеды тоже... Компас на месте... Термос?... Куда, черт вам в бочину, девался мой термос?

Тесня друг друга, все бросаются искать термос. Как и следует ожидать, он стоит на письменном столе, уже источая головокружительный аромат плиски.

...Сигаретный слоистый туман стоит над славной Софией, когда Динко, приторочив с помощью домкрата к плечам рюкзак вещеизмещением в две тонны, выступает в поход. Сметливо ориентируясь по компасу, он выходит к остановке троллейбуса, доставляющего пассажиров прямо к подножию горы. Трудно описать ярость горновосходителей, с какой они осаждают салон, чтобы провести несколько минут в комфортабельном кресле и таким образом сбросить энергию перед предстоящим штурмом Вито-

ши. Динко едва втискивается со своим рюкзаком внутрь, при этом выдавливая с передней площадки шестерых конкурентов. Они с проклятиями выстреливаются на улицу, словно шарики из деревянного пистолета-хлопушки.

Наконец троллейбус, кренясь на виражах под тяжестью груза, добирается до подошвы Витоши. Предстоит новый сложный этап путешествия. Преодолев метров двадцать, Динко перебирается в рейсовый автобус. Натужно урча, автобус увозит наверх по терренкуру очередную когорту путешественников. Из открытых окон до оставшихся долетает удалая корпорантская песня: «Витоша, Витоша, виташа!» (что, очевидно, в переводе со студенческой латыни означает: «Витоша, Витоша, ты жизнь — и этим все сказано!», — а может, и что-то иное).

Где-то на полпути к вершине предстоит новое испытание — пересадка в вагончики фуникулера. Но путники и здесь не утрачивают боевого запала — песня звучит с прежним шиком: «Витоша!» Когда до пика остается не больше сотни шагов, вагончики притормаживают. Обстановка требует самостоятельных действий и, главное, арктического мужества, чтобы устоять перед райскими искусами.

Из разбросанных вокруг шатров выглядывают продавцы в тирольских шляпках с перышками и, демонически усмехаясь, предлагают отведать освежающего оранжада или пепси-колы. Над охотничьей избушкой вьется дымок, в котором угадываются нежные кабачата и поджаренный на углях сладкий перец-чушка...

Но это все удел каких-нибудь бонвиванов. Динко же, как истинный подвижник, сбросив с помощью трех добровольцев с изнуренных плеч свой рюкзак, подкрепляется домашними бутербродами и незаменимой слиской. Когда рюкзак заметно тощает, Динко начинает штурм вершины по истоптанной тропе.

О, это не легкие шаги к небу, доложу я вам! Бутерброды отягощают желудок, и, чтобы не завалиться, надобно то и дело цепляться за пожухлые кусты на обочине тропы. И все же Динко неукротимо идет и идет вперед и даже пытается промурлыкать фрагмент из бравой песни.

И вот вершина покорена! Победа, черт вам в бочину,

виктория, триумф! Прислонившись к дереву, на оголенном стволе которого было начертано традиционное: «Здесь побывали любители природы...» — и следовало несколько размытых автографов, Динко разделяется с остатками плиски. Незабываемые мгновения торжества и печали. Торжества человека над стихией... Печали — при воспоминании о тоскующих под кроватью домашних туфлях — бабушах с загнутыми носками...

...В воротах дома нашего триумфатора встречают супруга и дети, молитвенно воздевающие руки:

— О! Он одолел Витошу! Надо срочно отбить депешу дядюшке в Габрово!

ЗАСУХА

Закат сгорает от стыда
за день, что так беспечно прожит.
Бегут от пастырей стада
по пыльной палевой пороше.
Рюкзак мой полон.

Я — порожен!

Вон, кисти красные сцепив,
рябины ждут в пьянящих позах.
А клен колеблется в степи,
как странник, уронивший посох...
Ночлегом гостя награди!
Но хутор в запустенье светлом,
он забуддыжничает с ветром,
скрестивши руки на груди.
Ни капли неба нет в колодцах,
как сострадания в колоссах.
Пророк, громами огорошь!
Твой дождик жаждущих излечит...
Лежит без речек, как без речи,
сухой земли огромный грош.
Рога вонзаются в зенит
над шляхом, шляпками поросшим.
В молочных струях зной звенит.
Стакан мой полон.

Я — порожен!

САМОСПАСЕНИЕ

Давно не приносили вы икорки,
недужны телом, духом смятены...
Трамваев апельсиновые корки
к окраинам московским сметены.
Нас с вами тоже вымели из центра,
как гвозди, что отторгли от доски.
Счастливых лиц оранжевая цедра
ненастно зеленеет от тоски.
Придется приохотиться к рублям,
к упитанным базарным кораблям
и плавать их эскортом в их эскадре,
нагледя в белофартучной обшивке.
О Магелланы, о рублеискатели,
примите Дон Кихота по ошибке!
Не похудею я, а разжирею.
Я разведу цветов оранжерею.
Я розы превращу в букет банкнот,
посею авторучку и блокнот.
Но ведь из них не вырастет ни строчки,
посев взовьется ложью молодой...
И ваших рук осенние листочки
не попадут в мою ладонь.

ДЕТИ ПОЛНОЧИ

Собеседники — ты да жена.
Лампа старая дожжена.
Ноша новая тяжела.
Что ты скажешь нам, тишина?
Но у кумушек-черепах
неизвестное в черепах.
Утопили лунный черпак
в том колодце, что порчей пропах.
Дети полночи
просят помощи:
«Милосердные самаряне,
устилайте свой путь соболями!»

Для кого-то там, за морями,
в небе, знойном от стрекоз,
зреет солнца абрикос...
Ах ты, кровная,
коронованная,
драгоценная пустота!
Мрут в соленом степу стада...
У цветка на фламинговой ножке
Стали ржаветь листочки
и летит с лепестков сожаленье,
словно стеклышки с ожерелья...
Чей же перст нас еще осенит?
Вздулось дно, и упал зенит.
Занавесьте замочные форточки:
подозренье присело на корточки!
Дайте мне чужие очки,

чтоб ничего не чувствовать.

ЭЛЕКТРОПОЕЗД

Ты укачал меня почти,
электропоезд...
Твои колеса мне прочли
электроповесть.
Синели окнами твои
телеэкраны.
И речи каплями текли,
как телеграммы...
Над спектром матерщинных брызг,
над мелодрамами душа,
распахнутая вдрызг,
шумела травмами.
Тоски исчадь —
четвертинка-невредимка,
а с нею счастье
— Эвридика-невидимка!
Пускай не полная чекушка,
а початая —

счастливцев ласкою тщедушной
опечатывает:

«Войди ты в мое
положение —
в итоге боев
поражения!..»

Нужда у сердца в закуточке,
а щемит-то!
Он общипал все точки
общепита...
Он правду-матку резал
и... зарезал!
Теперь он в кресла — Крезом,
а мы — с кресел...
Ох, хоть бы ход ускорил,
друг-электropоезд!
Ты счастье склеиваешь с горем,
как прополис...

ШЕФСКИЙ КОНЦЕРТ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

Существует широко распространенное мнение,

будто люди искусства равнодушны к Бахусу. Особенно актеры. Я не социолог и не врач. Поэтому не имею научных данных, подтверждающих подобное суждение.

Думаю, что среди пьяниц попадают и артисты. Часто даже очень способные. Но ведь и среди людей других профессий встречаются алкоголики? Так что я не стал бы ничего категорически отрицать или утверждать, а согласился бы с примирительной формулировкой: ничто человеческое артистам не чуждо...

Мой друг-актер пристрастился к спиртному. Сперва выпивки носили случайный характер. Но через два-три года он не мог уже и дня удержаться. И жена, и родители его понимали, к чему все ведет. А он продолжал пребывать в неведении счастливым. О врачах и слушать не хотел:

— Что я — алкоголик? Да вы с ума сошли!

Но однажды он явился на спектакль в пьяном виде и стал нести со сцены чушь.

Поднялся скандал, дирекция готовила приказ об увольнении. Воспользовавшись этой ситуацией, мы немедленно отвезли моего друга в специализированную лечебницу, что, кстати, оказалось вовсе не просто: люди месяцами дожидались там очереди. Но главный врач, пусть земля ему будет пухом, был, как выяснилось, театральным человеком и охотно пошел нам навстречу.

Все это случилось в самом конце апреля, накануне майских праздников. Друг наш, конечно, сразу же при-

уныл, и мы решили по очереди ежедневно навещать его, чтобы как-то отвлечь от больничной обстановки.

Уже прошли первые майские дни, приближался День Победы. 6-го или 7-го числа приезжаю я провести больного и замечаю, что он сам не свой.

Оказывается, накануне к нему заезжал администратор, с которым он давно работал на эстраде, и пообещал главному врачу устроить 8 мая (!) шефский концерт.

В такой день и «левый»-то концерт организовать трудно: артисты буквально нарасхват! Но шефский?!

Мой друг мучился, не спал вторую ночь подряд: он был человек удивительно деликатный, совестливый, обязательный.

— Ты представляешь, что будет? Я этому трепачу второй день не могу дозвониться, а здесь уже повесили объявление! Кошмар!

Как могу, стараюсь успокоить больного, но сам начинаю прокручивать в голове различные варианты. Беда, что времени почти не осталось. Ну да ничего: мир не без добрых людей, что-нибудь сообразим!

И действительно — «сообразили»! Таких артистов 8 мая нельзя было увидеть в концерте и в Колонном зале. Правда, доставляли их сюда не в ЗИЛах и ЗИМах, а в каретах... «Скорой помощи». Самые-самые знаменитые и любимые! И все, повторяю, бесплатно, исключительно из уважения к своему товарищу, попавшему в беду.

Уже время начинать, слышны аплодисменты. И тут вдруг выясняется, что вести концерт некому: о конференсье-то мы и забыли. Прошу одного, другого, но никто не соглашается.

— А ты сам попробуй, — предлагает мне знаменитый тенор. — Не надо острить: просто объяви и уходи!

— Да я ведь никогда этого не делал. К тому же и костюм у меня не совсем концертный: босоножки, синие брюки, сорочка навыпуск.

— Ничего страшного! Не боги горшки обжигают, — вмешивается в разговор главный врач. — Такие замечательные артисты с любым ведущим будут иметь успех. Давай, давай! А то наши так разволнуются, что мы потом и за месяц не приведем их в норму.

При этих словах он достал из кармана белоснежного

халата ключ, слегка приоткрыл дверь и жестом пригласил меня пройти вперед. Я и опомниться не успел, как оказался на сцене. Попытался вернуться, но дверь уже была заперта...

Зал набит сверх всякой меры. Дышать нечем. В первых рядах сидят сотрудники, сзади — выздоравливающие больные. Кому не хватило стульев, по решеткам забрались на окна. Зрелище, прямо надо сказать, впечатляющее. Мой друг, кстати, устроился среди врачей, в самом центре первого ряда. Поднимаю руку — никакого впечатления!

— Добрый день! — стараюсь с помощью микрофона перекричать всех, обращаюсь я к зрителям. В ответ — хохот и аплодисменты. — Дело в том, что у нас приключилось недоразумение. Артисты приехали, а о конферансье мы забыли. — В ответ — снова гомерический хохот и бурные аплодисменты. — Между прочим, я пока ничего смешного не сказал. — Новый взрыв восторга. Самое обидное, что вместе с другими надо мной смеялся и мой друг. Он-то ведь знает, что я говорю правду. Ну да бог с ним!

Объявляю первый номер: называю фамилию автора, исполнителей, а зрители продолжают хохотать. Еле-еле ухожу со сцены: боюсь, что дверь все еще заперта. Но опасения мои оказались напрасны: навстречу мне шли исполнители...

По окончании концерта администрация больницы устроила трогательный прием. Кстати, отнюдь не безалкогольный. Главный врач умело вел стол, произносил пространные тосты за каждого исполнителя. Когда же очередь дошла до меня, он сказал:

— Я-то думал, что вы театральный критик. А оказывается, вы просто ловко меня разыгрывали...

Эдуард Полянский

УКУС, ЕЩЕ УКУС...

В детстве Рогова укусил слон

Небольшой, правда, слон, можно сказать, слоненок, рядом с которым Рогова-ребенка фотографировали. Он только хотел проверить иголкой, толстая ли у него кожа, а слон взял и тяпнул его. С тех пор слонов Рогов недолго любил. Все любят слонов, восхищаются их мощью, добродушием, а его они раздражают. В зоопарках на слонов глядят толпы зевак, а он пробегает мимо, чтобы только не видеть это чудовище, в цирке, когда на манеж выводят слона, Рогов демонстративно уходит в буфет.

В слонах ему все противно. Их запах вызывает у него аллергию, хобот — досаду, уши — недоумение, хвост — смешанное чувство: что-то между ненавистью и презрением, а вся туша в целом — бурю негодования.

Стойкое это негодование всегда клокочет в Рогове. Живых слонов он годами не видит, а наткнется где-нибудь в журнале или книжке на изображение слона, и готово — вспыхивает, как сухое полено. Такая злость его берет, что хочется ему тут же отправиться в Африку, в места обитания слонов, чтобы отстрелять с десяточек особей или в крайнем случае покусать кого-нибудь из ближайшего слоновьего окружения.

В Африку, как правило, съездить Рогову не удастся, легче с укушением ближних. И что характерно: никто из покусанных им не догадывается, почему он такой злой. Хотя догадки строят: одни думают, что Рогов ест всех поедом беспричинно, просто от хорошего аппетита. Другие,

наоборот, считают, что он пускает зубы в ход неспроста, вероятно, его в детстве какая-то муха укусила.

Они ближе к истине. Но случай Рогова оригинальнее: покусанных мухами не сосчитать — хоть сейчас в неформальные объединения группируйся, а он один как перст. Не слышать, что кого-то еще слон укусил.

Слоновый укус не идет ни в какое сравнение с мушиным. Слоновый вреднее — не для укушенного слонем, а для окружающих. Охватываемость высокая — много народу с метками от роговских зубов по свету ходит. Причем зарубки что надо, на всю жизнь.

Охватываемость с возрастом у Рогова росла. Если в детском саду в борьбе за жизненное пространство он покусал только двух согруппниц и одного воспитателя, то в школе познакомил со своими челюстями уже каждого пятого по линии пионерской организации и каждого третьего по линии комсомольской. Педколлектив до сих пор ходит в травмах, независимо от партийной принадлежности. Поступив в институт, Рогов взял личное обязательство — каждый год повышать покусанность органов студенческого самоуправления и руководства факультета на 20 процентов, с тем чтобы к окончанию вуза некого было кусать.

Росло и качество кусательного дела. В детстве Рогов вцеплялся зубами в конечность супротивника. Но постепенно понял, что это неэстетично и негигиенично. К тому же среди ближних попадались такие твердые орешки, что зубы стали крошиться и к пятидесяти годам Рогов вставил искусственную челюсть, которая однажды повисла на ягодице соседа по лестничной площадке, и он предъявил ее в суд как вещественное доказательство.

В суде челюсть затерялась, а новой, которой обзавелся Рогов после долгих мытарств, рисковать ему уже не хотелось.

В этом душевная драма Рогова: желание кусаться у него прежнее, чем кусаться — неизвестно.

ПАРОДИИ

СПАСИТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

(Белла Ахмадулина)

О, как угоден хрупкому перу
Младенчески наивный лист бумаги.
Таинственный зрачок чернильной влаги
Зовет вступить в опасную игру.

В ней вечности подобен каждый миг...
О, овладеть бы тайною простою,
Но я грешна. Я этого не стою,
Но я люблю товарищей моих

И я хочу, чтобы любовь моя
Была им как спасительные латы...
О, пощади Андрея и Булата!
Не удаляй их с поля, судия,

За нарушение истин прописных.
Бездарно пунктуальны дилетанты,
Но, как при Ное, редкостны таланты.
Поэзия не знает запасных.

Мой мальчик! Ты неопытен и юн,
Но, наделенный роковою властью,
Не погуби свистком неправым счастья,
Не поддавайся магии трибун!

БУДЕМ СКРОМНЫМ!

(Евгений Евтушенко)

Нехорошо быть очень знаменитым,
Хоть ты и по заслугам знаменит,
Поскольку знаменитость — заменитель
Того, что невозможно заменить.

Позорно чувство самоуважения
И глаженье себя по животу.
Искусство — это самоунижение,
Дарующее духа высоту.

Заразен этот комплекс пьедестальности,
Лишающий защитности стыда.
Большой поэт всегда в самоопальности,
Во внутреннем Михайловском всегда.

Сейчас, когда идет борьба за качество, —
И я всем сердцем солидарен с ней! —
Снобистское словесное трюкачество
Житейского ловкачества страшной.

Обложенный, как ватой, знаменитостью,
Ты к страждущим преступно глуховат.
В тебе растет рефлекс преступной сытости,
Что несвареньем совести чреват.

Я знаю, что при всей моей огромности,
Глобальности содеянного мной,
Погибну не от громкости — от скромности.
И мне не надо участи иной!

БЕРЕГИСЬ КРАСОТЫ

(Виктор БОКОВ)

Я скажу вам как мужчина,
Что давно и мудр и сед:
Красота — одна причина
Наших горестей и бед.

Что творит она, о боже!
Солит, вялит, кипятит,

Косит, рубит, трет, корежит,
Точит, мочит и копит.

Красота страшнее водки,
Злее жулика она.
Разговор ее короткий:
Ножик в спину — и хана!

Из князей бросает в грязи,
Тянет гирею ко дну.
Не случайно Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Точит душу, сушит тело,
Подстрекает согрешить.
Прав был все-таки Отелло:
Выход тут один — душить!

Этот демон многоликий!
Стольких страстью обуял...
Уж на что был Петр Великий,
Но и тот не устоял!

Вам пример свежее нужен?
С болью в сердце привожу:
Красотой я сам контужен.
Надо — справку покажу!

ОДА ЯМБУ

(Григорий ПОЖЕНЯН)

Не паситесь в офсайд
В тени у чужого крыльца.
Старый ямб не бросайте,
Несите свой крест до конца.

Он не следует модам.
Но это — наш главный калибр.
Для беседы с народом
Не годится холеный верлибр.

Ямб — мужская одежда.
Он, как тельник, спасет на ветрах.

Бриз любви и надежды
В упругих его кливерах.

Не юлите, не лгите —
Не прощает предательства он,
Старый ямб берегите.
Для себя.
Как последний патрон.

КОГДА-НИБУДЬ

(Давид САМОЙЛОВ)

Когда-нибудь и мы опишем
Все то, что видим или слышим,
Все вместе и по одному.
Достойно, без ажиотажа
Когда-нибудь и мы расскажем,
Вот только было бы кому.

Засветим фитилек убогий,
У камелька согреем ноги,
Найдем гусиное перо
Не для бахвальства и забавы,
Не ради денег или славы,
Все это, словно мир, старо.

Опишем — что сложнее и проще? —
Всю красоту осенней рощи,
Не взяв у классиков взаймы
Ненастных дней печаль и скуку,
Залива тонкую излучку
И мудрость пярнуской зимы.

Пока ж, окутанные ленью,
Мы предаемся размышленью,
Оно отрадой полнит грудь,
О том, чем мы живем и дышим.
Мы обязательно напишем
Когда-нибудь, когда-нибудь...

МОНОЛОГ ОТЕЛЛО

(Письмо в редакцию)

Позволь мне, о редактор дорогой,
Открыто исповедаться сегодня
И рассказать, как все произошло.

Я с юных лет любил ее, не скрою,
С тех самых пор, когда, придя из загса,
Был вместе с нею три рабочих дня —
Наш скромный и простой медовый месяц.

Как хороша она, моя жена.
Красива, остроумна, хлебосольна.
Умеет общество занять, поет,
И пляшет, и танцует шейк и танго,
Готовит вкусно щи и холодец,
Салаты, и котлеты, и жаркое,
И шьет, и свяжет варежки и свитер...

Мелькнули дни, прекрасные, как песня,
Наполненные счастьем и любовью
Вдвоем у телевизора... Но вот
Совсем случайно вдруг я обнаружил
У Кассио, соседа по подъезду,
Платок, который подарил в день свадьбы
Жене моей неверной — Дездемоне.
Платок отца, дар матери моей!

Конец, конец всему!
О, ужас брачной жизни, как мы можем

Считать своими эти существа,
Когда желанья их не в нашей воле?
Как можем мы ходить в театры, в гости и в кино,
Смотреть, прильнув друг к другу,

«Жизнь животных»,

«Спартак» — «Динамо», бокс и волейбол?

Ее любил я, верьте, без предела,
Не ревновал, но, раз заревновав,
Сошел с ума. Меж тем она твердит мне,
Что в прачечную мой платок сдавала
С иными повседневными вещами —
Рубашками, трусами и т. д.

Что кто-то в спешке метки перепутал —
И Кассио был выдан мой платок
С моим пододеяльником в придачу,
А нам взамен досталась чья-то юбка
И старая — без метки — простыня...
О демон зла, сидящий в службе быта,
Хочу я верить в то, что он не призрак.
Не выдумка коварной Дездемоны
И Кассио, играющего роль
Весьма простую — дурачка с мороза, —
Твердящего, что он тут ни при чем.

Редактор-друг, прошу, расследуй этот
Печальный инцидент, пока не поздно,
Пока я не спросил свою жену:
«Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»

Борис Рацер
Владимир Константинов

«НАМ ТАКОЙ ХОККЕЙ НЕ НУЖЕН!»

Хоть и мчится время быстро,
Не забыть нам и сейчас,
Как канадских хоккеистов
Мы побили в первый раз,
Как обидчивые профи,
Мировой позоря спорт,
Били наших в фас и в профиль
И швыряли их на борт.
Как, коньком судью утюжа,
Их вратарь права качал...
«Нам такой хоккей не нужен!» —
Коля Озеров кричал.
Да, такой хоккей не нужен,
Это верно, но тогда
Объясните, почему же,
Несмотря на дух, нам чуждый,
Тянет наших звезд туда.
Может, легче клюшкой драться,
Чем играть с партнером в пас,
Ну а может быть, канадцы
Платят больше, чем у нас?
Так ли, эдак — в общем, грустно —
На трибунах нынче пусто,
Ведь хоккей — он как балет,
Нет у звезд — и сборов нет.
С каждым днем дела все хуже,
Тот, кто был с хоккеем дружен,

Дома чай с вареньем пьет.
«Нам такой хоккей не нужен!» —
Говорит теперь народ.

НОВАЯ ПОРА

В КБ, где служит наш приятель,
Настала новая пора:
Никто минуты зря не тратит
На пересуды о зарплате,
О том, какие в моде платья
И как футбол прошел вчера.
Никто не прячется за кульман,
Кроссворд решая в «Огоньке»,
И втихаря никто не курит,
Пока начальство вдалеке.
Никто не дремлет над вязаньем,
Не заполняет «Спортлото» —
Здесь каждый делом нынче занят,
Не отвлекаясь ни на что.
Источник этого прогресса
Не в том, что стыдно стало вдруг.
А в том, что нынешняя пресса
Настолько стала интересной,
Что и работать недосуг.
Газету, а не готовальню
Соседа просит дать сосед —
Теперь в КБ изба-читальня
Без перерыва на обед.

ЭПИГРАММЫ

АЛЬТЕРНАТИВА

Бабка стала жить красиво,
Носит тонкое белье,
Говорят, альтернатива
Появилась у нее.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Почему женился дед
В девяносто с лишним лет —
Чтоб талоны на кальсоны
Дали как молодожену.

ПЛЮСЫ ПЛЮРАЛИЗМА

Глеб все плюсы плюрализма
Ощутить в больнице смог.
Врач сказал: «Поставить клизму»,
А главврач: «Отправить в морг».

АФРИКАНСКИЕ СТРАСТИ

Два студента-африканца
В сельский клуб зашли на танцы.
Этих танцев результат —
Восемнадцать негритят.

НОВАЯ АКСИОМА

Аксиому бы иную
Нынче вывел Архимед:
«Дайте точку мне пивную —
Я куплю весь белый свет».

КАША С КОНЬЯКОМ

— Эх, была б у нас валюта, —
Молвил бабке дед Пахом, —
Мы б сейчас с тобой, Анята,
Ели кашу с коньяком!

ВЫПЬЕМ С ГОРЯ!

Написал бы вряд ли Пушкин,
Доживи до наших лет:

«Выпьем с горя, где же кружка?» —
Их нигде в продаже нет.

МОРАТОРИЙ

Ваня с Маней год уж в ссоре,
Врозь зарплата и еда,
Только ночью мораторий
Объявляют иногда.

ЗА БОРТОМ

Не врубился сразу Митя
И остался за бортом —
Думал, все бегут на митинг,
А бежали за вином.

УГОНЩИК

Самолет угнал Семенов
В город Вышний Волочек —
Говорят, там без талонов
Продается коньячок.

ЭПИГРАММЫ

ОТКРЫТИЕ

Язык — твой враг.
Но я заметил:
От болтунов бывает толк.
Ты столько слов бросал на ветер,
Что тот под грузом их умолк!

АВТОРУ МНОГИХ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕСЕН

За что стихи твои любить?
Из них и песенки не сложишь.
«Поэтом можешь ты не быть...»
А быть поэтом ты не можешь.

ВСЕМОГУЩЕМУ

Ты видим был — пылал пожаром.
Ты слышим был — всех громче пел.
И вот теперь ты стал Икаром.
Так почему ж ты уцелел?!

ЭНЦИКЛОПЕДИСТУ

Он прочитал всего Аполлинера.
За Байроном последовал Шекспир.
Штудировал Петrarку и Гомера.
Но след в душе оставил «Мойдодыр».

В МУЗКОМЕДИИ

Все в том театре удивляет —
Партер! Балкон! Парадный вход!
Там кто поет — тот не играет.
А кто играет — не поет.

НЕУДАЧНОМУ СЕМЬЯНИНУ

Не жалуйся на склочную жену.
И тещу слишком часто не брани.
Ну разве можно ставить им в вину
То, что с тобой несчастливы они?!

ЗНАТОК

Ты можешь все. Ты знаешь всех —
Кто черт, кто богородица.
К кому и как пришел успех
И кто когда разводится.

Твои достоинства ценя,
Скажу тебе в напутствие:
Ты можешь все! Избавь меня
От своего присутствия!!!

ЗАВИСТНИКУ

Он не щадил свои больные нервы,
Завидуя удачливой судьбе.
Но так как в зависти считался самым первым,
То больше всех завидовал себе!

Владимир Рецептер

ПРИВЕТ ЗНАКОМОМУ ЧИНОВНИКУ

Привет тебе, торжественный чиновник,
умеющий не торопить слова!
Ты ничему на свете не виновник,
тебе приказы слаще, чем права.

Ты долго жил и так натерся мылом,
что в руки не даешься никому.
Привет тебе в радении унылом,
привет тебе и креслу твоему!

В твоём прелюбодействе с этим креслом
пассивная тебе досталась роль,
прости меня в намеке неуместном,
прими привет и продолжать изволь.

Ты сладко ел и сладко пил задаром,
а мы тебя кормили много лет,
и потому не попрекаю старым,
а лишь передаю тебе привет.

И если дома, в дармовых палатах,
которые ты отнял у трудяг,
ты от вопросов спрятался проклятых, —
не стану вешать на тебя собак.

Привет тебе. Будь трезв и осторожен.
Без дела к зеркалам не подходи.
Ведь если ты поймешь, как ты ничтожен,
то сам еще повесишься, поди!

* * *

Александр Ивану

Ты заметил, как чайка сварлива,
как ворона картава и зла?
Как мотаются возле залива,
как холёные носят тела?

Как нахальны и как беспардонны!
Как уверены в праве на крик!
Ах, и ты потерпел от вороны?
К этой чайке и ты не привык?

Вон одна загорает у лодки,
а другая глядит в небеса...
Да, конечно, конечно, красотки!..
Голоса выдают, голоса...

Роберт Рождественский

ДЕЯТЕЛЬ

«Думаю,
наш могут не понять!..
Кто ж позволит?..
И потом...
пускай мне позвонят!
Иль позвонят...
Это все пока не решено...»
Он вздыхает грустно.
А глаза —
Как дупель домино:
Пусто — пусто.

БИБЛЕЙСКОЕ

Видно, совесть у предателей
чиста.
Среди них бывают тоже
Чуды-Юды...
Снова вышла
биография Христа
В популярном изложении
Иуды.

КТО ПОСЛЕДНИЙ?

Близ города Худоносурска

есть один городок. Без названия. Ни у кого из его жителей нет и драного халата, но зато все население поголовно имеет автомобили. И профессиональные водительские права.

Здесь живут мужественные люди, способные во имя дела надолго оторваться от родного дома, от семьи. Нелегко им тут живется, но и у них бывают радостные события.

Вот, например, сегодня к шоферу Петрову приехала на побывку жена с сыном.

— Здравствуй, Петька, — дрогнувшим голосом говорит шофер Петров, — давненько я тебя не видел. Вон ты какой вымахал!

— Шестнадцатый пошел, — всхлипывая, сообщает жена, — летит времечко. Когда дома-то будешь?

— Скоро, скоро, Глаша, — суровее Петров, — уже квитанцию выписал, и пропуск есть...

— Как с питанием-то? — успокаиваясь немного, спрашивает жена, развязывая узелок с пирогами.

— Да вот огородец небольшой завел, — смущенно тербит густую бороду Петров, — огурцы, правда, померзли, но помидорчиками надеюсь побаловаться...

— Пропадешь ты здесь, — вздыхает жена.

— Не пропаду, — твердо обещает Петров, — вон нас здесь сколько, — указывает он широким жестом на множество сельских машин, образовавших этот автоград у

ворот Худоносковского шиферного завода в ожидании очереди на отгрузку продукции.

Внешне эта панорама как будто не внушает тревоги. От безделья шоферы забивают «козла», греются на солнце, а жар нагоняет сон, и во сне водители возвращаются домой, в родной колхоз, на уборочную, туда, где сейчас позарез нужны их автомобили.

Но наяву работники Худоносковского шиферного завода не спешат отпустить их домой с продукцией.

Строгий график, установленный для потребителя, четко определенный день и час отпуска товара ликвидировали бы это великое автомобильное «противостояние» у ворот завода. Но по-прежнему получить за короткий срок шифер в Худоносковске — дело почти невозможное.

И поэтому шофер Петров, прощаясь с сыном, говорит с надеждой:

— Ты у меня теперь совсем взрослый, Петька! Скоро меня заменишь...

Эльдар Рязанов

* * *

Стих — состояние души...
Попробуй это опиши.
Но описать не в состоянье я
свое плохое состояние.
Коль в сердце пусто, ни души,
ты все же рифму не души.
И если ты от жизни стих,
то сочини негромкий стих,
а о неважном настроенье —
неважное стихотворенье.

* * *

Какие звонкие ребята
пришли в конце пятидесятых —
худы, крикливы, небогаты,
со свежим чувством, с тонкой кожей,
со словом новым, непохожим;
глаза дерзки, упрямы мышцы —
певцы, актеры, живописцы,
творцы кино и музыканты,
поэты и комедианты...
Какие звонкие таланты!

Теперь, в конце восьмидесятых,
в почете прежние ребята,
богаты и лауреаты,
и телом, и душой пузаты —
пропал их праведный запал...

Теперь, в годах восьмидесятых,
оборотились в доставал.
Какая жалкая расплата!

АВТОПОРТРЕТ

В мозгах туман! И сам раскис...
Я существую отупело.
И непрерывен свист тоски,
и расползлось, как тесто, тело.
Ужасен мой автопортрет,
похож он на карикатуру.
Нарисовал его я сдуру,
теперь сведу его на нет:
что написалось — зачеркну
и снова внутрь себя нырну.

* * *

Есть тяжелая болезнь,
нет у ней диагноза.
Протекает без болей,
но весьма заразная.

Самый главный ее знак —
крепкое здоровье.
Не подвержен ей слабак,
здесь — без малокровья.

Нету сжатий головных
иль сердечных спазмов,
нет и слабостей иных,
например, малярия.

Первоклассный организм
(лучшее давление)
излучает радость, жизнь
и пищеварение.

Чем сытней набит живот,
тем опасней случай.

Этот вирус сам растет
от благополучия.

Глаз остер,
быстра нога
и железны нервы.
Там, где раздают блага,
В очереди первый.

Изворотливость важна!
Пусть одна извилина,
Пусть одна, зато она
невозможно сильная.

Эпидемия страшна,
Сладостна, удобна.
Называется она
Комплексом апломба.

ЭКЗОТИКА

ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

В африканских племенах
Бабы с виду — просто страх:
На макушке сто косиц
Мажут жижей из яиц.

А от глаз черта к вискам —
Синька с глиной пополам.
Нос под тяжестью кольца
Заслоняет пол-лица.

Вот умора! Ну, народ:
Ваксой измазюкан рот,
Зубы красные — кошмар!
Бус на шее сорок пар.

Сумасшедший экстерьер
Нашим бабам — не пример.

ВЗГЛЯД ИЗ АФРИКИ

В европейских городах
Бабы с виду — просто страх:
На копну своих кудрей
Льют вонючий, липкий клей.

А глаза у них притом
Обрисованы углем.

Веки в свежих синяках,
Кровь густая на губах.

Кожа белая, как жир,
А на ней мука лежит.
Черт-те в чем зажата грудь —
Ни запеть, ни продохнуть.

Этот сумасшедший вид
Нашим бабам не грозит!

Дружеские шаржи «Крокодила»

Худ. Б. Ливанов.
Всеволод Мейерхольд

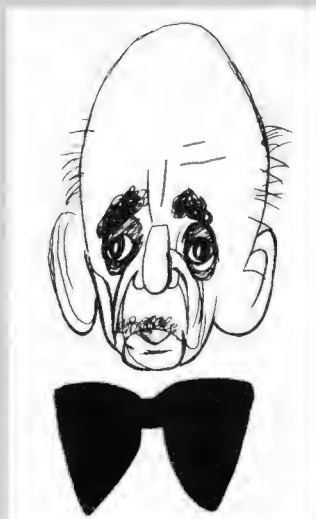
Худ. В. Мочалов.
Евгений **Дубровин**

Худ. В. Корячкин.
Татьяна **Самойлова**

Худ. И. Лососинов.
Ян **Френкель**

Худ. В. Мочалов.
Павел Антокольский

Худ. К. Куксо.
Зиновий Гердт

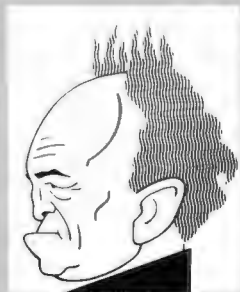
Худ. И. Игин

Владимир Яхонтов

Николай
Черкасов

С. Н. Михоэлс

Худ. Н. Соколов. Владимир Высоцкий. 1970-е годы.

Худ. К. Куксо.
Валентин Гафт

Худ. М. Беломлинский.
Буллат Окуджава

Худ. В. Мочалов.
Никита Михалков

Худ. И. Лососинов.
Михаил Козаков

Худ. В. Мочалов.
Андрей Вознесенский

Худ. В. Мочалов.
Александр Иванов

Худ. К. Куксо. Лия Ахеджакова

Худ. И. Игин.
Ираклий Андроников

Худ. В. Мочалов.
Григорий Горин

Худ. В. Мочалов.
Белла Ахмадулина

Худ. В. Мочалов.
Юнна Мориц

Худ. Н. Лисогорский.
Борис Полевой

Худ. И. Макаров.
Кайсын Кулиев

Худ. И. Макаров.
Расул Гамзатов

Байрам Салимов

ЧУТЬ ПОСПЕШИЛ

Ишак

с поклажею и седоком
Шел по тропе размеренным шажком
И вдруг — в галоп!
Рванулся вдаль стрелой.
Вскричал седок: — Язык отсохнет мой,
Коль впредь я назову тебя: ишак,
А не крылатый аргамак!.. —
А длинноухий... тотчас наземь лег.
И час упрямца поднимал ездок.
Когда же поднял —

выразился так:

— И все-таки, как вижу, ты — ишак.
Тебя поторопился я, прости,
В разряд коней перевести.

СВЕТ ЗНАНИЙ

— Что печалишься, сосед?
— Да в квартире свету нет,
Мрак чернее волчьей пасти...
— Поглядим, —

сказал Ахмед,

Мастер по монтерской части.
Минул час.

Рука моя
Свечку уж держать устала.

Но ведь не электрик я
И в амперах смыслю мало;
У Ахмеда —

опыт, стаж...

Со стремянки он бросает:
— Слишком тонок провод ваш —
Ток в него не пролезает!

СТИХИ ГРУСТНОГО СОРТА

— Отчего,
Разобъясни-ка мне, —
Мясника спросил я в магазине, —
У тебя куски в одной цене?
Что ж ты по сортам
Не делишь ныне?

— Покупатель сорта одного
Нынче стал, —
В ответ раскаты баса, —
Я сегодня слышу от него
Лишь один вопрос:
«А хватит мяса?»

О ДРУГОМ СЛЕЗЫ

Махмуд,
Подставив бритве темя,
Крепился из последних сил,
А мастер,
коротая время,
Тупую бритву все хвалил:
— Еще от деда... Сталь какая!.. —
Клиент уже в слезах:

— Родной,
Возможно, бритва и стальная,
Да я, признаться, не стальной.
— Что вижу!
Плачешь ты, похоже,

По волосам?!

Умерив дрожь,

Завыл несчастный:

— Нет, по коже,

Что с головы моей дерешы!..

Перевод с лезгинского

Б. Гайковича и Н. Князева

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Средь лилипутов Гулливер,
Отнюдь не без причины,
Являл разительный пример
Высокого мужчины.
Бедняга! Жизнь по временам
С ним обходилась круто.
Момент — и вот, глядишь, уж сам
Он в роли лилипута.
Одно лицо и там, и тут —
То великан, то лилипут,
То смотришь вниз, то смотришь ввысь;
Кто ты — попробуй разберись!..

Что говорить, вопрос непрост.
Не самоочевидно,
Как реализовать свой рост,
Чтоб не было обидно.
Быть великаном ты готов
У лилипутов? Будь им.
Но это пара пустяков
Любым нормальным людям.

Ты хочешь к великанам в круг?
А знаешь, что в кругу том
Для поголовно всех вокруг
Ты будешь лилипутом?

Нет, хочешь в мире жить с собой —
Живи меж тех, чей рост, как твой,
Как, собственно, и все мы.

А Гулливер нам не указ,
И вообще, друзья, у нас
Подобной нет проблемы.

ОЧЕВИДНОЕ

Волга впадает в Каспийское море.
Истина часто рождается в споре.
Лошадь скопытится, съев никотина.
Детская шалость — пожаров причина.
Лучшие пляжи, естественно, в Сочи.
Женщины очень до тряпок охочи.
Карточный долг — это долг вашей чести!
Курят на службе в положенном месте.
Не оставляйте детей без присмотра.
Шефа приветствуйте четко и бодро.
В отпуск проситься желательно летом.
Скоро я стану великим поэтом.

Владимир Свиридов

СЕКРЕТ МАСТЕРА ОСЕТРОВА

Н а работе произошло

неприятное событие: сломался общественный электро-чайник.

Коллектив женский, эмоциональный. Реакция самая неожиданная. Синхрофазотрон сторел — никто глазом бы не моргнул, а тут из-за обыкновенного чайника целая драма.

— Выручайте, Александр Иванович, — кинулись женщины к своему коллеге, единственному в комнате мужчине.

Осетров смущенно пожал плечами:

— Я, правда, никогда не пробовал... Не мой профиль... Но атака женщин была стремительной и мощной.

— Ну, Александр Иванович! Ну, пожалуйста! Вы ведь инженер... мужчина... умница...

Осетров не устоял и с тяжелым, как штанга Султана Рахманова, предчувствием взялся за чайник.

Повертел его, покрутил, внутрь заглянул, кулаком постучал. В розетку воткнул. Чайник был холоден, как борщ в студенческой столовой.

— Дома почию, — сказал он и, чтобы не осрамиться, сразу после работы побежал в мастерскую. Чайники брали только на осень, а на дворе была весна. Осетров подумал, посомневался. Потом махнул рукой: не ударять же лицом в грязь — и направился в магазин.

...На работе он появился с новым чайником.

— Вот это мастер! — наперебой расхваливали его коллеги. — Что значит руки золотые... Чайник-то, смотрите, как новенький стал.

Слава о мастере Осетрове разнеслась со скоростью звука.

Александр Иванович чувствовал себя именинником и больше не сожалел о потраченных деньгах.

Однако на другой день ему принесли в ремонт будильник.

Осетров уперся, заартачился:

— Да вы что, смеетесь? Идите в мастерскую. У меня работа. Я занят.

— Знаем, — сказали ему, — что клиентов у вас хватает. Но это просьба Ивана Мироныча. Ни одна мастерская не берет.

Осетров вздохнул: разве ему откажешь! — и положил будильник в портфель.

Подобных часов в магазине не оказалось. Сказали, что модель старая и уже давно снята с производства, и предложили настенные с боем. Александр Иванович расстроился: такого поворота он не ожидал. Он позвонил Ивану Миронычу. Трубку взяла секретарша Галочка.

— Будильники такие уже не модны... не выпускают... А с боем можно?

Пока Галя наводила справки, Осетров прикидывал предстоящие расходы.

— Разрешил. Делайте с боем. Иван Мироныч спрашивает, с кукушкой не сможете?

— А с песнями Аллы Пугачевой не хотите? — разозлился мастер и повесил трубку.

...Восторгу сослуживцев не было предела.

— Да он просто Паганини ремонта, — говорили об Осетрове. И пошло и поехало. К Осетрову валили, как на «Бони М». Несли все подряд: авторучки, зажигалки, кофеварки, электрогрелки... Одна женщина, предприимчивая, видно, попросила пылесос в швейную машину переделать:

— Вы, говорят, все можете...

Другая обиделась даже: Ивану Миронычу вон из плюгавенького будильничка какие часы... А я из цветного те-

левизора прошу маленький, портативный сделать. Неужели трудно? Из большого маленький всегда легче...

Александр Иванович отбивался как мог, но люди-то все нужные — попробуй откажи. Он терпел, крепился, зарплаты не хватало, в долги залез по уши.

Мастер ходил невеселый, бледный, невыспавшийся.

Свой секрет раскрывать не хотелось: стыдно — такой авторитет, и вдруг...

Осетров выбрал другое.

На новую работу шел радостный и торжественный, как на премьеру в Большой театр. Александра Ивановича встретили приветливо, даже, можно сказать, с восторгом.

— Слышали о вас, слышали. С нетерпением ждали...

— Вы о чем, товарищи? — Хорошее настроение слетело с Осетрова, как листья с осенних деревьев.

— Не скромничайте, знаем, — ответили ему. — Вы, кстати, вовремя, будто по заказу. Рояль у нас в комнате сломался...

ПРИРУЧЕНИЕ БЮРОКРАТИЗМА

Дошла недавно до меня новость:

хотят будто бы закрыть бюрократизм. Знаете: так, как закрывают фабрику, продукция которой перестала пользоваться спросом, или рудник, если месторождения иссякли и эксплуатировать их дальше экономически просто невыгодно. Новость сильно встревожила меня: правильно ли мы поступаем, не преждевременно ли?

Конечно, с одной стороны, может быть, и правильно. Пишущая братия жалуется: тема, мол, исчерпана, не хватает за душу, как прежде.

«Я волком бы
выгрыз
бюрократизм», —

сказано, конечно, сильно. Но когда? Больше сорока пяти лет назад. А других таких же вдохновенных строчек не написано. Явный признак непопулярности темы или падения удельного веса сатирического пафоса в жанре поэзии.

Хнычут карикатуристы: не можем, дескать, больше рисовать эту отвратительную физиономию в очках с роговой оправой и тупым взглядом. Примелькалась она, а люди обращают на нее не больше внимания, чем на табличку «По газонам не ходить!».

Сетуют эстрадные артисты. Перестала маска бюрократа пользоваться успехом. И не потому, что вытеснили ее Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна, а ввиду

выработки у зрителей иммунитета. Не хочет он над бюрократом смеяться, хоть убей его!

Одним словом, по всем линиям наметилась явно тупиковая ситуация.

И все-таки не рановато ли списывать в архив, объявлять дешевую распродажу, отправлять на слом? Исчерпали ли мы все возможности бюрократизма? Думаю, что нет. Особенно если учесть, что мы думали только о вреде, какой он причиняет, и упускали из виду пользу, которую может приносить бюрократизм.

Позвольте, а разве такое возможно, спросите вы? Вполне возможно, все зависит от условий, ситуации и целей, которых мы хотим достигнуть. Не претендуя на патент, автор тем не менее берет на себя труд показать на ряде конкретных примеров полезный, так сказать, созидательный бюрократизм. Это в известной мере напоминает процесс одомашнивания дикой кошки, когда человек, приручив ее, использовал врожденные хищнические инстинкты пушистого зверька в собственных интересах.

Начнем хотя бы со следующего эксперимента: как можно в союзе с бюрократизмом бороться против бесхозяйственности и даже побеждать ее?

Правление Банка Откровенной Бесхозяйственности, именуемого в дальнейшем БОБ. За столом с табличкой «Председатель» восседает бюрократ. Он принимает посетителя.

— Мы просим правление банка, — говорит посетитель, — ассигновать шестнадцать миллионов на строительство завода фарфоровой посуды.

— На местном сырье?

— Так точно. Но глины хватит на два, от силы на три десятка чайных сервизов.

— Чем это подтверждено?

— Данными геологоразведки. Правда, ее провели после того, как проект завода был утвержден и внесен в генплан, но все-таки провели.

— Значит, завод сразу же после пуска...

— Встанет на консервацию.

— А где гарантия, что завод не будет переориентирован, скажем, на деревообработку?

— Вокруг завода в радиусе более тысячи километров

нет ни одного деревца. Леса вырублены еще в XVIII веке. Вот справка Гослесофонда.

— Тогда на переработку шерсти.

— Но единственным источником шерсти в нашей области являются эрдельтерьеры и колли. Однако собак обеих пород насчитывается у нас не более двухсот. Можете ознакомиться с годовым отчетом общества собаководов.

— Значит, шестнадцать миллионов рублей, ассигнованных нашим банком, окажутся выброшенными на ветер?

Посетитель, обрадованный тем, что ему удалось успешно преодолеть все бюрократические рогатки, восторженно восклицает:

— Так точно, на ветер! Можно оформлять ассигнования?

— Не спешите в кассу! Мне нужен еще один документ.

— О боже! Какой еще?

— Документ, подтверждающий тот факт, что в районе строительства на самом деле дуют ветры и что они способны разметать шестнадцать миллионов рублей, как дорожную пыль!

Посетитель поднимается со стула, в изнеможении оттирает со лба выступивший пот и, пошатываясь, направляется к выходу. Он бормочет, как в бреду:

— Чинуша... канцелярист... бюрократ несчастный!

Ну, а теперь перенесемся из производственной сферы в область быта, посмотрим, чем бюрократизм может быть полезен здесь. Возьмем для примера хотя бы кампанию по борьбе с алкоголизмом, которая пока не достигла, к сожалению, блистательных успехов. Так вот, что произойдет, когда к ней подключатся бюрократы? Если, конечно, поставить перед ними задачу не пресекать пьянство, а, наоборот, насаждать его? Итак, представим себе...

Раннее утро. За прилавком только что открывшегося ларька знакомая по предыдущему эпизоду фигура бюрократа, только теперь он не в отлично сшитом костюме, а в поддевке и белом фартуке. К ларьку подбегает изрядно помятая личность, говорит хриплым голосом:

— Слушай, парень, плесни-ка кружечку!

— Ась?

— Налей, говорю, своего пойла. Душа горит!

— Поосторожней, гражданин. Во-первых, тут продают не пойло, а плодоягодное вино под названием «Смородинка», ГОСТ 1261. А во-вторых, откуда мне знать, что у вас душа горит, на лбу ведь не написано...

— Да ты принюхайся как следует, от меня же вчерашним перегаром за версту разит.

— Вот еще что выдумали! Вас тут за день тыща проходит, и к каждому принюхиваться? Во что же я, лицо официальное, тогда превращусь? В сыскное животное?

— Ну нюхать не желаешь, тогда взгляни на мое лицо. Видишь, какое оно опухшее?

— Вижу. Только мои личные эмоции и восприятия к отчету не приложишь и в папку не подошьешь. А потом, может быть, вы просто поспали больше обычного. Как говорится, после трудов праведных...

— После трудов? Ха-ха! Да ты знаешь, как мы вчера с дружками поддали?

— Опять эмоции, опять сказки Венского леса... Ну, представьте, отпущу я вам кружку вина, а что дальше будет?

Личность в предвкушении выпивки явно оживилась.

— Милый, ты только налей, только налей. Мне один лишь глоток и нужен, я ведь с пол-оборота завожусь.

— Все вы так хвастаетесь. А потом вприпрыжку на работу бежите.

— Я на работу побегу? Ха-ха! Да ты знаешь, сколько у меня прогулов по причине этой самой пьяночки?

— Не знаю. Наболтать что угодно можно. А вот вы мне справку принесите.

Личность явно ошарашена происшедшим неожиданным поворотом.

— О чем справку?

— О прогулах. Тогда и вино получите. Нам ведь когда на базе вино отпускают, то строго наказывают: «Помните, разливное вино — продукт дефицитный, без разбора им торговать нельзя. Отпускайте в первую очередь тем, кто не может без него обойтись: шоферам и грузчикам от мебельных магазинов, прогульщикам, алкоголикам-хроникам...» Поняли, гражданин?

— Так ведь я, можно сказать, тоже...

— Вот именно: сказать все можно. Несите справку, иначе у нас с вами ничего не выйдет.

— Да, но если я кружку «Смородинки» хвачу, вахтер заметит, меня схватит.... А как же тогда будет со справкой?

— Не волнуйтесь. Если пользоваться вашей терминологией, то, пока я не схвачу справку, вы не схватите вина. Сообразили?

Помятая личность ошалело крутит головой.

— Справка... ГОСТ 1261... Не хочу!

Бодрой походкой направляется к заводской проходной. А бюрократ, с удовольствием потирая руки, говорит:

— Ну вот, еще одного псевдоалкоголика изобличил.

Достаёт гроссбух и делает в нем какую-то отметку.

— Поставим галочку для отчета.

Краткости ради мы привели только два примера благотворной деятельности бюрократа. Но их ведь можно продолжить. Почему бы не создать по принципу БОБ главк «Распылитель» (по распылению государственных капиталовложений), объединение «Сокрзапчасть» (сокращение выпуска запасных частей), фирму «Туда-обратно» (расширение встречных перевозок) и, наконец, службу УПОК (ударим по качеству)!

Несомненно, имел бы успех и перевод на бюрократические рельсы таких бытовых услуг, как утеря вещей заказчиков, сданных в ремонт, перелицовку или химчистку, порча верхнего платья и пальто в ателье, упорядочение натуральных и денежных поборов с ответственных квартиросъемщиков и членов их семей и т. д.

Если мы, отбросив былые предрассудки, приступим к широкому и смелым экспериментам, то может наступить время, когда бюрократизм из всеми презираемого и гонимого станет симпатичным и желаемым. Превратится в доброго друга человека на службе и дома.

И тогда вместо обычных сегодня ругательств и проклятий мы будем то и дело слышать:

— Спасибо тебе, бюрократизм!

— Чао, милый!

Александр Сивицкий Юрий Тимянский

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Лисица написала в книге жалоб:
«Ворона торговала с полным ртом,
Она сначала сыр во рту держала,
А отпустила лишь потом!»

* * *

— Мне воз тащить не хочется! —
Поведал конь коню. —
Я лучше на извозчика
«Телегу» сочиню!

* * *

Медведи-соседи живут и не тужат,
Семейства медведей берлогами дружат.
Помогут, чем могут,
соседи друг другу,
Окажут любую
медвежью услугу!

* * *

Найти сегодня ишака —
Задача очень нелегка.
Ишак весь год
живет на даче,
За ишака осел ишачит.

Потерявшиеся рыбы
Повстречаться бы
могли бы
В центре моря-океана,
У китового фонтана!

Обыватель напрасно твердит,
Что баран на ворота глядит.
Не глядит на ворота баран,
А, не глядя,
идет на таран!

Ужа в объятиях держа,
Гадюка так его зажала,
Что уж пообещал, дрожа,
Впредь уважать ее
за жало!

Правил муравьями много лет
Добрый, справедливый муравьед.
В том его правления успех,
Что умел он есть не сразу всех!

Есть у морского котика
Заветная мечта:
Ему увидеть хочется
Обычного кота.
Они, морские котики,
Любители экзотики!

ТАКИЕ ВРЕМЕНА

УДАР

А я, историк современный,
беру сатиры бич ременный,
размахиваюсь, бью плеча,
и плача,
и себе переча,
гляжу на плечи палача,
исполосованные плечи.

Как спутано добро со злом!
Каким тройным морским узлом
все спутанное перевязалось.
Но надо бить.
А надо бить?
И я, невозможная жалость,
ударю!
Так тому и быть.

* * *

Безвременье — это когда
Процветает большая еда,
А также такая эпоха,
Когда выпивохам неплохо.

Пораньше встают, чтоб пораньше вступить
На доблестный путь благородный:
Рюмашку водчонки попить
С какой-нибудь рыбкой холодной.

* * *

Тайны вызывались поименно,
выходили, сдержанно сопя,
словно фокусник в конце сезона,
выкладывали публике себя.

Тайны были маленькие, скверненькие.
Каялись они навзрыд,
словно шлюхи с городского скверика,
позабывшие про срам и стыд.

Тайны умирали и смердели
сразу,
Словно умерли давно.
Люди подходили и смотрели.
Людям было страшно и смешно.

* * *

Много было пито-едено,
много было бито-граблено,
а спроси его — немедленно
реагирует: все правильно.

То ли то,
что граблено-бито,
ныне прочно
шито-крыто?

То ли красная эта рожа
больше бы покраснеть не смогла?
То ли слишком толстая кожа?
То ли слишком темная мгла?

То ли в школе плохо учили —
спорт истории предпочли?
То ли недоразоблачили?
То ли что-то недоучли?

Как в таблице умножения,
усомниться не может в себе.
Несмотря на все поношения,

даже глядя в глаза судьбе,
говорит:

— Все было правильно.

— Ну, а то, что бито-граблено?

— А какое дело тебе?

ДЕЛО — В ШЛЯПЕ

Контора! Шляпа! Но без конторы
Не заработают моторы.
А в шляпе — дело. Голова,
Которая всегда права.
Пора покончить с пренебрежением
К воротничкам крахмально-белым
И с непонятым уважением
К образовательным пробелам.
Пора устраивать диктовки
Всем управляющим, заведующим,
Пора отказывать несведущим —
Без знания и подготовки.
На коне любой дурак державен
и торжественен.
Что, если ссадить его с седла,
попросить его хоть ненадолго
разместиться на полу?
Что он будет делать
и — как выглядеть,
сидя на полу?

* * *

Руки опускаются по швам.
После просто руки опускаются,
и начальство во всю прыть пускается
выдавать положенное нам.

Не было особенного проку
ни со страху, ни с упреку.
А со штрафа было меньше толку,
чем, к примеру, с осознания долга,

чем, к примеру, с личного примера
и с наглядного показа.
Смелости и подражают смело,
и таким приказам нет отказа.

Ордена, которые нам дали,
траты на металлы оправдали.
Выговоры те, что нам влепили,
забавляли или озлобили.

Не шуми, начальник, не ори.
Толку нет от ругани и ражу.
По-хорошему поговори.
Я тебя уважу.

* * *

...И опять душа влекома,
словно слышит чудный звук,
в заседание месткома
Академии наук.

Там, ермолки сняв, набрюшники
расстегнув, уставя взгляд
в бесконечность, не наушники,
а наставники сидят.

Протирая нарукавники
аж до самого локтя,
битый час сидят наставники,
непостижное когтя.

Желтые брады уставя
в полированный паркет,
рассуждают о составе
приглашенных на банкет.

СОН

Как дерево стареет и устает металл,
Всемирный обыватель от истории устал.
Он одурел от страха и притерпелся к совести,

Ему приелись лозунги и надоели новости.
Заснул отец семейства и видит сладкий сон
О том, что репродуктор неожиданно включен.
Храпит простак, но видит его душевный глаз:
Последние известия звучат в последний раз.
Храпит простак, но слышит его душевный слух,
Что это все взавправду, что это все не слух:
Событий не предвидится ближайших двести лет
И деньги возвращаются подписчикам газет.
Посередине ночи, задолго до утра,
Вскочил простак поспешно с двуспального одра.
Он теребит супругу за толстое плечо,
И, злая с недосыпу, она кричит: «Для чо?
Какой там репродуктор? Он даже не включен».
И оптимист злосчастный проклял свой лживый сон.

ПОЛНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ

Сытый — голодного, здоровый — больного
не понимает сегодня снова.

Начитанный не понимает невежды
и отнимает призрак надежды

на то, что суть не в необразованности,
а, напротив, в незаинтересованности,

в ловле эрудиционных блох,
а в остальном невежда не плох.

Невнимание и непонимание
достигают степени мании.

Уже у блондина для брюнета
никакого сочувствия нету.

Уже меломаны замкнулись в кружок,
чтобы послушать пастуший рожок,

слиони от предвкушенья пускают,
а пастуха туда не пускают.

* * *

Пуделя как хризантемы:
взбиты и пышны.
За собачками за теми
ходят вдоль весны
взбитые и пышные,
словно пуделя,
дамы, губками, как вишнями,
тихо шевеля.

ПРАВОТА

— Сшибу и буду прав! —
мне заявил шофер,
своих законных прав
ценитель с давних пор.

Обязанности не
ценил настолько он.
— Сшибу! — сказал он мне. —
И за меня закон!

— Сшибу, — сказал, — собою,
не буду отвечать! —
И правоту свою
стал кожей излучать,
глазами испускать,
цедить через уста.
— Тащить и не пущать! —
орала правота,
серчала: — Осади! —
кричала: — Я ваш бог!
А на ее груди
значок был голубок.

ПЕРВЫЙ ОВОЩ

Зубы крепко, как члены в президиуме,
заседали в его челюстях.

В полном здравии, в лучшем виде, уме,
здоровяк, спортсмен, холостяк,
воплощенный здравый рассудок,
доставала, мастер, мастак,
десяти минуток из суток
не живущий просто так.

Золотеющий лучшим колосом
во общественном во снопу,
хорошо поставленным голосом
привлекает к себе толпу.
Хорошо проверенным фактом
сокрушает противника он.
Мерой, верой, тоном и тактом,
как гранатами, вооружен.

Шкалик, им за обедом выпитый,
вдохновляет его на дела.
И костюм сидит, словно вылитый,
и сигара сгорает дотла.

Нервы в полном порядке, и совесть
тоже в полном порядке.
Вот он, этой эпохи новость,
первый овощ, вскочивший на грядке.

НАУКА ПРОДАВАТЬ

Продавцу говорит ученик продавца:
— Будь заместо родного отца.
Научи продавать!

Сдуру, смолоду я ничего не умел.
А теперь мне неловко и грустно.
Научи, что такое обвес и обмер,
что такое усушка, утруска.
Научи продавать!

Научи меня подлой науке за грош.
Без нее не пропадешь.

Продавец отвечает ученику:
— Говорю без обиняков,
я тебе помогу,
я люблю вас, учеников.
Научу продавать.

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА

От адамова яблока
и до самого паха —
брюхо.
От затылка и до затылка —
ряха.
Это все
то ликует
глухо,
то подрагивает
от страха.

Прах.
Сугробы праха.
Барханы.
Тлен.
Кладбище тлена.

Погосты.
Вот такой —
мордатый,
брюхатый.
Очень ясно
и очень просто.

* * *

Алкоголик, пьяница, пропойца,
нарушитель всяческих пропорций,
портящая монумент деталь
на пол-литра у жены достал.

Айвазовского нужна палитра,
чтоб изобразить, как он пол-литра

покупает, открывает, пьет,
сам себе промолвив:
«Во дает!»

Водка опрокинутая в глотку,
мчится вниз, напоминая лодку,
опрокинутую в водопад,
обжигает с головы до пят.

Хорошо! А раньше было скверно.
Он стоит, раскачиваясь мерно.
Выступает счастья пот на лбу.
Пьяница благословил судьбу.

Он теперь со всем готов мириться.
Он всему на белом свете рад.
Даже младший лейтенант милиции
для него теперь как старший брат.

С НАТУРЫ

Толпа над упавшим решает: пьяный или больной?
Сердечник или алкоголик?

И, как это часто случается с родимой стороной,
в обоих случаях сетуют о всех скорбях и болях.

Ну что ж, подойду, послушаю, о чем толкуют они,
какие решенья рубят?

У нас ведь этого не любят: падающего подтолкни!
У нас не бьют лежачих и гибнущих не губят.

— Инфаркт, — утверждает женщина. —

Конечно, это инфаркт! —

Она то вздохнет, то ахнет.

— Не факт, — говорит мужчина. —

Конечно, это не факт.

Инфаркты водкой не пахнут.

Покуда все советуются, как бы помочь ему,
покуда я оттачиваю очередную строфу,

уста его произносят невыразимое «мму!»
и вслед за тем выталкивают неизъяснимое «тьфу!».

И все ему сообщают о том, что с утра не пьют.

— Но я именинник сегодня! — он сумрачно сообщает.

И, вежливо посмеявшись (у нас лежащих не бьют),
ему охотно прощают.

В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ

Нынешней осенью произошла

жуткая история. Там, за границей. А точнее — вблизи одного из промышленных центров Великобритании.

Серебристый приземистый «Форд» несся по широкой магистрали в сплошном потоке машин. Внезапно из третьего ряда он круто зарулил влево и, создав серьезную аварийную обстановку, беспомощно ткнулся в зеленый бордюр.

Во множестве завизжали тормоза. Джентльмены, высовываясь из своих автомобилей, возмущенно реагировали и не всегда при этом достойно выражались. Подлетел моторизованный регулировщик и, заглянув в остановившийся «Форд», остолбенел.

Там, внутри, находились четверо, и все четверо были абсолютно мертвы. У каждого из трех пассажиров в груди торчало по громадному мексиканскому кинжалу с инкрустацией. У водителя же шея была туго стянута тонким шнуром, а запястья скованы наручниками.

Скоро на обочину спикировал полицейский вертолет. Вместе с комиссаром Дакоттой прилетел его молодой белобрысый помощник Вайзеншварц и кучка рядовых сыщиков, фамилии которых знать необязательно. Была и собака, хмурая и высокомерная.

Осмотрев и обнюхав место происшествия, все крепко задумались. Лишь комиссар, посвистывая, шурился на нежаркое солнышко и, казалось, совсем не интересовался

подробностями дела. Внезапно он круто обернулся к Вайзеншварцу:

— Ну, выкладывайте вашу версию.

— Шофер зарезал своих пассажиров и покончил с собой.

— Но прежде надев на себя наручники?

— Нет, видимо, это сделал кто-то посторонний...

— И на ходу выскочил из машины? Где же он? И зачем надевать наручники на убитого?

— Их надели еще на живого.

— И после этого он вел машину и удавился?..

— Тогда я не знаю.

— Вся эта едущая публика, — комиссар широким жестом показал на поток машин, — имеет право не знать. Вы, Вайзеншварц, такого права не имеете. Даю вам два дня.

...Через два дня Вайзеншварц принес Дакотте сведения о всех погибших. Один из пассажиров был жителем крохотного острова в Индийском океане. Как сообщили его кучерявые соседи, за два дня до трагедии он отправился рыбачить на своей парусной лодчонке, и больше его никто не видел. Вдова и четырнадцать ребятишек рыбака ничего добавить не смогли.

Второй был состоятельным американским бизнесменом. Накануне смерти он вылетел на личном самолете в австралийский филиал своей фирмы, но там его не дождались.

Третий работал сцепщиком вагонов в Красноярском вагонном депо (СССР). Четыре последних дня он не появлялся на работе, но это никого не встревожило, так как он выдавал замуж младшую сестру и его прогул можно было считать если не вполне законным, то по-человечески понятным.

А водитель оказался торговцем наркотиками из Боготы, причем никакого отношения к «Форду» он не имел. Машина принадлежала канадскому проповеднику, который вот уже две недели лежал в больнице (язва двенадцатиперстной кишки).

Выслушав доклад помощника, комиссар спросил:

— Ну и как вы объясняете все это?

— Не знаю, что и сказать, сэр. Загадка на загадке. Почему все эти люди молниеносно бросили свои дела и собрались вместе? Куда они ехали? И что привело к этой ужасной развязке?

— Вайзеншварц, вам не кажется, что задавать вопросы гораздо легче, чем отвечать на них?

Вайзеншварц молчал, помаргивая.

— А ведь стоит вам допросить виновника происшествия...

— Да, сэр. Конечно, сэр. Но кто он?

— А вот в этом, Вайзеншварц, и заключается ваш промах. Не я ли учил вас: «Ищите того, кому преступление было выгодно»?

— Я пытался, но не нашел.

— Поэтому вам никогда не быть комиссаром.

— Но ведь и вы, сэр...

— Я нашел, — спокойно возразил Дакотта. — Вся эта история выгодна единственному человеку — автору рассказа. Соедините меня с ним, немедленно.

Вот так комиссар добрался до меня, и я честно признался:

— Господин Дакотта, я давно мечтал написать леденящий душу детектив в духе Агаты Кристи.

— Но почему вы не привели рассказ к логическому концу?

— Я хотел, да не получилось. Уж слишком невероятная, запутанная история. Думаю, и у Агаты тоже бы ничего не вышло. А вы как считаете?

Комиссар неопределенно хмыкнул. Телефонная станция дала отбой.

Вячеслав Сысоев

СУХАЯ ЛОЖКА РОТ ДЕРЕТ

Золотой ключик и стальные запоры

открывает, да так, что комар носа не подточит. Откроет, кого виноватить? Виноватый скрылся, и концы в воду. Ищи ветра в поле.

А страж-то на что? Кстати, кто он? Известная личность, тертый калач, живущий по пословице «То полезно, что в карман полезло». Его знаменитую фразу «Сухая ложка рот дерет» не один век повторяет по нескольку раз в день каждый уважающий себя мздоимец. И нет спасения от этого лиха на Руси. Хотя кто только не пытался искоренить его. Куда там! А ведь как круто брали...

Разбирал я недавно царские законы по казенной надобности и откопал екатерининский указ от 24 августа 1762 года «О отрешении коллежского советника Шокурова от дел, за взятки, и о неопределении впредь ни к каким делам».

«Объявляется во всенародное известие. Понеже как всем довольно известно, а паче будущим у дел, какое Именным блаженный и вечной славы достойная памяти Государя Императора Петра Великого указом, состоявшимся в 1714 Декабря 24, запрещение учинено, дабы все чины, которые у дел приставлены, не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать, кроме жалованья, а кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет; то и в 1724 Февраля 5 подтверждено; а в 1760 году

Августа 16 дня данным Сенату указом же, блаженная и вечной славы достойная памяти, Государыни Императрицы Елизаветы Петровны повелено по самым обстоятельствам известным зло прекращать и искоренять; но, не взирая на все оное, присутствующий в Москве в Шта-те-Конторе Коллежский Советник Василий Шокуров Гребенского войска с Атамана и писаря, которые приезжали для принятия на оное войско жалованной суммы, взял ту-луп Калмыцкой и голову сахару».

Но соблазн велик. Иной раз настолько, что человек, не желая того, попадает в грех. Наступает себе на глотку и, не мудрствуя лукаво, берет барашка в бумажке и все остальное, что идет в руки...

Настойчива была императрица Екатерина II. Прознала, что указ ее не то, что курам на смех, но ни направо, ни налево, некоторым мздоимцам от него ни холодно, ни жарко, и решила — вот я вам! 11 ноября 1766 года строже прежнего указ появился: «О распубликовании во всем Государстве об учиненных наказаниях за взятки и за лихоимство». В указе государыня сообщила изволила: «...учредили Мы особливую Комиссию... повелели накрепко исследовать о преступлении. По окончании которой Сенат Наш всеподданнейше Нам представил доклад. Сенату повелеваем... приложение напечатав, публиковать во всем Нашем Государстве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Оказавшиеся в преступлениях по Белгородской Губернии разного звания чины, всего 39 человек, о которых докладом Сенатским представлено было со мнением.

А именно:

Правящий Губернаторскую должность, Действительный Статский Советник Князь Григорий Шаховской.

В слушании о неуказном винном курении в Малороссийских слободах и во взятках с тех слобод и с посланных в те разного звания людей,

В 1761 500 рублей.

— 1762 715 —

— 1763 100 —

Мнение Сената. Как им сие преступление учинено не

только прежде, но и после состояния Именных Вашего Императорского Величества Всемилоостивейших 1762 года указов, и для того за то его преступление лишить всех чинов, и впредь ни к каким делам не определять.

Города Старого Скола Ассесор Василий Горохов, к званию о неуказном винном курении и во взятках с слобод и нарочно посланных ко искоренению того:

В 1762 215 рублей.

Лошадь в 30 рублей.

Вина ведр с пятью.

Любопытные спросят: «А как сейчас?» Прямо и не знаю, что ответить. Знать не знаю, ведать не ведаю, хотя имеется статья в Уголовном кодексе о строгой ответственности за получение и дачу взятки. Правда, недавно новые пословицы услышал: «Лучше маленький подарочек, чем большое спасибо», «Баксы есть, окажу честь», «На спасибо иномарку не купишь, дворец не построишь, на Гавайи отдохнуть не съездишь».

НОТАЦИЯ

Директор был человеком добрым

и мягким. Он никогда не распекал своих подчиненных, не повышал голоса. О стучании кулаком и речи не могло быть. Если и случалось, правда, крайне редко, он слегка журил провинившегося.

Вот и сейчас перед директором стоял, опустив голову, Федор Иванович и переминался с ноги на ногу. А директор тихим голосом, по-отечески его корил:

— Нехорошо, братец ты мой, Федор Иванович, получается. Ведешь ты себя не того... Весь коллектив относится к тебе с уважением. Я бы сказал, любит тебя. А ты? На посетителей, извини меня, рычишь. Уборщица зашла прибраться, ты на нее страху нагнал. От несознательных посетителей подачи принимаешь. С товарищами по работе конфликтуешь. Что молчишь? Отвернулся? Стыдно тебе?

Тигр по имени Федор Иванович тяжело вздохнул и пошел в угол клетки.

Анатолий Трушкин

ТОСТ

— А у, не тяни время — говори тост.

— Значит, так... весь вред на Руси от пьянства. За то, чтобы бросить пить!

— Молодец! Хорошо сказал. Молодец! В самую точку. Здорово! Суть сказал. «Бросить пить». Молодец! Когда бросить?

— Сейчас.

— Молодец. Здорово. И уже только по праздникам?

— Нет! Ни в праздники, ни в будни.

— Молодец. Только ночью?

— И ночью не пить.

— Если не закусываешь!

— И если закусываешь, не пить!

— погоди. сразу не сообразишь. «И если не закусываешь, не пить...» На людях?!

— И на людях, и в одиночку. Ни днем, ни ночью. Со всем не пить!

— Правильно! Молодец! Только в отпуске.

— Нет.

— В больнице?

— Нет.

— За границей?

— Нет.

— Перед смертью!

— Нет!

— За границей ночью один перед смертью!

— Нет! Вообще не пить!

- Сдаюсь. И что тогда?
- И тогда заживем как люди!
- Мы?!
- Да.
- Хороший тост. Ей-богу, хороший! Пьем стоя. Прощу всех встать! Грех не выпить. Грех!..
- Под такой тост и завтра не грех выпить!

ГОЛОС СОВЕСТИ

— У тебя десять миллионов, подай нищему-то. Не проходи мимо. Куда тебе, к черту, столько денег? Надо добрые дела делать. Вон тому подай — без рук, без ног.

— И подам. Что мне, жалко? Вон он — без рук, без ног. Небось у него детей куча. Почему это у нищих всегда детей много?

— Ты не рассуждай. Ты подай!

— И подам. Тыщу подам.

— Молодец! Ты просто молодец будешь. А ты заметил, как у тебя уже хорошо на душе стало? Как будто росой умылся, да?

— Да... умылся. Нищий домой придет, жена спросит: «Сколько насобирал?» А он ей: «Тыщу!» Она хлоп башкой об пол, и поминай как звали.

— Ну, поменьше дай.

— И дам.

— И дай. Не жмись.

— А кто жметя? Восемьсот подам.

— Молодец!

— Надо только как-то так положить, чтобы никто не заметил, а то отнимут. Придет домой, жена: «Сколько насобирал?» Он: «Ничего, все отняли». Она хлоп башкой об пол, и поминай как звали.

— Ну ты хоть сколько подай.

— И подам.

— И подай.

— И подам. О чем речь? Сколько — вот вопрос. Пятьдесят рублей тоже отнимут. Десять не отнимут.

— Молодец! Ну, клади десять — и пошли... Клади. Это правильно — никто не тронет его.

— Его нет, а меня тронут. Если по десять подает, сколько же у него? Выследят и грохнут.

— Так ты что, сволочь, совсем ничего не подашь?

— Почему не подам? Подам.

— И подай!

— И подам. Интересно, сколько ему подают? Рубль...

Два. У меня таких денег нет. На нет и суда нет.

— Ну ты сволочь!

— Как я подам то, чего у меня нет?

— Ну ты и гнида!

— погоди — он смотрит на меня. Думает: хотел подать и не подал. Нехорошо получилось.

— Молодец! И что ты сделаешь?

— А я вот что сделаю — я сяду рядом, тоже буду просить. «Подайте, Христа ради, кто сколько может!»

— Смотри — калека этот тебе хочет подать. Не вздумай взять!

— Никогда!

— Не вздумай взять!

— Никогда! Спасибо, не надо. Спасибо, не надо. Спасибо... Сколько он дал-то? Пять рублей.

— Ну ты и сука!

— Ну, сука, и что? Я же не для себя взял, для него. Чтобы он как будто росой умылся. Придет домой, жена: «Сколько насобирал?», а он: «Я сам сегодня подал».

— Молодец!

— Какой есть.

— Мо-ло-дец!

— Ну, все, все. Пошли отсюда.

ЮНОЙ ХУДОЖНИЦЕ

Ирония — это тень от улыбки.

Нарисуйте, девочка, поэта.
Он поэт, он создан для портрета.
У поэта умные глаза.
Нарисуй поэта, стрекоза!

Что ты все порхаешь по пейзажам?
Спору нет, ценней шахтер со стажем,
он герой, конечно, спору нет,
сразу в Эрмитаж возьмут портрет.

Но поэт, поэт!.. Решайся, крошка.
Пусть не фешенебельна обложка,
но зато — пружина и сюжет.
Выйдет замечательный портрет.

Вдумчиво-печальный, в черном фраке
я войду в историю без драки,
с тенью от улыбки на устах,
чтоб висеть... в общественных местах.

СТЕРИАЛИЗМ

Две трети планеты свихнулось на сюре.
Жлобы рекламируют неожлобизм.
А в нашей изысканной литературе
полвека главенствовал стериализм.

На вате стерильной не сыщешь микроба.
В страдальне хирурга стерилен паркет..
Стихи из журнала возьмите на пробу —
не то что микроба, реальности нет.

Стерильные кошки котят не рожали.
Стерильные овечки, стерильный верблюд.
В стерильных романах проблем не решали,
но звонко внушали, что главное — труд.

Слипались от приторной патоки веки.
И наглухо гений стерильной строки,
как будто на рану бинты из аптеки,
стерильные строки мотал на мозги.

У стерилизма надежные корни.
У стерилизма плоды хороши:
печатные тонны стерильного корма,
где правда разбавлена сахаром лжи,
где нож на иголочку или занозу
похож, а герои похожи лицом,
как дети, когда яйцеклетка к митозу
имеет в ядре сорок семь хромосом.

Увы, и сегодня таланту в прихожей
редактор частенько вещает: «Пущать
не велено. Вы на других не похожи.
Вам рано в стерильную нашу печать!»

Елена Флорентьева Леонид Флорентьев

АМБА

Н икогда она ничего мне

не делала. Она же ничего не умеет. У нее яичница подгорает сразу с обеих сторон, представляешь? Я с работы прихожу, она все время лежит, грызет яблоки и читает. Протянет руку, возьмет не глядя, хрум, хрум — только хвостик задумчиво положит обратно на тарелку. Безотходное производство какое-то.

А в тот раз я устал как черт. И горло болело. Ну, пришел, ужином, конечно, и не пахнет. Ладно! Стал отбивать мясо. Она закурила и говорит: «О, если б раб жил тысячу жизней! Для полной мести мало мне одной...» Я, естественно, молчу, только бью по мясу сильнее. Тут она с таким презрением, знаешь, просто жутким презрением в голосе и надменно так заявляет: «А ведь ты не знаешь, откуда эти строки!» Я молчу все равно, а мясо бедное от моих ударов уже совсем расплзается по доске. Кое-где дырки появились. «Где, — спрашиваю, — сковородка наша?» Она стряхивает пепел в горшок с цветком: «Все эти глупости, — высокомерно говорит, — меня не занимают. А ты малоразвитый и даже не знаешь, что я прочла тебе строки из «Отелло».

Н-ну! И тут я заметил, что цветок мой весь в окурках! Мне даже показалось, что листья немного скукожились. Он как-то по-особому называется, забыл, житель пустынь и растет жутко медленно. Я его чуть ли не пионером еще посадил, правда, лет десять назад, землю рыхлил, поливал дождевой водой и убивал тлю. А эта его не переноси-

ла, особенно когда случайно порвала о колючку рукав какой-то турецкой кофты.

Тут я не выдержал, что говорить... Размахнулся и как ахну молоток в мойку, а там гора грязной посуды. Я просто озверел.

— Ты, — говорю, — неприятное существо, лежишь тут целыми днями, как большая котлета...

Она даже не вздрогнула, глазом не моргнула. Воткнула окурочек в горшок и с большим олимпийским спокойствием делает следующее заявление:

— Ты, Вова, человек с бытовым сознанием. Абсолютно. Я же, напротив, безу... словно, человек с ноосферным сознанием. Отсюда несовместимость и антагонизм, делающий нашу дальнейшую совместную жизнь невозможной. Мы разведемся. Амба.

Я вытащил молоток из-под осколков; тут же, кстати говоря, и сковородку разыскал. Давай, давай, говорю, беги, разводишься. Испугала!

И начался какой-то кошмар. Я как человек отходчивый утром встаю, готовлю завтрак и говорю вполне беззлобно: «Давай вставай, чисти челюсти». А она выскочила из-под одеяла, как черт из табакерки, схватила с кровати мою пижаму и — раз ее на пол. Я обалдел. Я, между прочим, ее сам стираю. И орет еще своим хриплым голосом: «Не смей приближаться к моей кровати, я тебе сказала, что подам на развод!»

Шабаш какой-то! Кровать у нас одна, хотя и широкая. И купила нам ее моя мама в числе прочих вещей, чтобы поддержать наш союз. Я сдерживаюсь, отвечаю вполне резонно: «Это кровать моей матери, так что лучше подними мою пижаму и замолчи». Когда я сказал про маму, что тут началось! Будто буря разразилась или цунами пронеслось. В глазах потемнело. Это она в меня швырнула какой-то своей вещицей. Должно быть, сапогом. Если не канделябром. Набрала в грудь воздуха и закричала так, что, думаю, лифтерша внизу перекрестилась: «Твоя мать — женщина с бытовым сознанием! Пусть она подавится кроватью! Чтоб она не смела совать нос в эту квартиру, иначе я за себя не отвечаю!» Проорав все это и кое-что еще, она прыгнула моментально в кровать и спряталась под одеяло.

Я целый день был сам не свой. Переживал и на работе все приглядывался к нашим теткам. Ну, тетки как тетки. А я смотрю и думаю: интересно, как они дома расправляются с мужьями? Дубасят небось при случае. Нет, кто их поймет? То вроде все делают, чтобы понравиться мужчинам, а на поверку выходит, что этих же мужчин вроде как и ненавидят.

Все-таки я решил как-то загладить конфликт. Вечером заявляюсь домой с букетом. Кстати, она-то мне никогда ничего не дарила. Одеколону не дожدهшься. А теща — вообще не поверишь! Эта жила моей маме на пятидесятилетие подарила ложку за два рубля.

Открываю я дверь, и первое, что вижу в прихожей, — огромные мужские сандалии, такие мерзкие, с прорезями для пальцев и пятки. Заглядываю в комнату: эта с каким-то хреном кофе пьет. Новое дело! Познакомься, говорит, это мой коллега, он мне будет помогать с диссертацией. А у него морда в прыщах. Ну, этот тип вскочил с кресла, завиял задом, будто собака, которая ластится к хозяину.

— Будем знакомы — Андрей Абрамович Волк.

Я говорю:

— Меня Вовой звать.

И ем его взглядом. Другой бы понял, надел свои сандалии и ушел, этот — нет. Плюхнулся обратно в кресло и стал в чашку сахар сыпать. Две ложки, три, четыре. Нет, ты представляешь, этот Волк явился в мой дом, в этих своих сандалиях, разбросал их по всей квартире и кофе с сахаром пьет. Гадюка.

Подсел я к этой милой парочке. «Боюсь, — говорю, — что дело это с диссертацией весьма бесперспективное. Супруга рожает ее уже восемь лет. И пока, извините, гора родила мышь в виде разрозненных страниц, да и те я на работе печатал».

Волк этот в кресле заерзал, а я напираю:

— Не обидно вам драгоценное свое время тратить, товарищ Волк?

Жена вспыхнула, зажмурилась в гневе, однако сдержалась и говорит этому типу:

— Андрюша, не обращайтесь внимания на выходки моего мужа. Он так шутит. Его воспитанием никто по-настоящему не занимался. Хотите бутерброд с колбаской?

Не было сил моих смотреть на все на это, плюнул и ушел в спальню. Сел на кровать и задумался: ведь было в нашей жизни много хорошего. Куда же делось это хорошее, почему оно ушло? Жалко стало себя непереносимо.

Не знаю, сколько времени прошло, слышу, хлопнула дверь, предстала передо мной жена. И, представляешь, за какое-то мгновение успела снять красивое красное платье, в котором сидела с Волком, и нацепила гнусный бордовый байковый халат.

Собрав волю в кулак, я обратился к ней душевно, хотя голос мой дрожал: «Вот, Наташа, я цветы тебе принес. А тут этот Волк. Зачем он здесь? Зачем он в нашем доме пожирает колбасу? Давай мирно все обсудим, ведь жили мы как-то десять лет, ведь объединяло нас нечто?» Протягиваю ей букет, но букет тут же летит в угол, а комнату заполняет крик, парализующий мое тело: «Я нашла в Ремарке сберкнижку! Откуда у тебя эти деньги? Ты впутался в аферу! А Волк мне друг!»

А эти пятьсот рублей мне завещал дед. Ну, я положил сберкнижку в томик Ремарка, между «Тремя товарищами» и «Черным обелиском». Бывает, что положишь, а потом забудешь. Что тут такого, не понимаю.

И тут, в самый разгар событий, появляется моя мама. Ну как нарочно. Она входит в комнату, нюхает воздух и говорит:

— Что-то у вас все пылью пропахло.

Наталья посмотрела на нее косо и говорит: «Пусть эта женщина немедленно покинет квартиру, которую доставал мой папа, зампред». Мама тем временем идет на кухню и оттуда громко спрашивает:

— Скажи мне, сын, что приготовила тебе сегодня на ужин жена?

Я поднялся и ушел в ванную, пустил там воду из крана, чтобы ничего не слышать.

Неужели действительно амба? Да нет, не думаю. Пройдет все это. Все-таки десять лет вместе прожили. Ноосферное сознание? Да черт с ним! Несовместимость? Может быть, может быть. Но квартиру жалко.

Вот только Волк теперь чуть ли не каждый день приходит и даже перестал снимать сандалии.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПАРОДИСТА О ТРУДНОСТЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

Не шут-щекотун, не горлан-куплетист,
а рвущийся к праведным дракам
в поэзии ты, о поэт-пародист, —
борец с производственным браком!
Поэту не враг, но его оппонент,
заслон стихотворному «валу»,
ты бьешь! А удар — не всегда комплимент,
он может прийти по сусалу!
(А как вы хотите? Нельзя же никак,
чтоб неотразимо и метко
острота стрелою впивалась бы в брак
и вкусной была, как конфетка!)
Но кто главный критик творений твоих?
Кто скажет — ты плох иль не очень?
Твои же объекты! И тот среди них,
который тобой пропесочен!
Нетрудно предвидеть возможный финал,
ведь ты ж искушаешь поэта,
ему говоря: «Я вас здесь потрепал,
вам очень понравилось это?»

А ты — в его горле застрявшая кость!
В глазу его чистом соринка!
Ты целенаправлен и остр, как... гвоздь,

который торчит из ботинка!
Ну как оценить тут плоды твоих дел?
(О, щедрость не каждому впору!..) Хорошей
оценки не даст бракодел
ни в жисть своему контролеру!
Вот так, пародист! Делай выводы, брат!
Воинственность — вот твое кредо!
Борись и не жди за победы наград:
в твоих поражениях — победа.

С ПЕРВЫМ АПРЕЛЕМ!

Весь год не соврав никому ни на грош,
мы ждем как небесную манну
тот день, когда можно удариться в ложь,
невинно предаться обману!
Набрав арсенал завиральных затей,
с кощунственным трепетом в теле
мы ловим доверчивых, честных людей,
забывших о первом апреле.
И мы их находим, смиренных ягнят,
простецки развесивших уши,
и стрелы обмана со свистом летят
в их светлые, чистые души.
Но первоапрельский веселый обман —
сердечная наша потеха,
и стрелы не кровь высекают из ран,
а добрые искорки смеха!
О, как же он весел и как же хорош
пришедший на смену метелям
тот праздник, во смех превращающий ложь!
Сображдане, с первым апрелем!

О ЛЮБВИ К БОЛЕЗНЯМ

Люблю, когда откажет вдруг
какой-то орган в бренном теле
и прикует тебя недуг
к больничной горестной постели!

Потоки дружеских забот
соединяются в лавины!
Таких забот, каких за год
не испытаешь половины.
Оставив счеты на потом,
идет и прошен, и непрощен,
пылая мыслями о том,
какой ты милый и хороший.
Несут и щедро, и легко
лимоны, яблоки, вниманье,
газеты, птичье молоко
и блюда из небесной манны!
Несут пешком, везут в метро,
едва ль не в пятитонных «ЗИЛах»
бифштексы, пудинги, ситро
(а кто осилить это в силах?).
Приносят блоки папирос,
вино, как для большой попойки!
Ну, словом, чувств апофеоз,
поход любви к больничной койке!
Я болен, но не обездолен!
И я готов сказать врачу,
что жизнью я такой доволен
и поправляться не хочу!

РОВЕСНИКАМ

Эй, ровесники! Салют вам и привет!
Обратиться к вам есть веские причины!
Мы вступили с вами в пору бабьих лет,
хоть частично мы, естественно, мужчины.
Бабье лето — украшение Земли,
бабьим летом мы в красе еще и в силе!
Но уже, увы, частично отцвели
и, что делать, даже отплодоносили.
Наши ноги, правда, крепки, как шасси,
долг свой тоже выполняем аккуратно!..
Годы щелкают, как счетчик у такси:
быстро, весело, но слишком безвозвратно!

Мы одеты, сыты, благом — пруд пруди!
Наши «тачки» словно ласточки летают!
Столько счастья позади и впереди!
Но чего-то почему-то не хватает.
А ведь каждый наш удел — большая честь!
Жизнь — такая непомерная награда!..
Не хватает — больше в десять раз, чем есть,
ну, а есть (чего лукавить?) все, что надо.

СТАРЫЙ НОВЫЙ ДРУГ

Р азбирая как-то ненужные бумаги,

я наткнулся на старую записную книжку и с легкой грустью стал перелистывать забытые имена, канувшие в Лету номера телефонов... На одной из страниц внимание мое привлекла полустертая от времени запись, сделанная незнакомой рукой: «Федьке — звонить вечно!»

«М-да... Кто бы это мог быть? — подумал я и хотел уже было перевернуть страницу, как вдруг меня осенило: так это же Федька Сидоров, мой однокурсник, закадычный, можно сказать, друг юности, сосед по комнате в самом неустроенном и самом веселом доме на свете — в студенческом общежитии! Помнится, встретились на улице, потребовал он эту самую записную книжку и собственноручно нацарапал свои координаты. И при этом еще ворчал, что забывать старых друзей грешно.

Это надо же, смущенно рассуждал я, сколько общих волнений, конспектов, вечеров в читалках, шпаргалок, и вот хотел перевернуть страницу, чтоб никогда не вспомнить, не позвонить...

Проклиная себя за черствость, я набрал номер и услышал далекий, чуть погрубевший, но такой же знакомый голос:

— Сидоров у телефона!

— Федька! — закричал я радостно. — Это действительно ты, староста знаменитой двадцать четвертой группы?

— Кто это? — строго спросил голос.

— Это я, Лёдик! Помнишь, бродяга?

Трубка помолчала немного, потом укоризненно сказала:

— Я-то помню, а чего сам исчез?

— Да суета, старик, — жалко оправдывался я. — Дни бегут, звонки звенят, сводки шуршат, не успеваю за стол сесть, а уже домой пора, а там семья, сам понимаешь, обязанности...

— Понимаю, — согласился Федька. — У самого так, но я стараюсь не забывать старых друзей, вот только тебя из виду потерял. Где трубишь? Надеюсь, высоко забрался?

— Да нет, не получилось как-то... Экономистом вкалываю в одной маленькой конторе.

— Бывает, и мал золотник, да дорог. Контора-то что выдает?

— Так, ерундистику. Брючные ремешки делаем из кожзаменителя.

— Действительно ерундистика... — разочарованно, как мне показалось, вздохнул Федька. — Солидные люди подтяжки носят. Гм... ремешки. Надо же!

— А наших, наших-то встречаешь?

— В основном с ними и общаюсь. Валька Зайцева дочь замуж выдала. Димка Козлов кожаный пиджак купил, аргентинский, архимоднейший, щеголяет.

— Молодец! Годы его не берут!

— Ну, а тебя берут? — Федькин голос подобрел. — На мандолине пилишь?

— Да какое там! На счетной машине пилю. Голова не тем забита.

— А зря... — Федька помолчал немного, потом сказал: — Ну, а квартирные условия у тебя как, ничего? Надеюсь, не в коммуналке живешь?

— Да что ты! У меня трехкомнатная!

— Сколько людей проживает?

— Со мной — трое.

— Ну это еще годится. — Федька покашлял и деловито спросил: — Так слушаю тебя, Леонард Кузьмич. Давай.

— Что давай?

— Говори, что там у тебя да как.

— Да по-прежнему на Варьке женат, сын в институ...

— Поступать должен?

— Поступил. Арабский учит, ох, и трудно ему, одно слово «верблюды», говорит, четыре тысячи синонимов имеет!

— С учебниками, что ли, туго?

— Да нет, все есть.

— От картошки освободить?

— Уже вернулся.

— Может, сумку фирменную хочет, чтоб все упали? Есть у меня такая, японская — «Спортклуб, путешествия, приключения», в клеточку, а?

— Да нет, есть у него сумка!

— Тогда, может, сессию завалил? Может, похлопотать надо?

— Спасибо... Тройка, правда, есть, но мы исправим.

— Так... — Федька помолчал и, как мне показалось, удивленно спросил: — Ну так что ты?

— Как что? — не понял я.

— Не может быть, чтобы тебе ничего не было надо!

— Да нет, ничего не надо! — радостно сказал я. — Все у меня есть. Тьфу, тьфу, тьфу, конечно! Очень рад был тебя слышать. Никуда не уезжаешь?

— Да нет...

— Надо обязательно встретиться. На днях, лады?

— Лады... — неуверенно произнес Федька.

Я пожелал ему всего доброго и повесил трубку. На душе было легко, совесть понемногу успокоилась. Четкими квадратными буквами я вывел на перекидном календаре: «Федьке — звонить вечно!»

На следующий день жена неожиданно спросила меня:

— Ты чего это Федьке Сидорову звонил?

— Но откуда ты знаешь?

— Валька Зайцева меня разыскала. Федька ей на тебя пожаловался. Совсем, говорит, Ледьку не узнаю. Куда, говорит, подевалась его откровенность, решительность...

— Как... то есть? — обомлел я.

— Да, говорит, чувствую, ему что-то нужно, нашел ведь меня, а о деле говорить стесняется, все темнит, все вокруг да около. Федька-то, оказывается, директор нашего торгового центра! Ты не знал?

— Очень рад за него.

— А за меня? Немедленно позвони ему и попроси вот по этому списку.

С этими словами жена протянула мне длинный лист бумаги, исписанный мелким почерком...

— Да это же неудобно... — начал было я, но встретил такой решительный взгляд, что рука моя сама по себе потянулась к телефонной трубке.

— Федь... — слабым голосом сказал я. — Это я, Лёдик... Ты извини, что я...

— Лады, — сказал Федька, выслушав мой список. — Я все застенографировал. Все, конечно, дефицит, но не для друзей.

— Может, тебе это трудно? Может, я тебя обременил?

— Пустяки, Лёдик! Главное — дружба, которую ничто не вычеркнет из нашей жизни. Вот Валька Зайцева. Свадебное платье для дочери ее достал! Архимодное! Да и Димке Козлову — а он вообще со мной здороваться забывал — пиджак устроил, кожаный, аргентинский! Все хорошие ребята, все меня не забывают! И ты вот объявился... Жаль, конечно, что карьера у тебя не удалась, но хоть жилищные условия хорошие, и это хлеб. Спасибо, что позвонил! Звякну тебе через пару деньков.

Он действительно «звякнул» через пару деньков и, сообщив, что заказ по списку выполнен, сказал:

— Так он к тебе уже выехал. Будет через полчаса. Прими и обогрей!

— Кого... обогреть? — удивился я. — Кто выехал?

— Да один нужный человек из одного дефицитного управления. Инкогнито, с секретаршей. В творческой командировке. Поживут в твоей трехкомнатной месячишко.

Он повесил трубку, а я еще долго слушал короткие гудки, с трудом сознавая, что действительно вновь обрел старого друга.

ДОЛОЙ МАФИЮ!

Лежа на полу в неудобной позе,

Юрий Аркадьевич заканчивал рисовать транспарант, когда из магазина вернулась жена.

— Что ты тут малюешь? — спросила она.

— Да вот ребята на работе поручили, — объяснил он. — Сегодня собираемся на митинг.

— «Долой коррумпированную мафию!» — прочитала жена. — Красиво получилось... Только, когда пойдешь, заверни в тряпку. Иначе Павел Константинович, он сейчас возле подъезда сидит, примет еще чего доброго на свой счет и обидится.

— Обязательно заверну, — согласился муж.

— А отнесешь плакат — сразу возвращайся домой. Я хочу, чтобы ты сегодня пропылесосил квартиру.

— Как это возвращайся?! — удивился Юрий Аркадьевич. — Я иду на целый день. Сначала демонстрация по городу, потом митинг.

— А этот лозунг кто понесет?

— Сам и понесу. Лакеев у меня нету.

— Да ты что, рехнулся?! — Жена с квадратными от ужаса глазами плюхнулась на стул. — Ты соображаешь, что несешь?!

— Транспарант, — тупо ответил муж, не уловив тонкости интонации супруги.

— Ахинею ты несешь, а не транспарант. А-хи-нею!

— Да что тут особенного?

— Сам подумай. Вдруг этот призыв увидит Анна Григорьевна из банка.

— Ну и пусть смотрит.

— Обидится. Она нам якобы списанный компьютер бесплатно обещала. Ты же сам хотел иметь дома компьютер.

— Тоже верно. — Юрий Аркадьевич почесал затылок.

— Или Володя из городской администрации увидит тебя — обидится насмерть. А с этим упырем ссориться нельзя — он нам кухонный гарнитур обещал за копейки. И уж совсем беда, если ты с таким призывом попадешься на глаза Георгию Алексеевичу. Черта с два он возьмет нас с тобой в бесплатную рекламную поездку по Испании.

Лицо Юрия Аркадьевича с каждой секундой мрачнело. Жена же продолжала сыпать доводами:

— В конце концов этот митинг могут увидеть по телевизору в других городах. Вдруг тебя заметят мои родители. Хорошо зятек, скажут. Приезжает раз в год по обещанию, звонит редко, а по телевизору нас критикует.

— Только о своих родителях и думаешь, — огрызнулся Юрий Аркадьевич. — Мои увидят — тоже обидятся.

— Тем более. Так что, давай замазывай эти буквы. Я тебе сейчас принесу баночку белил, от ремонта остались...

Через час, дожидывая на ходу бутерброд, Юрий Аркадьевич выбежал из подъезда и быстро направился к центру города. В руках у него красовался транспарант, на котором было написано: «Наша сила — в единстве!»

МОНА ЛИЗА ИВАНОВНА

Скорый поезд № 16.

совершив очередной рейс за кордон, возвращался в Москву. За время пути никаких происшествий не было. Пассажиры вели себя благовоспитанно и корректно, соблюдали в вагонах чистоту и порядок.

И все же одна небольшая задоринка, как говорят в официальных документах, имела место.

...В кабину поездного радиста заглянула проводница Наташа, девица бойкая и весьма общительная. Язычок у нее был такой, что если бы члены поездной бригады верили всем ее рассказам, то уж, наверное, не только перессорились бы между собой, но и передрались не раз.

Итак, эта примечательная особа заглянула в обитель радиста Павла Тимофеича Пухова и сказала ему страшным шепотом:

— Паш! А, Паш!

— Ну? — недовольно пробурчал отдыхающий П. Т.

— А что я тебе скажу!

— Небось опять какую-нибудь ересь...

— А на твою Лизку один пинжак положил глаз.

— И когда ты перестанешь хипповать? Говори как люди.

— На твою супругу Елизавету Ивановну Пухову сильно засматривается пассажир заграничного происхождения.

Видавший виды П. Т. зевнул, поглядел в окно, потом ленчиво сказал:

— «Засматривается»!.. Тоже мне кинозвезда. София Лорен. Чего на нее, старую кочергу, засматриваться? — Но тут в его голосе зазвучала тревожная нотка: — А ты не сочиняешь, тарактушка? Если правду говоришь — давай его словесный портрет.

Наташа послушно зачастила:

— Не так чтобы молодой, в твоей поре. Француз, а может, и не француз. Сел в Париже. По-русски волокет... извиняюсь, говорит, но плоховато. Не особо богатый — костюмчик так себе, не фирма. А на Лизку смотрит во все глаза.

— Гм... — сказал Пухов. — Это надо же. Тоже мне красота неземная. Лолла Брижитт Бардо... Надо пойти поглядеть, что там такое. И не вышло бы неприятности. Ведь она у меня с фокусами. В случае чего огреет — международных осложнений не миновать.

И он пошел, размышляя, был ли повод со стороны его жены или не было такого повода. Вроде бы не должно. Лиза Пухова была не такая уж молодка — давно разменяла «роковой сороковой». На шее трое ребят. До сих пор вела себя вполне прилично, куда только не ездили. А взять хотя бы ее напарницу, эту самую Наташку... За ней глаз да глаз.

Иностранца он застал на месте преступления. Он стоял возле служебного купе и смотрел, как Лиза Пухова разливает чай в стаканы. А она, красная от смущения, не смела поднять на него глаз и даже раза два плеснула заварку мимо.

— Ты того... поаккуратнее, — сказал ей муж. — Чай-то цейлонский... Чего тут у вас?

— Привет! Наслушался Наташкиных сплетешек...

— Какая Наташка? — фальшиво удивился муж. — А я вовсе и не затем. Я заявки на концерт собираю... Иди, иди, тащи свои чаи. А мы тут... как мужчина с женщиной...

В четвертом купе, где обитал иностранец, никого больше не было, остальные ушли в вагон-ресторан. Француз представился:

— Анри Бертен. Из Парижа.

— Добро пожаловать, — тактично сказал Пухов, стараясь не нарушать протокольных норм. — А я Пухов Па-

вел, по-вашему Поль, а по отчеству Тимофеевич. Как по-французски Тимофеевич — сказать затрудняюсь. Поездной радист... Да. Вот такое, значит, дело. Будем знакомы. Какие с вашей стороны будут пожелания в смысле музыкальных произведений? Репертуар у нас обширный...

Господин Бертен по-русски говорил ужасно, но понять его было можно. Он даже сумел заказать песни в исполнении Шалапина и «Зикиной». Затем разговор перешел на личные темы.

— Слушайте, господин Анри, — смущенно сказал Пухов, — Лизавета, проводница ваша, она, значит, мне приходится супругой. Ма фам, так сказать. А вы, как я заметил, интересуетесь...

Господин Бертен, нимало не таясь, ответил:

— Очень интересуюсь.

— Вы меня, конечно, извините, — стараясь держаться в дипломатических рамках, продолжал Пухов, — но чего такого вы в ней нашли? Она, прямо скажем, не эта. не мадам Баттерфляй. И лет ей хватает. А уж характер — не приведи господь. Унеси ты мое горе (он явно сбивал цену своей ясене).

Но француз успокоил Пухова:

— Дело в том, что я эту женщину уже видел. Видел! Но где? Никак не могу вспомнить. И вот утруждаюсь, ломаю свой голова.

— Ее? Видел? А ты часом не ошибся?

— О, нон! Эта самая. Точно она. Но где встречал? Где?

— Все может быть, — нахально воткнулась в разговор Наташка. — Не был ли он прошлой осенью в ЦДКЖ? Мы там в самодеятельности выступали. Лизка — сольным номером. Пела «Горьку ягоду» и «Подари мне платок». А я танкетке плясала. Цветов этих нам тогда накидали!

Когда пассажиру толковали, что такое ЦДКЖ, он с уверенностью сказал:

— Нет, я там не был. Я вообще ваша страна первый раз.

Теперь задумался Пухов.

— Гм... Так-с!.. Где же еще? Родилась Лизавета в Армавире. Во время войны семья перекантовалась в Тюмень. Потом в Москву. Здесь мы и познакомились... Ан-

рюша, в Армавире либо в Тюмени ты, ясное дело, не бывал.

Иностранец отрицательно помотал головой.

— Я еще в Анапу ездила. В дом отдыха! — крикнула из коридора Лиза. — Может, там...

Оказывается, Бертен в Анапе не был. Он только собирался побывать, но не в Анапе, а на Пицунде.

— А вот, может, — задумчиво сказал Пухов, — ты погоди, Бертюша, то есть Анрюша, я сейчас.

Он умчался и через считанные минуты вернулся, таща под мышкой зеленую папку с тесемками.

— Вот погляди-ка, как там тебя... Вот моя жена, Лиза то есть.

В журнале на цветной иллюстрации была во весь рост изображена Лиза Пухова. «Вторая премия на конкурсе ручного вязания», — с гордостью прочитал Павел Тимофеич. — Она знаешь какие свитеры вяжет! Приходи к нам в Москве, покажу. Ни один компьютер так не сумеет... А вот еще. — Он развернул газету. — Видишь? Это она среди учеников, рассказывает им о своих загранпоездках... А вот тут опять же в хоре. Видишь, она тут моложе была... А это на физкультурных занятиях. Пробег на лыжах. Мы с ней очень любим лыжи.

Пассажир слушал развесив уши, но...

— Это очень интересно, но я эти журналчик и газеты не выписываю... Где же я мог ее видеть?

Пришла на помощь Лиза.

— Ладно, — сказала она, — бросайте гадать, пейте лучше чай, остынет... А ты, Паша, иди. Концерт пора начинать. Иди давай. Нашел занятие... И журналы на места положь.

— Это действительно, — озабоченно промямлил Пухов. — Ну, будь здоров, Анрюша... А насчет моей Лизы — выбрось из головы. У вас в Париже небось есть своя мафам не хуже. А эта — что! Проводница, и все тут. Обыкновенная совсем женщина. И любоваться в данный момент нечего. Подумаешь, Джоконда нашла...

Но тут, к его изумлению, Анрюша вскочил как ошпаренный, разлив чай на брюки, хватил Пухова по плечу отнюдь не по-дипломатически и завопил дико-радостным голосом:

— Джоконда! Мона Лиза! О, мон ами Поль, ты правильно сказал, ты сам нашел! Вы были Париж?

— Как не быть! Работа наша такая, — недоуменно сказал Пухов.

— И Лувр были?

— Здравсьте! В Париже быть да в Лувр не пойти! — удивилась Лиза. — Нас бы в резерве засмеяли... Постой, Паша! Ну, да! Теперь и я его вспомнила. Мы с тобой как раз возле Джоконды стояли, а тут он подошел. Я еще сказала: вот какой молодец, фотоаппарат прихватил.

— Ага! Ты меня еще ругала, что я свой «Зоркий» забыл. Еще разиней обозвала. Ну, теперь все ясно. Пошли, Мона Лиза Ивановна.

Они ушли. А иностранный турист задумался. Теперь он ясно видел перед собой эти два женских лица. Одно — сиявшее нетленной красотой, дивное творение гения. И другое — простое, обыкновенное, милое и доброе, уже немолодое — с сетью морщинок у глаз и рта. И серые глаза, с восхищением, удивлением и восторгом глядевшие на ту, другую.

И он с радостью вспомнил, что тогда не удержался и щелкнул, сфотографировал их обеих. Надо будет подарить им одну карточку. Но как он мог забыть! Ведь эта фотография обошла весь мир!

Он облегченно вздохнул и принялся рассматривать журналы, оставленные радистом.

...А поезд «эспрессо» уже приближался к Белорусскому вокзалу.

ЗАПИСКИ ВЕРНИСАЖЕНЦА

У каждой художественной натуры

свой, неповторимый путь в искусстве. Сэмюэл Шост не был художником, но однажды решил, что скрываться от упреков жены лучше всего в нью-йоркских картинных галереях. Это надежно. Джуди не придет в голову искать мужа в музейной пыли.

Для памяти он вел дневничок, который случайно попал нам в руки.

ПОНЕДЕЛЬНИК. День ненастный. Джуди хнычет.

Пошел в галерею «Сидней Дженис» на выставку Тома Уосселмэна. Его новое произведение «Большая американская голая женщина» поставило меня в тупик. С одной стороны, я не против крупных женщин (эта заняла не меньше сорока квадратных метров), с другой стороны, «Ньюсуик», журнал, который я уважаю, заставил задуматься: «Большая американская голая женщина» Тома Уосселмэна похожа на громадную афишу, заполненную розоватым мясом и ярко-красными губами. Уосселмэн концентрирует свое внимание на анатомических деталях, таких, как ноги, ступни. Его картины вызывают чувство отвращения». Долго смотрел на женщину целиком и на анатомические детали, решил не торопиться с выводами. Дома смотрел на свои ступни. Надо будет срезать мозоли.

ВТОРНИК. Был на открытии выставки Дана Флавина. Все только и говорили о том, что он создал шедевр из двух клистирных трубок. Оказалось, Дан работал с обыкновенными трубками дневного света. Трубочки перекручены и подключены к электросети. Думаю, эффект в том, что одна горит нормально, а другая мигает. Какой-то тип полез чинить, чтобы не мигало. Его сняли со стремянки, растолковав, что это замысел художника. Доспорили. Передрались. Черт дернул вмешаться. В суматохе я схватился за трубку, дернуло током.

Поехал в «Райе Юниверсити мьюзеум» при Институте изящных искусств, надеялся в атмосфере изыска отдохнуть душой и оправиться от электрошока. Увы! И здесь Флавин со своими трубками занял четыре зала. Экскурсоводы сообщают интересующимся, что Дан Флавин и его единомышленники требуют решительного отказа от традиционных материалов: их кредо — создание художественных произведений из скобяных изделий и электротоваров.

СРЕДА. Был в «Соянабенд галери». Смеялся от души! Вильям Вегман показывал свои видеоленты. Народу масса. Вегман колготился возле своей аппаратуры. На экране — Вегман и собака. Он явно в ударе. Повалился на спину и подставил псу свою физиономию. Пес лизал. Второй видеофильм — Вегман передразнивает свою жену. В душе я ему посочувствовал. Бедняжка Вильям, моя Джуди — ангел по сравнению с миссис Вегман! Третья картина — Вегман пучит глаза, надувается: изображает чревоушателя. Смеялись до колик, забыв всякие приличия! Жизнеутверждающее искусство. Обязательно попробую дома.

ЧЕТВЕРГ. Попробовал видео дома. Аппаратуру достал. Надо разработать сюжеты. Прорепетировал с собакой. Пальма лизать мое лицо наотрез отказалась. Смазал мясным бульоном. Приманку взяла, но прихватила нос. Все смеялись до упаду.

ПЯТНИЦА. Еду на фестиваль искусств...

С фестиваля вернулся в прекрасном настроении, побежал в ванную и пустил воду.

— Джуди! — крикнул я. — Принеси-ка мне виолончель!

— Сэмик, бог с тобой, что ты говоришь?.. Где я возьму тебе виолончель?

Никогда ничего не допросишься в этом доме.

— Ну тогда хотя бы скрипку!

Джуди почему-то заплакала. Тогда я сказал как можно мягче:

— Джуди, детка, помнишь, ты всегда гордилась, что твой брат играет на кларнете? Где он?

— Разве ты сам не знаешь? Он давно в могиле.

— Да не брат! Кларнет! — вскипел я. — Или хотя бы игрушечный барабан нашего Бобби!

— Сэм, — всхлипнула жена, — если ты хочешь выкупать барабан, то для чего ты снял штаны?

Видимо, она принимала меня за сумасшедшего. Тогда я дал ей «Ньюсуик», и там она прочитала:

«Но ничто не могло сравниться в этом сезоне с решением Шарлотты Мурман играть на виолончели под водой. Это событие имело место в стеклянном аквариуме на Нью-Йоркском фестивале искусств и было гвоздем программы».

Играя на кларнете на дне ванны, я нахлебался воды и затем долго икал, но художественное бульканье, которое я издавал, было мне вознаграждением. Когда же из ванны вода перелилась и потекла в коридор, я увидел в этом символ нового течения в искусстве.

Правда, в отличие от авангардистов, которые на этом зарабатывают, мне придется заплатить соседям снизу за испорченный потолок, но это такая ничтожная жертва по сравнению с той радостью, какую я черпаю в искусстве!

ТАЙНА ТВОРЧЕСТВА

Я мучительно завершал

новаторский роман из жизни ученых. Его нетерпеливо ждали литературная общественность, моя жена и друзья, которые давали нам займы. Правление жилищного кооператива тоже из последних сил ждало окончания оригинального труда, пора было вносить сорок процентов за квартиру.

Я завяз в сцене страстного спора академика Евстропа Поросенкова (сквозной положительный герой) с доктором наук Транскрипцией Синекдохой. Я боролся со штампами, свойственными новаторскому роману, и добивался убедительной победы сложного крестьянского характера академика, бывшего пастуха, над рафинированной натурой Синекдохы.

Сцена топталась на месте, штампы лезли на бумагу, я метался и проводил критические дни на бегах! В то безысходное утро жена вошла ко мне и сообщила ледяным голосом:

— Послезавтра вносить сорок процентов. Или квартира, или...

— Какое или? — вскрикнул я, в отчаянии ложась на диван. — Не профанируй мучительный процесс...

Жена пожала плечами и вышла.

Я нервно зевнул и сел к столу. Я напрягся.

В это время Поросенков, маленький, шутливый, очень сильный старик в тигровом свитере, творчески высмеи-

вал красивого, крупнотелого, внутренне расщепленного Транскрипция, Синекдоха развязно улыбнулся, прислушиваясь не к словам учителя, а к шлепкам из соседней комнаты, где занималась по системе йогов дочь Пороosenкова астрофизик Агашка. Пороosenков, чтобы пронять ученика, перешел от добродушной шутки к сарказму.

Синекдоха начал рычать про себя. Мне тоже не терпелось: через день вносить сорок процентов, а старик разговаривал. Он избивал коллегу дубинкой логики, топтал сапогами аргументов. Это было невыносимо, мы с Транскрипцией закрипели зубами, и он вдруг сказал:

— Закройте хлебoreзку, шеф!

Даже я опешил, а старик просто пошатнулся, но, к сожалению, не вышел из рамок положительного героя, даже не вспылil.

«Пора типизировать и концентрировать, — подумал я. — Пора вносить».

Пороosenков должен одержать высокохудожественную духовную победу! Где же интуитивный просчет? Почему так вял Транскрипций? Агашка! Она мало работает в этой сцене!

Тут же в кабинет отца вбежала Агашка, одетая в шорты (острый внешний и внутренний портрет). Доедая кусок черного хлеба, держа в руках ручную крысу, Агашка сказала:

— Батя, ты дашь мне денег на квартиру, а я скрою от маман, что ты участвуешь в мотогонках.

— По рукам! — согласился Пороosenков и кинул дочери бумажник.

Агашка вывернула деньги и вышла, обдав Транскрипцию арбузным запахом молодого здорового тела.

Слова Агашки об отдельной квартире взволновали и меня, и Транскрипция, ведь он, прикрываясь расщепленностью, по-студенчески любил Агашку. Весело разговаривая с крысой, Агашка нарочито медленно одевалась в педней. Транскрипций затрясся и потрогал двухпудовую ирю, с которой по утрам играл академик.

Пороosenков продолжал насмешничать:

— Милый коллега, под экзистенциальностью вашего

теоретического фрондерства лежит brutality миропощения. Тех же щей, да пожизне влей...

Я тоже затрясся и быстро внес в витиеватую речь старика художественный акцент.

— Синекдоха, вы пройдоха! — сказал Пороosenков удивленно.

Синекдоха вскочил. Я загорелся, сейчас сцена решится контрастно и драматично! Транскрипций размахнулся гирей, но... уклонился от резко художественного решения, побледнел и стал произносить длинную малопонятную речь.

«Чего ты мямлишь? — подзуживал я Синекдоху. — Ты не очень положительный! Конечно, тебе наплевать, живешь с мамой в дореволюционном доме на Арбате, а человеку в кооператив не даешь попасть!»

Но Синекдоха упорно пробивался в положительные герои и говорил, говорил по науке. Пороosenков задорно отвечал, время шло. Уже жена академика сердито велела им идти обедать, — они спорили! Уже Агашка всунула голову в кабинет и поманила Транскрипция тягучим шалым взглядом, — они фехтовали терминами! Я сам должен был идти на бега, — они все жонглировали аспектами! Наступил вечер, я не мог посмотреть выступление фигуристов из Вены, я ословело слушал их ученые распри.

К ночи я подумал, что сваял дурака, когда не написал двоюродному скупому дяде, чтобы он одолжил денег под роман. Сейчас писать письмо уже поздно. Я с унынием смотрел на положительного Пороosenкова, этот не остановится! Вся надежда была на Синекдоху. Каждый раз, когда академик повышал голос, я просил Транскрипция ударить учителя хотя бы свернутой газетой. Он не откликался. Они оба закурили. Я задыхался, они забыли открыть форточку! Уже за полночь я прикорнул на коврике, на котором академик разминался с гирей. Они спорили и бегали по кабинету, перепрыгивая через меня. Под утро они бросились друг на друга... обнялись и заспорили снова. Я решил дать дяде телеграмму и впал в творческое забытье...

СЫН РИСУЕТ КОШКУ

Я вошел в комнату, глянул на нашего двухлетнего сына и в испуге позвал жену:

— Вот, полюбуйся! Ребенок, оставленный без надзора, размазывает кисель по стене! Прекрати размазывать!

— Что значит прекратить! — возмутилась жена. — Не сковывай инициативу ребенка! Размазывай, маленький! У ребенка прорезается способность к рисунку! Да ты только взглядишь в эту яркую линию! Это что-то живое! Оно дышит!

— По-моему, это река, — сказал я насмешливо.

— Пусть мальчик дорисует, — сказала жена, любясь яркой линией. — Рисуй, рисуй, маленький! На тебе папину авторучку.

Маленький тут же изобразил круг с закорючкой и сказал:

— Мява!

Жена едва не задохнулась от восхищения:

— Видишь, он нарисовал мяву! Очень похожая мява!

— Позволь узнать, что такое или кто такая мява?

— Ты не понял? Это кошка! Видишь — хвост!

— Но у нее нет ни одной лапы.

— Значит, она поджала лапы! Рисуй, рисуй, маленький!

Маленький немедленно изобразил на обоях какую-то пружину и снова заявил:

— Мява!

Я сдержанно сказал жене:

— Теперь абсолютно ясно, что маленький просто бессмысленно мажет обои. Пора все стереть.

— Ты не притронешься к нашей мяве пальцем! — ледяным голосом предупредила жена. — «Бессмысленно мажет!» Да ты присмотришься! Это мява в движении. Она бежит, и бежит очень быстро! Отойди, взгляни издали, как полагается глядеть на изобразительное искусство.

Я отошел в другой конец комнаты, присмотрелся повнимательнее и в общем-то увидел мяву. Она так быстро бежала, трусила рысью, и ее трудно было различить сразу.

В последующие дни сын изобразил мяву на полу, на

дверях и на мебели. Он работал в разной технике: сырой морковкой, мелом, огрызком яблока, манной кашей.

Каждая новая мява была изображена в такой неповторимой манере, что я долго искал ее, как на загадочной картинке. Я не только отходил подальше, я прищуривался, смотрел в кулак, ложился на диван и, наконец, находил. Иногда у меня возникали сомнения, и тогда я обращался к жене:

— Слушай, ну к чему вот эти полосы?

— Это мява в клетке.

— Ну, а вот этот квадрат? К чему квадрат-то? Да еще с дырой.

— Неужели ты не узнаешь? Эта наша комната.

— А-а, да-да... Но к чему дыра?

— А это мява посреди комнаты.

Постепенно я так натренировал свой глаз, что спокойно видел мяву повсюду: пятно на скатерти, облако в небе, валенок — все это была она.

Наконец последнюю мяву сын нарисовал вареньем на моем светлом пиджаке.

— Ну все, хватит! — заявила жена. — Ребенок почувствовал цвет. Ребенку пора купить масляные краски! Ты сейчас же пойдешь в магазин.

— Я-то думал на себя пиджак купить... Все-таки не везде удобно появляться с мявой на спине. Не все это правильно поймут.

Жена вдруг пристально осмотрела меня, отошла и сказала решительно:

— Нужна только рама. Картина готова. Для выставки детского рисунка!

Тогда я снял с себя пиджак, вырезал ножницами кусок спины с мявой и сказал:

— Один шедевр готов, но широкая публика захочет увидеть и настенные произведения нашего ребенка. Я начинаю обдирать обои... вставим их в рамы и...

— Устроим выставку всего кошачьего цикла! — закончила жена мою мысль.

Когда мой пиджак был раскроен и пошел на шедевры, я сказал жене:

— Пора показать сыну истинную кошку, нарисован-

ную каким-нибудь знаменитым художником. Пусть увидит великий образец! И чтобы с четырьмя лапами!

Я купил в «Подарках» портрет мявы с бантиком и усами. Показал сыну и сказал:

— Вот это настоящая мява, братец!

Сын затопал ногами от радости. Обмакнул в кисель свой палец и нарисовал прямо на классической кошке какую-то мочалку. Затем он довольно заявил:

— Вава!

От восторга жена едва обрела дар речи:

— Талант ребенка крепнет и мужает. Он поднялся от мявы до вавы. Изумительно похожая вава. Она сейчас залает.

— Рисуй, рисуй, маленький, — сказал я и поспешно спрятал в шкаф свои новые брюки.

Илья Шатуновский

КОЗЕРОГ

Писатель-сатирик Нияз Ахметович К.

принимал своих московских коллег. Три дня были отданы встречам с местными юмористами, празднику смеха, веселым застольям, шуткам. А на четвертый Нияз Ахметович сказал:

— Пришла пора отдохнуть. Вы в нашей республике впервые. Давайте совершим путешествие. Я покажу много интересного. Ну, например, наш грязевой курорт. Там есть что посмотреть: новые корпуса, водолечебницы, закрытый бассейн...

С утра сатирическая бригада двинулась в путь. Нияз Ахметович развлекал спутников всякими любопытными историями, и никто из них не заметил, как началось горное ущелье, а вместе с ним и территория курорта. Здесь гостей уже поджидал главный врач Ходжапулатов. Поздоровались, познакомились, расселись по машинам, поехали дальше. За поворотом на живописной скале показался выбитый из камня красавец козерог.

— Напомните мне потом об этом козле, — бросил Нияз Ахметович. — Я кое-что вам расскажу.

Машины остановились у двухэтажного коттеджа на краю обрыва.

— Надо перекусить с дороги, — вы ведь добирались к нам полдня. Прошу заходить, — пригласил главный врач. — Ну, а потом осмотрим все, что пожелаете.

В гостиной был уже сервирован стол. По местным обычаям сначала отведали душистых дынь, попили зеленого чая. Потом было подано блюдо плова.

— Вы хотели что-то рассказать о козероге, — напомнил Ниязу Ахметовичу главный врач. — Кстати, этот каменный козерог — символ нашего курорта.

— Вот именно, — оживился писатель. — На этом-то и строится весь сюжет.

Он наполнил пиалу чаем и начал:

— Однажды председатель Бикмаганского колхоза-миллионера почтенный Абдулла Абдуразаков, устав от текущих забот, собрался в отпуск и велел главному бухгалтеру принести все путевки, которые есть в правлении. «Надо поразмыслить, куда поехать», — сказал он при этом.

Вскоре главный бухгалтер разложил перед председателем пачку бумажек. Путевки были серые, безликие, ничего не говорящие. В них указывались лишь названия санатория и стояла цена. Председатель перекалывал путевки, тяжело вздыхал. Ему абсолютно ничего не нравилось. И вдруг на одной из них он увидел силуэт вашего козерога. Председатель Абдулла Абдуразаков впился в него глазами.

«Вот это козел! — воскликнул он. — Какие рога! Какие копыта! Непременно еду туда!» А надо сказать, среди путевок, которые отверг почтенный Абдулла Абдуразаков, были Сочи, Ялта, Геленджик, Цхалтубо, Подмосковье...

Все по-доброму засмеялись. Главный врач Ходжапулатов легонько крикнул. Дескать, смотрите, какая о нас идет слава!

— В общем, председатель из Бикмагана собрал свои чемоданы и примчался сюда. Прибыл, огляделся, место ему показалось унылым, скучным. Смутные предчувствия стали вползать в председателю душу.

Главный врач курорта заерзал на стуле. На его лице задрожали желваки.

Между тем Нияз Ахметович, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Повели его в корпус, показали палату. Комната душная, на тринадцать человек, простыни черные, на-

верное, не менялись после прежних жильцов, уборная во дворе...

— Ваш бикмаганский знакомый, этот самый Абдулла Абдуразаков, либо сумасшедший, либо лжец, — оборвал рассказчика главный врач. — В нашей санатории изумительная чистота. Во всех помещениях — санузелы, душ. Кстати, самые большие у нас палаты трехместные...

Бурная реакция хозяина не произвела никакого впечатления на Нияза Ахметовича. Он оставался спокоен.

— Мой рассказ не столько о санатории, сколько о козереге, — заметил сатирик. — Итак, приходит бикмаганский председатель, уважаемый Абдулла Абдуразаков, в столовую. На первое ему подают суп-рататуй, на второе — лапшу, слипшуюся в один ком, котлеты с мухами...

От такой бестактности рассказчика у гостей похолодели руки. Они подумали, что хозяин давно уже обрел право выбросить Нияза Ахметовича в окно вместе с сопровождающими его лицами.

— Вы что, специально хотите осрамить нас перед московскими товарищами? — спросил главный врач, сжимая кулаки. — Какие котлеты с мухами? Все, что здесь подано, взято из столовой санатория. Точно такую же пищу едят отдыхающие...

— Ладно, пусть уж рассказывает до конца, — сонно сказал руководитель сатирической бригады. — Слушаем вас, дорогой коллега.

— Ну так вот. Повели степенного бикмаганского председателя Абдулла Абдуразакова на процедуры, — тем же бодрым тоном продолжал Нияз Ахметович. — Окунули с головой в эту неприятную воду, потом сняли трусы и впопыхах такой дикий укол, что несчастный пациент взвыл и убежал в горы. И вот, бродя здесь по тропинкам и потирая проколотое место, он вдруг нос к носу столкнулся с вашим каменным козерогом.

— Ах, это ты, бандит, изображен на путевке! — крикнул он, сатанея.

В бессильной злобе председатель схватил козерога за каменные рога и, нанося ему удары ногами по животу и груди, завопил на все ущелье:

— Это ты позвал меня сюда, в эту дыру! Негодяй, про-

вокатор, хулиган! Вот ты где мне попался! Живым не уйдешь!

Он кричал так громко, что из санатория прибежали люди, едва оторвали его от скульптуры, притащили в палату, положили в кровать и накрыли теплым одеялом. Наутро досточтимый Абдулла Абдуразаков проснулся очень довольным.

— Ну, я сполна рассчитался с этим негодяем, с этим паршивым козлом, — удовлетворенно сказал он дежурной сестре.

Затем быстро собрал чемоданы и, не дожив до срока пятнадцати дней, отправился восвояси...

— Это вся ваша история? — спросил главный врач Ходжапулатов.

— Да, вся, — ответил Нияз Ахметович. — Впрочем, я могу рассказать вам еще одну, более затейливую, но не связанную с вашим курортом.

— Нет уж, избавьте, — сказал Ходжапулатов. — Прошу вас пойти познакомиться с местом.

Заглянули в двухкоечную палату. Главный врач подошел к кровати, откинул одеяло. Простыни сверкали белизной.

— Ну где же здесь грязь? — сказал он, строго глядя на Нияза Ахметовича.

Пришли в столовую. Был ужин. Главный врач подсел к крайнему столику, спросил отдыхающих:

— Как сегодня кормят?

— Отлично, как всегда. Пальчики оближешь...

В лечебном корпусе Ходжапулатов обратился к процедурной сестре:

— Скажите, Гульнара-апа, не припомните ли вы случая, когда от наших уколов больные удирали в горы?

Сестра засмеялась:

— Шутите!

— Медицинский персонал у нас замечательный, — сказал главный врач. — Да и как может быть иначе? Больные приезжают на костылях, их приносят на носилках, а уезжают они отсюда здоровыми людьми. Посмотрите книгу отзывов, поговорите с отдыхающими, кстати, у нас лечится много иностранцев. А какие перспективы открываются перед нами! На развитие курорта государ-

ство отпускает несколько миллионов. Расширяем территорию, увеличиваем число мест, закупаем новейшее медицинское оборудование...

Когда гости прощались, главный врач Ходжапулатов подошел к Ниязу Ахметовичу и сказал:

— Так что передайте своему вздорному бикмаганскому председателю, пусть вернется к нам и покажет грязные простыни и мух в котлетах.

Нияз Ахметович засмеялся:

— Видите ли, никакого чудака из Бикмагана в природе не существует. Как я только увидел вашего каменного козерога, то у меня в голове сразу же сложился этот сюжет. И я рассказал вам про колхозного председателя, чтобы уязвить самолюбие нашего дорогого хозяина и побудить его показать курорт в самом лучшем виде. Что ж, я чувствую, гости в восторге, и я тоже. Теперь сомнений у меня нет.

Писатель полез в карман пиджака и извлек плотную бумажку, в верхнем углу которой был вытиснен силуэт козерога.

— Так что, товарищ Ходжапулатов, принимайте с завтрашнего утра нового отдыхающего, — сказал Нияз Ахметович с низким поклоном.

Воцарилось минутное молчание.

— Ох уж мне эти юмористы, — засмеялся главный врач. — Все у них получается не как у людей.

Михаил Шевченко

ВОРОБЕЙ И ПОГОДА

Мороз доходил до тридцати,
Воробью не подняться в небо.
Раскрывал я окно:
— Сюда лети! —
И давал малой птахе хлеба.
Бывало, склюет. Почистит клюв.
Голову набок склонит.
Взъерошится, радуясь теплу.
И — прыг ко мне на ладони.
А вскоре весна зашумела листвою —
Обычное дело в природе, —
И воробей ко мне — ни ногой.
Хоть я был уверен в прилете.
Он весело на солнцепеке скакал,
Чирикал с важностью мэтра.
Меня ж или вовсе не признавал,
Иль великодушно к себе подпускал
Не ближе чем на десять метров...

Немало мы знаем таких друзей,
Как этот знакомый мой Воробей.
Согреться приходят к нам в лютый мороз,
А чуть потеплеет, так в сторону нос...

НА ПАХОТЕ

На пахоте весенней, по-над лугом,
В упряжке Бык шагал, и вслед — Мужик за плугом.
Тянули лямку, надрывая свой живот,

И падал в борозды горячий пот.
А над Быком
И Мужиком
(Ну, что бывает в поле хуже?)
Мошка и комары кругом
Впивались в кожу,
Лезли в нос, в глаза и в уши.
«Да что ж это?.. Я гнусь не разогнусь,
Вол выбивается из сил... На нас еще — и гнус!..» —
Мужик, давя на шее слепня, сокрушался.
Бык в ярости хвостом себя хлестал
Да, глядь, и пахаря достал, —
Тот, бедный, даже на ногах не удержался...
И в правом гневе иногда мы так руками машем,
Что достается и тому, с кем вместе пашем.

Виктор Шендерович

ЦВЕТЫ ДЛЯ ПРОФЕССОРА ПЛЕЙШНЕРА

— К уда? — сквозь щель над стеклом

спросил таксист.

— В Париж, — ответил Уваров.

— Оплатишь два конца, — предупредил таксист, по-
думав.

Уваров кивнул и был допущен.

— Как поедem? — спросил таксист, накручивая счет-
чик.

— Все равно, — ответил Уваров, располагаясь поудоб-
нее.

У светофора таксист закурил и включил транзистор.
В эфире загуршало.

— А чего это тебе в Париж? — спросил он вдруг.

— Эйфелеву башню хочу посмотреть, — объяснил
Уваров.

— А-а.

Минуто ехали молча.

— А зачем тебе эта... ну, башня-то? — спросил таксист.

— Просто так, — ответил Уваров. — Говорят, краси-
вая штукавина.

— А-а, — сказал таксист.

Пересекли Кольцевую.

— И что, выше Останкинской? — спросил он.

— Почему выше, — ответил Уваров. — Ниже.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал таксист и завер-
тел ручку настройки. Передавали погоду. По Европе гуля-

ли циклоны. — Застрянем — откапывать будешь сам, — честно предупредил таксист.

Ужинали под Смоленском.

— Шурик, — говорил таксист, обнимая Уварова и ковыряя в зубе большим сизым ногтем, — сегодня плачу я!

У большого шлагбаума возле Чопа к машине подошел молодой человек в фуражке, козырнул и попросил предъявить. Уваров предъявил членскую книжечку Общества охраны природы, а таксист — права. Любопытный молодой человек этим не удовлетворился и попросил написать ему на память, куда они едут.

Уваров написал: «Еду в Париж», а в графе «Цель поездки» — «Посмотреть на Эйфелеву башню».

Таксист написал: «Везу Шурика».

Молодой человек в фуражке прочел оба листочка и спросил:

— А меня возьмете?

— А стрелять не будешь? — встречно спросил таксист, глядя с сомнением.

Молодой человек пообещал не стрелять и вообще вести себя хорошо.

— Ну садись, — разрешил Уваров.

— Минуточку, — попросил молодой человек, сбегал на пост, нацепил фуражку на шлагбаум, поднял его и оставил под стеклом записку: «Уехал в Париж с Шуриком Уваровым. Не волнуйтесь».

— Может, опустить шлагбаум-то? — спросил таксист, когда отъехали.

— Да черт с ним, пусть торчит, — ответил молодой человек.

Без фуражки его звали Федюня. Федюня был юн, веснушчат и дико озирался по сторонам. Таксист велел ему называть себя просто Никодим Петрович Мальцев и все крутил ручку настройки, пытаясь поймать родную речь. Уваров, зажав уши, изучал путеводитель по Парижу.

В Венском лесу Федюня нарушил обещание и подстрелил из окна оленя.

Чтобы не оставлять следов, пришлось развести костер, зажарить оленя и съесть его.

После ужина Уваров объявил Федюне выговор с зане-

сением рогов в машину. Федюня отпиливал рога и вспоминал маму Никодима Петровича Мальцева. Икая после оленя, они выбрались на шоссе и поехали заправляться.

Там Уваров вышел размять ноги, глядя, как блондинка с большой грудью заливает Никодиму Петровичу бензин. Федюня, запертый после оленя на заднем сиденье, прижавшись всеми веснушками к стеклу, строил ей глазки. Уваров дал блондинке червонец, и, пока выворачивали с заправки, блондинка все смотрела на червонец круглыми, как австрийские марки, глазами.

В Берне Федюня оживился и предложил возложить красные гвоздики к дому, где покончил с собой профессор Плейшнер. Провели тайное голосование, но все проголосовали «за». Распутывая аборигенов, дотемна колесили по Берну, но дома не нашли, отчего Федюня загрустил и повеселел только в Париже.

В Париж приехали весной.

Уваров вылез у Эйфелевой башни, а Никодим Петрович с запертым сзади Федюней поехал искать профсоюз таксистов, чтобы поделиться с ними своим опытом.

Вернувшись с дележа, он увидел, что Федюня исчез вместе с рогами и гвоздиками, и понял, что с юношей случилось самое страшное, что может случиться с человеком за границей.

Искать Федюню было трудно, потому что все улицы назывались как-то не по-русски, но ближе к вечеру Федюню он нашел у очень подозрительного дома с фонарем.

Федюня был с рогами, но без гвоздик.

На суровые вопросы: где был, что делал и куда возложил гвоздики — Федюня только виновато улыбался и краснел.

Уваров сидел у подножия Эйфелевой башни, попивая захваченный из дома лимонад. Никодим Петрович Мальцев пожаловался ему на Федюню, и тут же двумя голосами «за» при одном воздержавшемся было решено больше Федюню в Париж не брать.

— Может, до Мадрида подбросишь, шеф? — спросил Уваров, когда отголосовали. — Там в воскресенье коррида...

— Не, я закончил, — печально покачал головой Никодим Петрович и опустил табличку «В парк».

Прощальный ужин Уваров давал в «Максима».

— Хороший ресторан... — несмело вздохнул наказанный, вертя бесфуражной головой.

— Это пулемет такой был, — мечтательно вспомнил вдруг Никодим Петрович.

Уваров заказал устриц и антрекот с кровью. Федюня — шоколадку и двести коньяка. Никодим Петрович жестами попросил голубцов.

Принесли все, кроме коньяка: Федюне не было двадцати одного года.

В машине он сидел совсем трезвый, обиженно хрустел шоколадкой. Никодим Петрович вертел ручку настройки, Уваров переваривал устриц. За бампером исчезал город Париж.

Проезжая мимо заправочной станции, они увидели блондинку, рассматривавшую червонец.

В Венском лесу было солнечно, пощелкивали соловьи. Уваров начал насвистывать из Штрауса, а Федюня — из Паулса.

У большого шлагбаума возле Чопа стояла толпа военных и читала записку. Никодим Петрович выпустил Федюню и, простив за все, троекратно расцеловал. Тот лупил рыжими ресницами, шмыгал носом и обнимал рога.

— Федя, — сказал на прощание Никодим Петрович, — води себя хорошо.

Федя часто-часто закивал головой, сбегал на пост, снял со шлагбаума фуражку, надел ее на место, вернулся и попросил предъявить.

— Отвали, Федюня, — миролюбиво ответил Уваров. — А то исключим из комсомола.

— Контрабанды не везете? — моргая, спросил Федюня.

— Ну, Федя... — выдохнул Никодим Петрович.

Машина тронулась, и военные, вздрогнув, прокричали троекратное «ура».

Неподалеку от Калуги Никодим Петрович вздохнул.

— Что такое? — участливо поинтересовался Уваров.

— Федюню жалко. Душевный парень, но пропадет без присмотра.

У Кольцевой Никодим Петрович заговорил снова:

— А эта... ну, башня-то твоя... ничего.

— Башня что надо, — отозвался Уваров, жалея о пропущенной корриде.

Прошло еще несколько минут.

— Но Останкинская повыше будет, — отметил таксист.

— Повыше, — согласился Уваров.

МЕРА

Когда свести придется с жизнью счеты,
не бойся ни изжоги, ни икоты;
богат ли, беден — сыщется палата,
знай лишь одно: за все — тройная плата.
Поэтому вперед иди спокоен,
нет дела никому, что ты расстроен
(Ах, сколько раз в тиши других палат
ты был расчленен или распят!).
Как ни умен ты был, как ни удал,
а жизнь прожил — в трех соснах проплутал.
Глаза протри и строже посмотри,
ведь главная на свете цифра три.
Лишь минет час печальный похорон,
на лодке встретит каждого Харон.
Не торопись тогда уже назад.
Есть три реки, какими славен ад.
Они текут, как стон сквозь долгий сон.
То реки Стикс, Коцит и Флегетон.
Трехглавый пес у адовых ворот
свою добычу зорко стережет.
Нет чудища, что Цербера страшней,
заместо шерсти — мириады змей.
Для тех, кто не жил с совестью в ладу,
три судьи душу будут ждать в аду:
навек Еак, Миной и Радамонт
легко судьбы обрубят горизонт.
На муки ли соплют, вину деля,
а может — в Елисейские Поля...

Уж воздадут, коли чинил обиды,
три фурии ужасных, Евмениды
(Алекто, Тисифона и Мегера),
воздать трикраты — праведная мера.
Поэтому заранее покайся
и от своих грехов не отрекайся.
Сходя навек в подземную обитель,
пойми: ты — жизни собственной строитель,
пускай потомок, разный мусор роя,
решает: это Троя ли, не Троя...
Но было рвенье, пенье и терпенье,
и высилось твоей судьбы строенье.

СЛОНОВОСТИ

Шуршат лианы занавесок,
последний отгоняя сон.
И вот под кафельным навесом,
проснувшись, зубы чистит слон.

Из крана бьет струя ретиво,
и замечает острый взгляд,
что водное похоже диво
на Ниагарский водопад.

Вода махровым полотенцем
по покрасневшей спине,
слон вдруг поймет горячим сердцем,
что вновь в тропической стране.

О, как трубит электробритва!
Держи свой хобот на весу:
архитрагическая битва
в доисторическом лесу.

Последний взмах нечастым гребнем,
накинут серенький пиджак...
Хлеб с маслом, запивая третьим,
слон поглощает натошак.

И чайник пышет, словно гейзер,
сдвигая крышку набекрень,
не зная, как еще полезней,
проснувшись, встретить новый день.

В ОЧЕРЕДИ

Город мой,
моя столица,
мишурой своей маня,
многорука и столица,
спросит как-нибудь меня:
«Сыт ли песенной отравой?
Как проводишь жизнь свою?»

В очереди не за славой —
за сосисками стою.

КЛИМ И КЛИМАТ

Проснувшись в чудном настроенье,
Горя задором трудовым,
Пораньше держит направленье
В родимый цех ударник Клим.
Вахтер, небритый дядя Кеша,
Бурчит сердито в проходной:
— Чуть свет уже стучишься, леший!
Ишь, разогнался, как чумной!

В обычный час из кабинета
Неторопливо зам идет.
Клим поднял руку в знак приветства:
— Викентий Палычу — почет!
Но важный зам не видит Клима:
Уставясь хмурым взглядом в пол,
Проплыл Викентий Палыч мимо
И даже бровью не повел.

В столовой повариха Дарья
За стойкой — как с трезубцем бог:
— Щи кончились... Котлеты жарят...
Компота нет — есть только сок.
Чего ты мелешь! Суп холодный?
Не по нутру у нас харчи?
Ты, видно, просто не голодный...
Чего? Жену иди учи!

В конце большого перерыва
С надеждой Клим заходит в БРИЗ,
Вопрос бросает торопливо:

— Как мой чертеж? Разобрались?
Работник БРИЗа смотрит строго,
Встает, роняет на ходу:
— Охотников до премий много...
Рассмотрим... В будущем году.

На склад за нужною деталью
Во весь опор помчался Клим
И вдруг застыл... Глядит с печалью:
Хмельной завскладом перед ним.
— Степан, милоч! Стоят моторы...
Скорее! Под угрозой план...
— Когда б имел золотые горы! —
В ответ ему пропел Степан.

И вот сложили инструменты...
Увы, невесел был финал:
Примерно сорок три процента
Ударник Клим за смену дал.
В довольно грустном настроенье
С работы ехал Клим назад...
Все были в крайнем удивленье:
Откуда этот результат?

Зам вынул вечное перо:
— Придется вызвать на бюро!

Работник БРИЗа хмыкнул:
— Та-ак!
А носит чертежи, чудак!

— Приперся парень раньше всех, —
Бубнил вахтер, — а цифры — смех!

Сказала Дарья:
— Жучил нас,
А сам-то малый — лоботряс!

— Так он, видать, глядел в стакан, —
Икая, вымолвил Степан.

Для заключения небольшого
Сам автор тоже просит слова:
— А может, в неудачах Клим
Виновен
данный микроклимат?

КЛАССИКИ О СОВРЕМЕННОКАХ

НЕАВТОРИЗОВАННЫЕ ЭПИГРАММЫ

И. А. КРЫЛОВ —

(на сверхплодовитого баснописца)

Заманчивый пример — Эзоп и Ювенал.
Кто в баснописцы и сатирики не метил!
Я и Хераскова, и Дмитриева знал...
А этого вот как-то не приметил.
Теперь прочел. Ну, что ж, не против я,
Пусть пишет... Бог ему судья!

А. С. ПУШКИН —

(на сверхсовременного лирика)

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Уже тогда в твоём лице я
Сверхлирика предугадал.
Боюсь, не проглотила б Лета
Мгновенно творчество твоё,
О коем говорят поэты:
«Во наловчился! Во даёт!»

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ —

(на поэта-сверхэпшурейца)

Нет, он не Байрон, он иной,
Судьбы неласковой избранник:

Он музу ищет в ресторане,
А в крайнем случае — в пивной.

Н. А. НЕКРАСОВ —

(на сверхоперативного рифмача)

Муза влечет его неодолимая...
Что же тут сетовать? Чья тут вина?
Вынесла много Отчизна родимая,
Вынесет, верю, и это она.

Вл. МАЯКОВСКИЙ —

(на свехумильного певца)

Пишет оды
 лирически-страстные...
От умиления
 голову пучит...
И все-то у него
 распрекрасные,
Кроме тех,
 что еще лучше.
Презираю,
 кто изображает
Всех
 взахлеб
 до одуренья милыми.
Всю палитрищу
 обожаю,
Кроме смеси
 кармина с белилами!

С. ЕСЕНИН —

(на сверхноватора)

Хоть кори, хоть не кори, но каюсь,
Что не раз мне чудилось во сне,
Будто от твоих стихов пытаюсь

Ускакать на розовом коне.
Вскрикнув, просыпаюсь я мгновенно:
Предо мною рифмы — вкривь и вкось...
Будь же ты вовек благословенно,
Что слышать тебя не довелось.

А. ТВАРДОВСКИЙ —

(на сверхдеревенского пишта)

Все-то он-то заприметил,
Ничего не позабыл:
Чуни, клуни и подклети,
Хату, мяту, чернобыл,
Супоросую хавронью
И каурого коня,
Недоуздок, кнут с супонью,
Зябь, пары и зеленыя...
А в деревне, коль учесть,
Между прочим, люди есть.
А он не видит. Он не знает.
Он не слышит. Не вникает.
Пишет, поверху скользя...
Надо б хуже, да нельзя!

Нарочно не придумаешь

Вставление зубов по средам и пятницам. Выставление зубов ежедневно с 9 до 17 часов. (Объявление в поликлинике.)

Мастерская заказы на пояса не принимает — заболела поясница.

Моварищи пассажиры! Ввиду того, что проводник справляет день рождения, санузел не работает. (Объявление в вагоне поезда.)

Иванова и Леонова пришли к финишу одновременно, но Ивановой грудь сзади. (Объявление на стадионе.)

Первое место завоевала лошадь жеребец Аттестат, которой вручается первый приз — отрез на брюки. (Объявление на ипподроме.)

Ввиду болезни продавца керосином будет торговать лошадь возле керосинового ларька.

Открыт набор на курсы машинописи без отрыва от производства.

Выпускаются учащиеся со скоростью 200 ударов в минуту.

Суконной фабрике требуются срочно на работу трепачи — мужчины и женщины.

Сок — здоровье в жидком виде. (Реклама.)

Шерсть чешется с 8 утра до 4 часов дня без перерыва на обед. (Объявление быткомбината.)

Товарищи спортсмены! Подойдите к главному судье соревнований для жеребьевки! Кто отжеребился, могут пройти к своим машинам.

Срочно требуется на работу художник или человек, умеющий рисовать карикатуры на задолжников по квартирной плате для газеты «Колючка». Оплата по соглашению. Можем предоставить служебную жилплощадь. Домоуправление — 3.

19.15. «По пьянству — огонь». Выступление начальника ГАИ Астахова.

19.50. «Вызываем огонь на себя». Телевизионный художественный фильм. (Из телевизионной программы.)

11 июля

В парке

— В е ч е р —

У нас на костре лучшие люди села.

На иждивении при разводе — имела двух несовершеннолетних детей.

В феврале 1976 г. она незаконно родила третьего ребенка. (Из решения правления жилищно-строительного кооператива.)

Последние полгода я пил исключительно по производственной необходимости. Суть дела: в школе разморозилась отопительная система, к концу дня слесаря говорят, без тебя, Василий Иванович, мы стакана не поднимем. Все было ради детей. (Из объяснительной.)

СПРАВКА

Выдана гр-ну Исченко Т. А. в том, что он ошибочно родился в 1918 году. Справка дана для определения возраста.

Лошади вместе с наездниками одеваются во Дворце культуры и выезжают со стороны улицы Железнодорожников. *(Из инструкции.)*

Я, Кузенков Г. Т., не выходил на работу с 7 по 9 февраля 1973 года в связи с тем, что болела теща и я вынужден был за ней ухаживать. За свой аморальный поступок прошу простить меня. *(Из объяснительной.)*

Несмотря на ряд указаний со стороны санэпидотделения, массовой гибели мышевидных грызунов не отмечалось. *(Из акта.)*

Я любила его, как Отелла Дездемона, но он ничего не хотел понимать в искусстве. *(Из объяснения в суде.)*

Я говорю: товарищ продавец, почему вы хорошее мясо уносите себе, а кости продаете по 2 рубля! Он мне отвечает: знаешь что, уйди, а то я сейчас тебе набью морду. Я обратился к заведующей магазином — ей объяснил, а она мне отвечает: продавец правильно сказал. *(Из жалобы.)*

Прибор распаковали, но комплектность проверить не могли, так как инструкция составлена на импортном языке. *(Из докладной заведующего складом.)*

К выступлению не готовился, поэтому буду говорить о том, что на сердце. *(Из выступления.)*

Снята с занимаемой должности за невыход на работу — вышла замуж без ведома директора Заготзерно. *(Из трудовой книжки.)*

Прошу оказать воздействие на гр. Зайцеву, которая нелегальным путем села на мой провод, отчего у меня замолчало радио. (Из заявления.)

Для руководства и контроля за ходом смотра и подведения итогов утвердить комиссию в составе:

Гиренко М. Я. — инструктор по пожарам и кражам райпо... (Из постановления правления райпотребсоюза.)

4 февраля. Дежурство прошло нормально.

5 февраля. Дежурство прошло нормально.

6 февраля. Все скотники были трезвые. (Из вахтенного журнала молочнотоварной фермы.)

Согласно письма управления местной промышленности № 1935 от 29/XII — 78 года с Семиозерной швейной фабрики сняты трусы мужские на 21 тыс. руб. (Из служебной записки.)

Мой друг Станислав сейчас далеко. Он надежный товарищ, на которого можно положиться. Передайте, пожалуйста, ему песню

«Зачем давал ты обещание?» (Из радиопередачи.)

Акт

26 декабря 1963 г. мы, нижеподписавшиеся, произвели перерасчет и проверку овцепоголовья. При проверке установлено, что 127 голов валухов рожд. 1961 г. оказались овцематками. Считать валухов овцематками. На что и составили настоящий акт.

Мужчину надо всегда подбадривать и поддерживать, потому что не такое уж это сильное животное, чтобы самостоятельно стоять на ногах. (Из выступления в товарищеском суде.)

За неподчинение коллективу тов. Березину предложено уплатить членские взносы за шесть месяцев. *(Из постановления профсоюзного собрания.)*

Трудовое соглашение

Мы, нижеподписавшиеся председатель построечного комитета тов. Слободникова Г. О., член огородной комиссии тов. Валентинов Н. К., председатель профорганизации ОТК Кандин С., составили настоящее трудовое соглашение в том, что за сторожевание участков на даче каждый владелец дачи обязан платить 3 рубля в месяц и обеспечить сторожа сторожевой будкой, с одной стороны.

Сторож Микулин В. Ф. обязуется сторожить участки до тех пор, пока будет требоваться сторож с другой стороны.

Я, будучи здесь новым бухгалтером, пошел на провокацию и решил с ревизором треста выпить, дабы узнать у последнего кое-какие вопросы, не известные мною. До данного случая я не брал в рот спиртного 3 года и 10 месяцев. В настоящее время и в дальнейшем еще не буду брать в рот спиртного до 18 ноября будущего года, дня моего ухода на пенсию. *(Из объяснительной.)*

На общественной работе у товарища Дмитриева выросло лицо. *(Из выступления.)*

Наша семья, исчерпав свою задачу, распалась. *(Из заявления о разводе.)*

Котлета студенческая на хлебе. *(Из ценника.)*

Характеристика на шофера отдела культуры Тимохина И.А.

Тимохин И. А. принят в отдел культуры из-за того, что его выгнали из всех организаций поселка, идти ему больше было некуда...

Акт на 11 свиней не подписан, а подписан подлинник, но который подписан, но переписан, и на экземпляре написано, что переписан. *(Из пояснения к акту.)*

Я, Никитин Юрий Филиппович, будучи в нетрезвом виде в отгуле, заехал в пивную, выпил там на троих бутылку — не берет, выпил еще бутылку — не берет. Еще выпил, не помню сколько, — взяло.

Проснулся в кукурузе и боюсь идти домой.

Прошу местный комитет, чтобы впредь со мной таких случаев не повторялось. *(Из объяснительной.)*

Вахирев бросил барана и стал бежать, увиливая от уголовной ответственности. *(Из судебного дела.)*

Нервыми стартовали девочки-двухкилометровки. *(Из письма в редакцию газеты.)*

Объясняю о том, что 8 и 9 числа не был на службе из-за нравственности интимного брака, основанного на любви. *(Из объяснительной.)*

Жагражден доской почета. *(Из трудовой книжки.)*

Прошу дать мне ясность: при включении телевизора я под звуки его быстро засыпаю. Вредно ли спать под эти звуки? *(Из письма в редакцию.)*

Прошу перевести скотника Минькина к коровам, так как характер у него не бычий. *(Из докладной.)*

Срочно отремонтировать входную дверь в здание управления для обеспечения сохранности сторожей в ночное время. *(Из распоряжения.)*

Три дня пил Плахин, два дня отлеживался, на шестой день его вынесли на обсуждение общественности. (Из выступления на профконференции.)

Комиссией установлено, что туша коровы сдана на склад полностью, за исключением передних ног, которые ушли налево. (Из акта.)

Я опоздала сегодня на работу, потому что на автобус, на котором я ехала, напал контролер. (Из объяснительной.)

У Мармеладова было четверо детей, потому что он был пьяницей. (Из сочинения.)

Суд, руководствуясь ст. 133 УПК, определил: так как Гоголев Владимир Евсеевич не представляет из себя личность большой опасности, организации, в которой он работает, не нанес ущерба, а, наоборот, от его бездействия облгаготуправление получило прибыль в сумме 21 343 руб., поэтому по ходатайству коллектива отдать его на поруки коллективу заготуправления. (Из решения суда.)

Прошу принять меня на курсы машинной писи. (Из заявления.)

Матвеев грамотен, в обращении вежлив. К исполнению должности бригадира относится вполне добросовестно. Требователен. Зная его характер, некоторые колхозники работают не на совесть, а за страх. (Из характеристики.)

Прошу Вас уволить меня по собственному желанию (но я этого не желаю). (Из заявления.)

Вопрос: «Тов. Сенатов! Когда вы перестанете пить и попадать в вытрезвитель?»

Ответ: «Сам я в вытрезвитель не иду, меня берет милиция. Неужели постройком, администрация и парторга-

низация не могут договориться с милицией, чтобы она не брала в вытрезвитель?». *(Из протокола профсоюзного собрания.)*

Для уничтожения окрыленных мух применяются химические и механические средства. Борьба с мухами дает желаемые результаты только в том случае, если в ней принимает участие вся общественность. *(Из санбюллетеня.)*

Прошу обязать торгующие организации срочно забрать в продажу консервы, потому что они в стеклянной таре, в складе холодно, банки могут полопаться, а потом будут искать виновного — кто их полопал. *(Из докладной.)*

Мы могли бы лучше наладить работу больницы, но нам постоянно мешают больные. *(Из выступления.)*

Я вышла за него замуж только потому, что нужны были дрова для печей. Сейчас мне дали благоустроенную квартиру, дрова мне больше не нужны, я сразу же стала просить участкового выселить мужа. *(Из заявления.)*

Мне дали пять суток за то, что хрюкнул в ресторане. *(Из объяснительной.)*

Комбинат стройматериалов рассмотрел протокол разногласий и составил протокол согласования разногласий.

При согласовании протокола согласования разногласий договора был составлен протокол дополнительного согласования к договору по протоколам разногласий и согласования, в результате чего стороны к общему соглашению не пришли. *(Из искового заявления в арбитраж.)*

Литературно-художественное издание

«КРОКОДИЛ» ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Мусин*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НПК Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-63-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 26.01.2007.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Букмен».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 28,56 + вкл.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 5021.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ни
бр:
ра:

О
чес
ла:
ма:

н
в п
ск
ис:

А
пос

Я
др:
ти:
сит

И
(Из

К
но:

н,
дог
сов
ва:
не

Сборники афоризмов и цитат от Константина Душенко –

незаменимые книги
в вашей домашней библиотеке

Константин Васильевич Душенко – историк, культуролог, переводчик. Сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Над каждой книгой К. В. Душенко работает очень тщательно. Вот почему его сборники получают самые высокие оценки журналистов, историков, культурологов, литературоведов и считаются лучшими в своем жанре.

За последние годы продано свыше 1,5 млн. экз. его книг.

Самая лучшая коллекция афоризмов – остроумных, деликатных и изысканных

Незаменимое справочное пособие журналистов, политиков, писателей и других профессионалов слова

Книги современны, так как содержат высказывания и афоризмы не только деятелей прошлого, но и наших современников – Владимира Путина, Михаила Жванецкого, Алисы Фрейндлих, Барбары Стрейзанд, Иоанны Хмелевской, Елены Яковлевой, Татьяны Догилевой, Ирины Хакамады и др.

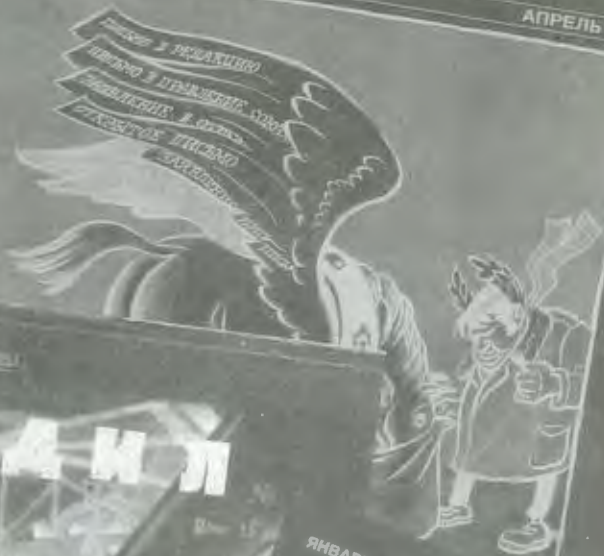

КРОКОДИЛ

№ 11

АПРЕЛЬ 1989

ВЫХОД 1 РЕДАКЦИОННО
 ПЕРВОЕ 2 РЕДАКЦИОННО
 ТРЕТЬЕ 3 РЕДАКЦИОННО
 ЧЕТВЕРТОЕ 4 РЕДАКЦИОННО
 ПЯТОЕ 5 РЕДАКЦИОННО

ПОСЛАНИЕ КРАСНЫМ

КВАНТ

ЯНВАРЬ • 1992

КРОКОДИЛ

№ 2

КРОКОДИЛ

№ 25 • сентябрь • 1986

и постов,
науку,

С. С. ТРАПЕЗНИКОВ

КРОКОДИЛ

№ 1 (13).

КРЕСЕНЬЕ
сентя 1922 года

Объявления и журнал
«Крокодил» принимается
по 30.000 р. в стр.
в главном конторе
Остринской бульвар, 27
Стр. 1 - 15.000 р.
Стр. 2 - 10.000 р.
Стр. 3 - 5.000 р.

РАБОЧАЯ Г

(«РАБОЧНИК» Еженедельное издание)

№ 6

— Неделимое прило

— Отдел...

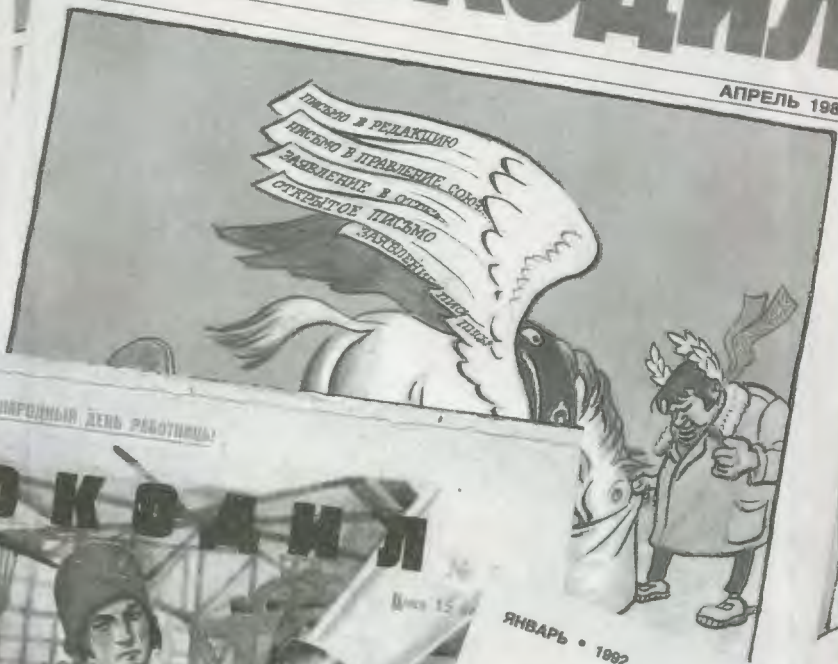

КРОКОДИЛ

160

№ 11

АПРЕЛЬ 1989

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИЦ!

КРОКОДИЛ

Выпуск 15

ЯНВАРЬ • 1992

КРОКОДИЛ

№ 2

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

«КРОКОДИЛ»

ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ISBN 978- 5-699-19856-6

9 785699 198566 >

По улицам ходила
Большая «Крокодила»,
Она одна —
На все времена!

Антология Сатиры и Юмора России XX века